

**АРМИЯ
И ПОЛИТИКА
В СТРАНАХ
АЗИИ
И АФРИКИ**

Г. И. МИРСКИЙ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т М И Р О В О Й Э К О Н О М И К И
И М Е Ж Д У Н А Р О Д Н Ы Х О Т Н О Ш Е Н И Й

Г. И. М И Р С К И Й

А Р М И Я И П О Л И Т И К А
В С Т Р А Н А Х А З И И
И А Ф Р И К И

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1970

На базе анализа социальной структуры стран Азии и Африки автор исследует причины, позволившие вооруженным силам играть относительно самостоятельную роль в политической жизни новых национальных государств, раскрывает особенности социального происхождения, идеологического формирования офицерства, роль и место армии в развивающемся обществе. На конкретных примерах рассматривается вопрос о прогрессивной и реакционной роли армии в политике и о предпосылках и условиях успеха военных переворотов. Специальный раздел посвящен политике империализма в отношении вооруженных сил развивающихся стран.

ВВЕДЕНИЕ

Рухнула колониальная система, и на арену мировой политики вышли десятки новых, независимых государств. Сбылось предвидение В. И. Ленина, который писал, что народные массы Востока «поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни», что «за периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира» [17, 328]¹. Началась новая эра в международных отношениях.

Политическая независимость — первый и необходимый шаг к полному освобождению от колониального господства, создающий предпосылки для ликвидации всех видов империалистического гнета. Однако сама по себе она не несет избавления от империалистической эксплуатации. Для ее ликвидации, без которой невозможно преодоление вековой отсталости, необходимы серьезные внутренние социальные преобразования. Речь идет не только о перестройке старой колониальной структуры экономики, но и о подлинном, революционном преобразовании всего общества. Решить эту гигантскую задачу нельзя без помощи социалистических государств, без использования тех исключительно благоприятных экономических и политических возможностей, которые создает для развивающихся стран противостоящая империализму социалистическая система. Сущность преобразований зависит также от осуществляющей их власти, характер которой в свою очередь во многом определяется классовой структурой общества. Колониальная эксплуатация обусловила неразвитость и, как следствие, слабость основных классов («основных» с точки зрения структуры развитого капиталистического общества) — буржуазии и пролетариата. За исключением немногих стран (Индия, Филиппины), промышленная буржуазия не определяет лицо капиталистического класса освободившихся стран — главную роль в нем играют представители

¹ Цифры в прямых скобках означают: первая — номер в приложенной к книге библиографии, следующие — номера страниц.

торговой буржуазии, спекулянты, подрядчики-строители, маклеры, современные компрადоры, лица, вкладывающие капиталы в непроизводительную сферу. В большинстве стран, о которых идет речь, промышленный пролетариат недостаточно силен, зрел и политически организован.

Эти особенности классовой структуры определили высокий удельный вес в обществе, значительную роль в политической жизни промежуточных и средних социальных слоев², и прежде всего служащих государственных учреждений и интеллигенции — преподавателей высших и средних учебных заведений, лиц свободных профессий, объединяемых иногда названием «новые средние слои», в том числе военной интеллигенции, т. е. офицерства.

Офицерство, имея в своем распоряжении вооруженную силу, всегда обладает потенциальной возможностью насильственно воздействовать в том или ином направлении на политику страны. Факты последних двух десятилетий показывают, что во многих странах офицерство в полной мере использует эту возможность. Только за последние 10 лет произошло свыше 30 удавшихся военных переворотов примерно в 30 странах Азии, Африки и Латинской Америки. Это свидетельствует об установившейся традиции вмешательства армии в политику стран «третьего мира». Во многих государствах трех континентов переход власти к военным уже не исключение, а почти правило. Речь идет не о случайных совпадениях, а об определенной закономерности.

До последнего времени эта закономерность почти не изучалась нашей наукой. Анализ классовой структуры общества в экономически отсталых странах ограничивался главным образом классами, укладывавшимися в рамки «четырехчленной формулы» — пролетариат, крестьянство, буржуазия, помещики. Интеллигенция, промежуточные слои, армия, как правило, почти не входили в поле зрения исследователей, и лишь за последнее время эти социальные категории, серьезная роль которых в общественной жизни развивающихся стран очевидна, стали предметом изучения в наших трудах.

Настоящая работа — это попытка в какой-то мере восполнить пробел в нашей науке, занимающейся исследованием классов и классовой борьбы в развивающихся странах. Задача книги — выявить закономерности, обусловившие в послевоенный период в ряде стран Азии и Африки выход армии на

² Под промежуточными слоями мы подразумеваем предпролетариат, полупролетарские элементы, ремесленников, мелких торговцев и мелких предпринимателей, т. е. городскую мелкую буржуазию и городские низы. Они занимают промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. К средним слоям мы относим служащих, лиц свободных профессий, студенчество, основную часть офицерского состава.

политическую арену, проанализировать причины и предпосылки резкого усиления вмешательства вооруженных сил в политическую жизнь молодых национальных государств, наблюдаемого в последние 10—15 лет.

Роль армии в политической жизни различных стран далеко не одинакова. В одних — при помощи армии были установлены революционно-демократические режимы. В других, а таких стран большинство, — армия не способствовала их становлению. Найти общий знаменатель сложно. В Ираке, например, армия была авангардной силой в осуществлении антиимпериалистической революции 1958 г., а в последующий период во многом препятствовала развитию прогрессивных социальных тенденций. В Индонезии армия была одной из сил антиимпериалистической революции, но затем антикоммунизм ее руководства привел к тому, что именно она дважды нанесла тяжелый удар по левым организациям. Таким образом, дать однозначную оценку прогрессивности или реакционности роли армии в масштабе всего послевоенного периода не представляется возможным. Даже в странах, вступивших на некапиталистический путь развития, далеко не все военные поддерживают прогрессивные тенденции, о чем свидетельствуют события в ОАР, связанные с израильской агрессией 1967 г. Поэтому одна из главных задач работы — нащупать корни тех консервативных, антидемократических тенденций, которые в той или иной мере присущи офицерскому корпусу ряда развивающихся стран.

Стремление к абсолютно четкой классификации армий развивающихся стран в соответствии с их ролью и государственной деятельностью не представляется целесообразным. Та группировка, которая проводится в работе, носит условный характер: имеется в виду выявить общие черты, присущие армиям «третьего мира», и специфику режимов, возникших в странах, где армия пришла к власти.

Монография не претендует на полный и всесторонний охват столь широкой темы, как политическая роль армии в Азии и Африке. Проанализировать эту роль во всех странах, где армия выступает как политическая сила, одному автору невозможно. Ряд стран, заслуживающих исследования (Турция, Алжир, Пакистан), остался за рамками работы.

Поскольку монография не ставит задачей исследование военных вопросов, то такие проблемы, как военные доктрины армий развивающихся стран, военная подготовка и т. п., в ней не затрагиваются.

По характеру своего возникновения армии стран Азии и Африки можно разделить на четыре типа: а) армии неколонизаторские, т. е. армии бывших полуколоний, формально считавшихся суверенными государствами и обладавших воору-

женными силами еще до периода, когда в той или иной форме обозначилось влияние колониализма. К ним относятся армии Турции, Ирана, Эфиопии, Афганистана, Таиланда, Йемена; б) бывшие колониальные армии, т. е. созданные колонизаторами и «унаследованные» национальной властью Индии, Пакистана, Ирака, Сирии, Египта, Конго (Киншаса) и некоторых других; в) армии, возникшие в ходе национально-освободительной войны (Бирма, Индонезия, Алжир), и г) армии, созданные после образования национальных государств (к ним относится большинство армий африканских стран).

В армии первого и второго типа высший командный состав связан со старыми привилегированными классами, военное образование и идеологическую обработку он получил в военных учебных заведениях метрополий. Генералитет консервативен и склонен к прозападной ориентации. Однако в некоторых странах (Египет, Йемен, Сирия) в ходе революционных переворотов старый генералитет был в основном отстранен, и сейчас эти армии по характеру своего руководящего состава ближе к армиям типа «в» и «г». Армии типа «в» имеют наиболее молодой и наименее профессиональный (в классическом смысле слова) высший командный состав; это молодые революционеры в основном из разночинной интеллигенции, посвятившие себя военной карьере в период войны за независимость. Правда, многие из них успели за прошедшее время изрядно «опрофессионализироваться» и усвоить некоторые характерные черты милитаристской бюрократии. Армии типа «г», выросшие в основном из полицейских сил, не имеют боевого опыта и политического престижа.

Создавая армии, колониальные власти стремились вербовать как солдат, так и офицеров либо из национальных меньшинств, либо из жителей отдаленных и наиболее отсталых районов. Это была сознательная политика, направленная на создание надежного для колонизаторов состава вооруженных сил колоний (в отдаленные районы проникновение передовых, патриотических идей затруднено), на разжигание вражды между антиимпериалистически настроенным населением больших городов и крестьянами и горцами, составлявшими солдатскую массу. Такими соображениями деспотическая власть руководствовалась и в более развитых странах.

Так, например, в Марокко армия рекрутировалась преимущественно среди берберского населения; считалось, что горцы-берберы будут враждебно относиться к арабскому городскому населению. В Нигерии и Гане колониальные власти предпочитали вербовать в армию представителей племен отдаленных северных мусульманских районов, в противовес более культурному и в основном христианскому населению

южных областей. До 1961 г. 80% унтер-офицерского состава были выходцами из северных районов. В Кении англичане избегали набирать в армию представителей наиболее развитого в культурном отношении племени кикуйю.

В Индии военнослужащие вербовались в основном из сикхов, в Бирме — из каренов (к 1949 г. большинство офицеров и почти половину солдат бирманской армии составляли карены). В Пакистане вербовка в армию производилась в отсталых патанских племенах и племенах Панджаба. В Индонезии голландцы старались в первую очередь использовать не мусульманское население главных островов, а христианское меньшинство Северного Целебеса и Амбона. Французские колонизаторы в Сирии делали ставку на представителей религиозных и языковых меньшинств и т. д. [162, 52; 77, 1965].

После достижения независимости страны Азии и Африки, бывшие ранее колониями и освободившиеся без революционной войны против угнетателей, фактически унаследовали вооруженные силы (или зародыши таковых), созданные колониальными властями (по нашей классификации армии типа «б» и «г»). Поэтому в армиях этих стран либо сохранился старый, подготовленный колонизаторами офицерский корпус, либо командные посты заняли люди, прошедшие военное обучение в соответствующих заведениях бывших метрополий. Результаты будут проанализированы дальше; пока остановимся на вопросе, какое место заняли армии в жизни молодых национальных государств.

Армия — символ государственного суверенитета, национальной государственности. Практически многие национальные государства Азии, Африки и Латинской Америки вовсе не нуждаются в армии как орудии обороны от внешнего врага, но тем не менее все они хотят иметь армию, вопрос об отказе от нее даже не ставится. В ряде маленьких африканских государств крошечная армия занимает непропорционально большое место в жизни страны.

Целесообразность собственных вооруженных сил для той или иной страны не подвергается сомнению. Слово «безопасность» в нашу эпоху звучит магически, и ни один государственный деятель, пришедший к власти в освободившейся от колониального гнета стране, не рискнет навлечь на себя обвинение в антипатриотизме, выступив с идеей отказа от национальной армии. По этой же причине и оппозиция не выдвигает подобной идеи.

Надо учитывать также, что и генералитет и офицерский корпус, как бы малочисленны они ни были, располагают единственной в стране организованной вооруженной силой, которую они, не колеблясь, пустят в ход против любых пред-

ставителей гражданской власти, решивших упразднить армию. Последние отлично это сознают.

Необходимость собственных вооруженных сил, при всем том огромном бремени, которое они возлагают на бюджет, обосновывается и вполне реальными доводами — опасностью империалистической вооруженной интервенции, территориальным или каким-либо иным конфликтом с соседями, сепаратистскими движениями национальных меньшинств и т. п.

Следует отметить, что наличие национальных вооруженных сил встречает поддержку в народе. Народ, который в течение десятилетий или даже столетий был лишен государственности, в том числе своей армии, смотрит на национальную армию как на символ независимости, живое олицетворение суверенитета, как на подтверждение окончательного разрыва с позорным прошлым, когда в его доме хозяйничали иностранцы.

Кроме того, в большинстве стран, о которых идет речь, военная профессия была традиционно уважаемой. Исключение составлял Китай, где в ходу было известное изречение: «Из хорошего железа не делают гвоздей, из хорошего человека — солдата». В кастовой системе Индии воины («кшатрии») уступали только брахманам. Как и индуистское, мусульманское общество высоко ставило воинов в социальной иерархии. Однако в период колониального господства служба в армии — ненациональной по характеру, призванной обслуживать колонизаторов, — не привлекала националистически настроенную молодежь. Зато сейчас положение коренным образом изменилось.

Наконец, для сына крестьянина солдатская служба — дело не только почетное, но и открывающее перспективы продвижения в обществе; во всяком случае это, пожалуй, самый благоприятный вариант из всех, которые перед ним открываются. Поэтому в экономически отсталых странах неправильно было бы рассматривать солдата как просто «крестьянина, одетого в шинель». Сам факт принадлежности к привилегированной, уважаемой и зачастую всесильной социальной организации, каковой является армия, отделяет солдата, т. е. малограмотного молодого крестьянина с неразвитым еще классовым самосознанием от той среды, из которой он вышел. Солдат уже не отражает настроений своего класса, он ощущает свою принадлежность к привилегированной прослойке общества и, страшась лишиться этого положения, послушно идет за офицером на штурм президентского дворца или на площадь — разгонять толпу. Практически в развивающихся странах офицерство всегда может рассчитывать на поддержку солдат. Все это дает основание рассматривать в данной

работе армию как единую силу. Лишь в том случае, когда военные власти стали бы проводить явно «антикрестьянскую» политику, офицерство не могло бы быть уверено в «благонадежности» солдат. Тут «социальное нутро» солдата могло бы взбунтоваться. Очевидно, учитывая это, военные режимы всегда демонстрируют свое «расположение к крестьянству».

Высокий престиж армии, естественно, дает ей преимущества по сравнению с другими общественными институтами и создает условия для ее выдвижения на политическую арену. По сути дела армия — главный общенациональный институт в государстве, где нация еще проходит этап становления, где слабы общенациональные связи, где семейные, родовые, племенные, региональные связи определяют сознание людей в большей степени, чем чувство принадлежности к одной общности. С незапамятных времен в глазах населения государство было скорее органом административного принуждения, чем символом национального суверенитета. Люди мыслили категориями рода, племени, деревни, касты, религиозной секты. В армии же все слои населения, уроженцы различных районов, представители племенных и социальных групп перемешиваются. Неграмотные крестьяне, кругозор которых ограничен узким мирком деревни, только в армии, сталкиваясь с людьми из других районов и других общественных слоев, начинают осознавать себя членами одной национальной семьи. Именно армия прививает им национальное самосознание. Поэтому она становится символом единства нации, носителем суверенитета, и это выделяет ее в особый институт внутри государства, придает особый характер, ставит в более выгодное положение по сравнению со всеми другими организациями.

К тому же армия — наиболее современный институт общества. Даже в экономически и культурно отсталой стране она неизбежно должна хоть в какой-то степени соответствовать общепринятым современным стандартам, быть в курсе военной науки и техники. Администрация, система народного образования, культура и наука, наконец, общественная жизнь могут находиться на самом примитивном, средневековом уровне, а государство может существовать, особенно в условиях его изоляции от внешнего мира. Во всех этих сферах не обязательно равняться на другие государства. Но в армии без этого обойтись нельзя. По самой своей природе армия связана с внешним миром. Она призвана противостоять внешнему врагу, не отставать от него в уровне подготовки и вооружения. Поэтому элемент конкуренции, равнения на внешний мир органически присущ армии. Необходимо посылать офицеров учиться за границу или хотя бы приглашать из-за границы инструкторов, необходимо знакомить офицеров

с достижениями мировой техники, организацией иностранных вооруженных сил. Все это неизбежно приводит к сравнениям. Никто так остро не чувствует отсталость государства, как офицер, ознакомившийся в ходе военного образования не только с положением дел в армиях других, более развитых стран, но и в какой-то степени с состоянием их экономики, научными и культурными достижениями. Осознание отсталости своей страны способствует подъему националистических, патриотических чувств, побуждает к борьбе за ликвидацию иностранного контроля, за обновление социально-экономической структуры общества, в конечном счете — за его реконструкцию. Иначе говоря, в умах офицеров совершается тот же процесс, что у большей части интеллигенции экономически отсталых стран.

По мере развития современной армии возрастает удельный вес штабной работы, число штабных офицеров — интеллигенции «внутри» военной интеллигенции, каковой является офицерство в целом. По роду службы штабные офицеры обязаны знакомиться с новыми иностранными образцами оружия, техническим прогрессом в других странах. Заинтересованные в модернизации армии, они представляют собой в отсталом обществе элемент прогресса, особенно остро ощущающий разницу между потребностями современного развития и низким уровнем, на котором это общество обречено находиться, пока оно не вырвется из-под иностранного контроля и не встанет на путь индустриализации, коренной перестройки всей экономической и социальной структуры.

В отсталом обществе армия, как уже отмечалось, — единственный общественный институт, находящийся вне традиционного застойного мира, наполненного религиозными и племенными представлениями и предрассудками, разделенного на касты, общины, группы. Уже поэтому она имеет преимущество перед политическими партиями, которые, за исключением коммунистической, как правило, связаны узкими групповыми интересами. В отличие от них армия предстает перед народом как сила общенациональная.

Добавим, что армию, в первую очередь офицерский корпус, отличает внутренняя сплоченность. В офицерстве всех армий культивируется особый вид солидарности, своеобразного патристизма, гордости от сознания принадлежности к привилегированной и пользующейся престижем корпорации.

Централизация управления, строгая иерархия, дисциплина, легкость внутренней связи — все это по сравнению с гражданскими организациями составляет сильную сторону вооруженных сил и способствует эффективности действий военных, когда они берутся за выполнение политических задач.

Но главное преимущество армии перед всеми другими общественными институтами и организациями состоит в монополии на вооруженную силу. Армия владеет оружием и умеет им пользоваться. В неизмеримо большей степени, чем кто-либо другой, она способна и готова применить насилие. По своей природе армия — инструмент организованного насилия, военнослужащие — профессиональные «специалисты по применению насилия». Если армия как политическая сила выступает единодушно, успех обеспечен на сто процентов. В послевоенной истории стран Азии и Африки не было случая, чтобы вопреки воле армии (в том случае, если она выступала единодушно) совершились сколько-нибудь серьезные перемены в характере государственной власти или в политической и социальной ориентации. Не было случая, чтобы какие-либо иные силы устраняли от власти военную верхушку — опять-таки при условии, что она пользовалась полной поддержкой армии. В Судане в 1964 г. военная диктатура была свергнута и на смену ей пришла гражданская власть. Это стало возможным лишь потому, что значительная часть среднего и младшего офицерства примкнула к революционному движению и увлекла за собой солдатские массы. Кстати, отметим, что в «третьем мире» офицеры почти всегда могут рассчитывать на то, что солдаты, набранные, как правило, среди политически отсталого и забитого крестьянства, подчинятся их приказу. Это обстоятельство также благоприятствует военным выступлениям политического характера.

Есть множество примеров тому, как армия навязывала свою волю стране, отнюдь не желавшей военного правления. В Иране в 1953 г. армия, послушно следуя за реакционным генералитетом, под лозунгом защиты монархии подавила революционное движение. Прогрессивные силы были весьма значительны (в армии было много офицеров-коммунистов), но тем не менее военная сила оказалась решающим фактором. В Мали в 1968 г. за каких-нибудь несколько часов армия свергла президента, пользовавшегося популярностью. В Гане выступления нескольких сот солдат, подчинившихся приказу реакционного офицерства, оказалось достаточно, чтобы свергнуть режим, обладавший монополией на власть и полностью контролировавший все ключевые позиции в стране, за исключением одной, но решающей — армии.

Итак, армия как инструмент насилия имеет возможность проводить в жизнь, ломая сопротивление, свои политические решения.

Сознавая свое особое положение единственной организованной и современной силы в общенациональном масштабе, армия проникается чувством исторической ответственности. Среди офицерства культивируется сознание особой роли

армии как носителя идеи национализма, как силы, на которую возложена историческая миссия. Для людей, убедившихся в необходимости социальных перемен, осознание этой миссии легко перерастает в уверенность, что именно армия должна стать авангардом в их осуществлении.

Происходит процесс «политизации» армии (здесь и далее под словом «армия» подразумевается прежде всего ее политически мыслящая часть, ее мозг, т. е. офицерство). Армия выходит за рамки своих обычных, «официальных» функций, она начинает мыслить о себе как о политическом организме. В Сирии военный диктатор Шишекли заявил в 1951 г.: «Наша родина имеет три святыни: это — президент, конституция и армия» [186, 209].

С точки зрения обычного развития политической жизни и форм государственной власти процесс «политизации» следует считать совершенно ненормальным. Вмешательство в государственные дела, а тем более присвоение функций управления страной не входит в компетенцию вооруженных сил, которые существуют для защиты государственной власти от внешних, а также — в чрезвычайных условиях, совместно с полицией — и от внутренних врагов. Превращение в ряде стран «третьего мира» армии в силу, активно влияющую на внутреннюю жизнь, показывает, что в системах этих стран есть какой-то органический дефект, препятствующий их нормальному функционированию.

В любом классовом обществе армия может стоять «вне политики» лишь формально; на самом деле, будучи орудием правящих классов, она уже поэтому связана с политикой и способствует ее проведению согласно курсу, намеченному этими классами. «Не втягивать армию в политику, — писал В. И. Ленин, — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику» [15, 113]. Но одно дело, когда армия влияет на политику, выступая исполнителем воли правящих классов, и другое — когда ее действия объективно направлены на свержение господства этих классов или их обанкротившихся представителей, как было, например, в Египте, Ираке, Сирии, Бирме.

Даже когда армия, что имеет место во многих странах Тропической Африки, захватывает власть фактически для того, чтобы предотвратить свержение привилегированной верхушки и, следовательно, действует в конечном счете в ее интересах, положение нельзя считать нормальным и с точки зрения этой верхушки. Значит, что-то не в порядке, если верхушка не может обеспечить свое господство, не прибегая к помощи вооруженных сил и теряя при этом непосредственную монополию на власть. Еще яснее обнаруживается кри-

зис верхов в тех случаях, когда армия, созданная специально для защиты их интересов, не видит иного выхода, кроме свержения власти этих верхов или по крайней мере замены одной правящей группы другой. Очевидно, дело не только в глубоких пороках самой системы власти. Страны, в которых произошли военные перевороты, имели различные государственные устройства — от абсолютизма до буржуазного парламентаризма. Суть глубже: корень политической неустойчивости «третьего мира» — в особенностях его социальной структуры. Нынешнее несоответствие социальных сил задачам перестройки общественно-экономической структуры создает почву для вмешательства армий в политику. Это вмешательство может или помочь осуществлению указанных перемен, или предотвратить их. Многое зависит от условий, в которых формировалась армия, от ее социального состава.

В отличие от Европы, в Азии и Африке офицеры никогда не были и не являются представителями аристократических кругов. Несмотря на то что воинская профессия издавна пользовалась почетом, особенно в странах мусульманского и индуистского мира, служба в колониальной армии не привлекала знатные роды. Эта тенденция сохранилась и после преобразования колониальной армии в национальную, когда двери военных училищ открылись для местной молодежи. В училища пошли представители средних и промежуточных слоев. Так, журнал «Америкэн Политикл Сайенс Ревью» писал о тех, кто поступал в военное училище, созданное в Египте еще в 1936 г.: «Нередко преподаватели средней школы и адвокаты, не удовлетворенные своими профессиями или считающие, что армия открывает для них более благоприятные перспективы, поступают в военные учебные заведения и возобновляют свою общественную карьеру на военной службе. Генерал Нагиб был не единственным, кто подвизался на поприще юриспруденции до того, как начать военную подготовку, а тех, кто короткое время работали учителями, можно насчитать сотнями» [80, 1953, June, 517; 1963, June, 517]. Американский исследователь С. Фишер писал: «Многие курсанты военной академии в Хомсе (Сирия) вышли из семей, принадлежавших к среднему классу,— семей мелких землевладельцев, торговцев и даже кузнецов» [174, 55]. Другие авторы также отмечают среди офицерства афро-азиатских стран большой процент сыновей государственных служащих. Выходцы из семей провинциальных чиновников и учителей явно преобладают над сыновьями столичных интеллигентов, лиц свободных профессий. «В Гане, — пишет В. Гаттеридж, — армейский офицер скорее окажется сыном фермера, возделывающего какао-бобы, или почтового чиновника, чем сыном представителя свободной профессии, который, вероятно, пред-

почитает для своего сына адвокатскую карьеру или государственную службу...» [157, 44].

Преобладание выходцев из провинции над столичными жителями — другая характерная черта армий экономически отсталых стран. Дело в том, что и раньше, и сейчас преуспевающий государственный чиновник, адвокат, профессор, столичный делец скорее направят сына по собственным стопам, чем отдадут его в военное училище. Столичная интеллигентско-буржуазная среда имеет свою шкалу ценностей, по которой военная служба котируется не очень высоко (хотя «в принципе», на словах, она почетна и патриотична). Этой среде свойствен сильно укоренившийся конформизм, традиционное поведение, и в большинстве случаев военная карьера для выходца из этих слоев — явление необычное. Напротив, для сына мелкого провинциального служащего или коммерсанта, деревенского учителя, ремесленника, врача, почтового чиновника, шофера — это шанс сделать карьеру, вырваться из бедности, увидеть мир, приобщиться к столичной жизни.

Американский социолог М. Джановитц считает, что в экономически отсталых странах военная карьера привлекательна по двум причинам: она дает возможность изменить общественное положение и удовлетворяет тягу к коллективному действию. В глазах молодого человека из скромной семьи «военные олицетворяют фундаментальные ценности, к которым он стремится... их интересы в противоположность личным предпринимательским целям состоят в достижении коллективной цели» [162, 60].

«Фундаментальные ценности», «вечные добродетели», идеалы служения обществу, нации, в противовес узкому своекорыстию богатой верхушки, несколько пуританский подход к жизни — все это, конечно, связано с социальным происхождением «молодых людей из скромных семей». Отношение мелкой городской буржуазии, особенно провинциальной, к столичной элите определяется давно установившимся стереотипом. С одной стороны, «маленький человек» смотрит на нее с завистью, ибо она имеет то, чем он сам хотел бы обладать, — деньги, образование, доступ к развлечениям, — но что закрыто для него происхождением. Для мелкого провинциала шумная и легкая жизнь состоятельного и интеллектуального столичного общества — недостижимый идеал. Поскольку это идеал для мелкобуржуазной натуры, он вызывает зависть, поскольку же он недостижим, он вызывает ненависть. С другой стороны, как бы в порядке компенсации этому идеалу противопоставляется добродетель. Столичное общество — сборище прогнивших, аморальных, эгоистичных, космополитических тунеядцев. Поэтому на щит поднимается простота нравов, набожность, суровая честность, традиции взаи-

мопомощи, восходящие к патриархальным крестьянским добродетелям.

Все это воздействует на формирование взглядов молодых людей, воспитанных в мелкобуржуазных семьях и избравших военную карьеру, и независимо от дальнейших социальных связей окрашивает определенным образом их отношение к столичному обществу; оно так и останется для будущих офицеров слишком изощренным, хитрым и ненадежным. Комплекс неполноценности по отношению к рафинированным столичным интеллигентам, с их лоском, эрудицией, красноречием, безупречным французским или английским языком, останется и будет действовать, и, чтобы его нейтрализовать, надо противопоставить «изнеженным краснобаям» мужественную добродетель, неподкупность, чувство гражданского долга.

Последствия этого социально-психологического явления двойные. С одной стороны, развивается враждебное отношение к коррумпированной антинациональной аристократическо-капиталистической касте, проводящей иностранное влияние. Классическим примером служит Египет, где в 1952 г. националистически настроенные офицеры мелкобуржуазного происхождения ударили по группировавшейся вокруг монархии богатой верхушке (к тому же в значительной мере интонациональной по составу). Подобное явление имело место и в Сирии.

С другой стороны, после достижения независимости, уже в рамках национального государства, руководимого гражданскими политиками, у армии начинает проявляться пренебрежительное отношение к системе буржуазного парламентаризма, связанной с коррупцией, падением нравов и административной неэффективностью. Армия построена на дисциплине и порядке, на беспрекословном выполнении приказа. Парламентские комбинации, партийные интриги, дискуссии, красноречие — все эти неотъемлемые атрибуты буржуазной системы политического управления органически чужды офицерам, воспитанным в духе субординации, четкости, лаконичности приказов, распоряжений, инструкций. Национализм, направленный против внешнего угнетателя, после достижения независимости обращается против «продажных политиканов», не умеющих распорядиться национальным достоянием, делающих государство своей вотчиной, ареной различных комбинаций. Поэтому инициаторы всех без исключения военных переворотов в развивающихся странах особенно подчеркивают свое стремление бороться с коррупцией, неэффективностью и демагогией правящих кругов — такие формулировки звучат в обращениях к народу как египетских офицеров после переворота 1952 г., Не Вина, так и Айюб Хана,

Аббуда, Гюрсея и многих других. Одними и теми же словами объясняли свои действия и группы революционно-демократического офицерства в Египте и Бирме, и консервативно настроенные суданские генералы. Разумеется, за этими формулировками стоят различные мотивы, интересы и цели.

Разница между поколениями ощущается во многих армиях довольно сильно. Речь идет, собственно, не столько о возрасте, как таковом, сколько о воспитании и подготовке. «Разница между Айюбом (Пакистан) и Насером (Египет) частично проистекает из разницы между английской военной академией в Сендхерсте (которую окончил Айюб Хан.— Г. М.) и военной академией в Египте» [181, 290]. Коулмэн и Прайс следующим образом характеризуют суданских офицеров: «Большинство старших офицеров являются „старыми солдатами“, получившими звание и выдвинувшимися во время второй мировой войны. Младшие офицеры прошли ускоренную подготовку в рамках программы, начатой в 1963 г. Со времени военного переворота 1958 г. было раскрыто несколько „заговоров“, при помощи которых, как сообщалось, более националистически настроенные и лучше образованные „младотурки“³ пытались сместить высших офицеров старшего поколения» [179, 401].

В 1964 г. именно «младотурки» примкнули к народному движению, чем существенно способствовали свержению диктатуры генералов.

Во время египетской революции 1952 г. генералы были на стороне Фарука (кроме Нагиба, который, как уже отмечалось, не был профессиональным военным, а начинал карьеру адвокатом). Генералы являлись частью правящего класса крупных землевладельцев, капиталистов и высших чиновников и потому были заинтересованы в сохранении системы, созданной англичанами. Их свергли молодые офицеры во главе с подполковником Насером. В Турции молодые офицеры во главе с полковником Тюркешем выступили после 1960 г. против генеральской верхушки с требованием радикальных перемен. В Ираке в 1958 г. верхушка армии была на стороне режима Нури Саида, свергнутого в результате военного переворота, руководителями которого были бригадир Касем и подполковник Ареф. В Сирии, Йемене, Бирме главной силой военных переворотов были полковники и майоры (Не Вин был генералом, но не был профессиональным военным, а начинал свою деятельность как кадровый революционер-такин, офицером же он стал во время второй мировой войны).

³ Здесь «младотурки» — в переносном смысле: офицеры младшего поколения, бунтари.

«Революции полковников» нельзя считать случайностью. Высшее офицерство, как правило, вырастает в «систему» и заинтересовано в ее существовании, не говоря уже о том, что в большинстве своем оно получило военное образование в академиях метрополий, проникнуто консервативными взглядами и склонно к прозападной ориентации. Тот факт, что генералы в свое время тоже вышли из средних и промежуточных слоев, не имеет значения, так как они давно утратили прежние связи и примкнули к привилегированной верхушке общества. Напротив, большинство молодых офицеров обладает радикальными взглядами, проявляет недовольство застойной, рутинной системой и склонно к переменам. Им легко установить контакт с радикально настроенной интеллигенцией (особенно мелкой, в основном провинциальной).

Вместе с тем уже отмечавшийся «антистоличный» комплекс мешает приобщению офицерства к гражданской интеллигенции в целом, и это противоречие можно наблюдать во многих развивающихся странах. Более того, часть офицерства переносит свои суждения о либеральной буржуазной демократии на демократию вообще, и на практике это выражается в том, что армия выступает против возвращения к партийно-парламентской системе даже на совершенно новых основах и под новым, уже революционным руководством. Особенно опасно, что в странах с революционно-демократическими режимами, образовавшимися в результате действий армии, немалая часть офицерства настроена против создания авангардной революционной политической партии. К этому вопросу мы еще вернемся.

Говоря об идеологии армии, необходимо делать различие между образом мыслей офицеров как военнослужащих, преданных власти, которой они присягали, и их мировоззрением как представителей определенной социальной группы — интеллигенции. В первом случае, естественно, не может быть и речи о какой-то особой идеологии, тем более противоречащей официальной. Со времен колониального господства существует официальное представление, что армия — вне политики. Считается, что политические взгляды военнослужащих как индивидуумов не должны отличаться от официальных, утвержденных властью, защищать которую они присягали. Понятно, что до переворотов даже самые революционные офицеры не могли публично высказывать какие-либо оппозиционные взгляды, зная, что их немедленно уволят. Офицеры придерживаются примерно тех же взглядов и настроений, что и прочие представители так называемых промежуточных и средних слоев общества [139, 266]. Но поскольку офицерству свойственны и специфические черты, определяемые как средой, из которой они непосредственно вышли, так и всем ха-

рактором их военного воспитания, постольку оно в целом ближе к «провинциальной» интеллигенции, различающимся с бюрократически-технократическим уклоном.

Этот слой интеллигенции отличается от прежней романтически-революционной интеллигенции, от трибунов и партийных политиков периода борьбы за независимость. Его характеризует большая степень прагматизма и конформизма; это — не столько политические деятели, сколько мэнеджеры, технократы, функционеры политического аппарата, т. е. новая государственно-политическая бюрократия, люди, не являющиеся убежденными сторонниками партийно-парламентской системы. «Если у военных и есть идеология,— пишет М. Джановитц,— то это неприязнь к партийной политике» [162, 65], что, по мнению автора, отличает военных в развивающихся странах от их коллег в западных государствах. Кроме того, по утверждению М. Джановитца, в новых государствах Азии и Африки офицеры в большей степени склонны признавать «коллективистские формы» экономической деятельности [162, 65]. Армия в развивающихся странах неизмеримо более «политизирована», чем в капиталистических государствах. Озабоченность офицеров отсталостью и зависимостью своей страны, слабость гражданских сил, способных взяться за осуществление назревших перемен, равно как и представление об «особой миссии» армии,— все это ведет к тому, что офицерство чувствует себя обязанным высказать мнение по всем главным политическим общественным вопросам (в то время как в развитых капиталистических странах офицерство, как правило, занято лишь своими профессиональными обязанностями).

Формирование политических взглядов военных нельзя рассматривать в отрыве от идеологической борьбы в стране в целом. Оно происходит под воздействием общего идейно-политического климата. В частности же, мировоззрение военных складывается в наибольшей степени под влиянием агитации националистической интеллигенции. Адвокаты, журналисты, студенты, учителя — это та среда, общение с которой помогает офицерам более четко и определенно сформулировать свои политические убеждения, первоначальный толчок к возникновению которых был дан, как мы видели, общим, иногда довольно смутным недовольством отсталостью, зависимостью страны, неэффективностью администрации и т. д. Конкретный анализ политических программ военных революционеров после их прихода к власти показывает, что они в значительной или даже в преобладающей части заимствованы из арсенала националистически настроенной интеллигенции, а иногда (Бирма) интеллигенции социалистического, даже марксистского толка.

Офицеры связаны не только с интеллигенцией, но и с «простым народом», солдатской массой. В этом смысле они обладают преимуществом перед городской гражданской интеллигенцией. Профессор университета или адвокат с именем долгие годы могут заниматься политической деятельностью только в своем кругу, не соприкасаясь при этом с низшими слоями населения. Для строевого офицера это невозможно: его контакт с народом носит постоянный характер.

В армиях экономически отсталых стран между офицерским корпусом и солдатской массой нет той пропасти, какая существует в капиталистических странах, где офицерство по традиции комплектовалось из дворянского сословия. В общественной иерархии прослойка, из которой вышел офицер в азиатской или африканской стране, стоит лишь ступенькой выше, чем крестьянство, из среды которого вышел солдат. Им легко найти общий язык, их семьи зачастую живут почти одинаковыми интересами. Офицеры, особенно младшие и средние, близки к простому народу, знакомы с его нуждами и чаяниями. Общаясь с солдатами, офицеры хорошо осведомлены о положении в деревне, о настроении крестьянских масс. Это обстоятельство — контакт с крестьянской средой через солдатский контингент — в немалой мере обусловило первоочередность решения аграрных проблем в ряду преобразований, осуществляемых революционными военными режимами.

Это не значит, что армию можно считать выразительницей интересов крестьянских масс. Армия в развивающихся странах в большинстве случаев выступает как специфический социально-политический институт, особая корпорация, преследующая собственные интересы и претендующая — иногда не без основания — на то, чтобы выразить интересы общенациональные.

Раздел I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ АРМИИ В СТРАНАХ, ВСТАВШИХ НА НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Глава I

РОЛЬ АРМИИ В ЕГИПЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Предпосылки революции в Египте

Главным фактором, определившим неизбежность революции 1952 г., был гнет империализма и феодалов, двойной гнет, доведший Египет до состояния чудовищной нищеты, а народные массы — до отчаяния. В каждой колониальной или зависимой стране совершается антиимпериалистическая революция, но можно назвать немного стран, в которых проблема освобождения от двойного гнета стояла бы столь остро, как в Египте. Противоречие между потребностями независимого развития страны и колониально-феодальной эксплуатацией, обрекавшей Египет на отсталость, а народ — на нищету, приобрело вопиющий характер. 94,3% общего числа землевладельцев имели менее 5 федданов земли каждый. На их долю приходилось 35,4% общей земельной площади. 11 тыс. помещиков (т. е. 0,4% общего числа землевладельцев) имели свыше 50 федданов каждый, всего на их долю приходилось 34,2% земельной площади. Крестьянин отдавал помещику до 70% валового урожая. На все деревни страны приходилось 800 врачей, т. е. один врач на 15 тыс. человек. Средняя продолжительность жизни феллаха составляла 27 лет. Почти $\frac{2}{3}$ населения страдали либо от глазных болезней, либо от бильхарциоза, а чаще всего от того и другого. Детская смертность была самой высокой в мире. Неграмотность достигала почти 80% [82, 1952, 284; 168, 77—78].

Нищета масс контрастировала с роскошной жизнью богатой верхушки, костяком которой был класс крупных землевладельцев. На самом вершине пирамиды находилась аристократическая инонациональная (в основном турецко-черкесская) придворная клика во главе с династией, основанной выходцем из Албании. С течением времени составной ее частью стала сросшаяся с помещиками крупная буржуазия, разбогатевшая на двух мировых войнах, когда трудности снабжения стимулировали развитие местной промышленности.

Между 1914 и 1960 гг. доходы эксплуататорских классов деревни выросли с 93 млн. до 158 млн. егип. ф., городских — с 44 млн. до 203 млн. егип. ф. [179, 163]. В наиболее привилегированном положении находились помещики. Средняя сумма прямых налогов, которыми облагалась промышленность, составляла до революции 20 млн. егип. ф. в год, в то время как прямые налоги на сельское хозяйство составляли не более 3 млн. егип. ф., хотя чистый доход от сельского хозяйства вчетверо превышал чистый доход от промышленности [136, 172—173].

Эксплуатация крестьянства была главным источником дохода богатой верхушки, среди которой особенно выделялась горстка крупнейших помещиков: 0,01% землевладельцев принадлежало 10% земель [171, 64]. Как и во многих экономически отсталых странах, в Египте было характерным тесное переплетение интересов землевладельцев и буржуазии. Для городских дельцов наиболее предпочтительным вложением капиталов была покупка земельных участков. В свою очередь помещики, по мере развития промышленности, все чаще основывали или приобретали предприятия в городах — торговые, финансовые, строительные, легкой индустрии. Фактически за три десятилетия, предшествовавшие революции, сложился единый помещичье-буржуазный класс. Поэтому вопрос об аграрной реформе, об изменении чудовищно несправедливого распределения земли в верхах даже не ставился. Показательно, что главная партия помещичье-капиталистического класса — Вафд — в своей аграрной программе 1935 г. даже не упоминала о перераспределении земельной собственности [167, 81].

Между тем этот вопрос по мере роста населения все более обострялся. Если в 1897 г. на 9,7 млн. жителей приходилось 6,8 млн. федданов обрабатываемой земли, то в 1937 г. на 15,9 млн. человек приходилось 8,4 млн. федданов, а в 1952 г. — на 21,4 млн. — всего 9,3 млн. федданов обрабатываемой земли [156, 15]. Крестьянство задыхалось от безземелья. Поэтому главным внутренним фактором, определившим неизбежность революции, стало решение аграрной проблемы, а внешним — необходимость ликвидации господства империализма, которое непосредственно выражалось в оккупации египетской территории английскими войсками. С 1922 г. страна считалась независимой, но в самом важном ее стратегическом районе — зоне Суэцкого канала — располагались английские войска. Сам канал, построенный на костях египетских феллахов, находился в руках иностранного капитала. Экономика целиком была ориентирована на производство хлопка для английских текстильных фабрик. Внешняя тор-

говля и банки были в руках иностранцев. Все мыслящие и патриотически настроенные люди испытывали горькое чувство национального унижения, видя, что Египет — древняя страна, одно из ведущих государств арабского мира — фактически не может проводить самостоятельную политику, не в состоянии играть на международной арене роль, достойную его прошлого и соответствующую его возможностям. Общественность была глубоко возмущена тем, что монархический режим оказался не в состоянии добиться прекращения унижительной английской оккупации, настоять на эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала.

Волна национально-освободительного движения, захлестнувшая после второй мировой войны Азию и Северную Африку, коснулась и Египта. Идеи национальной независимости и освобождения от империалистической кабалы, получившие могучий стимул в результате победы антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом, широко распространились в Египте. Революция назревала. Она не могла не произойти. Вопрос был в том, кто ее возглавит.

Рабочий класс не имел своей политической организации. Коммунистическая партия была расколота на несколько фракций и пользовалась влиянием лишь в кругах студенчества и части интеллигенции. Задавленное тяжелым трудом, крестьянство было пассивным. Мелкая и средняя буржуазия испытывала недовольство иностранным гнетом, но была политически неорганизована и по традиции шла за Вафдом, который превратился в партию помещичье-капиталистической верхушки и все больше связывал свою судьбу с наиболее могущественной ее группировкой, сосредоточенной вокруг банка «Миср».

«Миср» — арабское название Египта. Основание банка предприимчивым дельцом Талаатом Харбом в 1920 г. стало вехой на пути создания египетской национальной промышленности, а само название банка как бы символизировало национальный, египетский характер того течения в деловом мире страны, которое тремя годами раньше образовало Комитет развития торговли и промышленности (во главе с тем же Харбом). Речь шла о консолидации позиций национальной буржуазии, разбогатевшей за годы войны. Уже в 1922 г. Вафд, провозгласив бойкот английских товаров и банков, призвал египтян вкладывать свои сбережения в банк «Миср». Все дальнейшее развитие капиталистической группы «Миср», концентрировавшейся вокруг этого банка и партии Вафд, стало отражением и символом антинациональной эволюции египетской буржуазии.

К концу существования банка «Миср» в 1960 г. в его руках находилось 28% всех капиталов египетских банков.

«Миср» стал «общим домом» всех групп египетской буржуазии [171, 114]. Группе «Миср» принадлежали 22 компании в текстильной и добывающей промышленности, в судостроении; она распространила свою деятельность на авиалинии, кинематографию и т. д., превратившись в могущественную монополистическую группу. Руководители «Миср» — Талаат Харб, Хафез Афифи, Али Яхья, Фаргали, Аббуд, Аббаза, Сираг ад-Дин, Бадрави и другие — были самыми богатыми людьми страны, столпами делового и финансового мира, занимавшими в то же время ключевые позиции на политической арене. Эта верхушка была тесно связана с крупным землевладением и иностранным капиталом. Как пишет советский исследователь Л. Фридман, «банк Миср сосредоточил у себя весь „цвет“ продажной египетской бюрократии, наиболее крупных политиков... Все виднейшие деятели банка Миср и его промышленных предприятий в той или иной мере были связаны с иностранным капиталом, становились членами правлений или директорами иностранных монополий... В силу своих тесных связей с феодальной собственностью крупный египетский капитал из группы Миср был в корне враждебен любой попытке проведения аграрной реформы...» [144, 272, 276, 279].

Группа «Миср» обладала могущественным влиянием как в придворных кругах (Хафез Афифи в начале 50-х годов был начальником королевской канцелярии), так и в руководстве Вафда (Сираг ад-Дин был генеральным секретарем партии Вафд и министром внутренних дел в последнем вафдистском правительстве Наххас-паши).

Вафд, превратившийся в 20-х годах чуть ли не в общенациональную партию и пользовавшийся поддержкой широких масс, кончил тем, что стал «клубом джентльменов», влияние которых в политике определялось богатством их поместий [187, 28]. Связанный с крупнейшими землевладельцами, промышленниками, финансистами, иностранными монополиями, Вафд уже перед второй мировой войной перестал быть партией националистически настроенных кругов средней и мелкой буржуазии, полностью «врос» в систему. К 1952 г. Вафд совершенно дискредитировал себя в глазах большинства националистов радикального крыла, хотя националистическая демагогия его лидеров, спекуляция на имени Саада Заглула и блестящее ораторское искусство лидера партии Наххас-паши еще поддерживали увядающий ореол Вафда среди простого народа.

Итак, «Миср» и Вафд. Два названия, символизирующие дореволюционный помещичье-капиталистический Египет, его политику и экономику, его богатство и пороки, его космополитизм и продажность. Две гигантские машины — одна экономическая, другая политическая. Две организации, первые

шаги которых были связаны со столькими надеждами египетских националистов. Две корпорации, связавшие свои судьбы с антинациональной верхушкой общества и империализмом.

Трагедия средней и мелкой египетской буржуазии заключалась в том, что они оказались в плену у Вафда, и в конечном счете — у группы «Миср», королевской камарильи, английских империалистов. Эти слои буржуазии так и не смогли создать собственной сильной политической организации. Псевдодемократическая избирательная система автоматически давала Вафду победу на выборах, так как за него голосовали неграмотные, политически несознательные крестьяне, большинство которых помещики и деревенские старосты везли на грузовиках на избирательные участки.

Разумеется, внутри правящей клики были и разногласия. Бывали серьезные конфликты между королем и Вафдом, существовала острая взаимная неприязнь между Фаруком и Наххасом. Однако в целом страной управляла всемогущая помещичье-капиталистическая группа, от которой немислимо было ждать перемен. Когда в конце 1951 г., в момент обострения политического кризиса, Вафд под влиянием подъема националистических настроений народных масс пошел на одностороннее расторжение англо-египетского договора 1936 г., речь шла лишь о демагогическом маневре, предпринятом этой группой. Та же правящая верхушка, увидев, что дело зашло «слишком далеко», дала отбой, устроив провокацию в Каире («черная суббота» 26 января 1952 г.), временно пожертвовав вафдистским правительством и нанеся удар в спину партизанам, воевавшим в зоне канала.

Глубокое разочарование националистов, изверившихся в способности Вафда добиться избавления от английской оккупации, было усилено скандальным и позорным поведением правящих кругов во время Палестинской войны (1948 г.), когда обнаружились злоупотребления с поставками негодного оружия на фронт. Перед египтянами раскрылась вся глубина падения господствующей верхушки, во имя собственного обогащения цинично обрекавшей на верную смерть египетских солдат. В стране и за ее пределами имя Фарука стало символом бесчестья, разврата, коррупции; от бывшего престижа династии Мухаммеда Али не осталось и следа.

Все эти настроения как бы «наслаивались» на широкое недовольство масс косностью и тупостью правящих кругов в социальной области. Социальная политика египетских правящих кругов «по своему своекорыстию почти не имела себе равных в современной истории» [182, 195]. Как писал один итальянский исследователь, «весь нижний слой городского среднего класса (т. е. мелкая буржуазия, клерки, низкоопла-

чиваемая интеллигенция.— Г. М.) чувствовал себя обманутым в надеждах, был угнетен положением, при котором общественные дела являлись монополией небольшой кучки людей. Их горечь усиливалась воспоминанием о борьбе, которую они вели в студенческие годы во имя политических и социальных идей, в которые они искренне верили и которые, как оказалось, были преданы политиканами, эксплуатировавшими их юношеский энтузиазм» [176, 159—160].

Революция назревала. В этой наэлектризованной атмосфере и разразился кризис 1951—1952 гг. Как пишет один из видных участников революции Халед Мохи ад-Дин (в то время майор, член организации «Свободные офицеры»), «народные массы выдвигали боевые лозунги — свержение короля и разрыв отношений с Англией. Однако движение было лишено политического руководства. Левые силы, захваченные врасплох этими лозунгами, были бессильны возглавить события, поскольку они были ослаблены полицейскими преследованиями и не имели опыта вооруженной борьбы... Единственной национальной силой, по которой не был нанесен удар, оставалась армия. В ней также шло революционное брожение. Националистическое движение, захлестнувшее страну после окончания второй мировой войны, захватило и среду армейских офицеров. Постоянные попытки реакции использовать армию как орудие прямого подавления демонстраций и забастовок привели к ее непосредственному соприкосновению с политическими событиями, к участию в этих событиях. Это дало возможность молодым офицерам почувствовать свою реальную силу, задуматься над вопросом: почему эту силу не использовать в интересах народа, против его врагов» [74, 1966, № 8, 38].

Другой член той же организации, Анвар Садат, также отмечает, что только армия была способна взять на себя ответственность за осуществление назревших перемен. «Мы обнажили шпагу, чтобы разрубить гордиев узел, чтобы положить конец страданиям народа...» [43, 195].

Когда революция назрела, нужна сила, способная высечь искру, дать толчок. Нужен авангард, готовый пойти на риск, поднять знамя борьбы и повести за собой массы. Политические организации и партии Египта в 1952 г. не могли быть таким авангардом. И тогда на сцену выступила армия.

Становление египетской армии как революционной силы

В арабском мире традиция вмешательства армии в политику восходит еще к эпохе создания первого халифата, когда бедуины Аравийского полуострова совершали походы под знаменем новой религии — ислама, создавали мусульманскую

империю и обращали в ислам покоренные народы. Завоеватель Египта халиф Омар был полководцем и государственным деятелем. Во время халифата победоносный полководец обычно получал из рук халифа высокую политическую должность. Мусульманская религия всегда высоко ценила профессию воина. В новой истории Египта армия играла выдающуюся роль: достаточно вспомнить мамлюков и положившего конец их господству Мухаммеда Али, проделавшего путь от солдата до правителя государства. Восстание 1882 г. против иностранного господства было делом группы офицеров во главе с Ораби-пашой. Оно выражало интересы всего египетского народа, и правы те, кто характеризуют его «не как вспышку милитаризма, а как народное восстание», которым руководили «офицеры плебейского происхождения... Популизм Ораби выглядит как отдаленный и грубый предварительный набросок насеризма» [174, 72].

В годы английского господства египетская армия не была армией национальной, она находилась под английским контролем и использовалась в интересах британского империализма. Никакого ореола национальной, патриотической силы у нее не могло быть; лишь в кавалерийских полках служили сыновья некоторых богатых людей. Положение изменилось после англо-египетского договора 1936 г., когда была увеличена численность армии и выходцы из простых семей впервые получили возможность поступить в офицерское училище, называвшееся военной академией Аббасия. «Землевладельцы и коммерсанты,— вспоминал бывший премьер-министр Египта генерал Нагиб,— были слишком заняты приумножением своих богатств, чтобы заниматься военной службой. В результате офицерский корпус в своем большинстве был укомплектован сыновьями государственных служащих, военных, внуками крестьян» [38, 14—15]. П. Ватикиотис характеризует этот новый офицерский корпус как «наиболее сплоченную элиту молодых энтузиастов, объединенных смутными националистическими устремлениями и заботой о социальных и экономических нуждах их сограждан» [187, introduction].

Речь идет о молодых людях, поступивших в академию Аббасия после договора 1936 г. Именно из первых наборов, особенно из набора 1937 г., и вышли руководители организации «Свободные офицеры». Среди них был и Гамаль Абдель Насер.

Насер родился 15 января 1918 г. в г. Бени Мур (губерния Асьют). Его отец был мелким почтовым служащим. Малограмотный человек, он решил во что бы то ни стало дать образование хотя бы старшему из своих четырех сыновей — Гамалю, который и был послан в каирскую школу.

Юный Гамаль выделялся среди своих сверстников серьезностью и пристрастием к чтению, особенно исторических книг. Рано проявились в нем задатки революционера-вожака: в возрасте 16 лет он организовал выступление учащихся, направленное против английского господства. В 17 лет Гамаль был избран председателем школьного комитета, ставившего перед собой цель содействовать возвращению к власти партии Вафд. (Симпатии к Вафду сохранятся у Насера, как и у большинства офицеров-патриотов, вплоть до революции.)

Гамаль окончил школу с отличием, но перспективы у него были не блестящие, так как из-за своей политической деятельности он состоял на учете в полиции. Военная карьера стала для него выходом из положения. Насер подал заявление в военную академию. Из 400 желающих по конкурсу прошло 40 человек, среди них и Насер.

Курс в академии длился полтора года. За это время Насер много читал, особенно увлекаясь такими книгами, как биографии Наполеона, Ататюрка, Бисмарка, Гарибальди, Черчилля, истории Египта, арабских стран, Германии, работами Клаузевица, Лиддл-Гарта, Фуллера, мемуарами Черчилля [188, 71—73, 94—104]. 1 июля 1938 г. Насер получил звездочку лейтенанта и был направлен на должность командира пехотного взвода в 3-ю пехотную бригаду, расквартированную в Манкабаде, в его родной губернии Асьют. Там он познакомился со своими будущими соратниками по революции Анваром Садатом (ныне председатель Национального собрания ОАР) и Закарией Мохи ад-Дином.

Анвар Садат так вспоминает это время: «Вокруг костра, у подножия горы Аш-Шариф, мы сидели по ночам, братья по оружию, молодые по возрасту и по чину, но полные надежды, охваченные пылом! Мы не замедлили познакомиться и подружиться, мы чувствовали, что нас объединяет одинаковое моральное неодобрение существующего порядка вещей... К нам всегда присоединялся молодой человек мужественного вида, прямой как шпага... Он жил с нами и как мы, но казался задумчивым и грустным, серьезным и сдержанным... Его моральная чистота, его великодушие, широта его взглядов влекли нас к нему. Благодаря горевшему в нем энтузиазму, уверенности и силе он мог оказывать на тех, кто с ним сблизался, неотразимое влияние. Полный уверенности в себе и в будущем, он заражал нас своим энтузиазмом и верой в судьбу Египта. Он вскоре стал центром притяжения, вокруг него группировались горячие последователи, которые не могли предвидеть, что их вождь станет открывателем новой эры. Он был отмечен судьбой.

Гамаль отдал делу освобождения свой революционный темперамент, закалившийся в подполье, и подлинный талант ор-

ганизатора. Что он говорил нам, когда мы собирались вокруг костра у горы Аш-Шариф? „Мы будем бороться с империализмом, с монархией и с феодализмом, потому что мы против несправедливости, гнета и рабства. Все патриоты желают создать демократию, власть сильную и свободную от всякой зависимости. Эта цель будет достигнута любым путем, вооруженным или иным. Время не ждет, страна погружается в настоящий хаос. Общественные потребности... указывают нам путь; этот путь — революция!“.

Не в силах видеть, как их страна изнывает под объединенным гнетом деспотизма и империализма, военные Манкабада создали в начале 1939 г. тайное революционное общество, имевшее целью подготовить почву для освобождения...» [43, 34—40].

Так описывает Анвар Садат зарождение революционной организации. Судя по всему, это был лишь первый небольшой кружок, группировавшийся вокруг Насера и не распространявший свое влияние дальше Манкабада. По мнению некоторых авторов, организация «Свободные офицеры» как оформленное и разветвленное политическое движение в армии образовалась лишь в 1949 г. [187, 56—57]. Но первый шаг был сделан в Манкабаде.

В 1939 г. Насера перевели в Александрию, где он впервые встретился с Абдель Хакимом Амером, который стал его близким другом. В 1942 г., в разгар мировой войны, Насер служил в Александрии в 5-й пехотной бригаде, затем вместе с Амером был направлен в Судан в захолустный гарнизон Джебель аль-Аулия. В 1943 г. Насер в чине капитана возвращается в каирскую военную академию, на сей раз уже преподавателем тактики. Он оканчивает с отличием армейский штабной колледж. Все дальнейшие годы, вплоть до Палестинской войны, капитан генерального штаба Насер преподает в военной академии. Общественности он неизвестен, зато его хорошо знает офицерский корпус: большинство молодых офицеров так или иначе сталкивались с Насером, служили с ним, слушали его лекции.

Все эти годы Насер кропотливо создает тайную офицерскую организацию, терпеливо и методично проверяет и отбирает наиболее надежных. По данным Анвара Садата, уже в 1942 г. были созданы первые секции, а также руководящий орган. Тайное общество росло, каждый его участник имел право вербовать других, при условии, что он ручался за их надежность. У членов общества был пароль. Постепенно тайная организация проникает во все армейские части, и ко времени Палестинской войны насчитывает уже 700 офицеров. Только один Насер — «архитектор и стратег движения» [43, 40] — знает каждого из них лично, только ему известен

полный состав тщательно законспирированного общества, о котором впоследствии будут говорить как о «шедевре соблюдения секретности». Действительно, в организации не оказалось ни одного предателя, она так и не была раскрыта королевской полицией.

Попад в столицу, молодые офицеры как из Манкабадского, так и из других гарнизонов стали устанавливать контакты с различными гражданскими политическими группами. Если вначале, как описывал Анвар Садат, их объединял лишь юношеский энтузиазм, жажда национального освобождения и социальной справедливости, то впоследствии, став зрелыми людьми, окунувшись в насыщенную политикой атмосферу столицы, столкнувшись с интеллигенцией различных националистических оттенков, молодые офицеры стали определять свое отношение к партиям и программам. Сам Насер с юности был близок к Вафду, затем одно время имел контакты с организацией «Братья-мусульмане» [171, 207], а впоследствии заинтересовался деятельностью марксистских организаций. Спустя много времени он говорил, что в 1948 г. коммунисты предложили ему вступить в партию, но, ознакомившись с издававшейся ими литературой, он «нашел, что их атеистический и немусульманский подход чужд его складу ума» [87, 17.IV.1959].

Следующая справка дает представление о руководящих фигурах общества «Свободные офицеры» и их политических связях: Абдель Хаким Амер, майор пехоты, был членом «Братьев-мусульман»; Абдель Лятиф аль-Богдади, подполковник авиации, был связан с группой «Миср» с тех пор, как служил в 1947—1948 гг. в авиакомпании «Миср Эйруэйз»; Камаль ад-Дин Хусейн, майор артиллерии, был членом организации «Братьев-мусульман»; Хасан Ибрагим, майор авиации, был членом партии «Миср аль-фатат» («Молодой Египет» — молодежная организация профашистского типа); Халед Мохи ад-Дин, майор бронетанковых войск — «член марксистских организаций» (по формулировке Ватикниотиса); Анвар Садат, полковник пехоты, одно время принадлежал к «Миср аль-фатат», затем был членом «Братьев-мусульман»; Гамаль Салем, подполковник авиации, был членом Социалистической партии (как после войны стала называться прежняя «Миср аль-фатат»).

Нам ничего не известно о политических связях подполковника Закария Мохи ад-Дина, майора генштаба Салаха Салема, подполковника бронетанковых войск Хусейна аш-Шафай, подполковника Сарвата Окаша, подполковника Тауфика Абдель Фаттаха, генерал-майора медицинской службы Мухаммеда Нассара, генерал-майора Мухаммеда Нагиба, подполковника Аббаса Радвана, генерал-майора интендантских

войск Фатхи Ризка, подполковника авиации Хусейна Зульфикара Сабри [187, 44—68].

Пехотный подполковник, нынешний секретарь Арабского социалистического союза по вопросам идеологии Камаль Рифаат, как полагаёт Абдель Малек, был связан с марксистскими организациями в 1947—1951 гг. [171, 208], а Шафай — с «Братьями-мусульманами» [125, 1964, 38—56].

К перечисленным лицам следует добавить еще четырех, игравших видную роль в организации «Свободные офицеры»: подполковника авиации Али Сабри (ныне член Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза), политические связи которого были неизвестны; майора Абдель Кадера Хатема (впоследствии бывшего одно время министром культуры и национальной ориентации), которого Абдель Малек считает проамериканцем; полковника Рашада Механна, тесно связанного с «Братьями-мусульманами», и коммуниста полковника Юсефа Саддыка [171, 208].

Анализ социального происхождения, политических связей и последующей карьеры этих людей представляет несомненный интерес.

Во-первых, только братья Сабри и Окаша были выходцами из старых аристократических семей и получили европейское образование. Остальные (т. е. 20 из 23) — выходцы из семей мелкой буржуазии города и деревни, что характерно для офицерства стран Азии и Африки.

Во-вторых, братья Сабри и Окаша, несмотря на происхождение, остаются верны линии Насера. Это говорит о том, что социальные связи в зрелом возрасте и контакты с теми или иными политическими силами имеют большее значение, чем социальное положение родителей.

В-третьих, все руководители революционной организации — полковники, подполковники и майоры. Генерал Нагиб был привлечен к движению лишь в самый последний момент перед восстанием, а два других генерала — врач и интендант — первостепенной роли не играли.

В-четвертых, шестеро офицеров были в разное время и в разной степени связаны с «Братьями-мусульманами» и еще трое — с другими праворадикальными организациями, а с левыми — лишь двое. Связей с Вафдом у членов организации почти не было, во всяком случае после второй мировой войны, что свидетельствует о приверженности лидеров тайного общества к политическим силам, стремившимся изменить существовавший порядок насильственным путем.

Любопытна дальнейшая судьба этих людей. Первыми «выпали из обоймы» коммунист Саддык и реакционер Механна, вскоре за ними последовал склонявшийся вправо Гамаль Салем. Салах Салем умер. Багдади и Камаль ад-Дин Хусейн

оказались в оппозиции уже в последние годы, на этапе глубоких социальных преобразований. Амер оказался вовлеченным в заговор против Насера после «шестидневной войны» 1967 г. и покончил с собой. Закария Мохи ад-Дин после реорганизации правительства в марте 1968 г. остался не у дел, Халед Мохи ад-Дин несколько раз «впадал в немилость», но сохранил свои левые взгляды и снова играет политическую роль. В руководящий круг кроме Насера из «ветеранов» к 1969 г. входили Анвар Садат, Али Сабри, Шафаи и Рифаат.

Но вернемся к периоду, предшествовавшему революции. В 1948 г. вспыхнула Палестинская война. Насер, посланный на фронт, попадает в самую гущу боев — в район Фаллуджи, и его подразделение, отрезанное от основных египетских сил, оказывается в так называемом фаллуджском мешке. Все понимают, что война проиграна, израильское командование предлагает окруженным сдаться, но египтяне держатся в «мешке» вплоть до заключения перемирия. Насер был ранен в плечо и за отвагу, проявленную в боях, получил в армейских кругах прозвище «тигр Фаллуджи».

Там, в Фаллудже, в окружении, Насер провел первое собрание группы «Свободные офицеры», часть которой оказалась на этом участке фронта. Многие члены тайной организации впервые узнали своих сообщников. Пожалуй, именно 1948 год следует считать годом фактического создания организации «Свободные офицеры», на базе которой развернулось политическое армейское движение, поставившее перед собой цель осуществить вооруженное восстание против королевской власти.

Палестинская война сыграла переломную роль как в формировании идей Насера, так и в судьбе организации. «Необходимо понять всю глубину страстей, которые всколыхнула Палестина», — писал английский историк Дж. Марлоу [172, 212]. Стали известны потрясающие факты: ближайшее окружение короля поставляло на фронт негодное оружие, наживая на этом огромные барыши. Тут уже исчезли все иллюзии. Улетучились последние остатки былого доверия к Фаруку. Стало ясно, что нельзя освободить Египет от империализма, не свергнув насильственным путем разложившуюся верхушку.

Вот что писал об этом Насер в книге «Философия революции»: «Мы воевали в Палестине, но наши мысли были в Египте. Наши пули были нацелены на врага, находившегося в окопах перед нами, но сердца наши были там, в далекой отчизне, которую губила стая волков. В Палестине группы «Свободных офицеров» собирались в окопах и на командных пунктах, обсуждая наши проблемы и отыскивая выход. В Палестине Салах Салем и Закария Мохи ад-Дин встретились».

лись со мной, прорвавшись через кольцо осады Фаллуджи, и мы сидели в окружении, не зная, как и когда кончится осада. И в Палестине однажды Камаль ад-Дин Хусейн, сидя рядом со мной, с блуждающим взглядом, сказал: „Знаешь, что мне сказал перед смертью Ахмед Абдель Азиз?“ — „Что же он сказал?“ — спросил я. „Он сказал: Слушай, Камаль, наше главное поле битвы — в Египте“» [45, 12].

Главный фронт — внутренний; первая и главная победа над империализмом должна быть одержана в Каире, и первой мишенью должен быть королевский режим — таково было общее настроение «Свободных офицеров» после Палестинской кампании. Насер вспоминает: «Если армия не двинется, сказали мы себе, кто же еще двинется?» [45, 18].

Окончательно оформляется организационная структура общества. Руководство состоит из пяти секций. Секция штурмовых групп занималась вербовкой новых членов общества. Низовая ячейка состояла из пяти человек, 20 ячеек составляли одну группу. Всех членов организации накануне восстания знали только Насер и Амер. Общее руководство осуществляет исполнительный комитет, в который входят: Насер, Амер, Камаль ад-Дин Хусейн, Хасан Ибрагим, Абдель Рауф, Салах Салем, Гамаль Салем, Анвар Садат, Богдади и Халед Мохи ад-Дин. После революции исполком был переименован в Совет руководства революции. Насер был официально избран на пост председателя исполкома в 1950 г. и в следующем году переизбран вновь [43, 130, 133, 170, 171].

Соблюдая строжайшую конспирацию, «Свободные офицеры» в то же время стремились дать знать широкой общественности, что в стране существует подпольная военная организация. Они распространяли памфлеты, подписанные: «Общество свободных офицеров». В них разоблачались преступления королевского режима.

Фарук знал о существовании организации, но его полиция не могла ее обнаружить. Король был также осведомлен об оппозиционных настроениях среди офицерства. Незадолго до революции произошло событие, заставившее Насера ускорить подготовку к выступлению. Предстояли перевыборы президента Офицерского клуба, и офицеры-националисты выставили кандидатуру генерала Мухаммеда Нагиба, выгодно выделявшегося на фоне коррумпированной генеральской верхушки честностью и несогласием прислуживать королю. Но по этой же причине Фарук отверг кандидатуру Нагиба и навязал на пост председателя клуба генерала Хусейна Сирри Амера, замешанного в поставках негодного оружия. Офицеры расценили поступок короля как прямой вызов. Эта история моментально облетела армию, и «Свободные офицеры» поняли, что король, сам того не желая, увеличил их шансы на

успех. После палестинской катастрофы любое выступление против прогнившего режима могло рассчитывать на поддержку всех националистически настроенных офицеров, а их было большинство среди среднего и низшего офицерства.

По утверждению некоторых западных историков египетской революции, в 1950 г. исполнительный комитет общества «Свободные офицеры» принял пятилетний план действий, имея в виду тщательно подготовить как армию, так и население к вооруженному выступлению, которое должно было состояться не раньше 1954 или 1955 г. [163, 110; 166, 143]. Сами участники революции этого не подтверждают, но и не опровергают. Но политический кризис, возникший в конце 1951 г. в связи с расторжением англо-египетского договора и резко обострившийся после «черной субботы» 26 января 1952 г., создал в стране революционную атмосферу.

16 июля 1952 г. состоялось заседание исполнительного комитета общества, на котором было принято решение начать вооруженное выступление и назначена дата — 23 июля. В нем принимали участие Насер, Амер, Анвар Садат, Халед Мохи ад-Дин, Богдади, Хасан Ибрагим и Камаль ад-Дин Хусейн [43, 192].

Машина была приведена в действие. Четко продуманный во всех деталях, переворот был осуществлен блестяще. На рассвете 23 июля 1952 г. офицеры — руководители движения заняли штаб-квартиру армии в Аббасия. Командование вооруженными силами страны было арестовано. На следующий день восставшая армия овладела Александрией, а 26 июля 1952 г. низложенный король Фарук на своей яхте отплыл из Александрии в Италию. Монархия была свергнута. Революция восторжествовала. Армия пришла к власти.

Военный режим в 1952—1956 гг.

Египетские офицеры-националисты вырабатывали свои революционные взгляды под воздействием общей обстановки в стране, постоянно поддерживая контакт с различными политическими организациями и чутко прислушиваясь к мнению патриотической общественности.

Эта общественность, как уже отмечалось, была представлена в первую очередь молодой интеллигенцией. Анвар Садат не оставляет сомнений на этот счет, когда он пишет в мемуарах: «Студенческая молодежь — вот кто совершил духовную революцию, которая предшествовала нашей политической революции» [43, 122].

Но молодая интеллигенция не имела и не могла еще иметь определенной программы социальных мероприятий. Патриоты думали лишь о свержении деспотической монархии, об из-

гнании англичан и об установлении социальной справедливости (последнее — в очень смутной форме). Это отразилось в поведении руководителей организации. Никакой программы, никакого представления, что делать на следующий день после революции, не было. И самое главное, не у кого было эту программу заимствовать. Халед Мохи ад-Дин писал по этому поводу: «Когда произошла революция, то оказалось, что народные массы потеряли веру в традиционное руководство, во все прежние конституционные и политические организации. Не было ни определенной программы, ни ясных требований, ни организованных движений, способных выразить истинную волю народных масс. Революционному руководству пришлось выдвинуть общий лозунг, лишенный какого-либо социального содержания, но который мог быть принят всеми силами и течениями: единство, порядок, труд» [74, 1966, № 8, 38].

Насер вспоминал, что до революции он «представлял себе, что вся нация была готова к действию, что она лишь ждала выступления авангарда и штурма укрепления, для того чтобы ринуться сплоченной фалангой и начать, во всеоружии веры, поход к великой цели. Я думал, что мы — лишь пионеры, отряды командос, что мы будем находиться впереди лишь несколько часов и что вскоре за нами последуют сплоченные массы... Авангард выполнил свою задачу: он взял штурмом оплот тирании, он заставил Фарука отречься от престола и остался стоять на страже, ожидая подхода массовых формирований для выполнения окончательной задачи. Он ждал и ждал. Показались бесконечные толпы, но как далека оказалась действительность от воображаемого! Среди толп были и разрозненные приверженцы, и остатки сил прошлого. Священный поход к великой цели был прерван... Миссия авангарда не закончилась. Фактически она именно тогда только и начиналась» [45, 19].

Из кого же состояли эти «бесконечные толпы», подоспевшие к моменту торжества революции? Прежде всего речь идет, конечно, о Вафде. Наххас-паша и его последователи ни минуты не сомневались в том, что совершенно неопытные в политике молодые офицеры вручат бразды правления «великой партии», олицетворявшей национальное движение. Им казалось, что их пошатнувшийся авторитет вновь поднялся: ведь за полгода до революции король уволил вафдистское правительство в отставку, и Наххас мог выставить себя жертвой королевского деспотизма. Среди членов Совета руководства революции были сторонники передачи власти Вафду, правда под контролем военных. Другие предлагали распустить все прежние партии. Было даже подготовлено соответствующее решение, но Насер с этим не согласился.

Он заявил: «Друзья, я боюсь, что это решение кое-кто поймет таким образом, что мы идем в направлении диктатуры... Наша революция — революция демократическая, и мы не можем установить в стране диктатуру. Дадим же партиям и организациям возможность очистить самих себя и определить свои программы и цели в соответствии с новым положением...» [136, 178].

Взгляды Насера не встретили поддержки большинства Совета, и он объявил о своем решении подать в отставку и выйти из состава Совета. Только таким образом Насер смог заставить Совет принять его точку зрения.

Это был период «конституционных иллюзий» Насера, о котором он сам впоследствии говорил: «Некогда я сам настолько верил в демократию и партийную систему, что из-за этого вышел из Совета руководства революции. Однако с тех пор я понял, что в нынешний переходный период борьбы арабского национализма против иностранных государств политические партии могут быть подкуплены...».

Совет руководства революции (СРР) решил провести чистку политических партий и назначил февраль 1953 г. как крайний срок для проведения парламентских выборов. Чистку партий должно было проводить само руководство. Разумеется, из этого ничего не вышло. Руководство партий меньше всего хотело «вычищать» самих себя, а именно это и нужно было сделать, так как на партийных лидерах лежала вина за все пороки старой политической системы. В ответ на требования «вычистить» Наххаса были организованы демонстрации вафдистской студенческой молодежи под лозунгом: «Ля Вафд била Наххас!» («Нет Вафда без Наххаса!»). Вскоре стало ясно, что «самочистка» буржуазно-помещичьих партий — дело безнадежное.

Обострению отношений между СРР и этими партиями способствовала позиция последних по вопросу аграрной реформы. Уже отмечалось, что из всех внутренних проблем Египта именно она была самой жгучей и неотложной. Еще в бытность свою на военной службе офицеры-националисты, повседневно соприкасаясь с солдатами-крестьянами, получили яркое представление о положении в деревне. С решения этой проблемы должно было начать свою деятельность любое революционное правительство Египта.

Была и другая сторона вопроса. Хотя переворот почти не встретил сопротивления, офицеры понимали, что они нанесли удар не только по королю и его камарилье, но и по всей верхушке, связанной как с придворной кликой, так и с мировым империализмом. Не могло быть сомнений, что эта верхушка, обладавшая огромными богатствами, политическим опытом, международными связями, не простит покуше-

ния на её монопольное владычество в Египте и, оправившись от первого шока, начнет борьбу против революции. Следовательно, надо было сразу же обезопасить новый режим, ослабить потенциальную контрреволюцию, а это можно было сделать, лишь подорвав корни ее экономического могущества — владение землей. Поэтому аграрная реформа, призванная ликвидировать мощь класса крупных землевладельцев, была в интересах сохранения достигнутого естественной и необходимой мерой.

Как же отнеслись к этой проблеме после революции партии прежнего режима? По настоянию Совета руководства революции Вафд в августе 1952 г. опубликовал свою аграрную программу в печатном органе партии газете «Аль-Мисри» под заголовком «Прогрессивное налогообложение крупных земельных владений». В программе говорилось только о налогообложении, но отнюдь не о перераспределении земли. Чего можно было ожидать от партии, генеральный секретарь которой Сираг ад-Дин, сам крупнейший помещик, заявил: «Мы удовлетворимся справедливым распределением государственных земель, если не будут затронуты другие виды земельной собственности» [167, 89].

Партия «Аль-Кутля аль-Вафдия» (вафдистский блок) — группа, отколовшаяся в свое время от Вафда, тоже избегала упоминания об аграрной реформе в программе, которую СРР предложил ей опубликовать. В программе, опубликованной либерально-конституционной партией, говорилось лишь о передаче крестьянам государственных земель, а президент партии Хусейн Хайкал прямо заявил: «Ограничение частной собственности — дело деликатное, которое, вероятно, вызовет классовую войну». Точно такую же позицию заняла саадистская партия [167, 87—86].

Наконец, сам премьер-министр Али Махир (старый реакционный политикан, назначенный революционными лидерами главой правительства, по-видимому, для того, чтобы обеспечить функционирование государственной машины и успокоить бюрократический аппарат, а также чтобы не слишком напугать англичан, с возможностью интервенции которых в первые дни революции СРР всерьез считался) высказался по существу против аграрной реформы. Он заявил, что не желает подвергать страну опасности экономических беспорядков. Эта позиция Али Махира была одной из главных причин того, что уже в сентябре 1952 г. СРР был вынужден снять его с поста премьера и заменить Нагибом [167, 88].

Пытаясь все же добиться согласия партий на проведение аграрной реформы, Насер встретился с генеральным секретарем Вафда Сираг ад-Дином и в течение четырех часов обсуждал с ним этот вопрос. Для установления сотрудничест-

ва между СРР и Вафдом Насер поставил всего одно условие — торжественное заявление партии о своем согласии на ограничение земельной собственности. Но все было безрезультатно. С таким же успехом можно было пытаться уговорить римского папу принять мусульманскую веру. «Только тогда, — пишет Анвар Садат, — Гамаль Абдель Насер убедился, что нет абсолютно никакой надежды на сотрудничество политиканов с революцией» [136, 179].

9 сентября 1952 г. был опубликован закон № 178 об аграрной реформе. Максимум земельной собственности был установлен в 200 федданов (около 80 га) на одного собственника (правда, отец двух и более детей имел право еще на 100 федданов). Помещикам была обещана компенсация, которую так и не выплатили. Экспроприированные земли подлежали распределению среди крестьян участками, не свыше 5 федданов каждый, за выкуп, рассчитанный на 30 лет⁴.

Итак, СРР решительно отверг все предложения противников реформы ограничиться прогрессивным налогообложением собственности вместо ее перераспределения. Отказ мотивировался тем, что «подобный метод не позволил бы покончить с политическими минусами, обычно являющимися результатом концентрации обширных земельных участков в руках небольшого числа собственников» [179, 74]. Речь шла именно о политической проблеме, ибо сохранение крупной земельной собственности означало сохранение базы политического могущества класса феодальной аристократии. Этого армия допустить не могла.

Аграрная реформа подорвала позиции влиятельнейшего класса старого Египта; она также привлекла на сторону революционного руководства самый многочисленный класс египетского общества — крестьянство. Таким образом, революция сразу приобрела социальную опору. «Закон о земельной реформе, — пишет Х. Мохи ад-Дин, — пожалуй, имел наибольшее воздействие на жизнь народа и вместе с этим на судьбу революции. Он освободил крестьянство и превратил его в политическую силу, вставшую на сторону революции» [74, 1966, № 8, 39].

Затем был издан закон, запретивший членам административных советов одновременно занимать тот же пост в других компаниях. Директорам банков запрещалось занимать должность в другом банке. Лица в возрасте свыше шестидесяти лет без согласия Совета министров не могли быть назначены

⁴ Всего с 1952 по 1960 г. у помещиков было отобрано около 445 тыс. федданов, которые были распределены среди 180 тыс. крестьянских семей. Всего землю получили около 1 млн. крестьян.

на должность директора компании. «Благодаря этим законодательным актам,— писал аш-Шафай,— Египет избавился от четырехсот с лишним старых хрычей — египетских пашей, которые сидели в правлениях акционерных обществ в течение последних десяти лет» [136, 186]. Фактически была выброшена с политической арены прослойка богатых буржуазных бюрократов, египетских капиталистических мэнеджеров.

В августе 1952 г. был издан закон об отмене званий и титулов, а в январе 1953 г. начались общественные суды над «предателями». Ряд видных деятелей прежнего режима был осужден революционным судом. Уже упоминавшийся Сираг ад-Дин, например, был приговорен к каторжным работам. Чтобы оценить значение этого факта, следует вспомнить, что он был генеральным секретарем Вафда, министром внутренних дел последнего вафдистского правительства, одним из богатейших землевладельцев Египта, основателем Каирского банка.

Тут старая вафдистская клика почувствовала, что дело обернулось не так, как она рассчитывала. На что она надеялась несколькими месяцами раньше, когда высокомерно отвергла предложение Насера договориться об аграрной реформе? Прожженные политиканы допустили элементарный просчет, психологически, впрочем, вполне объяснимый: они не поняли характера событий 23 июля, решив, что произошел просто военный переворот и офицеры вскоре вернутся в казармы, а поскольку короля нет, то политическое поприще вновь будет свободно для Вафда. Не исключено, что они радовались падению Фарука, с которым у них были свои счета. Эти люди настолько привыкли управлять Египтом в течение десятилетий, что допускали мысль только о перемене фасада, о различных верхушечных комбинациях. Существование крупного землевладения — основы основ их могущества — казалось им столь же вечным и незыблемым, как и сам Египет.

В свое время лорд Алленби (верховный комиссар Англии в Египте) сказал: «Англичане могут уйти из Египта со спокойной душой: они фактически создали класс крупных собственников, на которых Англия может рассчитывать при проведении своей политики в Египте» [171, 72]. Именно по этому классу революция и нанесла удар. Х. Мохи ад-Дин писал, что законы, принятые после революции, «преследовали цель подорвать политическое, социальное и идеологическое влияние класса крупных землевладельцев, которые являлись в то же время традиционными политическими деятелями. Революция лишила этот класс его оружия: земли, партий, престижа. Представители этого класса были привлечены к суду, на котором были доказаны их продажность, алчность и рас-

точительство народных богатств. Публичному осуждению был подвергнут весь класс» [74, 1966, № 8, 39].

Можно считать, что момент, когда Совет руководства революции принял решение провести аграрную реформу, выгнать старых бюрократов, уволить Али Махира и начать чистку политических партий, был переломным в деятельности военного режима — военные решили остаться у власти. Следовательно, надо было бить по потенциальным врагам и приобретать союзников.

«Авангард революции,— пишет Х. Мохи ад-Дин,— был представлен группой молодых военных, которые имели две основные отличительные черты: первая — незыблемая вера в национальную независимость, помноженная на глубокую ненависть к империализму, королевскому двору и их агентуре, и вторая — независимое положение группы от всех других политических сил и организаций, стремление сохранить эту независимость и в дальнейшем» [74, 1966, № 8, 39].

На эти слова стоит обратить внимание. Молодые офицеры осознали свое политическое призвание, свою миссию, они не желали растворяться в партиях, скомпрометированных сотрудничеством с прежним режимом. Но на другой же день после революции на них обрушилось множество незнакомых проблем, возникла масса вопросов, на которые они не были готовы дать ответ. Нет ничего удивительного, что они попытались найти какую-то опору среди опытных политических деятелей, заручиться содействием «профессионалов»; назначили премьером Али Махира, старались наладить контакт с Вафдом. Но чрезвычайно сомнительно, что даже в тот момент они собирались «вернуться в казармы», и не следует буквально понимать слова Насера, что революционные офицеры хотели «быть впереди лишь несколько часов». Скорее всего, они, не имея намерения непосредственно возглавить правительство, рассчитывали, располагая реальной силой, контролировать деятельность гражданских политиков, сохраняя при этом свою сплоченность и независимость. Когда же они увидели, что с прежними политиками дело не клеится, им ничего не осталось, как самим перейти к управлению. От идеи верховного контроля они перешли к сосредоточению власти в своих руках.

Для любой власти нужна программа, пусть самая общая. Военные провозгласили шесть целей революции: уничтожение господства империализма; уничтожение господства феодализма; уничтожение контроля монополий над правительством; установление социальной справедливости; создание здорового демократического общества; создание сильной национальной армии.

Речь шла о решении задач антиимпериалистической и ан-

тифеодальной национально-демократической революции, которые укладывались в рамки буржуазно-демократической революции: буржуазия охотно выдвигает лозунги демократии и социальной справедливости.

Не будучи делом рук одного класса (но объективно отвечая интересам нескольких) и не опираясь на какой-либо класс, революция покончила с господством двуединого помещичье-капиталистического класса. Вырвав власть из рук крупных землевладельцев и капиталистов, революция, олицетворяемая совершившими ее офицерами-националистами, не передала ее в руки какого-либо другого класса. Совершившие революцию люди руководствовались идеями национальной независимости, освобождения от империализма и создания современного развитого общества. Эти идеи определили круг противников революции: империализм и феодально-капиталистическую верхушку.

Вначале многим офицерам казалось, что все довольно просто — надо свергнуть короля и добиться ухода англичан. Но вскоре выяснилось, что бороться нужно против целой системы связей и взаимозависимостей. Империалистическое господство воплощалось не только и не столько в нескольких десятках тысяч английских солдат в зоне Суэцкого канала, сколько в экономической зависимости Египта от иностранных монополий. Эту зависимость нельзя было ликвидировать без перестройки экономической структуры, что в свою очередь требовало серьезных социальных преобразований, ударявших по интересам широкого круга людей, не обязательно агентов Англии или ставленников Фарука. Кого-то надо было лишать позиций, среди кого-то искать союзников — борьба переносилась во внутренний, социальный план. Национальная революция оказалась связанной с революцией социальной.

Уже спустя два года после захвата власти, в 1954 г., Насер писал: «Каждая нация на земле проходит через две революции: одну — политическую, в которой она утверждает свое право на самоуправление в борьбе против навязанного ей деспота или против агрессивной армии, оккупирующей ее территорию без ее согласия; вторую — социальную, в которой классы общества борются друг с другом, пока не будет обеспечена справедливость для всех граждан и не будет достигнута стабильность» [45, 23]. Практика борьбы быстро излечивает от иллюзий относительно возможности сотрудничества всех классов и слоев общества. К 1954 г. Насер имел возможность убедиться, что ему придется вести борьбу с разными врагами и на разных фронтах.

Первым врагом был британский империализм, оккупировавший важнейший стратегический район страны. Переговоры с Англией о выводе войск, то прерываясь, то возобновляясь,

шли почти два года. Бывали периоды, когда египетские руководители считали, что им не остается другого выхода, кроме возобновления вооруженной борьбы в зоне канала. Но британский империализм был уже не тот, что прежде. Поражение в Иране подорвало его авторитет на Ближнем Востоке. Общая неустойчивость международной обстановки делала войну с Египтом крайне нежелательной. Общественное мнение Англии непрерывно давило на правительство, требуя ухода из Египта, пребывание английских войск в котором было связано с большими расходами. Военная ценность Суэцкой базы уменьшилась ввиду изменений, вызванных развитием ядерной и ракетной техники. Кроме того, английские политические круги не исключали возможности установления союзнических отношений с Египтом и даже включения его в создававшуюся тогда ими военную группировку на Ближнем Востоке. Наконец, они добились от Египта принятия условия, позволявшего Англии при определенных международных обстоятельствах вернуть войска в зону канала. Все это, вместе взятое, позволило прийти к соглашению, которое вступило в силу в октябре 1954 г. Англия обязалась эвакуировать войска из зоны Суэцкого канала. Это был крупнейший внешнеполитический успех правительства Насера, которому удалось добиться того, чего не смогло добиться ни одно предшествовавшее правительство.

Вторым врагом была многоголовая гидра внутренней реакции, которая после революции 1952 г. отнюдь не была уничтожена. Когда Вафд и другие партии, представлявшие интересы помещиков и капиталистов, поняли, что военные не отдадут им власть, они перешли к иным методам борьбы. Прежде всего возник единый фронт политических организаций, оставшихся от прежнего режима. Забыв о распрях, вафдисты объединились с «Братьями-мусульманами», требуя восстановления парламентской системы. Это было одним из двух главных козырей политиков прежнего режима. Демагогия, спекуляция на лозунгах демократии, требование ликвидации военной диктатуры, созыва Учредительного собрания и восстановления деятельности партий привлекли к вафдистам и их союзникам немалую часть интеллигенции, в том числе студентов. Другой козырь реакции состоял в попытке использовать разлад в Совете руководства революции. По мере того как перед Советом вставали все новые задачи, входившие в него офицеры меняли позиции. Одни, будучи не в силах порвать старых связей с «Братьями-мусульманами», позволяли им использовать себя в политических целях. Другие колебались, ощущая давление либеральной мелкобуржуазной интеллигенции, с которой они были издавна связаны и которая все больше склонялась к возвращению парламент-

ской демократии. Номинальный руководитель военного режима, генерал Нагиб, одним из первых перешел на сторону «старых партий».

Атмосфера накаляется. Чем больше упорствует Совет, не желая распахивать дверь к власти перед старыми партиями, тем больше негодуют все «бывшие» и те, кого им удалось обработать. Это — либеральная интеллигенция, приветствовавшая падение деспота, но отнюдь не желающая отказываться от милой ее сердцу парламентской игры; профессора, адвокаты, журналисты, не чувствующие никаких симпатий к военным, этим «провинциальным выскочкам, неинтеллигентным солдафонам», вообразившим себя государственными деятелями; студенты, которым не по душе «мрачный, тусклый» режим, требующий от них лишь труда и дисциплины; дельцы, коммерсанты, с опаской взирающие на новое руководство страной — суровое, почти пуританское, призывающее к жертвам, к ограничениям, старающееся подчинить жесткому контролю сверху всю деловую активность; мусульманские фанатики, которые никак не могут дождаться осуществления своего идеала — создания теократического государства, — все они потрясают кулаками, требуя демократии. В самом деле, разве не во имя демократии совершалась революция? Разве для того свергли тирана, чтобы власть узурпировала кучка офицеров, которым место в казармах, а не в правительстве? Кому нужен этот нсвый деспотизм, почему не разрешают деятельность политических партий, где парламент?

Друзья Насера колеблются: вправе ли они противостоять голосу народа — ведь ради него они шли на революцию. В конце концов парламентская система при Фаруке — это одно, а сейчас — совсем другое. Монархия ликвидирована, у крупных помещиков отняли земли, революция сделала свое дело — так, может быть, пора вернуться к нормальной жизни? Не будет ли понято стремление сохранить власть Советом руководства революции как курс на установление военной диктатуры?

Положение Насера становится отчаянным. Он-то понимает, чувствует фальшь этих разговоров, он твердо убежден, что «демократии политической должна предшествовать демократия социальная», а для этого нужно перевернуть всю старую общественную структуру. Он не сомневается, что восстановление деятельности партий будет означать конец революции, что все пойдет по-прежнему, только без короля, что демагоги из Вафда и кровожадные фанатики из «Братьев-мусульман» вновь начнут дурачить людей и натравливать их друг на друга. Он видит дальше других, но как убедить остальных? А за его спиной уже шепчутся: Насер хочет стать диктатором. Опоры в массах у него еще нет. Ему только

предстоит создать себе имя, славу, авторитет. Соглашение об эвакуации английских войск, смелое соглашение о закупке советского оружия, национализация Суэцкого канала, знамя арабского единства — еще впереди. Пока он — никому не известный подполковник, и за пределами армии никто не знает, что не Нагиб, а он душа и мозг «Свободных офицеров». Все заслуги приписываются Нагибу; он — отец народа; повсюду его портрет: добродушное, чуть лукавое крестьянское лицо с трубкой. А Насер еще не умеет как следует держаться на трибуне, он плохо говорит и не использует своего обаяния. Обстоятельства против него.

Требования разрешить деятельность партий становятся все громче. Совет колеблется, медлит, и, почувствовав это, «либералы» удваивают усилия. На их стороне часть коммунистов, которые ошибочно считают, что как только будет восстановлена партийная система, перед ними откроются благоприятные перспективы. И вот кризис достигает высшей точки. На заседании Совета 25 февраля 1954 г. Насер бросает на чашу весов свой авторитет. Ждать больше нечего; Совет должен выбирать между ним и Нагибом, этой дутой величиной, всерьез воспринявшей титул «заим ас-саура» — вождь революции. Нагибу давно надоел Насер, всегда диктующий из-за кулис свою волю. Пятидесятилетний генерал мечтает избавиться от опеки молодых офицеров и стать президентом конституционной республики.

Но как и в 1952 г., Совет склоняется перед волей Насера. Он привел их к победе, они верят в его разум, его силу. Нагиб снят с поста председателя Совета и премьер-министра. Насер — глава правительства. Все становится на свои места.

Но игра еще не выиграна. Весть об отставке Нагиба, подобно молнии, поражает общественное мнение. Народ потрясен, он не подготовлен к этому событию, он привык видеть в Нагибе вождя. Люди чувствуют себя осиротевшими, многие плачут на улицах. Этими настроениями пользуются «либералы». Они организуют шумные студенческие демонстрации. Над СРР нависла угроза изоляции. Непокойно и в армии: некоторые части готовят выступление, чтобы вернуть Нагиба. Напрасно Насер призывает к стойкости. Совет растерян. Армия расколота. И чтобы избежать гражданской войны, Совет решает вернуть Нагиба. Решение принято буквально в последнюю минуту: бронетанковые части уже готовятся к выступлению. Всегда склонные поддержать демократические лозунги (недаром самый левый из Совета руководства революцией «красный майор» Халед Мохи ад-Дин служил в танковых частях), офицеры-танкисты собирались силой восстановить Нагиба в должности, думая, что этим окажут услугу делу революции. Но до этого не дошло.

25 марта СРР объявил о следующих решениях: политические партии должны немедленно провести реорганизацию; СРР будет распущен 24 июля того же года и не будет создавать свою политическую партию; никто не будет лишен политических прав; первоочередная задача Учредительного собрания — избрание президента республики [190, 32].

Это была капитуляция. Сразу же десятки членов «Братьев-мусульман», включая их лидера Хасана-аль-Худайби, были освобождены из заключения. Восемь гражданских министров, ожидая формирования нового кабинета, состоящего исключительно из гражданских лиц, подали в отставку. Ассоциация адвокатов принимает резолюцию, требующую СРР «вернуться в казармы». Двумя днями раньше Насер заявил: «Я революционер, а не политик». Теперь он видит, что революционеры уступают, а «политики», точнее буржуазные политики, торжествуют.

Насер терпит поражение. Но драме суждено разыграться не в двух, а в трех актах. Последнее слово остается не за генералом, а за подполковником. Для этого Насер мобилизует все резервы. Откуда он может их взять? Офицеры впервые отказались его поддержать, интеллигенция идет за Нагибом, СРР уже объявил, что в июне состоятся выборы в Учредительное собрание. И тогда Насер обращается к массам.

Но пойдут ли с ним массы? Отношение рабочего класса к революционному режиму еще не ясно. Рабочие, как и весь народ, приветствовали революцию. Но они хорошо помнили события в Кафр эд-Даваре 13 августа 1952 г., когда рабочие по призыву профсоюза объявили забастовку и в тот же день были разогнаны прибывшими воинскими частями, а два профсоюзных лидера — повешены на следующий день. Правда, говорят, что Насер голосовал против смертной казни и оказался в меньшинстве, но факт остается фактом: первыми жертвами военного режима оказались рабочие. А к марту 1954 г., когда происходили описываемые события, рабочим было от чего прийти в замешательство. Коммунисты в своем органе «Аль-Малаян» охарактеризовали военный режим как правительство, выражающее интересы национальной буржуазии, часть их стала сотрудничать с вафдистами. «Братья-мусульмане» тоже выступают против военного режима, хотя официально «братство» распущено еще в январе 1954 г. после организованных им уличных беспорядков⁵. Ни для кого не

⁵ Еще в июне 1953 г. органы безопасности установили, что «Братья-мусульмане» создали три тайные организации для работы среди офицеров, сержантов и полиции. Среди «завербованных» ими офицеров были агенты СРР, систематически докладывавшие о подрывной деятельности «братьев». Вначале СРР ограничился предупреждением и лишь впоследствии распустил организацию [158, 219].

секрет, что Нагиб все больше сближается с ними. Разобраться в ситуации трудно.

Успех дела решает организация. Насер заранее сумел прочно утвердить свое влияние в профсоюзах и в Лиге освобождения — массовой организации типа народного фронта, созданной военным режимом для политической мобилизации народа. Лига освобождения — организация, в общем, довольно аморфная и не играющая никакой роли, но на этот раз она сказала свое слово. Пожалуй, в первый и последний раз за все время своего существования Лига освобождения проявила себя как политическая сила. Ее низовой аппарат состоит из людей, преданных Насеру, ее руководство подобрано и проверено лично им. Лига зовет людей выйти на улицы и поддержать военный режим, поддержать Совет руководства революции. Лозунг, выброшенный Насером, именно таков — за продолжение революции, за продолжение правления Совета, против возвращения партий.

Профсоюзы объявляют всеобщую забастовку, весь транспорт в Каире парализован, Лига освобождения организует массовые демонстрации. На улицах звучит лозунг: «Мы не хотим политических партий, мы хотим правления Совета руководства революции!». Сторонники Насера работают неутомимо, разъясняя простому народу, что будет означать возвращение к власти Вафда, а в том, что выборы будут означать победу Вафда, не сомневается никто: вафдисты, как всегда, пройдут голосами крестьян⁶.

В эти три дня — 25, 26 и 27 марта 1954 г. — решалась судьба египетской революции. Ситуация была еще более серьезной, чем непосредственно после переворота 23 июля 1952 г. Все висело на волоске. Если бы Насер проиграл, через три месяца в кресло премьера сел бы Наххас-паша, и все вошло бы в старое русло, а плацдарм для революции, созданный армией, был бы утрачен.

Но Насер выиграл. Бросив на чашу весов такую силу, как профсоюзы и массовые организации, он успел укрепить свои позиции и в армии. Бронетанковые части были блокированы войсками, верными Насеру. А демонстрации все нарастали. На улицы вышли пролетарские и плебейские массы, и рядом с этим мощным потоком группы студентов, выкрикивавших лозунги за возвращение партий и за всеобщие выборы, выглядели как жалкие разрозненные ручейки. Дело шло к концу.

⁶ Проведение аграрной реформы только началось и слишком мало крестьян видит от нее реальную выгоду; Вафд — привычная, почти легендарная общенациональная партия, и именно вафдистов поддерживают задающие тон в деревне богачи.

После трех дней массовых демонстраций в Каире и Александрии Совет руководства революции объявил 28 марта, что выборы, назначенные на июнь, отменяются. Нагиб вновь снят со всех постов; на этот раз он окончательно проиграл⁷. 15 апреля Совет лишает политических прав всех руководителей партий Вафд, либерально-конституционной и саадистской, занимавших министерские посты в период с 1942 по 1952 г. Это — решающий удар: Насер избавился от всех видных политиков прежнего режима. Среди лидеров трех партий, не было ни одного, кто за десять лет хоть раз не был бы министром. Отныне они изгнаны из сферы политической жизни, изгнаны все разом, включая «великого» Наххаса. И если его приверженцы вновь поднимут крик: «Нет Вафда без Наххаса!» — это будет лишь означать, что нет Вафда. И действительно, эти весенние дни 1954 г. подвели черту под многолетней деятельностью некогда славной партии. Египетская буржуазия лишилась своего политического представителя; грандиозная машина была наконец демонтирована.

16 апреля 1954 г. Насер вновь становится премьер-министром. Он же — председатель Совета руководства революции. Отныне вся власть в его руках — и фактически, и формально.

Началась чистка в рядах военного руководства. Три члена Совета руководства революции, известные своими связями с коммунистами, были уволены из Совета (Халед Мохи ад-Дин, Юсеф Саддык, Абдель Монеим Амин). Было арестовано 16 офицеров по обвинению, что они, действуя заодно с коммунистами, готовили «беспорядки» в день празднования 1 Мая. По такому же обвинению был арестован отставной капитан Мустафа Камаль Сидки, в прошлом видный деятель организации «Свободные офицеры».

13 офицеров во главе с капитаном Хасаном аль-Мисри (близким к члену СРР Хусейну аш-Шафаи) были осуждены на срок до 15 лет каждый. Затем Революционный трибунал под председательством Богдади присудил к 10 годам тюремного заключения полковника Ахмеда Шауки, незадолго до этого сопровождавшего Нагиба в его паломничестве в Мекку. После этого трибунал был распущен: оппозиция в армии была ликвидирована [190, 38—39].

26 октября 1954 г. Насер выступает на массовом митинге в Александрии. Во время его речи один за другим раздаются восемь выстрелов. Террорист, стрелявший в Насера, но про-

⁷ 28 марта Нагиб, прокладывая себе путь с пистолетом в руке через толпы сторонников Насера, еле пробился к зданию Совета министров на заседание СРР. Во время заседания Насер и Салах Салем то и дело выходили на балкон успокаивать толпу. Утром 29 марта члены СРР провожали из Каира короля Сауда. В аэропорту Нагиб пытался улететь вместе с Саудом, но был задержан.

махнувшийся, — член «Братьев-мусульман». Заработал аппарат госбезопасности, во главе которого Насер поставил Закарию Мохи ад-Дина. Более семи тысяч «братьев» были арестованы, 867 из них приговорены трибуналом к различным срокам заключения. Шесть руководителей организации были повешены 8 декабря 1954 г., а за месяц до этого был посажен под домашний арест генерал Нагиб.

Итак, разгромлены все заговоры, рассеяны все враги военного режима. Спустя полтора года, 23 июня 1956 г., прямым всеобщим голосованием Насер избран на пост президента республики. Заканчивается целая глава в истории Египта. Переходный период — период смуты и неустойчивости позади. Абдель Малек правильно отмечает, что «укрепление военной диктатуры, затем провозглашение Республики в 1954 г., введение конституции 1956 г. и избрание Гамалья Абдель Насера на пост президента республики означают конец господства крупной землевладельческой буржуазии» [171, 83]. Двуденный помещичье-капиталистический класс, в течение 30 лет управлявший Египтом с благословения и под контролем Англии, наконец сломлен политически.

Но этот класс отнюдь не олицетворял египетский капитализм, как таковой; более того, он не олицетворял целиком и феодализм. Помещики остались; благодаря лазейке в законе об аграрной реформе они могут иметь 300 федданов каждый, а сколько у них возможностей обойти закон — ведь в их руках и старосты, и деревенская полиция. Промышленная буржуазия по существу не затронута — разгромлено лишь наиболее консервативное крыло, связанное с землевладением, и это даже на руку «новым» капиталистам, в первую очередь средней промышленной буржуазии, которую затирала традиционная знать. Исчез Сираг ад-Дин, выброшены старые бюрократы высоких рангов, политиканы королевского режима, но «Миср» существует и процветает со своими 29 компаниями, равно как и Аббуд — «сахарный король», равно как Фаргали, Яхья и др. Снят только верхний слой эксплуататорского класса, обладавший не только экономическим, но и политическим могуществом. В целом же буржуазия получила более благоприятные возможности для своего развития, чем когда-либо.

Особенно это относится к буржуазии промышленной. Как пишет Х. Мохи ад-Дин, «составной частью борьбы за независимость была индустриализация. Именно поэтому революционное руководство предприняло ряд мер, направленных на укрепление и сохранение уже существующей промышленности и создание новых предприятий. Был принят ряд соответствующих законов. Таможенные пошлины на импортируемые потребительские товары были повышены, а на промышленное оборудование и машины снижены. Для поощрения капиталов-

вложений новые компании были освобождены от налогов на 7 лет (закон № 43 от 3 сентября 1953 г.). Капиталовложения в промышленность также не подлежали обложению налогом в течение 5 лет. Основной целью было «обеспечить развитие экономики и привлечь в нее частный капитал» [74, 1966, № 8, 40].

Правительственный промышленный банк стал широко кредитовать индустриальное развитие. Само правительство финансировало крупные промышленные предприятия. Роль государственного сектора, созданного фактически только после революции, быстро возрастала.

В 1956 г. на долю государства приходилось 56% капитала вновь созданных промышленных акционерных обществ. Росли не только государственные, но и частные капиталовложения в промышленность. Так, если за 1954 г. было вложено 6,8 млн. егип. ф., то за 1956 г. — уже 25,6 млн. егип. ф. Предполагалось по мере усиления и развития тех или иных отраслей промышленности распространять акции государства среди частных лиц. Таким образом, перед буржуазией была открыта перспектива приобретения акций уже действующих рентабельных предприятий. Тем самым для буржуазии были созданы условия более выгодные, чем до революции.

Одна из целей аграрной реформы, собственно, и заключалась в создании условий для перекачки капитала из сельского хозяйства в промышленность, стимулирования частных капиталовложений в промышленный сектор. В какой мере эта цель была достигнута, будет показано ниже. Пока что ограничимся констатацией того, что в 1952—1956 гг. военное правительство, наряду со всемерным развитием государственного сектора, всячески поощряло развитие частного сектора в промышленности, надеясь поставить его на службу своим интересам.

Поощряло оно также и иностранный капитал. Уже 30 июля 1952 г., т. е. через неделю после революции, был опубликован декрет, вносивший изменения в закон № 138 от 1947 г. об анонимных обществах: он предусматривал, что доля египетского капитала в них должна составлять не менее 51%. Новый декрет уменьшил эту долю до 49% и содержал оговорку, позволявшую в определенных случаях включать даже в эти 49% часть акций, принадлежавших иностранцам [171, 94].

«Первые месяцы существования военного режима были отмечены исключительной умеренностью в области внешней политики и многочисленными попытками изменить законодательство, не поощрявшее деятельность иностранных компаний в Египте... Закон в горнодобывающей промышленности был пересмотрен таким образом, чтобы сделать его приемлемым,

если не удовлетворительным, для нефтяных компаний» [169, 219—220].

Действительно, в тот период в Египте перед иностранным капиталом открылись неплохие перспективы. Как уже говорилось, «Свободные офицеры» накануне прихода к власти не имели никакого определенного плана социально-экономических мероприятий. Поэтому они сразу же после 23 июля поспешили привлечь на службу наиболее опытных и известных экономистов. Не офицеры разработали проект аграрной реформы и декрет об изменении закона об акционерных обществах. Их экономическими советниками были такие специалисты, как Сайед Марей, Ахмед Фуад, аль-Эмари, доктор Ахмед Хусейн (посол в Вашингтоне) и др. Все они были сторонниками индустриализации, но их концепции, естественно, не выходили за рамки типично буржуазных представлений по этому вопросу. Пользуясь своим авторитетом, которому не разбиравшиеся в экономике офицеры не могли ничего противопоставить, специалисты толкали СРР на путь привлечения иностранных капиталов. Капиталы действительно были нужны, и в тогдашней международной обстановке единственным источником внешней помощи могли быть только западные державы. Следовательно, во внешней политике желательно было придерживаться курса, который «не отпугнул бы» Запад. Один из западных авторов даже считал, что в 1952—1954 гг. Запад мог бы предложить арабам вариант «плана Маршалла», что было бы важнейшей победой западных держав в холодной войне [148, 82].

Но мог ли в тот период вариант «плана Маршалла» для Египта быть реализован? С чисто экономической точки зрения — возможно, но при условии, что западные державы правильно оценили бы тенденции развития Египта, значение страны для их глобальной политической стратегии и последствия отказа от использования этого шанса. Но экономика, как известно, неотделима от политики. Для обеспечения экономического контроля над развитием Египта западные правительства должны были создать и политические предпосылки для сотрудничества с египетским военным режимом. Частично они были созданы: Англия согласилась вывести свои войска из Египта и Насер заявил, что отныне нет препятствий для конструктивного сотрудничества между двумя странами [169, 242—246]. Что же касается Соединенных Штатов, то они вообще благожелательно отнеслись к новому режиму, считая, очевидно, что его приход — это шаг к ликвидации традиционного британского влияния на Ближнем Востоке. Эйзенхауэр прислал Нагибу в подарок серебряный пистолет.

Но подобной «нормализации отношений» недостаточно. Политическое сотрудничество Запада с Египтом могло быть

нам ликвидировать монополию на поставку оружия» [47, 31. VIII. 1965].

27 сентября 1955 г. Насер объявил о заключенном с Чехословакией соглашении о поставках оружия. Казалось, он сделал простую и само собой разумеющуюся вещь: ему было нужно оружие, он мог его получить у одной из двух сторон, противостоящих друг другу на мировой арене. Одна отказалась, он обратился к другой, та согласилась. Но, для того чтобы сделать этот простой и очевидный шаг, нужна была смелость, широта взглядов, решимость опрокинуть установившиеся, привычные представления, что «можно» и что «нельзя». Именно смелость отличает крупного политического деятеля от рядового «государственного мужа», при равенстве всех остальных данных. Первый решится выйти за пределы круга традиционных понятий и проложить новый путь, второй, даже если и увидит его, не осмелится совершить необычный шаг.

Для западных политических кругов весть о закупке Египтом советского оружия грянула как гром с ясного неба. Такой дерзости от руководителя вчерашней полуколонии никто не ожидал. Буржуазная печать подняла невообразимую шумиху. В один день Насер стал заклятым врагом западных держав.

В Египте, как и следовало ожидать, популярность Насера резко возросла. Но наибольший успех его акция имела в других арабских странах. До этого он там был почти неизвестен. Революцию 1952 г. связывали с именем Нагиба. В некоторых арабских странах отношение к Насеру было весьма прохладным. В Сирии, например, где «Братья-мусульмане» весьма сильны, Насеру не могли простить его расправы с «братьями» в Египте, суданцы крайне отрицательно отнеслись к смещению и аресту Нагиба, который по матери был суданцем. Но после 27 сентября 1955 г. все это уже не имело значения. Насер дал пощечину империалистам, он бросил вызов всемогущей Америке, он стал героем арабской нации, «новым Саладином».

В плане внешней политики закупка советского оружия и начало борьбы против Багдадского пакта во многом предопределили будущие направления деятельности Насера. Впервые вступив в контакт с социалистическим миром, Насер в дальнейшем уже всегда будет учитывать наличие столь мощного противовеса империалистическому лагерю. Закупка советского оружия — первый шаг в разработке политической линии, ставшей основной в его дипломатии, — линии неприсоединения, соблюдения дистанции между двумя лагерями.

По сути этот шаг, так же как впоследствии национализация Суэцкого канала, был навязан Насеру Западом. Насер

не разрабатывал заранее свою политику — он импровизировал, моментально реагируя на складывающуюся ситуацию. Когда империализм пытался запугать или шантажировать его — как это и случилось впервые в истории с оружием, — он, опираясь на помощь стран социализма, принимал вызов. Его заслуга в том, что он первым из политических деятелей «третьего мира» оценил те огромные возможности, которые открыла перед развивающимися странами мировая социалистическая система, понял и проверил на собственном опыте, что империализм уже не обладает монополией ни на поставку оружия, ни на экономическую, техническую и финансовую помощь.

Повторяем, Насер дошел до этого эмпирическим путем. Западные державы своей близорукой политикой толкнули его на путь, принесший им впоследствии столько огорчений. Но могло ли быть иначе? Мог ли в международной обстановке 1952—1955 гг. государственный департамент США отказаться от идеи создания империалистического, антисоветского, военно-колониального блока на Ближнем Востоке? Разумеется, нет, иначе он не был бы органом, осуществлявшим внешнеполитическую стратегию, соответствовавшую в тот момент интересам американского империализма. Мог ли Эйзенхауэр игнорировать арабо-израильский конфликт? Нет, ибо он не мог не думать о следующих выборах, не мог не подчиниться политике своей партии. Из этого следует, что США не могли пойти навстречу желаниям Египта. Интересы империализма и национальные интересы Египта оказались несовместимыми. В этом — суть проблемы, суть закономерности, которая привела Насера к закупке советского оружия и борьбе против Багдадского пакта. В свою очередь эти события положили начало эволюции внешнеполитической концепции египетского руководства, создали новую ситуацию на Арабском Востоке. Полковник И. Беер напрасно сокрушался по поводу «упущенного шанса» Запада в Египте. Ближневосточный вариант «плана Маршалла» никогда не был реальным.

Если в 1955 г. многое прояснилось и определилось во внешней политике, то во внутренней — ясность отсутствовала. Главный враг — помещичье-капиталистическая верхушка — был разбит, но надежных союзников еще не было, прочная социальная опора не была найдена. Уже говорилось, что Лига освобождения не могла стать сильным политическим инструментом. Х. Мохи ад-Дин пишет: «Организация освобождения не являлась революционной партией. Она была простым объединением всех реально существующих сил со всеми их противоречиями и проблемами... Неспособность превратить эту организацию в истинную партию революции была сама по себе реальным выражением отсутствия ясной

идеологической линии в политической работе... Организация освобождения по сути дела не смогла утвердить себя среди масс» [74, 1966, № 8, 40].

Отсутствие определенной социально-политической ориентации проявилось и в том, что наряду с ликвидацией правых, реакционных партий военный режим преследовал и левые элементы. Как было напечатано в одном американском журнале: «Удары наносились и по правым и по левым, и по рабочим и по помещикам... Тщательный подсчет мог бы показать, что крупные капиталисты получали меньше средней нормы синяков от нового режима, а рабочие и левые деятели — больше. Однако крупные капиталисты утратили свою былую мощь и не могли, как раньше, с легкостью подкупать и манипулировать, а с нетерпением ждали, когда же армейские „волки“ уберутся обратно в свои казармы» [81, 1959, № 1, 15].

Известная деятельница английской лейбористской партии Барбара Кастл (ныне министр в правительстве Вильсона) посетила Египет в 1954 г. и вынесла впечатление, что революция «заморожена» и не двигается, застряла на месте. Ее коллега Э. Бивен пришел к выводу, что египетская революция — всего лишь фасад [110, 8.II.1963, 182].

Вероятно, так это тогда и выглядело. Но, как верно заметил египтянин, с которым Барбара Кастл говорила на эту тему, Бивен ошибался в одном: он думал, что революция так и останется всего лишь фасадом [110, 8.II.1963, 182].

Военный режим в 1956—1961 гг.

В апреле 1955 г. Насер присутствовал на Бандунгской конференции. Это явилось событием в его жизни и вехой в развитии внешней политики Египта. Насер увидел, что в мире формируется новая сила, что лидеры афро-азиатских стран, вступившие на путь неприсоединения к блокам, приобрели большой вес. Встречи с Неру, Сукарно и другими руководителями суверенных стран Азии произвели на него большое впечатление. До этих пор он сравнительно мало знал о тенденциях политического и экономического развития освободившихся стран. В Бандунге Насер впервые попал в «большой мир». Бандунг подтвердил его решение о необходимости ускоренного экономического развития при ведущей роли государственного сектора. В Бандунге он много услышал и о социализме.

На обратном пути Насер посетил Индию. Впоследствии он говорил: «Визит в Индию был поворотным пунктом в развитии моего политического мышления. Я понял, что единственная разумная политика для нас — встать на путь позитивно-

го нейтрализма и неприсоединения. Когда я вернулся к себе, то отношение, продемонстрированное к этой политике, убедило меня, что это — единственно возможная политика, которой обеспечена самая широкая поддержка арабского народа» [164, 187].

Вскоре этой политике пришлось выдержать суровое испытание. Разразился суэцкий кризис.

Все началось с решения египетского правительства построить высотную Асуанскую плотину. Неудержимый рост народонаселения, земельный голод продиктовали это решение. Для строительства плотины нужна была большая иностранная помощь. 17 декабря 1955 г. США и Англия объявили о своем участии в проекте постройки плотины, согласившись предоставить Египту соответственно 56 млн. и 14 млн. долл. Решения были приняты в Вашингтоне и Лондоне не без внутренней борьбы, принимая во внимание настроения, которые возбудила там история с оружием. Верх взяла точка зрения, считавшая, что не все потеряно. Просто надо «сменить крючок», на который можно «поймать» Насера, связать его долголетними обязательствами, сопряженными с длительным строительством плотины, и тогда он окажется в зависимости от Запада.

Очевидно, сторонники участия Запада в строительстве плотины в споре с противниками в какой-то мере гарантировали «благонадежность» Насера, считая, что, получив обещание крупной финансовой помощи, он будет вести себя «приемлемо» для западных держав. По всей видимости, египетское правительство тоже это понимало, и тут проявилась черта, характерная для политики Насера в последующие годы: пренебрегать соображениями деловой выгоды, когда задевают национальное самолюбие египтян. Даже намек на то, что египтян хотят купить займами, вызывает непримиримо враждебное отношение Каира. Почувствовав в начале 1956 г., что дело обстоит именно так, египетское правительство дало понять западным державам, что не собирается менять своего курса неприсоединения и независимости, т. е. платить цену, которую фактически от него требовали. И хотя в Египте уже было торжественно объявлено о соглашении и предстоящем строительстве плотины, Каир официально признал Китайскую Народную Республику, заранее зная о реакции США.

Для Даллеса это было уже слишком. Соотношение сил в госдепартаменте моментально изменилось, сторонники «обхаживания» Насера оказались в меньшинстве. 19 июля 1956 г. Даллес в грубой форме объявил египетскому послу, что Соединенные Штаты отказываются от участия в финансировании строительства плотины. На следующий день примеру

США последовала Англия. Это была явная попытка подорвать престиж Насера в глазах египтян, поставить его в глупое положение, вынудить к капитуляции или же добиться замены его правительства другим, зависимым от Запада.

Насер узнал новость, находясь на Бриони, где совещался с Тито и Неру. Вероятно, то, что он оказался в затруднительном положении в присутствии двух столь авторитетных государственных деятелей, лишь усилило его гнев. Западные державы внезапно, грубо, в нарочито оскорбительной форме бросили вызов Египту. Судьба революционного режима, политическая карьера Насера зависели от решения, которое надо было сразу же принять. Ответственность ложилась целиком на плечи Насера: он был президентом, вся власть была сосредоточена в его руках, Совет руководства революции давно уже не существовал.

Насер вступил в борьбу. В ответ на шантаж империалистов он взорвал «суэцкую бомбу». Операция была подготовлена в условиях абсолютной секретности и молниеносно осуществлена. В тот самый момент, когда 26 июля на митинге в Александрии при всеобщем ликовании Насер объявил о решении национализировать компанию Суэцкого канала, специальные отряды, слушавшие его речь по радио, по условному знаку — упоминанию имени Лессепса — вскрыли запечатанные конверты с инструкциями и заняли административные помещения компании. Несколько минут — и канал перешел в руки настоящих хозяев. Все произошло столь быстро, что западные державы даже не получили возможности «спасти лицо»: их поставили перед свершившимся фактом. Они хотели унижить Насера — он унизил их вдвойне.

Ход суэцкого кризиса хорошо известен и подробно описан. Его исход явился крупнейшей политической победой египетского народа над империализмом. Авторитет Насера в арабском мире неизмеримо возрос. Насер стал символом, живым воплощением арабского национализма. Даже в Иордании, где у власти находился монархический, враждебный революционному Египту режим, люди, пренебрегая опасностью, пели песню: «О Гамаль, ты национализировал канал, и в Иордании люди идут за тобой».

Для самого Египта суэцкий кризис оказался великим испытанием, пройдя через которое, он закалился и после столетий национального унижения обрел веру в свои силы. О героях Порт-Саида сложили легенды, молодежь воспитывается на их примере. Весь мир увидел, что египтяне великолепно управляют Суэцким каналом, который стал для страны важным источником финансовых поступлений: до 5 июня 1967 г. доход от него составлял около 100 млн. егип. ф. в год в иностранной валюте.

Суэцкий кризис во многом predetermined пути социально-экономического развития Египта. Те египетские деятели, которые еще питали иллюзии насчет возможности равноправного сотрудничества с западными державами, после Суэца окончательно убедились, что империализм — заклятый враг египетской революции. Египетское руководство стало ориентироваться на социалистические страны. Асуанская плотина строится с помощью Советского Союза, индустриализация страны осуществляется на основе экономического и технического сотрудничества с социалистическими странами.

Экономическая блокада Египта, организованная западными державами после суэцкого кризиса, была сорвана благодаря позиции Советского Союза. «Мы, — говорил Насер, — просили Америку разрешить купить нам излишки пшеницы, Америка отказала. Тогда Россия предложила пшеницу. Европа отказалась покупать наш хлопок. Россия купила его. Когда во время суэцкой борьбы нам не хватало нефти, Россия дала нам ее. Наш народ благодарен России за то, что в час кризиса она пришла к нам на помощь».

Спустя несколько лет после суэцких событий в письме президенту Дж. Кеннеди Насер писал: «После того как суэцкая битва окончилась поражением агрессии, политика Соединенных Штатов была направлена на то, чтобы изолировать Египет и попытаться мирным путем добиться осуществления агрессивных целей» [102, 1962, № 9, 275].

Речь шла о «доктрине Эйзенхауэра». Она наотрез была отвергнута Египтом и осуждена как империалистическая затея. Во второй половине 1957 г. стало ясно, что «доктрина» не оказала никакого воздействия на политику Египта и лишь усилила его позиции в «пропагандистской войне» против Запада. К этому времени благодаря советской помощи провалилась экономическая блокада Египта. Даллес понял, что режим Насера удержался и, более того, возрос его авторитет в арабском мире. Поскольку же США, пользуясь дискредитацией Англии и Франции на Арабском Востоке, стали претендовать на гегемонию в этом районе, позиция Египта — ключевой страны района — была для Вашингтона особенно важна. Даллес был вынужден смириться с тем, что свалить Насера не удалось. Вновь надо было пытаться перейти от «жесткой линии» к «мягкой». И делать это быстрее, так как Советский Союз дал понять Египту, что готов оказать ему экономическую помощь. Для предварительных переговоров по этому вопросу в Москву отправился маршал Амер. Помощь предоставлялась без всяких условий. И на фоне «доктрины Эйзенхауэра» позиция Советского Союза выглядела особенно контрастно. Как пишет американский автор Патрик Роббинс, «доктрина Эйзенхауэра» фактически предлагала: «Уча-

ствуйте в нашей игре, и мы вам заплатим». Москва, напротив, говорила: «Мы верим вам, и вот наша помощь, чтобы вы в этом убедились» [103, 1965, vol. XLI, № 2, 66].

Тогда Вашингтон дает понять Египту, что американская позиция может измениться к лучшему: 20 ноября 1957 г. была «разморожена» часть египетских активов — 10 млн. долл., заблокированных в США в период суэцких событий. Но это не повлияло на позицию Египта. Затем в декабре в Вашингтоне последовали переговоры Даллеса с египетским министром иностранных дел Фавзи. Судя по просочившимся в печать сведениям, шеф американской дипломатии дал понять Египту, что если он «откажется от своей просоветской позиции», то США могут оказать ему помощь [103, 1965, vol. XLI, № 2, 66]. Но в конце января 1958 г. было подписано соглашение о кредитах между Египтом и Советским Союзом. Американский блеф был сорван. Госдепартаменту ничего не оставалось, как отказать (по крайней мере временно) от «жесткой линии» по отношению к Египту, который в это время объединился с Сирией и стал более мощной, чем когда-либо, силой на Ближнем Востоке. Было дано указание возобновить поставки продовольствия и оборудования в Египет. 1 мая 1958 г., накануне поездки Насера в Москву, Даллес заявил на пресс-конференции: «Мы надеемся установить корректные и дружественные отношения с Объединенной Арабской Республикой» [103, 1965, vol. XLI, № 2, 69].

Так Египет выиграл войну нервов против США. Политика независимости и неприсоединения, политика установления контактов и сотрудничества с Советским Союзом принесла плоды.

Одним из последствий суэцкого кризиса была египтизация иностранных предприятий (т. е. принудительная продажа иностранцами своих акций египтянам.— Г. М.). 15 января 1957 г. были опубликованы законы № 22, 23 и 24, лишившие иностранцев прав собственности на все банки, страховые и торговые компании. Это означало конец эксплуататорской деятельности английских и французских банков, которые, обладая капиталом в 5,6 млн. ф. ст., контролировали средства вкладчиков на сумму в 180 млн. ф. ст. Одновременно были национализированы 64 английские, французские и австралийские страховые компании, с общим капиталом в 17,1 млн. егип. ф., а также многочисленные иностранные торговые фирмы.

Все эти мероприятия можно рассматривать как продолжение процесса, начатого национализацией компании Суэцкого канала,—освобождения экономики от засилья иностранного капитала. Ничего угрожающего интересам национального капитала в этом нет — так по крайней мере кажет-

ся в экономическом аспекте. В политическом же аспекте нам представляется, что именно волна национализации и египтизации, поднявшаяся в 1956—1957 гг., была началом конфликта между военным режимом и национальной буржуазией.

Существенный элемент деятельности частного капитала — доверие к государственной власти. Чисто экономические и финансовые льготы ещё не гарантируют активности частного сектора — нужна уверенность в будущем. Деятельность частного капитала неразрывно связана с риском. Любое помещение капитала — это риск. Никакие экономические льготы и тем более патриотические призывы не побудят капиталистов к инвестициям, если они чувствуют, что риск превосходит «оптимально допустимую» норму. Когда египетские капиталисты увидели, как легко, быстро и без колебаний правительство Насера национализировало чужую собственность, в сердца многих из них закрался страх. С одной стороны, у них были основания радоваться — изгоняли их конкурентов. Но с другой — кое-кто начал думать: а не поступит ли правительство, если вдруг найдет нужным, и с нами таким же образом?

Этих опасений не было, если бы в правительстве сидели «свои люди». Но все дело было в том, что военный режим сохранял монополию на власть и, предоставляя капиталистам экономические льготы, отказывался допустить их к управлению государством. Это, как мы увидим позже, и послужило главной причиной «кризиса доверия» в отношениях между частным капиталом и правительством⁸.

Английский исследователь О'Брайен писал: «С коммерсантами и промышленниками больше уже не консультировались по поводу разрабатывавшихся режимом планов экономического развития, и они не получали сверху того благосклонного одобрения — в социальном и политическом плане, — которое необходимо, чтобы рассеять их опасения относительно будущего частной инициативы в Египте. Поэтому, хотя экономический климат стал более благоприятным, политика правительства породила чувство неуверенности в деловом мире, особенно после 1959 г., когда официальные деятели и печать стали проявлять открытую враждебность к капитализму» [177, 314].

Опасения буржуазии усиливались в связи с тем, что в Египте все сильнее пробивалась тенденция к государственному руководству экономикой, к планированию экономического развития. Одним из инициаторов внедрения плановых начал

⁸ Эдмунд Асфур писал о «взаимном отсутствии доверия между деловым миром и офицерами, а также о естественном желании тех, у кого власть, удержать ее» [103, 1966, vol. XLII, № 4, 87].

в египетскую экономику был выдающийся польский экономист, ныне покойный, Оскар Ланге, консультировавший египетское руководство по этому вопросу во время своего пребывания в Каире в 1954 г. Первые организации, призванные вести планированием экономики, были созданы еще в 1952 г., и их функции постоянно расширялись. Причины усиленного внимания к планированию были объяснены в официальном документе: «Необходимость создания планирующих органов с неизбежностью вытекает из того, что... отсутствуют соответствующие учреждения, способные хотя бы предложить, а тем более пустить в ход... средства, необходимые для увеличения продукции и капиталовложений» [29, 4, 7]. Иными словами, ускоренное экономическое развитие необходимо, чтобы страна не задохнулась, но частная стихия не могла создать механизм, обеспечивающий это развитие.

13 января 1957 г. была создана Экономическая организация, в ведение которой перешел государственный сектор. К этому времени государственные и смешанные компании располагали капиталом всего в 17 млн. егип. ф., но после египтизации, к концу 1958 г., капитал возрос до 58,6 млн. егип. ф. [171, 112]. Если в 1950 г. на долю частного сектора приходился 81% всех капиталовложений, то в 1956 г. — только 40%, а 60% — на долю государства [27, 21].

Все это отнюдь не означает отказа от поощрения частного капитала. Напротив, правительство продолжает возлагать большие надежды на сотрудничество с частным сектором, особенно теперь, когда в результате египтизации местные дельцы приобретают имущество выезжающих из страны греков, ливанцев, евреев и других и, следовательно, имеют основания быть довольными правительством.

И действительно, дела у частного капитала идут совсем неплохо. По данным Национального банка Египта за 1958—1959 гг., прибыли 144 акционерных обществ выросли на 7% по сравнению с предшествовавшим годом [107, 1960, № 3—4, 264]. Если в течение 1959 г. было образовано 19 акционерных обществ, то в 1960 г. — уже 36, а их номинальный капитал достиг 30,7 млн. егип. ф., увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 25,2 млн. егип. ф., т. е. на 460% [107, 1961, № 1, 56—57]. «Перед египетской буржуазией, кажется, открылся золотой век», — напишет впоследствии, вспоминая об этом периоде, французский специалист по арабским делам Эрик Руло [54, 29. IX. 1963].

Польский экономический журнал характеризует тип «государственно-военного капитализма», который практиковал на том этапе египетский военный режим, как «японский вариант» [133, 1965, № 3, 582]. Создавать благоприятные условия для частного капитала, поощрять его к инвестициям в

промышленность и на этой основе поднять экономику, оставляя за собой общий контроль, — такова идея экономических советников Насера.

«Можно сказать, — пишет Х. Мохи ад-Дин, — что эта политика имела две стороны: способствовать развитию национального капитала и в то же время лишить его какого бы то ни было политического контроля» [74, 1966, № 8, 40].

Очень скоро жизнь должна была показать, насколько успешной оказалась идея поощрения класса капиталистов в области экономики при одновременном устранении их с политической арены.

Буржуазия была довольно широко представлена в Национальном собрании — новом верховном законодательном органе, созданном согласно конституции, одобренной референдумом 23 июня 1956 г. Право выдвигать кандидатов в Национальное собрание было предоставлено Национальному союзу — новой массовой организации, заменившей Лигу освобождения. Фактически решающую роль в этом играл исполком Национального союза (состоявший из Богдади, Амера и Закарии Мохи ад-Дина). Из 2508 кандидатов, выдвинутых в Собрание, исполком утвердил 1188, отвергнув таким образом почти половину [171, 117]. 15 июля 1957 г. были объявлены результаты выборов. Представляет интерес состав Национального собрания. В него вошли: 16 министров, 3 заместителя министра, 46 адвокатов, 46 землевладельцев, 40 омада (деревенских старост), 34 офицера, 20 врачей, 21 государственный служащий, 15 владельцев недвижимого имущества, 14 офицеров полиции, 12 инженеров, 10 преподавателей, 10 коммерсантов, 8 чиновников магистратов, 8 журналистов, 5 шейх альбаляд (муниципальных должностных лиц), 4 бухгалтера, 9 фабрикантов, 4 предпринимателя (очевидно, дельцы, занятые в непромышленной сфере), 2 аптекаря, 1 шейх, 7 служащих частных фирм, 2 работника радиовещания, 4 рабочих [62, 16.VII.1957].

Как видно из этого перечня, имущие слои получили подавляющее большинство в Собрании. Впрочем, значения в решении действительно важных дел этот орган не имел. Да и сам Национальный союз не намного отличался от Лиги освобождения. Как писал английский автор, «когда я посетил ОАР в 1960 г., у меня сложилось впечатление, что никто не принимает Национальный союз слишком серьезно; вряд ли кто-нибудь мог разобраться в сложной структуре его комитетов и советов...» [98, 1962, № 38, 22—23].

Все знали, что реальной силой в стране является армия, а важные вопросы решает президент Насер. Он один пользовался подлинным и неоспоримым авторитетом. Ему одному — с вполне понятным в тех условиях преувеличением —

приписывалась заслуга, что Египет избавился от иностранного господства, от власти кучки инонациональных по происхождению аристократов, от турецко-черкесско-албанской знати и левантинско-греческо-итальянско-еврейской торговой и деловой прослойки, что открыло возможности для продвижения «чисто египетским» элементам⁹. На Насера смотрели как на человека, восстановившего национальное достоинство Египта, впервые сделавшего Каир тем местом, где вершится политика Египта. Насер велел развесить на улицах плакаты с текстом: «Подними голову, брат мой, времена позора миновали!». Он вытравил у египтян своего рода общенациональный комплекс неполноценности — результат долгого порабощения, и не удивительно, что люди, собравшиеся 26 июля 1956 г. на площади в Александрии, плакали от радости, слыша, как Насер разговаривает с империалистами.

Однако, несмотря на личную популярность Насера и его успехи на «внешнем фронте», широкие массы относились индифферентно к различным, часто менявшимся, но мало что менявшим по существу формам политического устройства. Личный авторитет Насера маскировал положение, при котором спустя несколько лет, прошедших со дня революции, богатые остались богатыми, а простой народ по-прежнему жил в нищете. Тем временем частный капитал стремился использовать государственные каналы для расширения своей активности и влияния в экономике страны. Усиленно развивался процесс создания новых связей — связей нового государственного аппарата с частным капиталом. Часть офицерства, попав на руководящие административные и хозяйственные посты с окладом, в два-три раза превышающим их прежнее армейское жалованье, обогатилась, коррумпировалась, стала превращаться в привилегированную касту, сливавшуюся с буржуазной верхушкой.

Жизненный уровень трудящихся оставался крайне низким. В 1952 г. доход на душу населения составлял 35 егип. ф., в 1957—37 егип. ф. Как признал министр финансов в докладе о проекте бюджета на 1958 г., в результате роста цен и увеличения налогов стоимость жизни за шесть послереволюционных лет повысилась на 30%. В действительности рост цен был еще большим, особенно если учесть резкое вздоро-

⁹ Еще в 1905 г. лорд Кромер писал: «Производство и ремонт обуви почти полностью монополизированы греками и армянами. Производство и продажа суконных тканей контролируются евреями, сирийцами и европейцами, портняжное дело — евреями». Среди имен, упоминавшихся в «Ежегоднике акционерных компаний» за 1951 г., 31% составляют египтяне-мусульмане, 4 — копты, 17 — евреи, 12 — сирийцы и ливанцы, 9 — греки и армяне, 31% — европейцы [183, 124, 130].

жание таких товаров, как ткани, сахар, керосин, сигареты и др.

Согласно действовавшему законодательству о труде и социальном обеспечении минимальная заработная плата рабочего была установлена в размере 18 пиастров в день (1 егип. ф. = 100 пиастрам). Однако реальные доходы промышленных и сельскохозяйственных рабочих не только не достигали этого минимума, но во многих случаях составляли 8—10 пиастров. В результате повышения налогов и страховых сборов упала реальная заработная плата государственных служащих.

Аграрная реформа продолжала осуществляться: по данным на 1962 г., среди крестьян было распределено уже 645,6 тыс. федданов (из общего количества обрабатываемой земли, равного почти 6 млн. федданов). Землю получили 226 тыс. крестьянских семей, т. е. около 2 млн. феллахов (из общего числа около 19 млн. человек [171, 75]). Выкупные платежи и налоги ложились на крестьянина тяжким бременем. По данным обследования, проведенного газетой «Аль-Гумхурия», крестьянин, владеющий 3 федданами земли, должен был выплачивать в год более 125 егип. ф., в то время как его доход не превышал 115 егип. ф. [64, 17. IX. 1958].

Лондонская «Таймс» в статье, озаглавленной «Новая жизнь для всех, кроме феллаха», писала, что «для египетского крестьянина жизнь осталась такой, какой она была всегда — с более дорогими парафиновыми свечами, с менее крепким чаем и всегда с большим числом ртов, которых нечем кормить. Для него революция все еще маячит впереди — букра филь мишмиш, — что на его языке означает „завтра, когда зацветут абрикосы“» [58, 15.V.1959].

Незавершенность революции чувствовалась во всем, и это создавало атмосферу недовольства, которому правительство могло противопоставить лишь личный авторитет Насера и лозунги арабского национализма и единства. Но этого было мало. Насер, чутко прислушивающийся к общественному мнению, чтобы смягчить недовольство масс, разочарованных отсутствием обещанного равенства и социальной справедливости, счел необходимым выступить против привилегированных — сначала только на словах.

В речи на IV конгрессе кооперативов 27 ноября 1958 г. Насер упомянул о возникновении в стране «новой аристократии». «Те, кто считают, что они стали хозяевами страны, ошибаются», — заявил он. Явно антикапиталистические нотки прозвучали в его речи, когда он сказал: «Демократическое общество — это отнюдь не обязательно общество с многопартийной системой. Это — такое общество, которое мы создадим, когда покончим с эксплуатацией, коррупцией и с капи-

талистической угрозой». Под «капиталистической угрозой». Насер, судя по всему, подразумевал тогда не частный сектор вообще, а крупные капиталистические объединения, приобретавшие характер монополий. Он резко критиковал эти «группировки» или «блоки» («такятулят») [56, 6.I.1959].

Почти одновременно с этой речью «Роз аль-Юсеф» опубликовала статью Абдель Куддуса, в которой говорилось, что в стране возник «класс привилегированных» («табакат асхаб аль-имтиязат»). В нем «собраны наряду с капиталистами директора крупных компаний и крупные чиновники», и этот класс «постоянно пытается управлять государством в своих частных интересах».

В том же номере была помещена статья Фатхи Халиля «Новая аристократия», в которой говорилось об опасности, которую представляет «сектор класса капиталистов (имелись в виду крупные капиталисты и мэнеджеры), стремящихся к монополии» [132, 5.XII.1958].

Таким образом, в конце 1958 г. египетское руководство начало кампанию против крупного капитала, подчеркивая при этом, что речь идет не о борьбе против частного сектора, как такового.

Переход Египта на некапиталистический путь развития

Военный режим находился во власти обстоятельств, вытекающих из характера Египта как страны, только еще избавляющейся от полуколониального положения, страны потрясающей нищеты и непрерывно увеличивающегося населения. Перед Насером стояли неотложные экономические и социальные задачи — решение продовольственной проблемы, проблемы перенаселенности (освоение пустыни под пашню, форсирование индустриализации и ликвидации монокультурного характера хозяйства). Со всеми этими задачами пришлось бы столкнуться любому египетскому правительству. Коренной порок военного режима состоял в том, что он пытался решить их без радикальной ломки прежней социальной структуры. С каждым годом становилось все очевиднее, что решение национальных задач страны невозможно без социальных преобразований, более глубоких, чем свержение монархии, ликвидация титулов пашей и ограничение крупного землевладения.

Следующие данные дают представление о социальной структуре общества и доходах различных общественных групп в Египте (данные на 1958 г.) [179, 41, 60].

А. Городское население

Категория	Численность, тыс. человек	К % город- ского насе- ления	Доходы, млн. егип. ф.	Доходы на душу насе- ления, егип. ф.
1. Без определенной профессии . . .	2983	37		
2. Домашняя прислуга	934	12	20	21,4
3. Предпролетариат	186	2	5	26,8
4. Рабочие традиционного сектора (т. е. не занятые в крупной про- мышленности)	400	5	16	40,0
5. Пролетариат	790	10	48	60,8
6. Низшие служащие	1117	14	118	105,6
7. Предприниматели традиционного сектора	736	9	94	127,7
8. Средние служащие свободной профессии	614	8	83	133,5
9. Буржуазия (крупные капитали- сты) и аристократия (включая де- ревенскую, живущую в городе)	240	3	203	845,8
Всего	8900	100	587	

Б. Сельское население

Категория	Численность, тыс. человек	К % сель- ского насе- ления	Доходы, млн. егип. ф.	Доходы на душу насе- ления, егип. ф.
10. Деревенская беднота:				
а) безземельные	14 000	73	50	3,5
б) малоземельные	1 075	6	7	6,1
11. Середняки	2 850	15	76	26,8
12. Привилегированные:				
а) богатые крестьяне	875	5	76	87,4
б) сельские капиталисты	150	1	116	773,1
Всего	18 950	100	325	

Из приведенных данных виден небольшой удельный вес современного промышленного пролетариата (10% городского населения и менее 3% общего населения), что во многом и объясняет тот факт, что он не стал гегемоном национально-освободительной революции. Далее — огромный удельный вес городских низов — полубезработных и безработных, предпролетариата, ремесленников, прислуги — 56% городского населения. Следующая по величине группа — служащие и интеллигенция: 22% городского населения. В деревне — абсолютное преобладание безземельных и малоземельных крестьян — 79%.

Они же говорят о колоссальном разрыве в уровне доходов: на долю 1,4% населения (буржуазия и помещики) приходилось немногим менее 30% доходов (319 из 912 млн. егип. ф.).

Знакомство с этими данными приводит к выводу, что страна с подобной социальной структурой стоит накануне экономических и общественных потрясений, ей угрожает либо хозяйственный крах, либо социальный взрыв. Если 37% городского населения не имеет определенных занятий, это означает одно: город переполнен людьми, бежавшими от голода из деревни и перебивающихся случайными заработками. Но в данных не отражен еще такой фактор, как рост народонаселения. Между тем за 12 послереволюционных лет чистый прирост населения в Египте составил 8 млн. человек.

Только форсированная индустриализация могла быть выходом из положения, и военные лидеры с самого начала своего правления понимали это. Они прилагали массу усилий и давали всевозможные льготы частному капиталу, чтобы направить его в промышленность, но чем дальше, тем больше они испытывали разочарование.

Уже в отчете Египетской федерации индустрии за 1953 г. констатировалось, что инвестиции банков и кредиты, предоставленные ими на нужды экономического развития, составили 137 млн. егип. ф. по сравнению со 138 млн. егип. ф. в 1952 г. «Эти цифры показывают,— говорилось в отчете,— до какой степени частный капитал отстывает перед трудностями фискального, социального и административного характера...» [171, 103].

Рост промышленной продукции был слишком медленным. В 1957 г. ее индекс составил 123,3 (1954—100). Общая сумма промышленных инвестиций, составившая в 1956 г. 26,2 млн. егип. ф., упала в 1957 г. до 12,9 млн. егип. ф. Причину этого падения объясняет Абдель Малек: «огромный страх, который испытали имущие классы в момент Суэца» [171, 103]. Это подтверждает уже высказанную выше мысль о том, что в политическом аспекте суэцкий кризис, приведший к национализации иностранной собственности, усугубил недоверие буржуазии к военному режиму.

Уже говорилось о том, какие льготы были предоставлены после 1952 г. иностранному капиталу. Но, как отмечают Ж. и С. Лякутюры, «иностраный капитал, еще до национализации компании Суэцкого канала, вел себя сдержанно... Западный капитализм остерегался иметь дело с режимом полковников...» [166, 348]. Новые льготы были предоставлены иностранному капиталу в 1954 г.: было разрешено переводить прибыли за границу в валюте страны-инвестора и т. д. [171, 105]. Но и это не дало ожидаемых результатов. Такое

же положение создалось и с привлечением местного капитала в индустрию. Созданный специально для кредитования промышленности промышленный банк, имея капитал 9 млн. егип. ф., к концу 1957 г. предоставил кредиты всего на 4,5 млн. егип. ф. [171, 103]. Банки с большой неохотой шли на кредитование промышленных компаний.

В документе, подготовленном экономистами из Национального банка Египта, говорилось: «В Египте роль частного предпринимательства в процессе экономического развития также не была эффективной... и правительству пришлось взять на себя ответственность и инициативу в поощрении новых капиталовложений путем применения всевозможных средств протекционизма, субсидирования и непосредственного финансирования. В определенный период (особенно в 1957—1960 гг.) фактор риска — принципиальная основа функционирования частного предпринимательства — почти полностью перестал действовать. В этот период частное предпринимательство на практике означало не что иное, как даровое распределение богатства среди людей, не выделяющихся особыми способностями» [107, 1964, № 1, 47]. Иными словами, правительство шло навстречу буржуазии, создавая для нее все мыслимые условия, защищало ее и субсидировало, но это не дало результатов.

Вопреки ожиданиям, аграрная реформа, которая должна была способствовать переливу капиталов в промышленность, мало что дала в этом отношении. В 1955 г. из аграрной сферы было высвобождено 45 млн. егип. ф., но в промышленность было вложено всего 6 млн. егип. ф. [171, 81]. Как правило, дельцы вкладывали капиталы в городское строительство (от 15 млн. до 20 млн. егип. ф. ежегодно, в основном в двух городах — Каире и Александрии) [171, 81]. Особенного размаха достигло вложение капиталов в городское строительство в 1954 и 1955 гг.: за два года оно составило около 82,5 млн. егип. ф., в то время как капиталовложения в промышленность не превышали 16,6 млн. егип. ф. [136, 261]. В 1956 г. капиталовложения в городское строительство составляли 75,8% всех частных инвестиций [171, 81]. Картина не изменилась и в последующие годы: в 1958 г. более $\frac{3}{4}$ всех частных инвестиций шло в городское строительство.

Дело прежде всего в том, что эта сфера деятельности гораздо прибыльнее промышленного предпринимательства. Были и другие причины: половинчатая политика правительства, бывшего и по правым и по левым (по левым больше); антикоммунистические тенденции военной бюрократии, проявлявшиеся то подспудно, то, как в 1958—1959 гг., открыто; привилегии, которые оно предоставляло иностранному и частному капиталу, — все это порождало у части буржуазии

уверенность, что режим не пойдет влево, не встанет на путь преобразований радикального, социалистического характера. Поэтому капиталисты безбоязненно продолжали старую игру, игнорировали увещевания правительства, занимались всевозможными валютными махинациями, нимало не заботясь о национальных интересах, о нуждах индустриализации.

Создалось парадоксальное положение: правительство, облегчив условия деятельности частного капитала, дав ему льготы, стремясь внушить доверие к государственной власти, нанесло ущерб собственным интересам. Капиталисты лишь больше нагнели и с удвоенной энергией бросились в непродуцируемую сферу.

Но, как отмечалось, были и иные настроения. После суэцкой волны национализации многие капиталисты потеряли доверие к правительству. Все, кто ожидал, что правительство рано или поздно перейдет от экспроприации иностранной собственности к покушению на привилегии местных имущих классов, чувствовали себя обреченными и поэтому стремились как можно быстрее, пока еще есть время и их не «схватили за горло», заработать побольше денег. А это толкало их к вложениям капитала в сферы, приносящие максимальный доход в максимально короткий срок. Получался заколдованный круг.

Особенно важное значение приобрела утечка валюты, крайне дефицитной для Египта. В 1959—1960 гг. был раскрыт ряд махинаций, посредством которых дельцы транжирили валюту. Утечка валюты стала приобретать характер подлинного бедствия для экономики¹⁰ [62, 8.XII.1961].

Крупные капиталисты, финансисты, коммерсанты стали объединяться и потихоньку создавать своего рода монополистические блоки. Так, они достигли соглашения по вопросу о том, какова должна быть норма их прибыли от сделок с государственными компаниями. Многие важные проекты, утвержденные пятилетним планом, остались нереализованными, так как частный капитал, который предполагалось привлечь для их осуществления, не желал, ввиду их неизбежной на первых порах нерентабельности, участвовать в них. Стало заметно поразительное отсутствие конкуренции в вопросе о ценах, и у правительства возникли вполне обоснованные подозрения, что частные компании, чтобы не мешать друг другу брать подряды по наиболее выгодным для себя ценам, тайно делили между собой «сферы влияния». Капиталисты наживались на махинациях, связанных с амортизацией оборудования и т. п.

¹⁰ Как выяснилось в 1961 г., Франсуа Тагер (один из «столпов» египетского капитализма) ежегодно переводил в Лондон 10 млн. егип. ф.

«Исследования, проведенные Комиссией по планированию, показали, что в общей сумме, предназначенной для проведения в жизнь программы экономического развития, частный капитал составляет не более 10—15%,— писал Х. Мохи ад-Дин.— Правительство предприняло все усилия, чтобы оказать влияние на частный сектор путем введения материального стимулирования в вопросе использования прибылей для осуществления пятилетнего плана. Однако и это не дало каких-либо ощутимых результатов. Наконец, после длительных переговоров правительство было вынуждено в 1959 г. издать закон, определяющий максимум прибыли. Согласно этому закону, запрещалось распределение прибылей, которые более чем на 10% превышали сумму прибыли 1958 г. Капиталисты полагали, что план увеличения национального дохода вдвое в течение 10 лет является слишком честолюбивым и невыполнимым замыслом. Они считали также, что если этот план и будет осуществлен, то это произойдет в основном за счет их прибылей. Именно поэтому они оказали сопротивление закону 1959 г., открыто ставя под сомнение успех плана и отказываясь от участия в нем. Более того, капитализм объявил войну плану, войну тому, что он называл „жертвой настоящего поколения ради будущего поколения“» [74, 1966, № 8, 42].

Итак, буржуазия, в общем, процветает в основном за счет непродуцирующей сферы и махинаций, прибыли ее растут. Но ее отталкивает, как отмечал Абдель Малек, то, что «армия намерена сама вершить политику, т. е. сохранять монополию на власть... Она не заботится о том, чтобы окружить себя избранной ассамблеей, в которой различные фракции египетской буржуазии могли бы заставить себя слушать, могли бы открыто защищать свои интересы, даже контролировать исполнительную власть. Эти круги в очень незначительной степени участвуют в подборе министров... Но ведь эти группы привыкли к власти. Прежде именно они назначали и свергали министров, вели переговоры с иностранными державами, контролировали прессу, партии, парламент — словом, осуществляли власть в государстве» [171, 106, 107, 115]. Теперь же буржуазия зависит от военного режима, ревниво охраняющего свою монополию на власть. Намерения Насера всегда окружены тайной, он действует молниеносно, не советуясь с «солидными людьми», и «солидные люди» не доверяют ему, не рискуют вкладывать капиталы в предприятия, инициатором создания которых является эта, по существу чужая для них, власть.

Буржуазия проявляет глухое недовольство, мечтая об ослаблении «бремени» государственного вмешательства. Ей кажется, что пора приступить к «освобождению» страны от

него. Возникает потенциальная угроза антиправительственных заговоров, образуется питательная среда для оппозиции. И правительство это понимает. Больше ждать нечего. Идея, о которой писал Халед Мохи ад-Дин,— способствовать развитию национального капитала, лишая его при этом политического контроля,— оказалась нереальной. Еще раз подтвердилось, что нельзя иметь в стране сильный класс частных собственников, изолируя его в то же время от власти. Насеру не удалось «сварить кашу» с буржуазией.

В изданной в Каире в 1961 г. книге «Разговор о социализме» говорилось: «Наше государство долго и терпеливо ждало, что богатые классы образуются. Но крупные собственники вместо этого стали препятствовать осуществлению планов экономического развития»¹¹. Здесь, пожалуй, верно все, кроме слова «образуются». Дело не в этом. Египетская буржуазия, учитывая ее «колонийальное» происхождение, прошлое, традиции, психологию, подход к жизни, наконец, финансовую слабость, экономические условия и политическую обстановку в стране, не могла действовать иначе. Ее логика была несовместима с логикой национального развития, которой вынуждено было руководствоваться правительство, — иначе не было смысла в его деятельности, в его «популизме», в его монополии на власть. Военный режим должен был либо добиться осуществления индустриализации, удвоения национального дохода в течение 10 лет, либо ему пришлось бы расписаться в своей несостоятельности. Буржуазия встала на его пути, и он ударил по буржуазии. Никакие этические сомнения при этом не возникали: у власти стояли люди, не являвшиеся выходцами из капиталистической среды и не связанные с нею экономическими и иными интересами, люди, уверенные в своей силе, опиравшиеся на армию и государственный аппарат. «К 1961 г., — пишет О'Брайен, — у офицеров уже было мало уверенности в способности или готовности частного сектора следовать линии, начертанной для него Национальным комитетом по планированию. Не желая рисковать успехом плана, с которым они себя уже прочно связали, офицеры предпочли национализировать те отрасли экономики, которые могли быть поставлены под контроль центра» [177, 315].

11 февраля 1960 г. было объявлено о национализации Национального банка Египта и банка «Миср», правительство нанесло удар по цитадели египетского капитализма. Банк «Миср» с его 29 компаниями стал к этому времени могу-

¹¹ Еще раньше египетский журнал констатировал: «Деловой мир Египта не желает внести свой вклад в национальную реконструкцию» [94, 1959, May — June, 27—28].

щественной монополистической организацией. Как заявил глава Экономической организации доктор Кайсуни, банк «Миср», активы которого превышали 100 млн. егип. ф., превратился в подлинную холдинговую¹² компанию, наподобие тех, которые были запрещены антитрестовским законом в США [62, 6.III.1960]. Впоследствии стало известно, что 42% акций банка «Миср» принадлежали всего 50 лицам, из которых 10 владели 20% всех акций, а «сахарный король» Аббуд владел 14% всех акций банка [64, 20.III.1960].

«Аль-Ахрам» писал, что банк «Миср» достиг «монополистической стадии», что «угрожало навязыванием господства государственной власти» [171, 136]. В этом — суть проблемы. Экономическое могущество крупной буржуазии толкало ее к установлению контроля над государственной властью.

Как показали события, национализация банка «Миср» была прелюдией к более серьезным шагам. 20 июля 1961 г. правительственным декретом были национализированы все банки и страховые общества, а также ряд промышленных и других компаний (всего 44 компании). Национализация коснулась 1772 человек. По другому декрету 83 компании превращались в смешанные акционерные общества, в которых государству должно было принадлежать не менее 50% капитала. Этот закон нанес удар по 1715 капиталистам. По третьему декрету в 148 компаниях частным лицам было запрещено иметь акции на сумму более 10 тыс. ег. ф. Излишки переходили к государству. Под действие декрета подпали 2070 крупных акционеров [107, 1961, № 3, 326—332].

Правительство национализировало внешнюю торговлю и торговый флот. Импорт могли осуществлять государственные компании или компании, в которых государству принадлежало не менее 25% капитала.

Правительством было принято решение о скупке 35% акций всех фирм, экспортирующих хлопок. Тем самым под контролем государства оказалась экспортная торговля этим важнейшим товаром — основным источником иностранной валюты.

Новая аграрная реформа сократила максимум землевладения вдвое — до 100 федданов на человека. Наконец, национализируется вся земля, принадлежащая иностранцам, — примерно 142 тыс. федданов у 2614 лиц.

Паника охватила буржуазию, оказавшуюся в Египте не в состоянии что-либо сделать. Иначе обстояло дело в Сирии, где буржуазия могла использовать националистическое недо-

¹² «Холдинг-компани» — компании, специально создаваемые для владения акциями других компаний (промышленных, транспортных, торговых и др.), как правило, не имеют своих производственных предприятий.

вольтство. На рассвете 28 сентября 1961 г. сирийские воинские части, расположенные в гарнизоне Катана, вблизи Дамаска, двинулись на столицу. Фактический наместник Насера в Сирии маршал Амер, захваченный врасплох восставшими офицерами, был арестован. Группа офицеров, захватившая власть, объявила о выходе Сирии из состава ОАР. Главой правительства был назначен Маамун Кузбари, известный своими тесными связями с так называемой «Аш-шарика альхумасийя» («Общество пяти»), составлявшей ядро сирийской буржуазии [171, 165].

И вновь, как в час суэцкого кризиса, Насер проявил качества государственного деятеля крупного масштаба. Он выбрал единственно правильное решение — отказался от попытки силой удержать Сирию в составе ОАР.

Еще более важно, что Насер извлек из сирийского кризиса далеко идущие выводы. Он убедился, что угроза революции исходит от буржуазии, что враг находится справа. Выход Сирии из ОАР стал переломным пунктом во всей его политической деятельности, толкнул к решительным шагам на пути коренных социальных преобразований, уже намеченных к тому времени.

В своей речи 16 октября 1961 г., возможно одной из самых важных, он подверг себя резкой критике, заявив, что переоценил свои силы и недооценил силы реакции, боролся против империалистических пактов и баз, в то время как империализм находится также «во дворцах и сейфах миллионеров». Насер признал, что он и его помощники дали возможность реакционным элементам войти в Национальный союз, оставили прежний, неэффективный государственный аппарат вместо того, чтобы сделать его инструментом в руках народных масс. Насер признал, что не было обеспечено революционное воспитание народа [62, 17.X.1961].

«Если законы, изданные в июле 1961 г., имели целью нейтрализацию крупной буржуазии, то речь 16 октября означала, что она будет ликвидирована», — писал Абдель Малек [171, 160].

Через два дня, 18 октября был сформирован новый кабинет. Из 28 министров 13 были офицеры, в том числе президент и 5 вице-президентов. Еще через четыре дня объявили об аресте 40 человек, в основном бывших вафдистов (они были освобождены спустя четыре месяца), и о наложении секвестра на имущество 167 «реакционных капиталистов», представителей всех «больших семейств» традиционной египетской элиты. Спустя три года Насер признал, что он долго колебался, прежде чем принять решение о секвестре имущества [24, 114]. В самом деле, это было открытое объяв-

ление войны буржуазии, шаг бесповоротный, и он был сделан¹³.

Подобно тому как несколькими годами раньше была разгромлена и изгнана из политической жизни верхушка крупных землевладельцев и их представителей — деятелей старой эпохи, так в 1961 г. была разгромлена и изгнана с политической арены крупная буржуазия. У нее была отобрана собственность общей стоимостью в 1 млрд. егип. ф. Наиболее известные представители буржуазии были объявлены «врагами народа» и обречены на «изоляцию», т. е. лишение политических прав. Патриарх египетской буржуазии, «сахарный король» Аббуд, предстал перед трибуналом по обвинению в финансовых злоупотреблениях.

«Если бы мы отдали руководство хозяйством в руки частного сектора, мы бы ничего не добились», — в этих словах Насера суть долго назревавшего конфликта, приведшего к революционным мерам 1961 г. Как пишет Халед Мохи ад-Дин, «пятилетний план не мог осуществляться без установления почти полного контроля над капиталовложениями в государственный сектор. Не было иного пути, кроме национализации и установления народного контроля, привлечения трудящихся масс к активному участию в строительстве общества. Президент Насер пришел к политическому и теоретическому выводу о невозможности развития по капиталистическому пути, о невозможности претворения в жизнь плана развития, кроме как на социалистической основе. Он заявил народу о неизбежности социалистического решения проблем, определив этим содержание теоретической концепции и вытекающую из нее политическую и экономическую деятельность» [74, 1966, № 8, 43].

Но, как правильно подчеркивает тот же автор, «нужна была теория, подтверждающая путь, избранный революцией» [74, 1966, № 8, 43]. Действительно, революция вступила в стадию поиска теории. Египет дает любопытный пример развития революции, в которой практика опережает теорию, а революционное руководство, уже совершив на практике решающий шаг, начинает разрабатывать теорию, подыскивать теоретическое обоснование своих действий.

Поскольку эти действия направлены против препятствовавших революции эксплуататорских классов — буржуазии и помещиков, то вполне естественно, что теоретической основой этой политики мог быть только социализм. Это было ясно

¹³ Существовала версия, что на это повлияло раскрытие заговора, в котором участвовало около 30 офицеров, связанных с буржуазными кругами. Они якобы вступили в контакт с вафдистами и обратились к Амеру с требованием положить конец диктатуре и восстановить парламентскую демократию.

еще до октября 1961 г. «Поиски теории» заключались в разработке такой концепции социализма, которая, по мнению лидеров военного режима, соответствовала бы египетским условиям. Выработке концепции было решено придать широкий, массовый характер и для этого созвать Национальный конгресс народных сил. В свою очередь для созыва конгресса нужны были хотя бы основы массовой политической организации, на базе которой конгресс мог быть созван. Национальный союз, в руководство которого, как сказал Насер, пробрались реакционеры, не подходил для этого и был распущен. Было решено создать Арабский социалистический союз, в котором рабочим и крестьянам принадлежало бы во всех выборных органах не менее 50% мест. Насер заявил: «Рабочие и крестьяне — это первая сила, заинтересованная в социализме».

Еще в августе 1961 г. правящие круги констатировали банкротство «старых кадров» и «старой интеллигенции» [55, 13.VIII. 1961]. После 16 октября началась подготовка к созданию нового политического аппарата — подготовка, которой, как мы увидим далее, суждено было затянуться на несколько лет. Но важно отметить, что понимание невозможности работать с людьми «старой закалки», особенно в идеологической сфере, было впервые проявлено именно в тот период.

Национальный конгресс народных сил, созванных вместо временно распущенного Национального собрания, открылся 21 мая 1962 г. Созыву конгресса предшествовала тщательная подготовка, которой руководил сам Насер. На конгрессе Насер огласил проект Хартии национального действия (Национальная Хартия.— Г. М.) — документа, определившего новый политический и социально-экономический курс страны. Хартия была единогласно принята конгрессом. Она — важнейший документ, позволяющий судить об идеологии египетских революционных демократов.

Главное в Хартии — утверждение социализма как формы общественного устройства, избранной руководством ОАР, и отрицание капиталистического пути развития. Причина этого формулируется в Хартии совершенно четко: «Капитал в своем естественном развитии в стране, которая была обречена на отсталость, не в состоянии больше повести к экономическому подъему в то время, когда в развитых странах выросли крупные капиталистические монополии, опирающиеся на эксплуатацию богатств в колониях» [48, 22.V.1962]. И в другом месте: «Глубокая пропасть отсталости, существующая между развитыми странами и теми, кто пытается догнать их, не позволяет идти к прогрессу, основываясь на личных усилиях, мотивом которых служит стремление к эгоистической прибыли... Работа ради расширения основ

национального богатства не может допустить стихийности частного эксплуатирующего капитала и его необузданных стремлений... Вывод — необходимость господства народа над всеми орудиями производства» [48, 22.V.1962].

К этим положениям Хартии можно добавить следующую формулировку, содержащуюся в передовой статье газеты «Аль-Ахрам» от 11 июля 1962 г.: «Социализм для арабов стал исторической необходимостью, так как доказано, что невозможно осуществить экономическое и промышленное развитие и преодолеть огромную отсталость, навязанную нам длительным господством феодализма и империализма, на путях традиционной капиталистической системы» [62, 11.VII.1962].

Мысль, что социализм стал для Египта исторической необходимостью, выражена в Хартии с большой силой. «Социалистическое решение задачи преодоления экономической и социальной отсталости в Египте и достижения прогресса революционным путем не основывается на каком-то абстрактном выборе, а является исторической необходимостью, продиктованной реальной действительностью, чаяниями народных масс, изменившейся обстановкой во всем мире во второй половине XX в.».

Из этого следует вывод: «Научный социализм — это благоприятная форма для правильного пути к прогрессу. Любой другой путь не может обеспечить желанный прогресс». Таким образом, Хартия говорит именно о научном социализме, а не об «арабском социализме», идею которого некоторые египетские теоретики выдвигали на протяжении нескольких лет. Сам Насер не употребляет термин «арабский социализм».

Что понимают руководители ОАР под научным социализмом? По определению Насера, социализм означает «обеспеченность и справедливость», причем справедливость «достигается усилиями, направленными на ликвидацию разногласий между классами и на уничтожение эксплуатации во всех ее формах и проявлениях». Понятие «эксплуатация» не включает в себя все виды эксплуатации, осуществляемой собственниками средств производства. Речь идет лишь о так называемом эксплуататорском капитале (т. е. фактически о крупной и частично средней буржуазии). Дело в том, что Хартия, провозглашая «необходимость господства народа над всеми орудиями производства, над направлением его доходов согласно установленному плану», тут же подчеркивает, что «господство народа над всеми орудиями производства не вызывает необходимости национализации всех средств производства, не отменяет частную собственность, не затрагивает вытекающего из нее законного права на наследство».

Господство народа над орудиями производства достигается созданием «сильного общественного сектора», которому отводится ведущая роль в экономике, и наличием частного сектора, «участвующего без эксплуатации в развитии в рамках общего плана» (т. е. в основном мелкая буржуазия.— Г. М.).

Национализации подвергается только «эксплуататорский капитал», а «неэксплуататорский капитал» не только не ликвидируется, но даже поощряется и объявляется частью народных сил. Разница между этими двумя видами капитала в том, что первый пытается установить свое господство над правительством (мы еще вернемся к вопросу о том, как болезненно реагировал революционный режим на попытки капитала вторгнуться в сферу политического руководства), опереться на империализм, эксплуатировать рабочий класс и получать максимальную прибыль, а второй ликвидирует эксплуатацию рабочих путем предоставления им справедливой заработной платы, права участия в прибылях предприятия и в управлении им.

Что касается аграрного вопроса, то Хартия ясно высказалась против обобществления земли. «Правильное решение аграрного вопроса заключается не в превращении земли в государственную собственность, а в необходимости существования частной собственности на землю и в расширении этой собственности путем предоставления права на нее большему числу арендаторов, наряду с укреплением этой собственности путем сельскохозяйственной кооперации и расширения ее рамок с целью охватить все стадии производственного процесса с начала и до конца».

Таким образом, Хартия считает возможным сохранение при социализме мелкой буржуазии в городе и деревне.

«Те, кто полагают, что июльские законы положили конец частной инициативе, впадают в большую ошибку»,— указывается в Хартии. Однако признается лишь такая частная собственность, которая базируется не на спекуляции и монополии, а на «труде, на готовности пойти на риск». Трудно практически представить себе, что означает эта формулировка, равно как и другая, относительно «получения законной прибыли без применения эксплуатации». Очевидно, речь идет о мелком производстве, использующем незначительное число наемных рабочих, о торговле, подрядах на строительство и т. д. Но в целом Хартия отводит достойное место частному сектору и в промышленности, мотивируя это тем, что «частный сектор сыграет роль катализатора по отношению к государственному сектору, ибо открывает сферу свободной конкуренции в рамках генерального экономического планирования».

Хартия признает тяжелую промышленность базой экономики и решительно утверждает принцип планового хозяйства. «Действенное социалистическое планирование — это единственный способ, который обеспечивает использование всех национальных ресурсов».

По сравнению с предшествующими этапами революции у авторов Хартии заметны большие сдвиги в отношении к классам и классовой борьбе. Если в 1959 г. Насер говорил о возможности развития революции «не с помощью классовой войны, а с помощью любви и братства» [74, 1966, № 8, 41], то в Хартии сказано: «Союз реакции и эксплуататорского капитала должен пасть... Мирное разрешение борьбы может быть достигнуто лишь при одном условии: обезоружение реакции». В Хартии отмечается, что до революции в Египте существовала «классовая диктатура реакции, а авангардом народных сил, поднявшихся на революцию, были рабочие и крестьяне». «Нельзя игнорировать и отрицать неизбежную и естественную борьбу между классами». Авторы Хартии, однако, считают необязательной и нежелательной перспективу кровопролитной и ожесточенной классовой борьбы и тем более гражданской войны и высказываются за то, чтобы отнять у реакции оружие и обезвредить ее таким образом, чтобы открыть путь к «мирному решению классовой борьбы». Но обезоружить реакцию — это и значит применить насилие, осуществить диктатуру (пусть даже это совершится без кровопролития). Следовательно, Хартия является серьезным шагом вперед по сравнению с прежними концепциями гармонического примирения классовых интересов на основе «любви и братства» в рамках Национального союза.

В союз трудящихся сил народа включаются «крестьяне, рабочие, солдаты, интеллигенция и национальная буржуазия». Как показал опыт, под «национальной буржуазией» (синоним «неэксплуататорского капитала») подразумевалась главным образом мелкая буржуазия. В августе 1963 г. было национализировано еще 276 частных и смешанных компаний и фирм. Были национализированы многие предприятия пищевой промышленности, текстильной, химической, фармацевтической и т. д. В большинстве случаев это были предприятия, принадлежавшие средней буржуазии.

Взаимосвязь между демократией и социализмом определяется в Хартии следующим образом: «Демократия — политическая свобода, а социализм — социальная свобода. Нельзя отделять одно от другого... Свобода голосования без свободы получить кусок хлеба не имеет ценности...»

Организирующей силой социальной революции был объявлен Арабский социалистический союз — «социалистический авангард, ведущий за собой массы...» Лица, эксплуатирую-

щие чужой труд, не должны быть членами союза, хотя на практике в деревне это сплошь и рядом нарушается. Насер неоднократно высказывал озабоченность по поводу того, чтобы представители эксплуататорских классов не проникли в АСС. «Если феодалы или капиталистические эксплуататоры,— заявил он,— займут командные посты в народной организации, это будет означать, что мы ничего не добились». Насер неоднократно подчеркивал, что революционные идеи должны исходить от рабочих и крестьян.

Выступая на открытии сессии Национального собрания в марте 1964 г., Насер заявил: «Хартия не догма, а метод для всестороннего развития. Хартия должна быть инструментом для сплочения сил трудового народа, а не превращаться в пути» [62, 27.III.1964].

Журнал «Ат-Талиа» писал: «Задачи, поставленные Хартией,— задачи определенного периода. Когда они будут выполнены, то возникнут новые потребности, которые поставят и новые задачи...» [131, 1965, № 1, 15—16]. В 1970 г. намечено разработать новые программные положения в соответствии с обстановкой, которая к тому времени сложится.

Анализ Хартии национального действия не оставляет сомнения в том, что это — революционно-демократическая программа, подводящая теоретическую базу под мероприятия, совокупность которых составляет некапиталистический путь развития.

Трансформация военного режима

Когда готовился созыв Национального конгресса народных сил, то специальный комитет определял «общественный вес» каждой социальной категории и количество мест, выделявшееся ей для представительства на конгрессе (не обязательно в прямой пропорции с этим «весом»). Результаты были таковы:

Крестьяне — 25% «общего социального значения», принятого за 100;

Количество мест — 375.

Рабочие — 20%, 300 мест.

Национальные капиталисты — 10%, 150 мест.

Свободные профессии — 15%, 225 мест.

Служащие, не объединенные в профсоюзы, — 9%, 135 мест.

Преподаватели университетов — 7%, 105 мест.

Студенты — 7%, 105 мест.

Женщины — 7%, 105 мест [161, 156].

«Общее социальное значение», или «вес», определялись соотношением двух факторов: численностью и вкладом в национальный доход (за исключением студентов и женщин). В категорию рабочих были включены служащие.

В категорию крестьян не были включены помещики. Их, подвергли явной дискриминации, в то время как капиталисты получили мест больше, чем соответствовало их «весу». «Вес» преподавателей был увеличен в 10 раз.

Каков же был действительный удельный вес привилегированных классов и слоев общества на начальном этапе некапиталистического пути? Следующая таблица дает представление о соотношении сил в деревне.

Распределение земли в 1896—1961 гг.
(тыс. федданов и тыс. хозяйств)

Категория хозяйств	Число хозяйств	Площадь						
	1896 г.		1952 г.		1961 г.		1962 г.	
Менее 5 федданов	611	994	2642	2182	2870	2660	2920	3040
От 5 до 10 федданов	144	1816	79	526	79	530	79	530
От 10 до 50 федданов	—	—	69	1291	69	1300	69	1300
От 50 до 100 федданов	12	2192	6	429	11	630	11	630
От 100 до 200 федданов	—	—	3	437	3	450	5	500
Свыше 200 федданов	—	—	2	1117	2	430	—	—
Всего . . .	767	5002	2801	5982	3034	6000	3084	6000

Мелкие собственники (менее 5 федданов) составляли в 1964 г. 94,1% всех собственников и владели 52,1% земли.

Средние собственники (5—50 федданов) составляли 5,5% собственников и владели 32,7% земли.

Крупные собственники (свыше 50 федданов) составляли 0,4% собственников и владели 15,2% земли [91, 1965, № 22, 22—23].

Из таблицы видно, что общее число хозяйств между 1952 и 1961 гг. почти не увеличилось. Что же касается количества земли в них, то средние хозяйства (от 5 до 50 федданов) обнаруживают поразительную стабильность. Зато значительно увеличилось количество земли во владении мелких хозяйств. В 1952 г. им принадлежало 46,6% земли, в 1964 г. — 52,1%, Богатые, владевшие к 1952 г. 34,2% земли, в 1964 г. сохранили лишь 15,2% [91, 1965, № 22, 22—23]. Сверхбогатые после реформы 1961 г. исчезли вообще.

К 1964 г. в Египте оставалось 11 тыс. помещиков [91, 1965, № 22, 23], о которых Насер говорил: «Феодалы все еще существуют... Они враждебны социалистической революции... Они не находятся в музеях или концентрационных лагерях» [24, 470].

Число зажиточных хозяев (владеющих участками от 20 до 50 федданов) выросло с 22 тыс. в 1952 г. до 29 тыс. в 1964 г. [90, 1968, № 2, 2].

Многие иностранные специалисты, изучавшие аграрный вопрос в Египте, считали, что необходимо еще снизить максимум земельного владения — не до 100 федданов, а до 50 (некоторые предлагали даже 25 федданов). Это не ликвидировало бы земельного голода, но удвоило фонд земель, которые можно было бы распределить между крестьянами [133, 1965, № 3, 584]. Однако правительство, опасаясь резкого снижения товарной продукции, которую в основном дают зажиточные хозяйства, пока не шло на это. Революционно-демократическому руководству приходилось до поры до времени терпеть существование людей, «враждебных», как говорит Насер, революции.

Эти люди держат в своих руках египетскую деревню. Им подчинялись старосты и многие полицейские. Эксплуатация арендаторов продолжалась, их угнетали всячески незаконными методами. По данным обследования, проведенного каирским еженедельником «Роз-аль-Юсеф», в кооперативах господствовали богатые крестьяне, превратившие кооперативы в свою вотчину; по-прежнему процветало ростовщичество [132, 10.VI; 24.VI. 1963]. Обращаться к властям за помощью крестьяне не решались, зная, что у богачей везде есть «своя рука». Хусам Исса описывал одну богатую семью, члены которой занимали следующие должности: старосты, его помощника, четырех его заместителей, начальника жандармерии, секретаря местного комитета Арабского социалистического союза, его заместителя и 18 членов комитета (из общего числа 22), секретаря и 10 членов сельского совета, председателя и секретаря кооператива [90, 1968, № 2, 102]. Это, конечно, исключительный случай, но следует заметить, что закон, по которому крестьянином считался каждый, чей участок не превышал 25 федданов, фактически позволил зажиточным хозяевам, кулакам и даже помещикам занять во многих деревнях ключевые позиции.

Корреспондент «Монд» спросил одного из обиженных землевладельцем арендаторов, почему тот не подал в суд. Крестьянин ответил: «Конечно, я мог бы это сделать. Но кто бы оплатил судебные издержки, а если бы я и выиграл, кто бы защитил меня от помещика, у которого влияние в деревне, от его людей — комиссара полиции, старосты? У них тысячи

способов сделать так, что я дорого заплачу за свою смелость» [54, 18.IX.1963].

Было известно много случаев, когда помещики платили сельскохозяйственным рабочим не 25 пиастров в день, как положено по закону, а всего один [66, 16.VI.1966]. Посредством различных махинаций (подделка документов, помощь подставных лиц) помещики сохраняли в своих руках гораздо больше земли, чем полагалось (были семейства, владевшие 500 и даже 2 тыс. федданов). В ряде мест омада и шейхи творили суд и расправу над крестьянами, как в былые времена. Один помещик сделал государственного врача личным доктором, другой — подкупил агронома и т. д. [60, 14.II.1967].

Сельские эксплуататоры стали смыкаться с «новой буржуазией» города, о которой Х. Мохи ад-Дин писал: «Некоторые представители средних слоев использовали наблюдаемую время от времени неспособность государственного сектора удовлетворить предъявляемые ему запросы или найти необходимых специалистов и администраторов для того, чтобы вклиниться в сферу его деятельности. Это привело к возникновению новых социальных групп: подрядчиков, поставщиков товаров и т. п. Этим группам по мере роста их богатств удалось добиться определенного веса в обществе. Они сознательно стремятся увеличить и трудности в сфере государственного сектора, применяя для этого подкупы и взятки с тем, чтобы превратить его в источник получения личной прибыли. Если ко всему этому добавит рост цен на сельскохозяйственные продукты, то станет ясным, что как в городе, так и в деревне складываются благоприятные обстоятельства для возникновения чрезвычайно богатых групп населения» [74, 1966, № 8, 46]. «В Египте, — сообщает американский автор, — имеется огромное количество „спрятанных денег“, несмотря на усилия, прилагаемые правительством с целью направить их в „социально полезные“ каналы. Поскольку станвится все труднее переводить деньги за границу, египетские фунты вкладываются в виде частных инвестиций в строительство крупных зданий, как государственных учреждений, так и частных домов» [108, 30.I.1967].

По заявлению Насера, частные подрядчики-строители осуществляют 60% всех строительных работ в стране, а торговцы-оптовики могут зарабатывать тысячи фунтов в день. Таким образом, буржуазия, которую выбросили в дверь, пролезла в окно. У нее нет заводов и фабрик — что же из того, она прекрасно живет за счет строительства домов и спекуляции. В 1965 г. дельцы заработали на городском строительстве около 6 млн. егип. ф. [66, 16.VI.1966].

Отношение этих людей к режиму выражают слова одного крупного торговца, которые приводит западногерманский

автор: «Государство оказалось крупнейшим грабителем. У меня нет больше лояльности по отношению к тому, кто проявляет в отношении меня беззаконие и неуважение» [173, 183—184].

Таким образом, вновь, как и несколькими годами раньше, враги революционного режима — в сфере частного капитала. Буржуазия и помещики вновь ставят палки в колеса, саботируют и подрывают экономику, деморализуют народ. И правительство Насера вновь наносит удар по этому классу.

Правда, для этого понадобилось преступление: убийство помещичьим наймитом в деревне Камшиш активиста АСС Салаха Хусейна. После этого как будто прожектор осветил «темное царство», сохранявшееся еще в египетской деревне. По всей стране одно за другим стали вскрываться противозаконные дела помещиков. Правительство действовало быстро и решительно. Был создан Комитет по ликвидации остатков феодализма, и вскоре появился декрет о наложении секвестра на деньги и имущество 88 крупных помещиков в 17 провинциях. Этим помещиков выселяли из деревень в город, им было запрещено возвращаться. Специальные комиссии обнаружили и отобрали в разных провинциях 25 тыс. федданов земли, скрытых от государства. Только за июнь 1966 г. были смещены 239 старост [60, 14.II.1967].

Землевладельцы и городские капиталисты всегда были в Египте двуединым классом. Удар по помещикам не мог не затронуть «новую буржуазию» города. Бывший генеральный секретарь АСС Али Сабри обрушился в печати на тех представителей «национального капитализма», которые стремятся увеличить свои богатства, присваивают земельные участки и даже пролезли в «народные организации». Они «хотели бы создать новый класс эксплуататоров для того, чтобы занять место прежних феодалов...» [60, 14.II.1967].

Итак, история повторяется: в 1958 г. египетская пресса пишет о «новой аристократии», в 1961 г. — о тех, кто, стремясь к экономическому и политическому контролю, пробрался в Национальный союз, в 1967 г. — опять, по сути дела, о тех же элементах. Капитализм живуч, его деятельность неизбежно приводит к столкновению с государственной властью на политическом фронте, и так же неизбежно власть делает новые шаги влево.

Вскоре после убийства в Камшише Насер заявил: «Мы создали новый класс капиталистов, включая оптовиков и частных подрядчиков», — и обещал, что в течение трех лет оптовая торговля и 80% подрядных работ перейдут в руки государства. Таким образом, речь идет о программе вытеснения частного капитала из его последней цитадели в городе; розничная торговля — поле деятельности другого класса, и

государство не в состоянии, да и не хочет пока что, заменить его.

Чьими же руками ведется и может вестись борьба против «нового класса»? Каким аппаратом располагает революционная власть?

Политика дирижизма привела к возникновению мощного государственного аппарата, численность которого выросла к 1963 г. до 1,2 млн. человек [59, 5.IX.1963]. Абдель Малек, перечисляя состав руководящих органов государственных экономических организаций, писал, что примерно $\frac{1}{3}$ составляют инженеры и ученые, остальные $\frac{2}{3}$ — высшие чиновники, люди, окончившие коммерческие факультеты, права, филологии, бывшие муниципальные работники, адвокаты, бывшие собственники — руководители частных фирм [171, 176]. Образовалась новая прослойка — табакат аль-мудирин («класс директоров»). Польский журнал «Экономист» писал о слое менеджеров государственных предприятий, в котором старая бюрократия срашивается с новой [133, 1965, № 3, 591]. П. Мейер-Ранке, говоря о «новом классе» бюрократов, технократов и офицеров, отмечает его характерную черту — не выполнение своего долга, а неоправданные притязания. Он указывает, что при Насере коррупция резко уменьшилась, дела вершатся без пресловутого «бакшиша», но зато волокита и неэффективность не поддаются описанию. Система взаимного контролирования, введенная главным образом для предотвращения взяточничества, приводит к тому, что «расходы, превышающие 15 марок, должны утверждаться целым комитетом». Директор, чтобы израсходовать какую-либо сумму, должен опрашивать начальников отделов, инженеров, комитет управления. «Десять недоверчивых бюрократов должны поставить свою подпись». Бюрократы не привыкли проявлять инициативу, их отличает узость мышления, они не понимают задач, которые ставит перед ними государство; новая, ответственная роль им не по плечу [173, 91—93].

Сам Насер говорил: «Иногда приходится подписывать по 20 бланков, прежде чем получишь то или иное разрешение». Он приводил пример, как дорогостоящая медицинская аппаратура для больницы не использовалась, так как никто не имел полномочий санкционировать расход небольшой суммы, необходимой для ее установки.

Иностранные наблюдатели единодушно отмечают неэффективность, косность, чванство египетской бюрократии, усвоившей худшие черты прежних пашей и эффенди — презрение к простому народу, эгоизм, стяжательство.

«Мы ни в коем случае не должны допустить возникновения нового класса, который считает, что ему суждено унаследовать привилегии старого... — говорил Насер, — и который в

подходящий момент может вонзить кинжал в спину активным революционным силам... Государственная машина не развита до такой степени, чтобы служить обществу. Она до сих пор считает себя стоящей над народом, присваивая себе власть, не желая сознавать, что она должна быть слугой масс» [62, 27.III.1964].

Бюрократия считает себя вправе в большей мере, чем кто-либо другой, пользоваться плодами революции; которую она не совершала. Социалистическое развитие, которое в конечном счете должно привести к ликвидации всяких привилегий, не отвечает ее интересам. Бюрократов устраивает спокойное, уютное место за письменным столом, дающее им почет, престиж и возможности для личного обогащения. Вести революцию дальше они предоставляют Насеру. Сами же они ради улучшения жизни народа не собираются идти на жертвы. В социальном плане им гораздо ближе «новая буржуазия», чем трудящиеся массы. Именно они долгое время саботировали политику Насера, направленную на сближение с прогрессивными элементами, препятствовали включению коммунистов в общественную жизнь. Их грубое, высокомерное поведение приводило к конфликтам в Йемене, вызывая справедливое возмущение йеменцев.

Египетский марксист Хусам Исса писал в «Демокраси ну-вель», что «новый класс», о котором повсюду говорят в ОАР, предполагает в качестве условия для своего развития существование не только частного, но и государственного сектора. Так, многие государственные служащие под большой процент дают займы деньги частникам, в первую очередь строителям-подрядчикам, испытывающим трудности при получении кредитов от государства [90, 1968, № 2, 94].

«Вряд ли можно недооценить всю серьезность того положения, что революционный процесс, протекающий в стране, мало затронул бюрократическую машину, сохранив в ней прежний дух,— писал корреспондент журнала „Проблемы мира и социализма“.— Без радикальной перестройки этой машины большинство прогрессивных мероприятий, проводимых в ОАР, может быть сведено на нет и остаться лишь на бумаге. Поэтому проблема воспитания революционных кадров стоит в Египте особенно остро. Многие из моих собеседников в ОАР с сожалением отмечали, что в их стране на сегодняшний день „довольно много специалистов, но мало революционеров“» [74, 1964, № 7, 91].

Росту бюрократической прослойки в ОАР способствует распространенная во многих восточных странах традиция культа государства и государственной службы. Большой знаток Египта Морро Бергер отмечает, что базой могущества привилегированных классов всегда была не столько их не-

посредственная экономическая сила, сколько близость к политической власти. «Государство на Ближнем Востоке — главный фактор организации общества... Любая причастность к государственной службе, даже должность почтового чиновника, дает общественный престиж в стране, населенной в основном неграмотными людьми» [150, 15, 92]. Анкета, проведенная в Египте группой американских социологов, выявила, что 82% опрошенных (из 247 человек) ответили утвердительно на вопрос: «Уважает ли рядовой человек государственного служащего?» На вопрос о причинах уважения 41% лиц, давших утвердительный ответ на первый вопрос, сказали: чиновник может проявить власть по отношению к рядовому гражданину [150, 93].

По данным другого опроса, выявлявшего сравнительную популярность различных профессий, высоко котируются чиновники; начальник канцелярии уступает в этой «табели о рангах» лишь врачу, директору банка, адвокату, фабриканту и помещику и стоит значительно выше торговца, не говоря уже о рабочем [150, 99]. Такая традиция создает благоприятную моральную почву для развития бюрократии как социальной прослойки, как общественной группы со своими привилегиями и интересами, сводящимися прежде всего к защите этих привилегий, а тем самым — органически враждебными революционным переменам в обществе.

Для того чтобы исправить положение, при котором в стране «много специалистов», но мало революционеров, нужна школа воспитания политических кадров.

Эта задача вытекает из основной принципиальной установки, принятой руководителями революционного режима и отраженной в Хартии, — последовательное развитие национально-освободительной революции выводит ее на социалистические рельсы, делает ее революцией трудящихся классов.

Камаль Рифаат, секретарь АСС по вопросам идеологии, во время своего пребывания в Польше в речи выдвинул как одну из главных целей АСС «осуществление социалистической революции, т. е. революции рабочего класса» [135, 5. II 1966]. Анвар Садат заявляет: «Нужно, чтобы национальная революция проделала за время жизни одного поколения то, что капиталистические державы совершили за время жизни многих. Отсюда — необходимость социалистического решения, единственного решения, которое может обеспечить быстрое развитие. Поэтому подлинная национально-освободительная революция должна перерасти... в социальную борьбу, из национальной в социалистическую революцию» [66, 4. II. 1966].

«Мы хотим дать свободу народу, но не врагам народа», — говорил Насер [24, 557]. В другой речи он заявил: «Политиче-

ская демократия может быть создана только на основе социальной демократии. Социальная демократия означает контроль народа над средствами производства. Демократию нельзя установить под контролем кучки, имеющей деньги... Демократия — это полная власть всего народа. Демократический социализм означает, что власть народных советов выше исполнительных органов государственной машины. Это означает постепенную передачу власти от государства народным органам...» [24, 447—478].

«Наша страна еще не социалистическая. Мы находимся в стадии перехода от капитализма, — говорит Насер. — Социализм — это не просто национализация фабрик и заводов. Подлинный социализм означает создание общества, в котором господствуют обеспеченность и справедливость» [24, 470].

Все эти высказывания свидетельствуют о глубокой идейной эволюции руководителей военного режима, трансформировавшегося в ходе революции в режим социальный, режим революционно-демократический, — эволюции в сторону научного социализма.

Естественно, встал и вопрос о создании подлинно политического аппарата и кадровой партии — авангарда общества. Х. Мохи ад-Дин писал о необходимости создания «узкой политической организации, которая включала бы хорошо подготовленные и грамотные партийные кадры, способные мобилизовать и повести массы, способные понять их проблемы... По своей классовой структуре эта организация должна состоять в основном из рабочих, крестьян и революционной интеллигенции» [74, 1966, № 8, 46—47]. Камаль Рифаат говорил в интервью, опубликованном в «Роз аль-Юсеф», что государственный аппарат с его старыми законами и инструкциями, с его бюрократическими навыками и устаревшими организационными формами не может помочь в проведении курса, направленного на быстрый подъем и развитие страны, обеспечить эффективное сотрудничество и руководство массами. Он привел слова Насера, что политическая работа — задача каждого члена общества, какую бы работу он ни выполнял. «Каждый индивидуум и каждое общество, — сказал К. Рифаат, — нуждаются в философии и теории, которые толкали бы их вперед. Без этого возможна лишь исполнительская работа, но нет возможностей для творчества». [132, 18.VII.1966]. Возникла идея создания внутри АСС кадровой политической организации, носящей из соображений безопасности секретный характер.

Видный египетский журналист Ахмед Хамруш писал в «Роз аль-Юсеф», что АСС — это армия, которой нужен офицерский корпус. Традиционный метод руководства заключается в полном господстве аппарата. Этого недостаточно, ибо

только политическая организация может обеспечить руководство массами. Он писал о «зияющей пропасти», возникшей между руководством и массами из-за отсутствия политического аппарата, о том, что многие важные дела остались неоконченными. Эта политическая авангардная организация должна иметь на данном этапе секретный характер, чтобы противостоять врагам [132, 1.VIII; 8.VIII; 22.VIII.1966].

Сигнал к началу кампании дал Насер, заявив на сессии генерального секретариата АСС в феврале 1965 г.: «Мы хотим создать социалистическую партию внутри АСС... Без этого политического аппарата, который я называю социалистической партией, мы не можем руководить массами или противостоять враждебным силам».

Институт социалистических знаний и журнал «Ат-Талиа», в которых видную роль играют марксисты (бывшие члены самораспустившейся египетской компартии. — Г. М.), стали очагами распространения социалистической идеологии. Как писала «Руде право»: «Египетские коммунисты впервые за все время своего политического существования открыто вошли в сферу общественной жизни и бок о бок с другими патриотами имеют возможность поставить свои способности и энергию на службу родине» [67, 9.V.1968]. Начался новый этап египетской революции, судьба которой теперь во многом зависит от создания кадровой партии социалистического авангарда.

Египетская армия и агрессия Израиля в 1967 г.

На рассвете 5 июня 1967 г. Израиль атаковал арабские страны. Началась война, исход которой во многом был предопределен ударом израильской авиации по 25 арабским аэродромам. В течение шести дней израильские вооруженные силы сумели нанести тяжелое поражение войскам арабских стран. Армия ОАР потеряла 80% своего военного снаряжения.

Эта победа Израиля была прежде всего результатом поддержки со стороны империализма, а также, по оценке «Ринашита», «результатом современной тактики ведения войны» [123, 14.VII.1967, 28]. Сыграли свою роль и такие факторы, как отсутствие мощной противовоздушной обороны у египтян, поразительное легкомыслие, проявленное командованием египетских ВВС, применение израильцами в широких масштабах напалма и т. д. Но не только они определили успех Израиля.

«Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот», — писал Энгельс [8, 11]. Война между Израилем и ОАР была войной между экономически развитым

и экономически неразвитым обществом. Доход на душу населения в ОАР — 120 долл., а в Израиле — 1080 долл. Приводя эти данные, мы имеем в виду не прямую, непосредственную связь между экономическим и военным потенциалом: вооруженные силы обеих стран были оснащены иностранным оружием (примерно одинаково высокого качества). Промышленный потенциал ОАР намного превосходит израильский, и в длительной войне этот фактор сказался бы, а в условиях «блицкрига» он не успел сыграть никакой роли. Мы имеем в виду культурный и технический уровень, определяемый в конечном счете уровнем экономического развития. По этому поводу Энгельс писал: «Этот всеобщий средний культурный уровень, предполагаемый современной военной системой у каждого солдата, имеется лишь в самых передовых странах» [8, 633]. В другом месте у Энгельса читаем: «Австрия и еще гораздо более Россия ощущают недостаток в том многочисленном образованном классе, который только и может дать достаточное количество подготовленных офицеров, необходимых для столь многочисленных армий» [11, 316].

С этой точки зрения ОАР находится в несравненно худшем положении, чем Израиль. Нечего и говорить о «всеобщем среднем культурном уровне у каждого солдата» применительно к египетской армии, солдатская масса которой состояла из полуграмотных феллахов. Достаточно привести такие цифры: 71% населения ОАР неграмотно, в Израиле — 9%. А современная война — это война техники, и преимущество образованного человека в этом смысле очевидно. В отношении же «подготовленных офицеров», которые могут выйти только из «образованного класса», вряд ли Египет находится в лучшем положении, чем Австрия и Россия во времена Энгельса. Взаимодействие между родами войск, обеспечение в ходе военных действий бесперебойной связи, организация снабжения, четкая работа тыла, умение обращаться с техникой — имеют огромное значение для эффективного функционирования чрезвычайно сложной машины, каковой является современная армия, не говоря уже об уровне развития тактики, отработке вариантов ведения боя, гибкости, инициативы и т. д.

Израильское политическое и военное руководство в течение десяти лет систематически и чрезвычайно энергично готовилось к нападению на арабские страны. Существующая в стране система мобилизации людских и материальных ресурсов позволяет в кратчайший срок сконцентрировать и бросить в бой все силы, которыми она располагает. Израиль — одно из наиболее милитаризованных государств мира. Его экономика способна выдерживать максимальное напряжение в течение короткого периода, и именно в расчете на «блиц-

криг» строилась вся доктрина израильского генерального штаба. В эти годы отрабатывались и бессчетное число раз репетировались все детали воздушного нападения на арабские страны: все вкладывается в первый удар, судьба войны должна быть решена за несколько часов, уничтожение арабской (в первую очередь египетской) авиации на аэродромах рассматривается как ключ к успеху. Исключительно серьезная и тщательная подготовка (в этом прежде всего контраст с безответственностью и бездарностью Амера и его окружения) в сочетании с эффективной разведкой (генерал Даян признал, что ей израильтяне на 50%¹ обязаны успехом) позволили агрессору, вооруженному и поддержанному империализмом, обеспечить себе решающий успех в первые же часы войны.

Тем не менее египетские солдаты во многих случаях сражались стойко. Польский журнал «Политика» писал, что «подвели не оружие и не солдат, а полная самодовольства офицерская прослойка, многие представители которой, находясь на стыке государства и частного сектора, защищали свое привилегированное положение» [135, 8.VII.1967].

Здесь мы подходим вплотную к вопросу, имеющему важнейшее значение для нашей работы.

Все, что было сказано выше о бюрократическом аппарате, в немалой степени относится и к офицерству. Уже отмечалось, что часть офицеров, попав на руководящие административные посты, подверглась обуржуазиванию. По мере слияния со столичным обществом, буржуазным по своей сути, по мере продвижения в его верхи их прежний романтизм, революционный энтузиазм и скромность сильно потускнели. Многие офицеры приобщились к гражданской интеллигенции; для успешной карьеры было уже недостаточно носить мундир, желательно было иметь диплом, выданный факультетом права или коммерческих, экономических и политических наук. Желаящие могли прослушать курс в университете. Немало офицеров записалось на новый военно-технический факультет, открытый в 1961 г. Семилетний курс обучения на факультете давал среднее военное и высшее техническое образование [171, 176—177].

П. Мейер-Ранке так характеризовал положение офицеров в ОАР: «Офицеры находятся на верхушке социальной пирамиды. Они занимают посты директоров в хозяйственном аппарате, управляют Суэцким каналом и руководят освоением пустыни. Все 24 поста губернаторов провинций заняты офицерами армии или полиции, 90% послов за границей — выходцы из офицерского корпуса. Разумеется, на своих гражданских должностях они не носят мундира, но они образуют современную военную касту... Они пользуются влия-

нием и привилегиями в большей мере, чем остальные жители Египта. Офицерам не разрешено пользоваться общественным транспортом, чтобы они в своих мундирах не толкались в переполненных автобусах... К их услугам — армейский транспорт... У них свои клубы в Каире и Александрии. Они оплачиваются лучше, чем любые другие египтяне на соответствующей работе. Уже лейтенант получает 25—30 фунтов в месяц, в то время как молодой человек с университетским дипломом в начале своей работы в государственном учреждении зарабатывает не более 18 фунтов» [173, 64].

По данным, приводимым французским ученым Бернаром Вернье, для военных сохраняется специальная надбавка на дороговизну, отмененная для гражданских служащих. Для офицеров строятся кооперативные «городки». Они могут покупать предметы домашнего обихода за 30% их цены [180, 126].

Многие офицеры, писали советские журналисты И. Беляев и Е. Примаков, «пользовались привилегиями для повышения своего благосостояния. Многие генералы и полковники, уходя из армии по истечении срока службы, как правило, получали высокие посты в промышленности и государственном аппарате. Правительство часто обращалось к армии с призывом помочь навести порядок в том или другом государственном учреждении. Со временем перемещения военных кадров из армии в государственный и экономический аппарат превратилось в своего рода постоянно действующий фактор. На новых постах они получали широкие возможности умножать свое благосостояние. Эти генералы и старшие офицеры обзавелись чековыми книжками и счетами в банках. Отмечены случаи, когда счета открывались в иностранных банках, куда переводились суммы в иностранной валюте. Появился тип офицера-дельца, который больше занимается бизнесом, чем боевой подготовкой солдат и сержантов.

Года два назад в каирских газетах начали писать о «новой бюрократии». Имелись в виду прежде всего военные, получившие высокие посты и оклады в государственном аппарате. Один из наших собеседников с горечью говорил о том, что это была особая каста людей, поставивших свои личные интересы выше государственных. Сегодня в ОАР распространился термин «военная буржуазия» [69, 1967, № 27, 78].

Все эти весьма красноречивые свидетельства дают представление о том, в каком направлении эволюционировал за годы, прошедшие после революции, офицерский корпус египетских вооруженных сил. Молодой революционер-патриот зачастую становился буржуазным бюрократом, членом привилегированной милитаристской корпорации. Причины этого

понять нетрудно: военные лидеры Египта, придя к власти при помощи армии и понимая ее значение, стремясь удержать армию как свою главную опору, сохранили привилегии, которые представлял офицерам монархический режим, и даже приумножили их. Но бытие определяет сознание, привилегии способствуют психологическому перерождению. Пока в Египте существовал чисто военный режим, у военной бюрократии не было основания для беспокойства и в ее лояльности правительству не приходилось сомневаться. Но по мере углубления социальных преобразований эта прослойка начала выражать недовольство. По свидетельству И. Беляева и Е. Примакова, военные летчики (как правило, выходцы из более или менее зажиточных и привилегированных семей) уже в 1961 г., когда Насер издал «социалистические законы», открыто протестовали против того, что в Национальное собрание войдут «продавцы редиски и салата» [69, 1967, № 27, 7]. Время от времени Насер частично обновлял офицерские кадры, но, по-видимому, процесс обновления офицерского корпуса был слишком медленным и не поспевал за процессом бюрократизации и обуржуазивания военных кадров. Почва для этого сохранялась, так как сохранялось привилегированное положение военных, а положить этому конец правительство опасалось. Напротив, чем более глубокие социальные реформы оно проводило, тем больше оно должно было считаться с возможностью оппозиции со стороны высших офицеров и тем большие привилегии оно старалось им предоставить, чтобы сохранить их преданность.

Этот порочный круг привел в конце концов к тому, что ряд высших офицеров, внутренне не принявших революцию и чувствовавших в реформах Насера угрозу своему привилегированному положению, не проявили должного патриотизма и боевого духа в решающий момент. Вполне возможно, что некоторые из них в глубине души считали, что если Израиль добьется падения Насера, то это к лучшему: израильтяне все равно рано или поздно уйдут с египетской земли, как это уже было в 1956 г., зато будет покончено с беспрерывным полевением режима, со слухами о предстоящих новых ударах по состоятельным слоям, с ростом влияния коммунистов.

Разумеется, в июне 1967 г. на фронте воевали не те офицеры-бюрократы, военные дельцы, которые сидели в администрации и хозяйственном аппарате, но общую атмосферу в офицерском корпусе определяли именно они. Настроения, свойственные военно-бюрократической буржуазии, не могли в какой-то мере не передаваться и части офицерства в действующей армии.

Настоящей политической работы в армии не было, в ней

не были созданы ячейки Арабского социалистического союза, военнослужащие не имеют права быть членами партии. Многие офицеры были далеки от идей социализма, не прониклись духом защиты революционных завоеваний. Все это сказалось в час военного испытания.

Халед Мохи ад-Дин, говоря о непосредственных причинах июньского поражения, причинах чисто военного характера, указывал, что они — последствия более общей и глубокой причины — лишь «отражение существенных пороков в политической структуре... Лозунг Хартии национального действия до сих пор эффективно не претворялся в жизнь. Многие богатые крестьяне и сельские капиталисты заняли места в Национальном собрании и в комитетах Арабского социалистического союза как представители крестьян. То же относится к рабочим: многие места, которые, как предполагалось, должны были быть зарезервированы для них, фактически оказались занятыми высокопоставленными государственными чиновниками под тем предлогом, что каждый служащий — трудящийся» [90, 1968, № 2, 117, 120].

Видный египетский журналист, сотрудник газеты «Аль-Гумхурия» Мухаммед Ода, анализируя причины поражения, писал: «Политическая и идеологическая работа находилась в полном загоне. Главным методом был административный. Государственная деятельность осуществлялась для масс, но без масс...» [47, 6.XII.1967]. Главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Хейкал замечал: «Центры власти и машина контроля обслуживали и защищали только самих себя... Массовое движение развивалось не благодаря этой машине и центрам власти, а вопреки им» [121, 1967, № 4, 5]. В другой статье Хейкал писал о «группировке власти», в руках которой «всецело находилась администрация».

Эти термины — «центры власти» и «группировки власти», а также «группа давления» — не применялись в ОАР вплоть до шестидневной войны. Об этих «центрах» стали говорить лишь после их разгрома в июне 1967 г. Тогда только и стали известны подлинные масштабы власти этих «центров» и «групп», настолько мощных, что некоторые египетские авторы считают возможным писать о «двоевластии», существовавшем в ОАР до июня 1967 г. [90, 1968, № 2, 96]. Во главе «второй власти», или «параллельного центра власти», пользуясь термином, употреблявшимся в египетской печати, оказался маршал Амер. Штаб Амера, а также военная разведка и органы государственной безопасности были теми двумя «группами давления», которые контролировали президента Насера и осуществляли как бы параллельную власть.

Бывший военный министр Бадран заявил на процессе по делу сторонников Амера весной 1968 г., что президент Насер

ещё в 1962 г. намеревался лишить Амера права единоличного решения всех вопросов, касающихся кадров армии, но, как сообщал советский журналист Е. Примаков, «Амер пригрозил отставкой, и Насер, не будучи готовым осуществить хирургическое вмешательство, согласился по сути дела на продолжение „двоевластия“» [73, 1968, № 17, 5]. Другой генерал, Шерид, показал на суде, что он лично слышал, как Бадран в июньские дни 1967 г. заявил Насеру по телефону, что он, Бадран, достаточно силен, чтобы совершить в случае надобности переворот, «не вставая с кресла» [54, 28.II.1968].

Выступая в марте 1968 г. в Хелуане, Насер заявил: «Существовала группа военных политических деятелей... Для них революция означала власть... После того как народ поднялся 9 и 10 июня (1967 г.—Г. М.), этот класс почувствовал угрозу для себя и начал помышлять о захвате власти». Слово «класс» прозвучало не случайно: в другом выступлении перед журналистами Насер говорил о том, что «существовал класс военных, которые считали себя естественными наследниками режима, считали себя призванными решать судьбы страны и революции» [135, 24.II.1968].

Речь идет о военно-бюрократической буржуазии. В нашем понимании она, конечно, не является классом, а лишь прослойкой, составной и важнейшей частью того нового привилегированного слоя, который сложился в Египте после революции 1952 г. и существование которого единодушно признают все авторы, в первую очередь египетские марксисты. Кроме высшего офицерства в эту прослойку входила социальная категория, которую Е. Примаков характеризует как «отпочковавшийся от армии и разбавленный прозападными технократами слой административных работников»,— люди, которых стали называть «нереволюционными» или «антиреволюционными» администраторами [73, 1968, № 17, 6].

Еще 26 марта 1964 г. президент Насер заявил: «Наш долг любой ценой помешать появлению „нового класса“, который стремился бы унаследовать привилегии старого... Мы должны лишить этот класс оружия, с помощью которого он попытается, когда представится возможность, поразить союз народных сил» [90, 1968, № 2, 97]. Борьбу против «параллельной власти», обладавшей практически правом вето по отношению к его действиям, президент начал вести с помощью АСС, а затем той «секретной организации», которую он намеревался создать внутри АСС. Насер и его ближайшие единомышленники поняли, что «офицерский корпус постепенно превратился из их опоры во второй центр власти» [67, 19.IV.1968]. Группа Амера пыталась парализовать деятельность АСС. Конфликт назревал, хотя подспудно.

И вот наступило 5 июня 1967 г. Корреспондент француз-

ской газеты «Монд» Эрик Руло констатировал, что «многие желали если не военного поражения, то во всяком случае чувствительной неудачи, которая бы заставила Насера уйти в отставку» [90, 1968, № 2, 97]. В период шестидневной войны «новый класс», как писал уже упоминавшийся Исса, выступил против Насера, «люди нового класса уже собирались в каирских салонах, чтобы образовать новое правительство. Списки были составлены давно. АСС практически не существует, его аппарат парализован. Но народ на месте. Этот народ, о пассивности и аполитичности которого столько говорили, миллионами выходит на улицу и становится хозяином... Движение 9 и 10 июня было оппозицией — оппозицией новому классу и его системе. Из этого движения, которое продолжается, и выйдет партия, о которой долго мечтали. Вождь этой партии уже выбран массами. Это — сам Насер» [90, 1968, № 2, 97].

Массы победили, народ доказал, что именно он является решающей силой революции. Верхушка армии и органов госбезопасности была устранена, но военно-бюрократическая буржуазия была лишь ранена, и от этого с яростью бросилась в атаку. Она организовала заговор, во главе которого оказался маршал Амер. Главными фигурами заговора были бывший военный министр Шамс Бадран, бывший начальник разведки Салах Наср, генерал-майор Осман Нассар. Заговор был раскрыт, Амер покончил с собой, остальные путчисты попали на скамью подсудимых. «После падения Амера, — писал корреспондент американского агентства ЮПИ, — не осталось никого, кто бы защищал привилегии его сторонников, которые при нем были самым привилегированным классом страны».

«Слава Аллаху, вооруженные силы поставлены теперь на надлежащее место», — заявил президент Насер. Халед Мохи ад-Дин писал: «Разгром высшего армейского командования, отличавшегося консервативным отношением к делу революции, презрением к массам, будет серьезно способствовать демократизации всех сторон жизни Египта» [90, 1968, № 2, 122].

«Став на путь, откровенно враждебный революции, они превратились в центр египетской реакции», — писали о военных заговорщиках корреспонденты «Правды» И. Беляев и Е. Примаков [69, 19, 67, № 39, 15]. Поэтому «Программа 30 марта», единодушно одобренная народом на референдуме 2 мая 1968 г., предусматривала «отказ от использования армии в качестве основного источника, из которого пополнялись все звенья государственного аппарата» [47, 28.IV.1968].

Подводя итоги деятельности египетской армии как политической силы, мы констатируем ее большие и неоспоримые заслуги в национально-освободительной революции. Армия

выступила в 1952 г. как авангардная сила народного антиимпериалистического и антифеодального движения. И в последующие годы она стояла на страже завоеваний революции, не допуская восстановления помещичье-буржуазного режима и противодействия подрывной деятельности империализма.

Однако одной из главных слабостей режима, установленного после революции 1952 г., было то, что он, возникнув в результате военной акции, остался режимом военным. Армия рассматривалась всеми (и сама себя считала) руководящей силой, призванной решать судьбы родины и революции. С этим связано ее постепенное превращение в привилегированную корпорацию, в элиту, результатом которого было распространение среди значительной части офицерства, особенно высшего, «элитарной» психологии, в основе которой лежало стремление сохранить свои привилегированные позиции. Неизбежно поэтому было стремление высших военных чинов воспрепятствовать консолидации политической партии, призванной обеспечить руководство страной. Это противодействие было тем более сильным, что речь шла не просто о создании политической партии, но партии социалистической ориентации, что вдвойне угрожало интересам военно-бюрократической буржуазии, в какую превращалась военная верхушка вкупе со связанной с ней (и в значительной мере вышедшей из рядов армии) административной элитой. Конфликт был неизбежен, и агрессия Израиля 5 июня 1967 г. лишь способствовала тому, что он вышел наружу. Победа прогрессивных тенденций в этом конфликте значительно облегчила успешное развитие ОАР по некапиталистическому пути.

Месяцы, следовавшие за июньским поражением, ознаменовались крупными позитивными переменами во внутренней жизни ОАР. Реорганизация кабинета привела к уходу с политической арены Закарии Мохи ад-Дина, в прошлом «второго человека» в стране, представителя прозападной ориентации. Был принят новый устав Арабского социалистического союза. В нем АСС определяется как «социалистический авангард, ведущий народ...» [48, 10.V.1968]. В «Программе 30 марта» были поставлены четыре главные задачи: 1) создание современного государства, опирающегося на демократию и прогресс науки, 2) развитие промышленности и сельского хозяйства, 3) укрепление профсоюзного движения и администрации, 4) укрепление связей между общественностью и вооруженными силами. В годовщину революции, 23 июля 1969 г., президент Насер объявил о новой аграрной реформе, по которой максимальный надел земли на одного человека не может превышать 50 федданов (около 20 га). Социалистическая ориентация республики обозначилась еще более четко.

Глава 2

СИРИЯ

Еще во время мандатного управления французские власти создали в Сирии местные военно-полицейские силы, называвшиеся *Troupes spéciales* (специальные войска). К 1946 г., когда иностранные войска покинули сирийскую территорию, армия молодой республики насчитывала 5 тыс. человек. Солдаты рекрутировались преимущественно из крестьян, причем французские власти стремились набирать в армию как можно больше представителей окраинных районов, наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении, а также представителей национальных меньшинств — курдов, черкесов, армян и др. По сравнению с египетской в сирийской армии офицерский корпус был в большей мере укомплектован выходцами из семей зажиточной городской буржуазии. В первую очередь это относилось к высшему офицерскому составу, который был представлен «50 семействами» — элитой сирийского общества (Атаси, Мардам, Низам ад-Дин и др.). Что же касается среднего и младшего офицерского состава, то его социальное происхождение отражало уже неоднократно упоминавшуюся закономерность: в военные училища шли преимущественно сыновья провинциальной мелкой буржуазии, служащих, ремесленников, более или менее состоятельных крестьян. Если генералы и полковники были кадровыми военными французской выучки (некоторые учились в Сен-Сире), то средние и младшие офицеры, получившие военное образование в Хомской военной академии, не были связаны ни с прежними колонизаторами, ни с буржуазно-помещичьей верхушкой [174, 54—55]. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания политической роли армии в Сирии.

Американский автор Гордон Торри, изучавший роль сирийской армии в политической жизни, отмечает большое влияние, которое оказал на формирование политических взглядов слушателей Хомской академии выпусков 1947—1948 гг.

полковник Джамаль Файсал (впоследствии генерал, командующий сирийскими вооруженными силами ОАР в период объединения с Египтом). Файсал был «панарабистом № 1» сирийской армии, и под его влиянием стало консолидироваться националистическое, радикальное крыло сирийского офицерства. Однако оформиться в организационном отношении оно в тот период не успело. Хотя Торри сообщает, что впоследствии эту группировку офицеров по аналогии с египетской даже называли «малым советом руководства революции» [174, 56], на самом деле ничего похожего на организацию, которую можно было бы хотя отдаленно сравнить с насеровским обществом «Свободные офицеры», в Сирии не было. Тем не менее и в Сирии армия почти в те же годы, что и в Египте, выступила против существующего режима, но разница была огромной. Общим фактором, позволяющим проводить какие-то аналогии, была лишь Палестина.

Один из руководителей партии Баас говорил французскому журналисту Эрику Руло: «Палестинская трагедия была горючим, которое позволило завести мотор революции» [54, 13.X.1966]. Недовольство и разочарование народа, испытывавшего чувство глубокого национального унижения, обратились против традиционной верхушки, лидеры которой, сменяя друг друга в правительствах, занимались министерской и политической игрой в духе классических традиций французского буржуазного парламентаризма, на котором они были воспитаны, были далеки от народа, заботились лишь об интересах капиталистов и помещиков, проявили полную неспособность проводить политику национальной независимости и социального прогресса. Палестинская катастрофа явилась катализатором подспудно нараставшего процесса обострения внутренних противоречий в Сирии после достижения независимости.

Когда правительство, возглавлявшееся в начале 1949 г. Халедом Аземом, попыталось урезать расходы на оборону и одновременно отдало под суд офицера по обвинению в коррупции, армейская верхушка восприняла это как попытку переложить на армию ответственность за фиаско в Палестине. Начальник генштаба Хусни аз-Заим направил президенту Шукри Куатли «ноту протеста», которую тот вернул с язвительным замечанием, что офицерам не пристало посылать петиций, «подобно деревенским старостам» [186, 57]. 30 марта 1949 г. полковник Заим совершил переворот и стал первым военным диктатором в истории современной Сирии, положив начало периоду вмешательства армии в политическую жизнь республики.

Заим принадлежал к старшему поколению сирийских офицеров: он учился в турецкой военной академии в Стамбуле,

а затем служил в *Groupes spéciales*. О политических взглядах Заима ничего не известно. Правда, при нем были проведены некоторые реформы, например введен новый гражданский кодекс, но ни о каких планах серьезных социальных преобразований говорить не приходится. В основном Заим был занят внешнеполитическими проблемами. В центре внимания сирийской общественности в то время был вопрос о нефтепроводе из Саудовской Аравии, прокладки которого через территорию Сирии добивались американские нефтяные монополии. Этому активно противодействовали английские монополии: шла «нефтяная война». Правительство Азема уже готовилось пойти навстречу американцам, когда власть захватил Заим, и существует мнение, что Интеллидженс сервис приложила руки к этому перевороту. Если это верно, то в таком случае Заим довольно быстро переменял ориентацию, поскольку через некоторое время после прихода к власти он ратифицировал соглашение о нефтепроводе с американскими компаниями, чем восстановил против себя не только англичан, но и связанную традиционными узлами с Лондонской хашимитской династией, правившую в Ираке и Иордании. Эмир Трансиордании (впоследствии король Иордании) Абдаллах уже в течение нескольких лет вел кампанию за создание «Великой Сирии». Проект сводился к тому, чтобы объединить Сирию с Трансиорданией под эгидой хашимитской династии. В 1949 г. кампания развернулась с новой силой, так как Абдаллах после Палестинской войны округлил свои владения за счет Центральной Палестины. Феодалная реакция выдвигала и проект объединения стран «Благородного полумесяца», т. е. Ирака, Сирии и Иордании. В этом случае речь шла уже о создании мощного хашимитского государства на Арабском Востоке, ликвидации республиканского режима в Сирии, закреплении английской гегемонии в этом районе.

Хотя проанглийская направленность этих проектов не вызывала сомнений в различных кругах арабской общественности, они все же пользовались определенной поддержкой. Это объяснялось тем, что их авторы использовали ставший невероятно популярным лозунг арабского единства. Сирия, Ливан и Палестина (включая то, что стало называться Иорданией) всегда в глазах арабов составляли единую страну — «билад аш-шам». Тяга к единству с Ираком была довольно сильна у части сирийской общественности. Поэтому разоблачить подлинный характер замыслов хашимитских ставленников Англии было не так просто, тем более что среди националистической, «панарабской» части сирийского офицерства идея объединения арабских стран была особенно популярна. О единстве с Египтом в то время не было и речи,

Ирак представлялся единственным партнером. Правда, тот факт, что в Багдаде правила скомпрометированная хашимитская клика, отнюдь не мог укрепить позиций сторонников объединения с Ираком в Сирии, но тем не менее идея союза и координации действий против Израиля была популярной.

Именно проиракская (а тем самым косвенно и пробританская) часть сирийского офицерства и свергла Хусни аз-Заима спустя четыре с половиной месяца после захвата им власти. Заим был расстрелян. Новый режим возглавил полковник Сами Хинауи, человек примерно той же «школы», что и Заим (он тоже учился в Стамбуле), но придерживавшийся определенно проанглийской ориентации. На следующий день после переворота американо-сирийское соглашение о нефтепроводе было расторгнуто. Однако Хинауи продержался у власти не дольше Заима. В декабре 1949 г. он был свергнут, а впоследствии убит среди белого дня на трамвайной остановке в центре столицы. К власти пришел третий диктатор — полковник Адиб Шишекли. Расторгнутое соглашение было восстановлено, американские монополии добились прокладки нефтепровода через территорию Сирии. Сторонники Англии и хашимитов в сирийской армии проиграли.

Шишекли правил Сирией не четыре месяца, как каждый из его неудачливых предшественников, а четыре года¹⁴. Но эти четыре года были бессодержательными и бесцветными, они не оставили следа в истории Сирии. У режима Шишекли не было массовой опоры и социальной ориентации. Как впоследствии Касем, Шишекли непрерывно маневрировал и балансировал между различными силами и группами, никому не доверяя и всех по очереди ослабляя. Постепенно он восстановил против себя всех. «Панарабисты» были недовольны сдержанностью, которую Шишекли проявил в отношении проектов арабского единства, и его явным нежеланием после революции 1952 г. сблизиться с военным руководством Египта, в котором он видел своих соперников в борьбе за влияние в арабском мире. Проиракские элементы не могли ему простить позиции, занятой в 1949 г., когда он сверг Хинауи. Его весьма робкие шаги на поприще социально-экономических реформ разочаровали тех, кто верил в социальную революцию. Буржуазия была недовольна, что Шишекли отказался от американской экономической помощи, и тем, что западный деловой мир с подозрением относится к его «ненадежному» и непонятному режиму. Старые политиканы тосковали по прежним временам, жаждали вернуться в традиционный мир

¹⁴ В начале, до ноября 1951 г., Шишекли правил за ширмой гражданского правительства, а затем разогнал его и осуществил новый трюк, назначив своего ставленника полковника Фавзи Силу «главой государства».

парламентских комбинаций и распределения местечек; диктатор лишил их этого, разогнав все партии, которые он безуспешно пытался заменить собственной — «Движение арабского освобождения». Могущественная секта друзов¹⁵ открыто вступила с ним в конфликт, а когда в конце 1953 г. Шишекли организовал против них карательную экспедицию, послав войска в Джебель-Друз, это вызвало возмущение многочисленных офицеров-друзов. Наконец, имело значение и то, что Шишекли (как и Заим) был курдом.

В феврале 1954 г. совместное выступление армии и народных сил (в том числе коммунистов и баасистов) положило конец диктатуре Шишекли. Он бежал за границу. Можно считать, что этим закончился первый период участия военных в политической жизни Сирии. Этот период был ознаменован правлением трех военных диктаторов, совершивших перевороты «латиноамериканского типа», т. е. такого типа, когда не меняется ни общественная структура, ни классы, стоящие у власти (меняются лишь лица), а в политической жизни страны разворачивается борьба различных военных группировок, оспаривающих власть друг у друга и часто отражающих иностранные интересы.

С 1954 г. на политическую арену выходит новая плеяда офицеров. Это уже люди не старой турецкой или французской выучки, ограниченные и скованные своим воспитанием. Это офицеры второго поколения, выпускники Хомской академии, националисты с определенной или же только вырисовывающейся социальной ориентацией. О некоторых из них стоит сказать подробнее.

Полковник Абдель Хамид Саррадж, выходец из состоятельной семьи в Хаме, окончил Хомскую академию в 1947 г. Энергичный и способный, он обратил на себя внимание как Хусни аз-Заима, который сделал его после переворота своим адъютантом, так и Шишекли, назначившего Сарраджа главой военной разведки. Саррадж вовремя отмежевался от своего шефа, и его роль после падения Шишекли стала еще более значительной. Примкнув к националистически-радикальной группе офицеров «панарабистов», большая часть которых вступила в партию Баас (сам Саррадж не был членом Баас), он в то же время после падения Шишекли остался на посту руководителя разведки. К 1956 г. в руках Сарраджа находились уже не только военная разведка и контрразведка, но и органы госбезопасности, что позволило ему стать одним из самых влиятельных людей в Сирии. Саррадж был инициатором объединения Сирии с Египтом, однако неудача этого эксперимента положила конец его карьере.

¹⁵ Мусульманская религиозная секта, одно из ответвлений исмаилизма.

Афиф Бизри, родившийся в Ливане в 1914 г., человек весьма состоятельный, участвовал в движении Рашида Гайлани в Ираке в 1941 г., затем отличился в Палестинской войне, а в 1950—1953 гг. учился в военном училище во Франции. После возвращения из Франции установил контакт с сирийскими коммунистами. В начале 1957 г. стал начальником управления кадров армии, в августе того же года был произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба армии. Не скрывая своих прокоммунистических убеждений, Бизри в то же время поддерживал тесные связи с баасистами. После объединения с Египтом ему, однако, пришлось эмигрировать.

Амин Нафури — редкий пример крестьянина, простого солдата, ставшего офицером и политическим деятелем. Отличившись на военной службе, он был послан в военную академию, окончил ее и уже в 1949 г. командовал батальоном. В 1957 г. подполковник Нафури стал заместителем начальника генерального штаба, в 1958 г. он был назначен министром коммуникаций Сирийского района ОАР, но в 1960 г. был вынужден покинуть политическое поприще [186, 60—61; 58, 23.VIII.1957]. Быстро превращался в центральную фигуру на сирийском политическом горизонте полковник Аднан Малики, ставший лидером баасистов в армии. В 1955 г. он был помощником начальника генерального штаба, и сочетание власти в армии, которую давал этот пост, с руководящим положением в непрерывно увеличивавшейся популярности партии Баас открывало перед ним блестящую перспективу. Но 22 апреля 1955 г. Малики был убит на стадионе в Дамаске; его застрелил сержант, член реакционной, национально-социальной партии. Началась чистка этой партии, последовали процессы, каждый из которых увеличивал влияние баасистов¹⁶. Генералы и полковники «первого поколения», связанные с буржуазно-помещичьей верхушкой, постепенно теряли позиции, что было особенно заметно в ходе борьбы за посты начальника генштаба и его заместителя, в чьих руках фактически была армия, так как министр обороны — гражданское лицо — не обладал реальной властью. В 1956 г. был вынужден уйти с поста начальника генштаба генерал Шукайр, а спустя год — сменивший его Низам ад-Дин — оба деятели «консервативной плеяды». В 1957 г. «второе поколение» офицеров прочно контролировало армию: начальником генштаба был Бизри, его заместителем — Нафури, шефом разведки — Саррадж. К этим именам надо прибавить уже упоминавшегося

¹⁶ На парламентских выборах, состоявшихся после свержения Шишкли, баасисты получили 22 места из 142, увеличив число своих депутатов втрое по сравнению с предыдущими выборами.

ся полковника генерального штаба Джамала Файсала, духовного отца офицеров «панарабистов», и капитана Хунайди, командира мотомеханизированного батальона в Катана, вблизи Дамаска (как показывает история всех сирийских путей, это — тоже ключевой пост). Хунайди учился с Сарраджем на одном курсе в военной академии и был его другом [186, 63—66].

Не только в армии, но и в гражданских политических кругах левонационалистические силы добились гегемонии. Правительство Сабри Асали, сформированное в феврале 1955 г., занимало все более антиимпериалистическую, антихашимитскую и проегипетскую позицию. Почти сразу же после того как Египет осенью 1955 г. получил советское оружие, был заключен пакт о взаимопомощи между Египтом и Сирией. Летом 1957 г., после того как был раскрыт крупный заговор правых и доказаны их связи с границей, были созданы отряды народной обороны. Резко обострились отношения с США и Турцией, было объявлено об угрозе нападения на Сирию, население рыло траншеи под Дамаском. Один из лидеров Баас, Салах ад-Дин Битар, стал министром иностранных дел, а перешедший из конъюнктурных соображений в левонационалистический лагерь Халед Азем, имевший в парламенте 38 голосов депутатов Демократического блока, стал министром обороны. Азем направился в Москву и заключил соглашение о предоставлении Сирии займа для нужд экономического развития¹⁷. Это усилило позиции коммунистов и Афифа Бизри. Брат Афифа, Салех Бизри, был назначен командующим силами «народной обороны», насчитывавшими около 100 тыс. человек. Саррадж, Бизри, Хаурани и Нафури стали наиболее могущественными людьми в Сирии.

Таким образом, создавалось впечатление, что левонационалистическая коалиция, ядром которой была партия Баас и в которой большой вес имели коммунисты¹⁸, прочно контролирует страну, оппозиция разбита и открыт путь к созданию сильного социально-прогрессивного режима. Казалось, что и буржуазия перед лицом непрекращавшихся империалистических заговоров убедилась в необходимости сотрудничества с левыми силами как во внутреннем, так и в международном плане. По крайней мере, вероятно, так думали в 1957 г. сирийские коммунисты, если судить по следующей цитате из одного документа ЦК КП Сирии: «Все более широкие круги буржуазии начали понимать, что только в сою-

¹⁷ Соглашение о предоставлении экономической и технической помощи Сирии было окончательно подписано в Москве 11 декабря 1957 г.

¹⁸ На выборах 1954 г. в парламент прошел генеральный секретарь компартии Халед Багдаш — первый в истории арабских стран коммунист — депутат парламента.

зе с народным движением, с одной стороны, и при опоре на социалистический лагерь — с другой, можно разорвать цепи зависимости от империализма и «создать условия для экономического подъема». Жизнь не подтвердила этих оптимистических оценок. Возможностей маневрирования у буржуазии оказалось куда больше, чем это представлялось на первый взгляд. В конечном счете эти возможности тоже оказались (по крайней мере на сегодняшний день) исчерпанными, однако до этого прошло долгих девять лет, и когда, наконец, сильный левый режим был создан, среди его руководителей уже не было ни одного «сильного человека» 1957 г. Самое же главное заключалось в том, что этот режим был создан не на базе сотрудничества с буржуазией, а в борьбе с ней.

Режим, контуры которого вырисовывались в 1957 г. и в процессе консолидации которого коммунисты принимали активное участие, по своей идее должен был явиться прообразом той модели государства национальной демократии, которая вскоре была создана марксистской мыслью. Речь идет именно о первоначальной модели, в которой равноправное место среди ведущих сил отводилось национальной буржуазии. Впоследствии жизнь внесла коррективы в эту концепцию и выяснилось, что пути этой буржуазии и революционных сил неизбежно расходятся. Однако в 1957 г. вещи представлялись еще в другом свете. Политика сирийской компартии, направленная на создание широкой коалиции с мелкобуржуазными силами и левым крылом буржуазии, была правильной — всякая другая политика в тех условиях была бы сектантской. Возможно, в то время коммунисты недооценили силу националистических настроений масс, но если бы даже они и оценили ее, все равно они были не в состоянии изменить ход процесса, который вполне закономерно привел к объединению Сирии с Египтом.

Два фактора сыграли в объединении решающую роль. Внешний — враждебное окружение, угроза империализма. В 1957 г. Сирия жила в атмосфере осажденной крепости. Концентрация турецких войск на границе, угроза нападения со стороны Ирака, возможность прямой американской интервенции под флагом «доктрины Эйзенхауэра», военная мощь и агрессивность Израиля, вновь с огромной силой продемонстрированная во время суэцкого кризиса, — все это с неизбежностью толкало страну на путь объединения с сильным братским государством. Общественность, уставшая от хронической политической лихорадки, с минуты на минуту ожидавшая иностранного вторжения или нового переворота, видела в союзе с Египтом перспективу достижения желанной стабильности, гарантию спокойствия. Конечно, сам факт, что Сирия к этому времени стала объектом атак международной

и арабской реакции, тесно связан с непрерывным процессом полевения ее режима, который враги республики к лету 1957 г. уже открыто называли коммунистическим. Но такое полевение было неизбежным, в основе его лежала неспособность традиционных политических сил решить насущные проблемы страны. Выхода из этого замкнутого круга в тот момент (при тогдашнем умонастроении правящих кругов США, замысливших, используя последствия суэцкого конфликта, установить свой контроль над Ближним Востоком, при характере режимов, господствовавших в Ираке и Турции) не было. По мнению сирийской общественности, лишь объединение с Египтом могло прорвать его.

Внутренний фактор связан, во-первых, с настроением сирийской буржуазии, которая (как и в других странах «третьего мира»), как ее ни убеждали в противном, не без оснований опасалась, что в государстве национальной демократии (хотя этот термин тогда еще не употреблялся) ей придется расстаться со своими привилегиями. Партия Баас в то время была для капиталистов не вполне понятной силой, но ее сотрудничество с коммунистами настораживало. Не питая симпатии к Насеру, сирийская буржуазия в то же время с полным основанием ожидала, что в рамках единого государства партийная деятельность будет ограничена или вообще запрещена и рост влияния коммунистов остановлен.

Во-вторых, еще более важное значение для объединения с Египтом имела позиция партии Баас. Об этой партии будет сказано ниже; на том этапе развития Сирии, о котором идет речь, идеологические установки партии были не так существенны, как ее практическая деятельность. Теоретик М. Афляк мало что значил по сравнению с политическим лидером Хаурани.

Акрам Хаурани родился в Хаме в 1915 г. Он, как и Бизри, участвовал в движении Рашида Гайлани в Ираке в 1941 г., а затем, во время Палестинской войны, добровольно отдал себя в распоряжение Шишекли, с которым его связывала давняя дружба [186, 59; 58, 23.VIII.1957].

В 1949 г. Хаурани был единственным политиком, согласившимся войти в правительство, которое возглавил Хусни аз-Заим, а спустя год, при Шишекли, он уже был министром обороны [186, 58—59]. Примерно в это же время, пользуясь своей популярностью среди бедных слоев населения своего родного города Хама, Хаурани создал социалистическую партию, ядро которой составила молодая националистически настроенная интеллигенция Хамы и Хомса. Поскольку Шишекли разрешил деятельность только собственной партии, Хаурани порвал с ним, бежал в 1952 г. в Ливан, а затем примкнул к силам, готовившим свержение диктатора. В 1954 г., вер-

нувшись в Сирию, он объединил свою партию с Баас, созданную Афляком и Битаром. Его связи и политический опыт, огромная энергия и ораторский талант, репутация социалиста среди леворадикальной интеллигенции, профсоюзов и части крестьянства, его националистические «панарабские» взгляды, импонировавшие «второму поколению» офицерства, обеспечили Хаурани быстрый политический успех и в немалой степени способствовали росту влияния Баас. В 1957 г. Хаурани стал председателем Национального собрания; заключив политический союз с Сарраджем и Нафури, он стал наиболее влиятельным гражданским политиком в стране.

Для Хаурани и его организации объединение с Египтом представлялось выходом из положения. Учитывая характер военного режима в Египте, Хаурани и его друзья не сомневались в том, что все козыри после объединения будут у них в руках, что они будут править Сирией, но они ошиблись.

Но тогда, в 1957 г., все толкало к единству с Египтом. Разжечь общественное мнение было нетрудно — оно уже было к этому подготовлено. Создалась атмосфера, в которой уже никто не мог выступить против росшей на глазах лавины энтузиазма. Армия была захвачена общим настроением, тем более что, всерьез веря в возможность иностранной интервенции, она была рада заручиться поддержкой Египта. 13 октября во исполнение союзнических обязательств Египта в Латакию прибыли первые египетские войска, и не кто иной, как Афиф Бизри, заявил: «Сегодня достигнуто единство двух армий... с божьей помощью мы будем побеждать, пока Гамаль Абдель Насер остается вождем нашего арабского возрождения [114, 1957, № 11].

Дальнейшие события, приведшие к образованию ОАР, хорошо известны. Период объединения Сирии с Египтом не представляет существенного интереса для нашей темы, так как сирийской армии как самостоятельной силы в это время фактически не существовало. Несомненно, однако, что вызванное политическими, экономическими, психологическими факторами общее разочарование союзом коснулось и армии. К осени 1961 г. почти все слои населения и все без исключения политические силы были готовы к разрыву унии. Инициативу проявили правые силы. Толчком послужило решение египетского руководства начать национализацию предприятий частного сектора в обоих районах ОАР. Текстильные фабриканты через свое доверенное лицо — политика «старой школы» Маамуна Кузбари — договорились с его родственником — подполковником Хайдаром Кузбари, служившим в гарнизоне Дмейр, в 60 км от Дамаска, о вооруженном выступлении. На рассвете 28 сентября 1961 г. Хайдар Кузбари во главе отряда из 300 человек вступил в Дамаск. Брига-

дир Дахман занял помещение генерального штаба и радиостанцию. Была также захвачена резиденция генерала Джамаля Файсала, командующего 1-й армией ОАР (т. е. бывшей сирийской национальной армией). После 27-минутной перестрелки восставшие овладели домом маршала Амера, наместника Насера в Сирии, и привели его в пижаме в здание генштаба. Событием, определившим успех заговора, было присоединение к нему мотомеханизированного батальона в Катана, которым командовал подполковник Нахлауи. После того как танки Нахлауи вошли в столицу, командующие войсками на границе и гарнизонов, кроме командира гарнизона Халеба, один за другим заявили о своей поддержке переворота. В 7 часов утра по радио было оглашено первое коммюнике, в котором, однако, не говорилось об отделении от Египта. Шли переговоры с Амером, который согласился на автономию Сирии в рамках ОАР. Это соглашение, зафиксированное в одном из обращений восставших — коммюнике № 9, не было, однако, утверждено Насером, который явно недооценил размах и характер восстания и приказал высадить египетский десант в Латакии. В 17 часов было опубликовано коммюнике № 10, объявлявшее о выходе Сирии из ОАР. Амер и Файсал вылетели в Каир, Саррадж был арестован, гарнизон Халеба объявил о своем присоединении к восставшим. В 11 часов утра 29 сентября был сформирован кабинет Кузбари, и вечером того же дня Насер заявил об отказе от применения силы для восстановления единства [56, 3.IX.1961]. С позиций сегодняшнего дня переворот, приведший к власти хунту Кузбари — Нахлауи, выглядит бесспорно как реакционная акция. Но нельзя забывать, что в тот момент революционные потенции режима Насера еще только начинали проявляться, поэтому прогрессивные силы были полны радужных надежд в связи с освобождением от «фараоновского правления» (так называли тогда и правые и левые период объединения). Население частично поддержало отделение Сирии от Египта, частично встретило его с апатией.

Можно ли говорить о реакционной роли сирийской армии в 1961 г.? Ретроспективно — да. Но с учетом только что сказанного. Следует отметить, что многие офицеры искренне верили, что они выполняют свой патриотический долг и служат интересам родины, обманным путем лишенной независимости. Играли роль и другие обстоятельства: во-первых, сирийские офицеры были недовольны несамостоятельной ролью, которая им отводилась, и тяготились засильем египетских инструкторов и советников. Во-вторых, и это очень важно, «второе поколение» офицеров, о котором упоминалось в начале главы и которое связало себя с «панарабскими» идеями, а в сфере

практической политики примкнуло к Баас, оказалось в 1961 г. значительно поредевшим. Уже не было в армии Бизри, Сарраджа, Нафури и их последователей; многие офицеры-баасисты, после того как Насер порвал с лидерами Баас, были вынуждены уйти на пенсию. Вместо них выдвинулись связанные с буржуазными кругами такие люди, как Кузбари, или честолюбивые карьеристы типа Нахлауи.

После 28 сентября 1961 г. началась чистка офицеров, занимавших видные посты при насеровском режиме. Они не сдались без боя: весной 1962 г. в Халебе полковник Альуани поднял мятеж, в котором участвовали некоторые высшие офицеры периода объединения: бывший министр Музахем, подполковник Маари, генерал Джарра (начальник полиции при Саррадже) и др. [54, 20.VII.1963]. Мятеж был подавлен; дамасское офицерство, связанное с буржуазией и опасавшееся восстановления власти Насера, взяло верх. Офицеры-насеристы (или «юнионисты») были уволены из армии.

Казалось, старое возвратилось. У власти вновь стали традиционные буржуазные партии. Аграрную реформу, которую начали проводить в Сирии в период объединения, постепенно свернули, национализированные предприятия возвращали их прежним владельцам. Один из премьер-министров буржуазных кабинетов, сменявших друг друга у власти с 1961 по 1963 г., Мааруф ад-Давалиби, прямо заявил, что он вышвырнет за границу всякого, кто заговорит о социальных реформах [54, 14.X.1966]. Дельцы, фабриканты, помещики, политиканы, вновь окунувшиеся в родную стихию парламентских интриг, — все эти деятели «старого режима» самодовольно потирали руки: еще бы — они перехитрили и египтян, и коммунистов, и баасистов. Вернулся «золотой век» буржуазной демократии.

Но это была иллюзия. Сирия уже пробудилась, массы требовали перемен, отмахнуться от египетского примера было невозможно. К началу 1963 г. недовольство «традиционным» режимом стало проявляться открыто. Волновались рабочие, крестьяне требовали аграрной реформы, в армии солдаты и офицеры слушали каирское радио, разоблачавшее реакционную власть в Дамаске. За годы объединения с Египтом старый порядок был поколеблен, семена реформ были посеяны и стали давать всходы.

8 февраля 1963 г. в Багдаде был свергнут генерал Касем, и к власти пришла партия Баас. После этого в Сирии мало кто сомневался, что дни правительства (которое к этому времени опять возглавил Халед Азем — последняя надежда сирийской буржуазии) сочтены. Вопрос был лишь в том, кто придет ему на смену — баасисты или юнионисты.

8 марта 1963 г. полковник Харири во главе дивизиона зенитной артиллерии, совершив бросок на грузовиках от палестинской границы, вошел в Дамаск и сверг правительство. Харири не был кадровым баасистом, он мог опереться и на сторонников воссоединения с Египтом, однако тут сыграл роль тот же страх, как бы насеристы не выгнали из армии офицеров, служивших при «сепаратистском режиме».

Как говорят англичане, успех приносит успех. Удачный переворот в Багдаде сразу поднял шансы баасистов и в Дамаске. И новое правительство возглавил Салах ад-Дин Битар — «баасист № 2».

На первый взгляд переворот 8 марта 1963 г. ничем не отличался от традиционных сирийских путчей¹⁹. Но его принципиальное отличие состояло в том, что с этого момента армия официально и надолго взяла на себя роль верховного арбитра политической жизни страны. Власть 8 марта перешла в руки Национального совета революционного командования, ставшего постоянным органом и после сформирования правительства. Фактически совет и стал решающей инстанцией, от него зависело назначение и смещение кабинетов.

Но переворот Харири имел и другое, еще более важное значение: вскоре была проведена самая основательная до этого времени чистка армии. На пенсию ушли 800 офицеров. В основном это были «сепаратисты», т. е. те, кого условно можно назвать «третьим поколением» сирийского офицерства, люди типа Кузбари, связанные с дамаской буржуазией, противники Насера и социальных реформ. Но заодно с ними были уволены и остававшиеся в армии юнионисты-насеристы. На смену им пришли 900 офицеров, лояльных Баас. Именно эти люди, в основном сыновья провинциалов, и составили «четвертое поколение» сирийского офицерства, которому предстояло сыграть решающую роль в событиях последующих лет.

Вновь началась чехарда в руководящих кругах армии. Харири недолго оставался «сильным человеком» Сирии. Он никогда не был для баасистов «своим», и вскоре они от него избавились. Такая же судьба постигла и другого лидера переворота 8 марта, генерала Луэй аль-Атаси. После длительной борьбы власть взял генерал Амин Хафез — военный и кадровый баасист.

Пока крутилась эта политическая карусель, Сирия являла собой удивительную картину: министры и высшие чиновники, назначенные исключительно по принципу «благонадеж-

¹⁹ В Дамаске пользовался успехом такой анекдот: к зданию генерального штаба подходит офицер. Часовой спрашивает его: «Что вам угодно?» Тот отвечает: «Совершить переворот». — «Вы что, порядка не знаете? Вон за углом очередь».

ности», интересующиеся только политическими комбинациями, но зачастую понятия не имеющие о положении дел в стране, об экономических проблемах; офицеры, каждый из которых считал, что вскоре наступит его час и что достаточно батальона солдат и десятка броневиков, чтобы захватить власть; журналисты, гадающие, кто именно совершит следующий переворот. Заговоры, слухи о заговорах, опровержения слухов, подозрительные передвижения войск. Никто не доверяет друг другу, каждый норовит переиграть партнера; начальники пытливо всматриваются в лица подчиненных: от кого ожидать удара? Возникают и тут же распадаются блоки и коалиции.

Постепенно, однако, стало ясно, что в этой неустойчивости есть один стабильный фактор: гегемония Баас на политической арене. Представляется целесообразным более подробно остановиться на характере этой партии. Впервые Баас появилась на сцене в 1947 г. Ее «отцом» был преподаватель Мишель Афляк, сирийский христианин, окончивший в 1940 г. университет в Дамаске, одно время близкий к коммунистам [188, 172; 104, 1958, № 5, 176]. Вторым лицом в партии всегда был Салах ад-Дин Битар, родившийся в 1912 г. в известной дамасской семье, учившийся в Сорбонне, а по возвращении в Сирию преподававший в школе. Начало его сотрудничества с Афляком на политическом поприще относится к 1942 г., а спустя пять лет они создали партию Арабского возрождения (Баас), которая после объединения с социалистической партией Хаурани стала называться Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) [55, 12.II.1957].

После окончания второй мировой войны молодая арабская интеллигенция была разочарована в старых лидерах, стремилась найти свой путь, пыталась сочетать культурное и интеллектуальное влияние Запада с традициями ислама. Как писал английский автор Эрскин Чайлдерс, появление Баас было «отражением крайнего нетерпения, которое испытывало новое поколение арабов в связи с отсутствием единства в арабском мире, продолжающимся западным господством, коррупцией и консерватизмом династических и капиталистических режимов, союзных с западными державами или подчиненных им» [128, 1964, February, 11, 305—306].

Основным контингентом партии всегда были средние и частично промежуточные слои. «Эта партия,— писал американский автор Файнер,— состоит из среднего и низшего офицерства, школьных учителей, студентов и некоторых категорий сельского населения. Наиболее ревностными носителями ее идей являются люди, которых можно назвать первым поколением образованных сыновей и дочерей низшего слоя среднего класса (в основном мелкой буржуазии.— Г. М.),

а также делающая карьеру крестьянская молодежь» [102, 1958, October, 305—306].

Баас привлекала их тем, что «она предлагала включившимся в политику, но находившимся в замешательстве молодым людям тайные ячейки, возбуждавшие их воображение, и серьезную политическую работу. Для молодых выпускников институтов и студентов стать членом партии уже означало бросить вызов обществу, это наполняло их своего рода опьянением. В течение двух лет продолжался кандидатский период: будущего члена партии, сначала именовавшегося „сочувствующим“, затем „кандидатом в члены“, изучали и проверяли, и только после этого он мог испытать гордость, став полноправным участником этой тайной элиты, которая, казалось, имела особую судьбу» [128, 1964, February, 11].

Но главная привлекательность партии для молодежи всегда состояла в том, что основным лозунгом и принципом Баас было арабское единство. Появление Баас означало, что на смену расплывчатым и разнородным движениям, кружкам, группировкам сторонников арабского единства впервые пришла подлинная политическая партия, причем не государственного, а общеарабского масштаба. Исходя из концепции, что арабы представляют собой единую нацию, баасисты решили создать единую организацию с филиалами во всех арабских странах.

В программе партии говорится: «Мы должны осознать, что усилия партии в Сирии должны охватить весь большой арабский мир, ибо арабские массы за последние несколько лет потеряли значительную долю своей уверенности в себе и в революционных движениях. Эти массы должны будут найти новую базу для своей веры.

Наша партия — единственная, способная обеспечить эту базу, так как она — единственная партия, живущая исторической борьбой арабов, единственная, которая представляет народ в борьбе за его цели, единственная партия, которая верит в организованное массовое движение на пути к достижению целей народа» [25, 4].

В другом месте программы сказано: «Партия, выполняя свою историческую роль, должна всегда помнить, что ее долг — не только изменить арабское общество в Сирии, но что этот эксперимент готовит ее к тому, чтобы играть свою роль на уровне всего арабского мира. Более того, он готовит ее к тому, чтобы быть примером для других подобных партий в мире» [25, 47—48].

Приведем некоторые выдержки из органа партии — газеты «Аль-Баас». «Битва арабской нации — это единая битва, в ней нет различия между борьбой против империализма и наших внутренних недугов» [63, 31.V.1957].

«Препятствие на пути единства и освобождения — гни-
лость внутреннего общественного устройства» [63, 22.VI.1956].

Вот отрывки из книги Мишеля Афляка «Битва единой
судьбы».

«Наш социализм — это средство возрождения нашего на-
ционализма и нашей нации, это ворота, через которые араб-
ская нация вновь входит в историю» [193, 30].

«На шкале ценностей (нации.— Г. М.) единство выше со-
циализма» [193, 33].

«Единство — вот главное из национальных требований и
революционных прогрессивных целей» [193, 83].

Во всех этих тезисах можно различить три концепции:
приоритет единства и национализма перед социализмом;
претензии Баас на роль общеарабской партии, причем роль
исключительную и монопольную; средство для достижения
целей партии — борьба против империализма и его внутрен-
них союзников.

После неудачного эксперимента с сирийско-египетским
объединением тема единства практически отошла на второй
план, а по мере ослабления влияния Афляка все больше под-
черкивалась необходимость социальных преобразований и
опоры на массы. Приведем еще некоторые выдержки из про-
граммы партии.

«Основной долг партии, когда она находится у власти,—
осуществить революционное преобразование всех социальных
отношений... Отсталое, эксплуатируемое общество должно
превратиться в прогрессивное, социалистическое общество»
[25, 10].

Об авангардной и ведущей роли партии: «Лишь неболь-
шая часть народа осведомлена об исторической роли и зна-
чении борьбы. Массы борются, но только авангард осознает
значение битвы и видит ее в правильной исторической пер-
спективе... Любое движение, уводящее от масс, противоречит
философии нашей партии и ее исторической теории социаль-
ной борьбы... Вот разница между единственной партией и ве-
дущей партией: единственная партия пытается осуществить
перемены сама, в то время как ведущая партия зависит от
народа...» [25, 6, 7, 10].

Определенное влияние марксистской мысли чувствуется в
этих формулировках. Баасисты, несомненно, воспользовались
опытом коммунистической партии и скопировали некоторые
ее организационные черты. Это — необычное явление для
сирийской политической жизни, где партии (кроме коммуни-
стической) имели всегда характер аморфных верхушечных
группировок, лишенных организации в собственном смысле
слова.

Баас решительно выступает против вождизма и культа «сильной личности». На это оказали влияние необходимость постоянно считаться с Насером как с сильнейшим конкурентом в борьбе за влияние в арабском мире (выпады против «вождизма» — камень в его огород) и особенность сирийского национального характера. В Сирии никогда не было «харизматического лидера»²⁰, и преклонение перед вождем не в натуре сирийцев. Руководство Баас всегда было и остается коллективным.

Возникнув в результате слияния партий Афляка — Битара и Хаурани, Баас стала располагать двумя важнейшими возможностями идеологического воздействия на умы — идеей арабского единства и своей концепцией социализма. Именно это отличает ее от других националистических партий и течений, идеологией которых был только антиимпериализм. Если добавить к этому централизованную организацию, дисциплину Баас, то причины ее успеха станут понятны.

Итак, в 1963 г. Баас вновь вышла на авансцену. Этому способствовал своеобразный политический вакуум, который возник в результате того, что буржуазные партии были дискредитированы, коммунисты не успели оправиться от нанесенных им ударов, а «насеристы» были ослаблены и подвергались гонениям.

По-видимому, в тот момент буржуазия смотрела на Баас как на меньшее зло по сравнению с коммунистами и сторонниками Насера. В программных установках баасистов не было ничего, что можно было рассматривать как определенное намерение нанести удар по привилегированным классам, связанным как с промышленностью и торговлей, так и с землевладением. В Сирии имелись крупнейшие помещики, своего рода латифундисты, некоторые из них владели колоссальными поместьями площадью до 100 тыс. га [54, 17.X.1966]. В основном это были феодалы турецкого и курдского происхождения, и после достижения независимости серьезной политической роли они не играли. Господствующим классом были капиталисты, одновременно являвшиеся крупными землевладельцами. Основой накопления их капиталов была торговля. В Сирии она была в руках европейцев (чему способствовал режим капитуляций, существовавший в Османской империи). Примерно с XVIII в. в торговле выдвинулись алеппские евреи, затем сирийские христиане и лишь в XX в. сирийские мусульмане утвердились в этой сфере наряду с христианами.

²⁰ Харизма — в переводе с греческого «дар». Используется для определения вождя, которому приписываются сверхъестественные качества, необыкновенный дар божественной благодати.

К середине XX в. в Сирии сложились три основные предпринимательские группы: группа Хумасия (в Дамаске) — мусульманские купцы-импортеры, ставшие промышленниками, — текстильные предприятия, промышленность стройматериалов и т. п.; группа Сахнауи (Дамаск) — выходцы из компрадоров, как христиан, так и мусульман, — легкая и пищевая промышленность; и халебская группа, среди которой выделялись Мударрис — владелец крупнейшей текстильной фабрики и богатейший помещик, Харири и Шабарек — купцы, создавшие текстильные и цементные предприятия [183, 122].

Часть крупных капиталистов, в том числе богатые армянские купцы из Халеба, приобрели земли в Дездеире и создали крупные капиталистические плантации, где выращивались пшеница и хлопок.

В Сирии насчитывалось 26 тыс. промышленных предприятий, из них 16 тыс. были фабричками, на каждой из которых было занято менее 10 рабочих. Лишь на 58 предприятиях число занятых превышало 50 человек. Главная отрасль промышленности по числу занятых (18 тыс. человек) — текстильная. Крупные текстильные фабрики в Дамаске и Халебе оснащены первоклассным современным оборудованием. Их быстро обогатившиеся владельцы составляли наряду с собственниками плантаций в Дездеире элиту сирийской буржуазии.

Все эти люди — купцы-компрадоры, финансисты, землевладельцы — никогда не одобряли партию Баас с ее социалистической терминологией. Для буржуазно-помещичьей элиты «своими людьми» были Халед Азем, Шукри Куатли, Хашим аль-Атаси (бывший президент).

От баасистов же, а тем более от баасистов военных буржуазия могла ожидать чего угодно. Они делили между собой власть, устраивали перевороты, свергали друг друга, устанавливали контакты то с коммунистами, то с насеристами. Не было порядка, стабильности, гарантий спокойного, устойчивого развития. Перестала функционировать традиционная парламентско-партийная система, позволявшая буржуазии определять политический курс правительства. Повторился тот же процесс, который был описан, когда речь шла о Египте, но в сирийском варианте. Возник «кризис доверия» между буржуазией и государственной властью, имевшей большую степень независимости и автономии. Первоначально власть вовсе не собиралась наносить ущерб буржуазии — напротив, как и в Египте, она предоставляла ей привилегии. Баасистское правительство разрешило свободное обращение иностранной валюты, сняло некоторые валютные ограничения, начало широко субсидировать через государственные банки частные

предприятия (только 104 частных промышленных предприятия получили от государства ссуды на сумму 82,7 млн. сир. ф.) [71, 1965, № 5, 130].

Салах ад-дин Битар, возглавивший правительство в мае 1964 г., всячески пытался успокоить буржуазию, привлечь ее на сторону власти, обещая, что правительство не будет проводить национализацию. Глава государства генерал Хафез говорил впоследствии (в январе 1965 г.): «Между нами и частным сектором существовало как бы перемирие. Мы давали ему возможность подтвердить его добрые намерения...» [71, 1965, № 5, 130].

Но этих добрых намерений как раз и не было. Отмена в начале 60-х годов валютных ограничений привела лишь к утечке валюты. Огромные масштабы приобрел вновь вывоз капитала за границу. За 1963 и 1964 гг. было вывезено и помещено в банки Ливана, Швейцарии и других стран 800 млн. сир. ф. (весь национальный доход страны составлял в 1963 г. 3315 млн. сир. ф.) [71, 1965, № 5, 130]. Государственные ссуды использовались в качестве оборотного капитала для простого воспроизводства, а полученные прибыли вывозились за границу. Все это привело к застою в промышленности, спаду в торговле. Капиталисты, ссылаясь на экономические трудности и нехватку средств, закрывали предприятия или сокращали производство, увольняли рабочих. Росла безработица, десятки тысяч людей вынуждены были эмигрировать. Рос бюджетный дефицит, а также дефицит торгового и платежного баланса.

За весь 1964 г. ни один представитель делового мира не вложил капитала в строительство новых промышленных объектов. К концу года сократилось производство хлопчатобумажных тканей, цемента, сахара, строительных материалов и т. д. Резко упал курс акций основных промышленных компаний [71, 1965, № 5, 131].

Все это вызывало широкое недовольство населения. Экономические трудности привели к катастрофическому падению популярности Баас в народе. Баасисты хорошо понимали, что это означает: создавалась почва для нового переворота. С таким трудом, после стольких лет борьбы завоеванная власть грозила ускользнуть из их рук. И в интересах самосохранения руководство Баас оказалось вынужденным предпринять шаги, чтобы остановить падение и развал экономики. Были введены первые ограничения импорта, усилен контроль над финансовыми операциями с границей. В начале 1964 г. были национализированы крупнейшие текстильные предприятия.

Но эти меры дали обратный эффект. Цены на импортные товары стали расти, многие товары вообще исчезли с рынка,

стала развиваться контрабанда. Буржуазия, почувствовав на себе первые удары правительства, потеряла к нему всякое доверие. Что же касается иностранного капитала, то он фактически отказался иметь дело с Сирией, мотивируя это резким падением обеспеченности сирийского фунта.

Дамасская торговая палата в меморандуме, направленном министру экономики, указала на следующие элементы экономического кризиса: сокращение резервов иностранной валюты, рост внешней задолженности, нежелание иностранных банков предоставлять Сирии кредиты, упадок доверия к сирийскому фунту за границей, уменьшение экспорта, рост цен на внутреннем рынке, трудности со сбытом, застой в торговле и т. п.

По мнению торговой палаты, это объяснялось главным образом политической нестабильностью, из-за которой деловые люди боялись вкладывать капиталы в развитие экономики. Палата рекомендовала правительству практически отказаться от всякого контроля над финансовыми операциями с заграницей, поощрять частную инициативу и т. д. Иными словами, буржуазия требовала полностью вернуть страну на путь «классического» капитализма, либеральной экономической политики. И за всем этим стояло одно, не высказанное прямо, но вполне очевидное требование: допустить компетентных людей, представителей деловых кругов к участию в определении политического курса, т. е. покончить с монополией Баас на государственное руководство. Но печальный опыт сотрудничества с буржуазией многому научил баасистских лидеров — если не всех, то по крайней мере молодое левое крыло, которое к концу 1964 г. стало задавать тон в партии.

Уже упоминалось о большой чистке весной 1963 г., в результате которой из армии были уволены офицеры — сторонники традиционных буржуазных партий, и говорилось о наплыве «четвертого поколения» офицерства — новой волны. Это поколение имело две отличительные черты.

Во-первых, это были, как правило, выходцы из простого народа, из провинциальной среды. Эрик Руло приводит на страницах «Монд» беседу с Абдель Керимом Джунди — одним из руководителей революционного режима в Сирии. «Я стал военным не по призванию, — сказал Джунди: — Я хотел стать инженером, но скудость средств, которыми располагала семья, не позволила мне поступить в университет; это — роскошь, которую могли себе позволить лишь сыновья крупной буржуазии. А обучение в военной академии было бесплатным. Кроме того, мы получали стипендию, которая давала нам возможность обеспечивать свое существование». «Армия, — пишет Руло, — дала ему престиж, сопутствующий мундиру, затем авторитет, который он не мог бы получить в

другой сфере, и, наконец, власть, которая позволила ему вырвать из рук имущих орудия их господства» [54, 17.X.1966]. Руло также упоминает двух других офицеров — капитана, сына простого крестьянина, и полковника, сына типографского рабочего [54, 13.X.1966].

Во-вторых, устранение офицеров, связанных со столичными буржуазно-аристократическими кругами, привело к ослаблению суннитского элемента в армии, так как дамасская верхушка всегда состояла из суннитов. На смену им пришли представители окраин — алавиты, исмаилиты, друзья, т. е. представители религиозных меньшинств, всегда подвергавшихся дискриминации и, соответственно, враждебно настроенных к традиционной системе²¹.

Эти обстоятельства объясняют левую ориентацию «четвертого поколения» офицеров. Они не только не были связаны с традиционными правящими слоями, но были враждебно настроены по отношению к ним. Позиция, которую заняла в 1964 г. буржуазия, побудила эту группу офицеров к решительным действиям. Ключевые позиции в партии и в армии в то время занимали: Амин Хафез — председатель президентского совета, генерал Умран — командир механизированной дивизии в Хомсе, ставший затем заместителем Хафеза и вторым человеком в стране, полковник Хомад Обейд, командовавший 25-тысячной национальной гвардией, созданной баасистским руководством в противовес армии [55, 28.VI. 1963]. Хафез — баасист среднего поколения — был, пожалуй, центристом по убеждениям, но до конца находился под сильным влиянием Салах ад-Дина Битара. Двое других тяготели к правому крылу Баас. Молодые левые офицеры — Джунди, Тавиль, Джедид, Хафез Асад и другие — имели в своем распоряжении большую часть бронетанковых сил, расположенных в районе Дамаска. Первая «проба сил» закончилась в их пользу: Умран был снят с поста и выслан из страны.

В конце 1964 г. офицеры левого крыла в ультимативной форме потребовали от Хафеза и других руководителей партии начать решительное наступление на позиции буржуазии. Это требование молодых офицеров, опиравшихся на сосредоточенные вблизи столицы танковые части, ускорило принятие решения, которое было неизбежно, если Баас не хотела капитулировать перед буржуазией и в конечном счете утратить власть.

²¹ Например, один из лидеров Баас, генерал Салах Джедид, — алавит из Латакии, и хотя сам он происходит из состоятельной семьи, враги называют его «сыном слуги», так как из Латакии всегда в столицу приезжали неквалифицированные рабочие, в том числе поступавшие в домашнее услужение.

В январе 1965 г. прошла волна национализации, за которой весной того же года последовали другие, приведшие к национализации 75% промышленного производства.

В 1966 г. в Дамаске были изданы «документы, относящиеся к социалистическим преобразованиям в Сирийской Арабской Республике». В них излагалось не только содержание декретов 1965 г., но, что более важно, приводилось их обоснование. Поэтому выдержки из них представляют интерес.

«Партия решила, что контроль над сектором экономики невозможен до тех пор, пока этот сектор не будет превращен в общественную собственность. Она пришла также к убеждению, что только социализм способен создать подходящие условия для развития современной промышленности и национальной экономики в слаборазвитой стране. Партия также решила, что класс буржуазии является эксплуататорской и неэффективной силой.

Решения партии четко говорят о необходимости проведения политики самоуправления, цель которой — предотвратить возникновение бюрократического капитализма со всеми его пороками, ибо на производстве демократическая политика самоуправления является единственным путем предоставления массам возможности контролировать экономику...

...Только социализм может создать условия для приобретения технического опыта. Не следует откладывать проведение социалистических мероприятий до тех пор, пока он будет накоплен. Необходимые предпосылки для него будут созданы быстро и эффективно в процессе строительства социалистического общества. Кроме того, мы убеждены, что в мире накоплено немало технического опыта, которым располагают искренние друзья, способные нам помочь...

Наличие частного сектора, охватывающего большую часть нашей национальной экономики и контролирующего основные экономические сферы в нашем обществе, устремившемся к социализму, может означать лишь продолжение эксплуатации дельцами борющихся рабочих и потребителей... Развитие частного сектора зависит от того, что правительство гарантирует налоговые и таможенные привилегии, предоставляет кредиты, дает транспорт и т. д. ... в чем в первую очередь нуждается частный сектор и что идет ему только на пользу. Другими словами, правительство на всех участках деятельности работало в интересах частного сектора и для его развития. Это также означает, что правительство оставалось инструментом в руках капиталистов...

Опыт показал, что частный сектор, несмотря на все благоприятные условия и гарантии, предоставленные правитель-

ством, оказался неспособным обеспечить подлинное развитие национальной экономики...

Частный сектор с начала социалистических шагов в нашей стране контрабандой вывозил капитал... Политика частного сектора может быть охарактеризована как использование контролируемых им торговых и промышленных компаний для извлечения максимальных прибылей. Далее, частный сектор продолжал требовать от правительства содействия и кредитов и переправлять все что можно за границу, пытаясь в то же время положить конец всякому расширению производства внутри страны.

Поэтому оставить национальную экономику в руках отдельных лиц в общих рамках официальной социалистической политики — значило бы сохранить все пороки частного сектора и системы свободного предпринимательства. Это означало бы также, что правительство осталось орудием дельцов в ущерб борющимся массам, ради которых была совершена революция.

...Все это делало необходимым шаги, предпринятые социалистической революцией для того, чтобы покончить с капиталистическим контролем над национальной экономикой и с эксплуатацией борющегося народа.

Это было достигнуто революцией, когда были изданы декреты, предусматривающие национализацию 21 компании с капиталом 111,692 тыс. сир. ф. ...Эти компании производили цемент, сахар, стекло, растительные масла, текстиль и т. д. Этими социальными декретами также были национализированы 24 компании и фирмы на 90% и 61 компания и фирма на 75%. Всего социалистическими декретами охвачено 106 компаний...» [28, 17—22].

Характерно, что аргументация, обосновывающая национализацию, аналогична египетской Хартии национального действия: неэффективность правления, своекорыстие, саботаж буржуазии, невозможность добиться экономического подъема на капиталистическом пути. Сходство аргументации проистекает из сходства ситуации.

Буржуазия, рассматривая Баас как меньшее зло по сравнению с коммунистами и Насером, все же никогда не доверяла баасистам, считая, что от них можно ожидать чего угодно. В 1963 г. в Сирии баасисты, борясь на два фронта — против коммунистов и насеристов, пошли на союз с буржуазией. Однако вскоре выяснилось, что для такой партии, как Баас, поддержки буржуазии, к тому же половинчатой и вынужденной, явно недостаточно. Баасистам нужна была опора масс, а массы, разбуженные насеровскими декретами 1961 г., требовали радикальных преобразований. И баасисты решили осуществить «насеризм без Насера», тем более что буржуа-

зия, лишенная участия в управлении страной, стала саботировать программу экономического развития. Это в свою очередь еще больше оттолкнуло от нее баасистов, руководство которых к этому времени претерпело изменения («ортодоксальное ядро» во главе с Афляком и Битаром уступило позиции военной группе, не связанной предрассудками и наслоениями прошлой борьбы против коммунистов). Относительная независимость Баас от буржуазии позволила партии сделать резкий крен влево. Результатом явились январские декреты о национализации. Отныне баасисты в глазах капиталистов превратились во врагов. Понимая это, баасисты, естественно, пошли на сотрудничество с коммунистами, рассчитывая использовать их влияние в массах. Так возникли предпосылки для возрождения единого фронта левых сил.

Вообще было бы неверно говорить о Баас как о чем-то неизменном. В 1966 г. в результате очередного переворота (23 февраля) к власти в Сирии пришла группа левых офицеров, которая была инициатором реформ 1965 г. Хафез, примкнувший к Битару и объективно ставший препятствием на пути революции, был отстранен. Представители «новой волны» заняли ключевые посты в армейском и партийном руководстве. Была провозглашена программа радикальных социально-экономических преобразований при опоре на надежных внешних союзников — Советский Союз и другие социалистические страны. Символом этого плодотворного сотрудничества стало строительство Евфратской плотины при помощи СССР. На 9-й общеарабской конференции Баас, проходившей в октябре 1966 г., правые баасисты были исключены из партии.

Таким образом, от Баас периода 1954—1957 гг. остались лишь название и программа (и то видоизмененная). Остался и костяк активистов, но в целом партия совершенно обновилась. Решающей силой революционно-демократических преобразований в партии стала армия. Прогрессивное офицерство толкнуло Баас влево и изменило ее характер и ориентацию.

Возникает вопрос: почему в новых условиях эта офицерская группа не попыталась создать другую партию, отбросив Баас со всеми ее наслоениями и сложной историей? Дело, по всей видимости, в том, что при наличии налаженной и отрегулированной машины разумнее овладеть ею и взяться за руль, чем демонтировать и создавать новую. У партии Баас есть имя, гораздо более авторитетное в Сирии, чем за ее пределами, есть готовый, разветвленный аппарат, есть боевая прогрессивная программа, привлекательная для широких масс, есть традиция, позволяющая ей выступать как партии общеарабской. Наконец, и это самое важное, есть десятки

тысяч приверженцев, которые вовсе не отвечали за оппортунистическую политику Афляка и Битара и примкнули к партии, движимые искренним патриотизмом и стремлением улучшить жизнь народа. Революционные офицеры поступили совершенно правильно, используя эти преимущества партии в интересах прогрессивного развития Сирии.

Своеобразие революционно-демократической роли армии в Сирии в том, что ей не нужно было создавать политическую организацию. Такая организация уже существовала, надо было лишь сменить руководство. Как в Египте и Бирме, армия в Сирии явилась одной из движущих сил национально-демократической революции, перерастающей в революцию антикапиталистическую. Однако Сирия миновала этап чисто военного режима: придя к власти, военные возглавили режим, уже имевший социальную ориентацию. Это — большое преимущество сирийской революции.

Отсюда логически вытекает и лозунг «идеологической армии» («аль-джейш аль-укаиди»), выдвинутый в Сирии. Армия выступает не как арбитр и надклассовая сила, а как один из факторов общего процесса революционных преобразований.

Глава 3

БИРМА

В отличие от армий ближневосточных стран бирманская армия не была создана колонизаторами. Она возникла в борьбе против империализма, в ходе национально-революционного движения.

Когда в 1942 г. японцы оккупировали Бирму, они решили создать там, как и в других странах Юго-Восточной Азии, попавших под их контроль, подчиненные им местные вооруженные силы, обрести поддержку национального движения. Японские власти договорились с находившимися в эмиграции в Таиланде бирманскими революционерами-такими, которые еще в 1941 г. для борьбы против английского господства начали создавать там Армию независимости Бирмы. Армия независимости была в 1942 г. передислоцирована в Бирму и совместно с японской приняла участие в изгнании английских войск. Аун Сан, Не Вин и другие военные руководители бирманского национального движения были направлены в Японию для прохождения военной подготовки. По возвращении Аун Сан стал политическим руководителем движения, Не Вин — командующим Национальной армией Бирмы. Японцы рассчитывали найти среди бирманских революционеров предателей, но они ошиблись. Не для того молодые националисты боролись против англичан, чтобы смириться с японским игом. Они использовали все, что могли им дать японцы в смысле вооружения, военного опыта и т. п., а затем, дождавшись удобного момента, повернули оружие против своих «покровителей». Это было связано с поворотом в ходе второй мировой войны на Дальнем Востоке, когда стало ясно, что поражение Японии неминуемо. Старые враги — англичане стали временными союзниками бирманских революционеров. Аун Сану не оставалось ничего другого, как установить взаимодействие с английской армией, наступавшей на японцев из Индии. Создалось весьма щекотливое положение,

из которого, однако, бирманские руководители сумели выйти. Они добились главного: в их распоряжении были национальные вооруженные силы, а то, что они были созданы при помощи японцев и одно время сотрудничали с ними, носило преходящий характер. Важно, что англичане были вынуждены признать бирманских националистов и считаться с ними как с силой, располагавшей к концу войны фактической властью на территории Бирмы. Таким образом, Аун Сан мог разговаривать с англичанами «на равных», у него были прочные позиции, опираясь на которые он вел — и успешно довел до конца в 1947 г. — переговоры о предоставлении Бирме полной независимости. В своей речи на сессии Высшего совета АЛНС (Антифашистской лиги народной свободы) 16 августа 1945 г. Аун Сан заявил: «Бирманская армия возложила на Антифашистскую лигу руководство по ведению совместной борьбы за независимость страны. На совещании в Пегу и Рангуне командный состав бирманской армии обратился к Антифашистской лиге с призывом возглавить борьбу за независимость страны» [33, 74].

Бирманская армия возникла одновременно с зародышем будущей национальной власти и, следовательно, неотделима от нее. Одни и те же люди, группировавшиеся вокруг Аун Сана, создали в 1941 г. армию, в 1944 г. — Антифашистскую лигу народной свободы, а в 1947 г. — правительство независимой Бирмы. Они не были профессиональными военными: они были кадровыми революционерами. Поэтому офицерский корпус бирманской армии был укомплектован революционерами-националистами, и это определило его характер, заложило основу для превращения армии — в будущем — в политическую силу.

Национальные лидеры, создавшие армию, вышли из таких — патриотической организации, возникшей в 30-е годы в студенческих кругах. Как и националисты младшего поколения в других бывших колониях, они были выходцами из мелкой буржуазии, крестьянства, служащих. Не Вин родился 24 мая 1911 г. в семье служащего в провинциальном городке Паунде, учился в Рангунском университете, затем был служащим департамента почты и телеграфа. К такинам он прикнул еще в студенческие годы. Сходными были происхождение и жизненный путь большинства высших офицеров армии.

Особенность бирманской армии состояла в том, что большинство офицеров (как почти и половина солдат) были представителями народности каренов, которые по традиции, перешедшей со времен британского господства, считались наиболее подходящими для воинской службы. В 1949 г. карены восстали под лозунгом создания независимого каренского государства, и часть офицеров-каренов повернула оружие

против правительства Бирманского Союза. Но и те карены, которые отказались так поступить, были уволены в отставку. Освободившиеся вакансии были заполнены собственно бирманцами, срочно подготовленными в военном училище. Таким образом, к началу 50-х годов офицерский корпус бирманской армии в значительной мере состоял из революционеров-националистов, сражавшихся против англичан и японцев.

К этому времени в Бирме произошли важные события: в июле 1947 г. был убит Аун Сан, в марте 1948 г.— раскол АЛНС, создано новое правительство, уже не революционно-демократическое, а буржуазно-помещичье. Роль армии как политической силы резко уменьшилась.

Начиная с 1949 г. главная функция армии состояла в ведении войны как против восставших национальных меньшинств (каренов, монов, араканов), так и против вооруженных сил коммунистов, порвавших с АЛНС и поднявших борьбу против режима национальной буржуазии. Затянувшиеся военные действия оказали двойное воздействие на политикоморальное состояние армии: с одной стороны, они усиливали роль и общественное значение армии, с другой, поскольку восстания подавить так и не удалось,— порождали чувство досады и раздражения, перераставшее в недовольство правительством, неспособным добиться решения конфликтов.

Тем временем бирманские политические руководители полностью продемонстрировали свою несостоятельность. После убийства Аун Сана и других виднейших революционных лидеров руководство в АЛНС перешло к У Ну, политику с ограниченным буржуазным кругозором и эклектической идеологией, представлявшей смесь социал-демократических реформистских иллюзий и буддистской философии. Экономическая политика У Ну, направленная на сотрудничество с местным и иностранным капиталом, потерпела фиаско. Как отмечает В. Васильев, «в течение многих лет не удавалось достигнуть даже предвоенного колониального уровня развития экономики... Народ... жил хуже, чем до войны, потому что рост населения не сопровождался соответственным ростом производства, в результате чего потребление на душу населения в стране падало. В то же время происходила усиленная бюрократизация, морально-политическое разложение всего партийного и государственного аппарата... Неуклонно обострялся национальный вопрос в стране и не в последнюю очередь именно вследствие бюрократической и шовинистической политики бирманской буржуазии в отношении национальных меньшинств... В стране росли цены, увеличивался беспорядок в хозяйстве... Прежнее государственное руководство поставило страну на грань краха» [137, 8—9].

Впоследствии в одном из документов Революционного совета говорилось: «...Процветала коррупция. Престиж партии катастрофически падал в глазах народа... Разложение в политических сферах и административном аппарате толкало деловые круги на беззастенчивую коррупцию. Спекулянты и дельцы пользовались сложившимся положением и жирели, наживаясь на грабеже народа» [35, 154—155].

В октябре 1958 г. командование армии взяло власть в свои руки. Было создано Временное правительство во главе с генералом Не Вином. Это был во всех отношениях временный военный режим. Не было выдвинуто никакой новой политической или экономической программы, не осуществлено никаких серьезных социальных мероприятий. Военные лидеры, по-видимому, верили, что достаточно навести порядок в административном и хозяйственном аппарате, «одернуть» политиков — и все встанет на свои места. Порядок действительно был наведен, власть стала более авторитетной, повысилась эффективность административного аппарата. Но дальше этого дело не пошло — и не могло пойти. Упор на чисто административные мероприятия, отказ от политической работы, от вовлечения масс в общественную жизнь, внедрение системы отношений, построенных, как в армии, на приказе и подчинении, четко проявлявшаяся тенденция «попридержать» политиков (вытекавшая из естественного недоверия к скомпрометированному аппарату АЛНС), — все эти черты, характерные для военного режима, как такового, не могли вдохнуть в массы духа революционной активности, без которого нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь серьезное исправление положения. Обнаружилась политическая неопытность армии, неприспособленность армейского аппарата к решению сложных государственных и общественных проблем. Американский социолог Люсиан Пай правильно подчеркнул, что армейскому правлению «не хватало системы, способной регулировать столкновение различных интересов внутри общества». В начале 1960 г. Не Вин передал власть гражданским политикам. Правительство вновь возглавил У Ну, и все пошло как прежде.

Кратковременный эксперимент с установлением чисто военного режима сослужил Не Вину полезную службу, рассеяв иллюзии относительно того, что можно править страной без политической организации, опираясь только на военный аппарат, и показал необходимость выработки социальной ориентации, необходимость идеологического воспитания масс. Военное правление 1958—1960 гг. явилось как бы репетицией к периоду, который наступил со 2 марта 1962 г.

За время, прошедшее между ними, военные руководители основательно продумали пути ликвидации бедственного по-

ложения, в котором очутилась страна. Поскольку они были хорошо подготовлены теоретически и, как профессиональные революционеры, знакомы с марксистским учением (некоторые из них в свое время состояли в коммунистической партии), то нащупать эти пути в условиях, когда бирманские буржуазные партии, как и до 1960 г., но еще более явно показали свою несостоятельность, не представляло особого труда. К разработке теоретических установок будущей партии были привлечены марксисты, отошедшие от компартии Белого флага. И когда 2 марта 1962 г. власть снова перешла к военным, это был уже не временный режим, а правление Революционного совета, вооруженное четкой программой и хорошо разработанной системой теоретических взглядов. Ни до этого, ни после «в третьем мире» не было случая, когда армия приходила к власти, имея готовую теоретическую платформу и план создания политической организации для мобилизации масс. В Бирме это стало возможным, во-первых, вследствие особого, «непрофессионального», политического и революционного характера бирманской армии, во-вторых, вследствие большого влияние, которое оказала социалистическая идеология на формирование мировоззрения военных руководителей еще на раннем этапе, и, в-третьих, в результате опыта 1958—1960 гг.

Теоретические взгляды ПБСП (Партия бирманской социалистической программы) были проанализированы в специальных работах [72, 1964, № 4], поэтому здесь мы ограничимся приведением некоторых наиболее важных и характерных положений.

Прежде всего, отметим, что партия в основном стоит на позициях, близких к историческому и диалектическому материализму, что отчетливо видно из документа «Философия Партии бирманской социалистической программы. Система взаимоотношений человека и окружающей его среды». Основной общественный развития партия считает производительные силы и производственные отношения и то, каким классам принадлежат средства производства. Партия приняла марксистскую формулировку главного противоречия капиталистического общества. Подчеркивается, что история человечества — это история классовый борьбы. Четко сказано, что социализм — это экономическая система, базирующаяся на соответствии общественного характера производства и общественной собственности на средства производства, что в социалистическом обществе, где нет эксплуататоров, будут ликвидированы условия, порождающие классовый антагонизм [35, 206, 209, 211, 212].

Революционный совет заявил: «Существующие в стране условия показывают, а ее история подтверждает, что никакая

другая система, кроме социалистической, не подходит к бирманской действительности и что социалистическая система наиболее благоприятна для крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции страны» [35, 165].

В политической декларации Революционного совета «Бирманский путь к социализму» четко определена главная цель революции: «Будет основано социалистическое демократическое государство с целью создания передовой социалистической экономики. Социалистическое демократическое государство базируется на собственной социалистической экономике и защищает ее. Авангардом и стражем социалистического демократического государства являются главным образом крестьяне и рабочие. В нем также найдут место средние слои и все, кто честно и верно работает на общее благо».

Важно отметить, что эта политическая декларация, являющаяся программным документом бирманской революции, была одобрена 11-й ежегодной конференцией высшего командного состава вооруженных сил Бирмы 30 апреля 1962 г. [35, 244]. Таким образом, офицерство поддержало и санкционировало программу Не Вина.

Революционные руководители Бирмы не оспаривают влияния марксизма на свою идеологию. Поэтому из всех программ революционно-демократических режимов Азии и Африки программа ПБСП является наиболее антикапиталистической, наиболее близкой к научному социализму. Антикапиталистические настроения в Бирме проявляются открыто. В высших учебных заведениях изучается марксизм-ленинизм. «Капитализм» и «капиталист» стали бранными словами [137, 21].

Вполне естественно, что деловой мир Бирмы расценил приход к власти Революционного совета как удар по своим интересам. Враждебное отношение буржуазии к новому режиму было неминуемым. Не Вин говорил, что «промышленники и капиталисты, как только услышали о строящемся социализме, хорошо поняли, что раз мы сказали „а“, то скажем и „б“. Теперь они выжидают, готовые на все» [35, 81].

Но, хотя бирманская буржуазия (в основном это — буржуазия торговая, преимущественно инонациональная) и в самом деле была готова на все, возможности ее были крайне ограничены. При том настроении, которое господствовало в армии, даже убийство Не Вина и его окружения не изменило бы обстановки. Но буржуазия могла прибегнуть к экономическому саботажу, подкупам и т. д. Этого Не Вин и опасался, это он и хотел предотвратить. На первом этапе военно-революционного правления бросается в глаза мягкость в обращении с буржуазией, стремление не отпугнуть ее, привлечь на сторону правительства. Нет и намека на репрессии. Не Вин

говорил: «Легко стать на путь террора, но трудно справиться с его последствиями» [35, 88]. Однако, как и следовало ожидать, классовые, экономические интересы буржуазии оказались сильнее, и никакое «воспитание в национальном духе» помочь не могло. Уже спустя год после прихода к власти Не Вин был вынужден констатировать: «Раньше мы хотели ряд предприятий, работу которых правительство не могло обеспечить, сохранить за частными промышленниками. И с чем же мы столкнулись? Предприниматели, стремясь получить больше прибылей, стали давать взятки государственным чиновникам. Мы поняли, что если разрешить создание частных промышленных предприятий, то придется столкнуться с подрывной деятельностью извне» [35, 41, 43].

Вряд ли для Не Вина такое поведение буржуазии было неожиданным, но он все же решил попробовать обойтись с ней «по-хорошему». Когда же стало ясно, к чему это приводит, армия не стала церемониться с дельцами. План национализации как промышленных, так и торговых предприятий был подготовлен давно — он вытекал из всей программы революционного руководства; вопрос был лишь в сроках. 15 февраля 1963 г., выступая перед представителями торговых и промышленных кругов, Не Вин категорически заявил, что рано или поздно «все средства производства, согласно принципу социалистической экономики, будут национализированы». Он сказал капиталистам без обиняков: «Существование частного сектора противоречит нашим целям, национализация — вот принцип социалистической экономики. Мы позволим имеющимся промышленным предприятиям функционировать, но впоследствии они будут национализированы. Я заявляю это определенно» [35, 41, 43].

Спустя неделю были национализированы все частные банки. В октябре 1963 г. был национализирован ряд промышленных предприятий. К концу года в руки государства перешла вся частная импортная торговля, в апреле 1964 г. — вся экспортная.

Главный удар буржуазии был нанесен в марте 1964 г. На этот раз очередь дошла до внутренней торговли. 19 марта после полудня рангунское радио передало решение Революционного совета о национализации крупных и средних торговых предприятий. Одновременно около 4 тыс. солдат заняли намеченные к национализации магазины, склады и конторы, взяли под контроль все бухгалтерские книги. 25 групп солдат во главе с офицерами обошли магазины и объявили их владельцам о национализации предприятий. Позднее около 500 торговцев были собраны в различных местах города, где представители военных властей разъяснили им цель национализации — покончить с ростом цен. Торговцы скупали то-

вары в государственных магазинах, придерживали их, а затем продавали по искусственно взвинченным ценам [52, 20.III.1964].

За шесть дней в Бирме было национализировано свыше 3 тыс. торговых предприятий, принадлежавших в основном китайцам и индийцам.

Многие дельцы, зная о предстоящей национализации, заранее реализовали товары и сосредоточили в своих руках огромные суммы денег. Но 17 мая 1964 г. был принят закон о денежной реформе, изымавший из обращения купюры наименьшего достоинства — в 50 и 100 джа. Обмен этих денег на новые проводился в соотношении, неблагоприятном для владельцев крупных сумм. Таким образом, были лишены своих богатств более чем 20 тыс. богатых людей. У них было изъято свыше 500 млн. джа.

Столь радикальных мероприятий власти не проводили ни в одной стране «третьего мира». У капиталистов не только отнимали предприятия — их еще и разоряли. Такие крутые меры власти объясняли тем, что капиталисты после национализации банков изымали вклады, спекулировали и иногда вывозили капитал из страны.

Позиции крупных собственников были подорваны также введением подоходного налога, по которому прибыль в размере 100 тыс. джа в год облагалась налогом в размере 95%, а свыше 300 тыс. джа — в размере 99%. Максимальный доход, остающийся после вычета налогов, не мог превышать 14 тыс. джа, что примерно равнялось максимальному годовому окладу государственного чиновника.

Эти и другие мероприятия резко ослабили позиции бирманских капиталистов. Происходит неуклонное сокращение удельного веса частного сектора. Правительство твердо держит курс на преимущественное развитие государственного сектора. Валовая продукция государственного сектора составила в 1965—1966 гг. 52% всей валовой продукции, а частного — 48% [32, 44, 46].

Таким образом, военное правительство Бирмы сурово обошлось с буржуазией. Правда, справедливости ради следует отметить, что пострадавшая буржуазия в основном была инациональной (китайской), и борьба против нее в глазах как руководства, так и масс выглядела борьбой против иностранных эксплуататоров. В принципе, однако, весь процесс развития взаимоотношений между государственной властью и состоятельной верхушкой общества в Бирме ничем не отличается от аналогичного процесса в Египте и Сирии.

Особенность взаимоотношений между армией и буржуазией в Бирме состояла в том, что буржуазия была, во-первых, по преимуществу инациональной (что намного облег-

чало борьбу с ней, обеспечивало поддержку масс, радовавшихся падению «чужих» эксплуататоров), и, во-вторых, несравненно более слабой, чем в Египте и Сирии: крупных промышленников и финансистов в Бирме не было. Поэтому сопротивление буржуазии было сломлено относительно быстро и безболезненно.

Кроме того, бирманская буржуазия в отличие от египетской и сирийской открыто не претендовала на государственную власть (опять же ввиду слабости и инационального происхождения, в значительной мере закрывавшего ей путь к высоким государственным должностям). Но все равно она представляла угрозу правящей военной группе — хотя бы потому, что пыталась подкупить государственных чиновников и тем самым подорвать лояльность аппарата. После прихода к власти Революционного совета буржуазия дезорганизовала экономику, чем вызвала недовольство населения и способствовала падению популярности правительства, готовила почву для прихода к власти сил, враждебных Не Вину. Именно богатые слои населения были базой, опорой потенциальной оппозиции, в этой среде могли рождаться заговоры, правительство это понимало, и меры, предпринятые им, должны были разбить эту еще не оформившуюся оппозицию.

Таким образом, и экономика и политика диктовали необходимость борьбы с буржуазией, но превалировали политические соображения. В Египте, Сирии и Бирме государственная власть ударила по интересам буржуазии, не думая, как это отразится на экономике, а если и предвидела, что это не пройдет без серьезных отрицательных последствий, то предпочитала пока над этим не задумываться. Такова логика политической борьбы, диктующая во имя сохранения власти необходимость разрушения базы потенциальной оппозиции, невзирая на экономические последствия этого акта.

Эта же логика диктует необходимость устойчивой массовой базы, опираясь на которую можно давить сопротивляющиеся привилегированные слои. Широкой массовой базой власти в Бирме может быть, естественно, в первую очередь крестьянство, которое составляет (по данным Не Вина) более 80% населения [35, 66]. Революционный совет в 1964 г. объявил, что на нынешнем этапе революции основной лозунг: «Аграрная революция прежде всего» [61, 9.XII.1964]. Еще в марте 1963 г. помещиков лишили права отнимать у крестьян за долги землю, урожай и орудия труда и запретили им непосредственно сдавать землю в аренду. В апреле 1965 г. арендная плата вообще была отменена, снова бирманские военные революционеры вели себя более решительно и последовательно, чем любое другое революционно-демократическое руководство стран Азии и Африки.

Еще в октябре 1962 г. лицам, не имеющим бирманского подданства, было запрещено вести ростовщические операции. Затем было списано 100 млн. джа крестьянских долгов. В 1963 г. была ассигнована крупная сумма на предоставление кредитов крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Все эти меры дали внушительные результаты. По данным печати, только одно освобождение от арендной платы и ростовщических процентов увеличило доход крестьянина, обрабатывающего 10 акров земли, с 290 джа до 570 джа в год, общий доход всех крестьян вырос на 350 млн. джа [61, 4.III.1966]. С приходом к власти революционного правительства крестьянам были предоставлены ссуды: в 1962/63 г. на сумму свыше 510 млн. джа, в 1963/64 г. — свыше 710 млн. и в 1964/65 г. — 810 млн. джа.

Ставится цель обеспечить крестьянина таким участком земли, который позволил бы ему собрать урожай, достаточный для него и его семьи, т. е. в среднем 10 акров. Речь идет, таким образом, о создании крепкого мелкого или даже среднего крестьянского частного хозяйства. Можно ли назвать это политикой создания кулачества, насаждением капитализма в бирманской деревне?

Как в Бирме, так и в других странах аграрная политика революционно-демократических режимов преследует две цели: политическую и экономическую. Политическая цель — превратить самый многочисленный класс — крестьянство в надежную опору режима, в его массовую базу. Экономическая цель — достигнуть такого роста сельскохозяйственного производства, который позволил бы решить продовольственную проблему (т. е. обеспечить пропитанием непрерывно растущее городское население) и увеличить экспортную продукцию.

Польский экономист Е. Клеер писал: «Группа генерала Не Вина, идя к власти, действовала в политическом вакууме. Для захвата власти, как таковой, в странах „третьего мира“ поддержка не является необходимым условием. Иначе обстоит дело, когда такая группа стремится создать фундамент власти, не опираясь на поддержку внешних сил; тут она должна искать опору среди определенных групп или классов²². В принципе вопрос может стоять так: почему именно среди крестьянства? Потому, что оно является самым многочисленным классом. В силу своих связей с характером производства оно обладает наименьшими возможностями оказывать давление на правительство, но может иметь большое значение, когда это правительство ощущает потребность в

²² Клеер считает главной опорой военного режима в Бирме крестьянство.

поддержке» [135, 23.V.1964]. Надо добавить, что дело не только в многочисленности крестьянства, но и в совпадении его интересов с интересами общенациональными, а также, что не менее важно, в том, что именно из крестьян состоит солдатская масса.

Привлечь на свою сторону крестьянство в деревне и интеллигенцию в городе — значит обеспечить массовую политическую базу режима: крестьянство — самый многочисленный класс, интеллигенция — политически наиболее активная прослойка населения. Но чтобы заручиться поддержкой крестьянства, надо освободить его от помещичье-ростовщического гнета, помочь ссудами и предоставлением машин и осуществить вековую мечту о самостоятельном участке земли. Таково содержание политической задачи.

Осуществление экономической задачи упирается в то обстоятельство, что эти мероприятия, проведение которых диктуется политическими соображениями, приводят к падению товарной продукции. У крестьян, получивших землю, не хватает орудий труда, скота, финансов, опыта, и обеспечить их всем этим экономически отсталой, нищей стране — дело многих лет. До тех пор пока соответствующие условия не будут созданы, коллективизация не обеспечит роста производства. Единственный путь — развитие товарного хозяйства на основе поощрения крепких индивидуальных хозяйств при всемерном внедрении кооперации.

Следовательно, как политические, так и экономические цели аграрной политики военно-революционных режимов предусматривают создание слоя устойчивых частных хозяев. Дело не в том, что этим революционные демократы преследуют цель насаждения капитализма в деревне. Проблема лежит в иной плоскости. Поощрение образования слоя мелких сельских собственников диктуется необходимостью укрепления режима. Другой вопрос — что из этого получится? Не превратится ли класс самостоятельных мелких и средних сельских хозяев по мере своего развития и укрепления в силу, оппозиционную режиму? Не распространится ли и на деревню закономерность, проявившаяся в городе во взаимоотношениях государственной власти с имущими классами? Совместимо ли существование частного сектора — в деревне и в городе — с антикапиталистической ориентацией правящей группы? Сколько сможет продолжаться положение, при котором частные собственники имеют сильные экономические позиции, но лишены политической власти? Можно ли поощрять их усилия в экономической области, одновременно не допуская их до участия в определении политической линии, сохраняя монополию на власть? На эти вопросы ответа еще нет. В Бирме и других странах, вступивших на некапитали-

стический путь, от ориентации государственной власти, ее политики будет зависеть, сможет ли она ограничить рост капитализма в деревне, обеспечивая в то же время подъем сельского хозяйства, или же, утвердившись в деревне, капитализм в дальнейшем захлестнет и город, что приведет к падению или перерождению власти.

Тем самым характер эволюции государственной власти приобретает решающее значение. Практически вопрос стоит так: может ли власть, родившаяся как военный режим, создать широкую и устойчивую политическую систему с социалистической идеологией, массовой базой и партией социалистического авангарда? Речь идет прежде всего о создании партии, целеустремленно борющейся за переустройство общества на социалистических началах и вовлекающей в эту борьбу массы трудящихся, в первую очередь рабочий класс.

В программном документе ПБСП, озаглавленном «Организационная деятельность Партии бирманской социалистической программы» (11 декабря 1965 г.), говорится: «Хотя Революционный совет, который был создан в соответствии со специфической исторической обстановкой, являлся по своему характеру революционным, на первом этапе он оставался военным советом. Однако Революционный совет не стремился сохранять подобное положение вещей, поскольку революцией должна руководить революционная политическая партия» [35, 186]. Аналогичная формулировка содержится и в Уставе ПБСП, где говорится: «Поэтому Революционный совет решил создать такую политическую партию, которая играла бы руководящую роль в политической жизни Бирмы». В Платформе ПБСП указано, что партия является «революционной социалистической партией», что это не «реформистская партия, призванная лишь улучшить старый порядок, а революционная партия, которая уничтожит старый, несправедливый порядок и установит новый, справедливый» [35, 232].

В конце 1966 г. в партии состояло 15,3 тыс. крестьян, 91,9 тыс. рабочих, 51,0 тыс. кадровых военных, 2,8 тыс. служащих полиции, а также 21,6 тыс. человек, социальная принадлежность которых не указана. Кандидатов партии насчитывалось 185 тыс., из них более половины — рабочие, служащие, крестьяне. Как по своему идеологическому уровню, так и по методам партийного руководства и организационной структуре (военная, централизованная), партия еще далека от того, какой ее хотят видеть революционные руководители. На 2-м ежегодном семинаре партии в ноябре 1966 г. Не Вин признал, что партия, «которая должна стать политическим лидером народа, все еще, несмотря на четыре года своего существования, не готова к выполнению руководящей роли».

Советский ученый А. Левковский отмечал, что своеобразие ПБСП заключается в самом пути ее создания: обычно партии создаются и стремятся к власти для реализации своей программы, в Бирме же сначала взяли власть, а затем приступили к созданию партии. «В данном случае партия не орудие прихода к власти определенного класса или его прослойки, а орудие удержания и дальнейшего использования уже имеющейся власти для выполнения намеченной программы» [74, 1966, № 7, 70]. К этому следует добавить, что в принципе такая же картина и в ОАР, с той разницей, что там программа выработывалась не до прихода к власти, а в ходе руководства страной.

Партия действительно строится сверху, как бы по приказу: нежелание военного правительства «преждевременно» демократизировать общественную жизнь бросается в глаза. Характерно следующее высказывание Не Вина на семинаре крестьян в Рангуне в 1965 г.: «Придет время, крестьянские массы получат право избирать своих руководителей и управлять собственными делами» [35, 119].

Заслуживает внимания провозглашенное Революционным советом намерение создать «народные советы трудящихся», которые должны быть образованы на всех предприятиях и в учреждениях как органы участия масс в развитии производства и защиты их интересов. Все трудящиеся, говорится в Уставе советов, «должны объединиться как братья, как смелые товарищи и создать единую дружественную организацию». Характерной чертой бирманской революционной демократии является широкое развитие общенациональных крестьянских и рабочих съездов, так называемых семинаров, на которых трудящиеся обсуждают свои проблемы с участием членов Революционного совета. Эти семинары, а также широко распространенные методы морального стимулирования трудящихся («социалистическое соревнование», присвоение звания «Героя социалистического труда» и т. д.) призваны уравновесить военную и административную тенденции и выгодно отличают бирманский революционный режим от аналогичных режимов других стран Азии и Африки, вставших на некапиталистический путь.

Военно-административные методы руководства и партийного строительства объясняются прежде всего тем, что 100-тысячная бирманская армия занимает ключевые позиции в государстве. Хотя режим уже не является чисто военным — он приобрел социальную ориентацию, — но армия остается его опорой. Из 13 министров, входящих в правительство, только министр иностранных дел — гражданское лицо [57, 27.11.1966].

«Армия является основой революции», — заявляет генеральный секретарь ПБСП бригадный генерал Сан Ю. Он же

говорит: «Армия — это основа строительства партии, которая в будущем возьмет на себя руководство политической жизнью страны». «Гардиан» писала в ноябре 1966 г.: «Армия как единственная должным образом организованная сила возглавляет работу по осуществлению заданий плана. Пока не будут созданы рабочие и крестьянские советы, которые возьмут на себя значительную часть работы по национальному строительству, основная тяжесть ляжет на плечи армии».

После прихода армии к власти стало правилом, что на руководящие административные, а затем, по мере национализации, и хозяйственные должности назначались офицеры, которые при этом не освобождались от выполнения своих прямых военных обязанностей. Ряд офицеров проводили полдня в казарме, полдня в кабинете руководителя предприятия или учреждения. Вопрос о перегруженности военных работой стал предметом специального обсуждения на армейских конференциях.

Население, по-видимому, настолько привыкло к тому, что реальная сила — это только армия, а партия — еще нечто неясное и незначительное, что потребовалось специальное разъяснение бригадного генерала Сан Ю на открытии первых курсов «воспитания новой ориентации вооруженных сил» в январе 1967 г.: «Неправильно было бы считать, что только вооруженные силы трудятся во имя создания социалистического общества. Вооруженные силы должны сотрудничать с административными работниками и партийными кадрами» [61, 17.X.1967].

Революционный совет счел необходимым создать систему политического обучения военных кадров. «Армия, — заявил Сан Ю, — сможет выполнить возложенные на нее историей задачи только в том случае, если она станет народной армией — армией, вооруженной правильной идеологией, борющейся за интересы народа и защищающей интересы народа». Аналогия с тезисом революционного сирийского руководства об «идеологической армии» напрашивается сама собой.

1 июля 1963 г. была открыта Центральная школа политических наук. На ее открытии выступил Не Вин, заявивший: «Теория — направляющий маяк жизни; жизнь — критерий теоретических идей».

Это событие положило начало организации курсов идеологической подготовки для военных. Уже в 1963 г. на курсах подготовки кадровых инструкторов учились 30 офицеров; после окончания 16 из них были посланы в Центральную школу политических наук, 4 — в окружные контрольные комитеты и т. д. В том же году 31 офицер окончил курсы подготовки заместителей председателя и секретарей окружных контрольных комитетов. В 1963—1964 гг. на курсах № 1 под-

готовки кадровых работников обучались 66 офицеров, из них 58 стали председателями первичных организаций партии. Еще 88 офицеров учились на курсах № 2 подготовки кадровых работников, открывшихся в апреле 1964 г. 607 сержантов окончили курсы подготовки кадровых работников и были направлены на партийную работу.

В октябре 1966 г. состоялся второй выпуск курсов идеологической подготовки военнослужащих, на которых прошли подготовку 332 человека. 30 января 1967 г. открылись первые курсы по подготовке кадров, обязанностью которых будет организация выборов в народные советы в деревне [61, 31.I.1967].

На курсах подготовки кадров для работы в деревне изучаются пять предметов: политическая идеология, аграрная революция, организация крестьянства, военное искусство, основы земледелия и животноводства [61, 29.I.1967].

Все эти курсы, подчеркивала газета «Гардиан», «совершенно необходимы для успешного превращения наших вооруженных сил в народную армию» [52, 29.VIII.1966].

Состоявшаяся в ноябре 1966 г. ежегодная конференция высшего командного состава бирманской армии рассмотрела вопросы «деятельности вооруженных сил в военной, организационной и административной областях и превращения их в народную армию». Предполагается, что армия еще шире будет участвовать в производительном труде. В частности, для того чтобы армия могла перейти на самообеспечение, решено создавать армейские производственные кооперативы.

Еще в 1961 г. была создана полуавтономная Корпорация экономического развития Бирмы с 39 филиалами. Корпорация «выражала интересы усилившегося предпринимательства армейской буржуазии, которая использовала для своего возвышения армейские и государственные каналы» [137, 17]. Существовал также «Институт вооруженных сил», имевший пять торговых контор. Как корпорация, так и все эти заведения были в 1963 г. национализированы. Так была начата борьба, имеющая целью помешать процессу становления военно-бюрократической буржуазии.

Армия находится в привилегированном материальном положении. Не Вин, выступая 6 декабря 1965 г. в Центральной школе политических наук, говорил: «Военные получают свое прежнее жалованье, и трудно сразу сказать им, чтобы они пожертвовали частью своего заработка и довольствовались меньшим». В то время как служащий с 10-летним стажем зарабатывает 300 джа в месяц, армейский капитан получает вдвое больше и к тому же обеспечен бесплатным жильем.

Гегемония армии в общественной жизни усиливает тенденции распространения государственного контроля на все

сферы хозяйственной деятельности, и без того присущие экономической политике всех революционно-демократических режимов. Это можно понять как с политической точки зрения — правительство, провозгласившее социалистический курс, опасается оппозиции класса собственников, интересы которого оно затронуло, так и в психологическом плане — очень велик соблазн одним ударом покончить с «ненадежной», «неорганизованной» стихией и подчинить всю экономику централизованному плановому руководству, сосредоточив хозяйственные рычаги в руках государства. На практике это, однако, приводит к левацким загибам, поскольку государство еще не в состоянии взять на себя функции распределения товаров и заменить частника в сфере торговли, особенно розничной. Так было в Гвинее, Сирии, так произошло и в Бирме. Уже в конце 1964 г. пришлось денационализировать свыше 3 тыс. торговых заведений — волюнтаризм в экономике привел к расстройству всей системы снабжения населения и вызвал серьезное недовольство. Не Вин признал в декабре 1965 г., что хотя национализация торговых предприятий в столице была хорошо подготовлена и проведена по плану, однако не учли, что эти предприятия имели свои отделения на периферии, и их пришлось национализировать уже без подготовки. «Мы, — сказал он, — оказались в положении человека, схватившего тигра за хвост. Мы не могли отпустить его» [112, 27.II.1966].

Отпустить тигра правительство не может до сих пор, но ослабить хватку пришлось, и тем не менее проблема взаимоотношений государства с частным сектором еще далека от своего решения. Это относится как к городу, так и к деревне. Когда были введены единые цены на рис, многие крестьяне стали сеять другие культуры, рыночные цены на которые выше цен на рис. Производство риса стало снижаться, ухудшилось снабжение населения, люди стали делать запасы, появился черный рынок. Расстройство системы снабжения отразилось и на торговле другими продуктами. Пришлось ввести карточное распределение многих продуктов. Сельскохозяйственное производство в 1965 г. упало на 4,6%, сократился доход на душу населения. Стоимость жизни за 1965—1966 гг. увеличилась в два раза.

В сентябре 1966 г. Революционный совет отменил государственную монополию на торговлю рыбой, рыбопродуктами и 23 видами сельскохозяйственной продукции, в результате чего снабжение населения улучшилось, но спекуляция не исчезла. Рупор руководящих кругов был вынужден в январе 1967 г. опубликовать передовую статью под заголовком «Черный рынок риса» [61, 24.I.1967]. Генеральный секретарь Центрального оргкомитета ПБСИ Сан Ю признал в конце 1966 г.,

что, «когда трудящиеся столкнулись с трудностями, вызванными недостатками в работе системы распределения, их энтузиазм в отношении бирманского пути к социализму упал». Он заявил: «В результате возникших трудностей трудящиеся стали сомневаться в правильности политического и организационного руководства партии БСП».

В январе 1967 г. тот же орган признал в передовой статье: «Бирма сегодня навряд ли находится в лучшем экономическом положении, чем в период непосредственно после достижения независимости» [61, 4.I.1967].

Таким образом, после семи лет правления Революционного совета положение в экономике Бирмы неудовлетворительное. Конечно, можно сказать, что, если бы у власти в этот период было прежнее правительство, положение, вероятно, было бы еще хуже. Но в политике «бы» не имеет никакого значения. Революция совершилась для того, чтобы покончить с бедами и пороками прежней системы, и если новое руководство неспособно этого добиться (или если вместо уничтоженных бед и пороков рождаются новые) — революционному режиму становится все труднее оправдать в глазах народа смысл своего существования.

Есть основания считать, что бирманские руководители это понимают. Видя, как вследствие экономических трудностей люди прибегают к различным уловкам и не вполне легальным способам поддержания жизненного уровня, руководители объясняют это не «происками враждебных сил», а недостатками самой системы. «Уоркинг пиплз дейли» писала: «Было бы неестественно обвинять людей за их инстинктивные попытки компенсировать недостатки системы. Это означало бы не считаться со свойствами человеческой природы и ее способностью применяться к условиям» [61, 10.I.1967]. Такая постановка вопроса делает честь бирманским революционерам.

Тем не менее руководство не намерено пускать «человеческую природу» на самотек и оправдывать деятельность, наносящую ущерб государству. В частности, ведется кампания против тех, кто делает запасы. На первой странице официоза можно прочесть следующие заголовки: «Пустой желудок — не оправдание для нечестности. Покупатели готовы купить даже слонов» [61, 9.I.1967].

Одну из главных причин недостатков в сфере экономики бирманские революционеры совершенно правильно видят в пороках бюрократического аппарата, унаследованного от прежних времен.

Еще в декларации «Бирманский путь к социализму» было указано: «Большое препятствие на нашем пути к социализму — существующий бюрократический аппарат. При помощи такого аппарата невозможно достижение наших социалисти-

ческих целей. Будут приняты меры к ликвидации этого бюрократического аппарата, к созданию твердых основ социалистического демократического аппарата» [35, 146]. Великолепная по своей точности и четкости формулировка. Курсы идеологического воспитания военных — это один из путей создания нового аппарата. Но, во-первых, не так быстро можно найти замену старым, опытным чиновникам огромного аппарата, во-вторых, поскольку бюрократия обладает способностью к самовоспроизводству, новые кадры также подвергаются опасности перерождения.

На страницах бирманской печати можно встретить постоянные призывы к борьбе с бюрократизмом, многочисленные примеры бездушного и формального отношения к нуждам людей, волокиты, неэффективности, нераспорядительности, недисциплинированности, халатности, стремления избавиться от ответственности и т. д. [61, 20.I.1967].

Нет также недостатка в призывах к борьбе с коррупцией — неотъемлемым пороком старого аппарата. В Бирме она издавна была наиболее распространенным злом. В одной из своих речей в 1963 г. Не Вин говорил: «До недавнего прошлого гниением была заражена вся страна: весь административный аппарат, армия, деловые и политические круги... Если бы мы привлекли к ответственности всех виновных, то в тюрьмах оказалась бы не половина, а гораздо большая часть населения. Сомневаюсь, чтобы на воле осталось хотя бы 10 процентов» [35, 48].

Военно-революционный режим с самого начала стремился внедрить новую мораль, основанную на честности и чувстве долга, на добросовестном отношении к труду. Удалось сделать многое. Японский журналист, изучавший Бирму, писал в 1966 г.: «Рангун — это, возможно, в наибольшей мере свободная от взяточничества столица во всей Юго-Восточной Азии» [53, 21.IX.1966]. Действительно, в Бирме, как и в Египте после революции, взяточничество уменьшилось. Но нечестность в общественных, государственных делах, социальная аморальность все еще распространены довольно широко. Приспосабливаясь к всеохватывающей бюрократической системе, люди стараются заручиться протекцией влиятельных чиновников. «Уоркинг пиплз дейли» однажды сочла нужным посвятить передовую статью явлению, называемому в Бирме «нар-ле-хму» — бирманский эквивалент слова «блат» [61, 23.I.1967]. В другом случае газета выступила с передовой, озаглавленной совершенно ясно: «Фаворитизм» [61, 16.I.1967].

Моральное перевоспитание личности, истоки которого, очевидно, следует искать в буддийском мировоззрении, — характерная черта идеологии бирманских революционеров. В «Философии партии» есть такая формулировка: «Человек по сво-

ей природе эгоистичен и своекорыстен» [35, 213]. Революционеры Бирмы ставят задачу воспитать новый тип человека, и без этого они, бесспорно, не достигнут своей цели. Но в равной мере очевидно, что моральное перевоспитание невозможно без одновременного подъема производительных сил, развития экономики. Один из бирманских военных лидеров сказал, что битва на экономическом фронте — «это решающая битва» [61, 4.VIII.1966]. Оба эти фактора взаимосвязаны, и только успех в экономической и идеологической областях может открыть перед Бирмой путь к социализму.

Пока что «битва на экономическом фронте» развертывается с переменным успехом. Так, в сельском хозяйстве доход с одного акра засеянной земли составлял в 1961/62 г. 1,05 джа, в 1962/63 г. — 1,19 джа, в 1963/64 г. — 1,06 джа, в 1964/65 г. — 1,13 джа [32, 11].

В официальном отчете Революционного совета говорилось, что сельское хозяйство после устранения богатых помещиков и распределения земли между крестьянами не смогло использовать своих потенциальных возможностей из-за недостатков в организации коллективного хозяйства и отсталости технической базы [32, 12—13].

Стоимость промышленной продукции, составлявшая в 1961 г. 3,51,64 лакхов джа [32, 12—13], достигла в 1967/68 г. 4,78,20 лакхов джа, что свидетельствует о низких темпах развития экономики [32, 1968, 58—59]. Имеет место большой разрыв в доходах различных групп трудящихся: по данным на 1965 г., средний годовой доход трудящегося в сельском хозяйстве составлял 188 джа, в торговле — 486, в обрабатывающей промышленности — 528, в горнодобывающей промышленности — 800, в строительстве 838, в энергетической промышленности — 1297, в государственных учреждениях — 1644 джа [32, 12—13].

В 1966/67 г. уровень производства в целом вырос всего на 2,4%, а сельскохозяйственного — даже снизился почти на 5% [50, 10.II.1968]. Между тем, по данным политического отчета генерального секретаря организационного комитета ПБСП, для того чтобы добиться намеченного ежегодного увеличения потребления на душу в размере 4,17%, необходимо, чтобы прирост производства составил 8% в год.

Поиск правильного сочетания между курсом на всемерное развитие государственного сектора и внедрение новых, социалистических общественных отношений, с одной стороны, и стимулом материальной заинтересованности, поощряющим инициативу, с другой стороны, еще не увенчался успехом. От его решения в первую очередь зависит подъем экономики, а следовательно — успех всего эксперимента, предпринятого силами, решившими свернуть Бирму с пути капитализма.

Р а з д е л II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ АРМИИ В СТРАНАХ С ВОЕННЫМИ РЕЖИМАМИ

Глава 1

ИРАК

Дореволюционный монархический Ирак — пример переплетения империалистического и феодального гнета. Элитой общества был класс крупных землевладельцев. Ключевые политические посты монополизировала багдадская суннитская феодально-бюрократическая верхушка. Основная масса населения Центрального и Южного Ирака принадлежала к шиитам, и богатые шейхи крупных шиитских племен, добиваясь политического равенства с суннитами, часто выступали против правительства.

Рознь между суннитами и шиитами была не единственным и не главным внутренним противоречием страны. К 1934 г., когда армия уже стала превращаться в важный фактор внутренней жизни Ирака, в стране насчитывалось 1300 тыс. арабов-шиитов, 500 тыс. арабов-суннитов, около 800 тыс. курдов-мусульман и 400 тыс. немусульманских религиозных меньшинств [86, 1935, № 1, 31; 159, 91]. Такой неоднородной по национальному и религиозному составу населения страны нет в арабском мире.

Ничтожная по численности суннитская багдадская верхушка правила страной, используя продуманную англичанами политическую систему, которую лучший из английских специалистов по истории Ирака назвал «фасадом демократических форм», который скрывает подлинную власть маленького правящего класса [170, 224—225]. Вайтон, перефразируя известное выражение Авраама Линкольна, говорил, что англичане установили в Ираке «демократию аристократии посредством аристократии и для аристократии» [84, 1938, May].

На этом фоне в середине 30-х годов иракская армия вступила на политическую арену. Армия была создана и обучена англичанами специально для «поддержания порядка» и прежде всего для карательных экспедиций против курдов, то и дело поднимавшихся на борьбу за свои национальные права. Боевое крещение иракская армия получила именно в боях

против курдских партизанских отрядов, возглавлявшихся Ахмедом Барзани (отцом нынешнего вождя курдских патриотов Муллы Мустафы Барзани). А летом 1933 г. она была брошена против другого национального меньшинства — айсоров (ассирийцев).

Зверское подавление антиправительственного движения угнетенного айсорского меньшинства, сопровождавшееся массовым уничтожением гражданского населения, вошло в историю Ирака как темный, унижительный эпизод.

Карательные экспедиции против курдов и особенно айсоров оказали огромное отрицательное влияние на морально-политическое состояние иракской армии. Систематическое участие в расправах с мирным населением развращает, разлагает военнослужащих, развивает в них низменные инстинкты. Безнаказанность порождает привычку к насилию, пренебрежение к человеческой жизни. Иракскому национальному характеру (в отличие от сирийского) вообще свойственна резкость, нетерпимость, бескомпромиссность, буйная страстность, приводящая к крайностям. Не случайно почти все перевороты в Ираке носят кровавый характер, политическая жизнь отмечена насилием и жестокостью. Свирепое подавление курдов, айсоров, восстававших арабских шиитских племен способствовало закреплению этих качеств, вырабатывало привычку решать спорные вопросы при помощи оружия.

Систематическое вовлечение армии в карательные операции внутри страны автоматически вело к тому, что военные приучались смотреть на себя как на решающую политическую силу, привилегированную касту, от которой полностью зависит государственная власть и без которой она не может справиться с внутренними проблемами. Отсюда всего лишь шаг до взгляда на роль армии как верховного арбитра всей жизни страны. Легкие победы над неравными силами противника прививали военным самоуверенность, сознание своего превосходства, гипертрофированное представление о своей миссии.

В то же время младшие офицеры, будучи, как и в других арабских странах, в основном выходцами из мелкобуржуазной среды, разделяли, как правило, оппозиционные взгляды интеллигенции в отношении феодально-бюрократического режима, который уже к середине 30-х годов проявил себя как олицетворение всего реакционного, антидемократического, гнилого, своекорыстного, тормозящего развитие страны. Поскольку он опирался на Англию, ненависть к нему, естественно, приобрела характер антианглийских настроений и побуждала к борьбе против засилья британского империализма. Англичане создали иракскую армию, но тем самым они создали инструмент борьбы против собственного господства в Ираке. Естественно, что патриотически настроенные офице-

ры все чаще обращали взгляды к потенциальным союзникам, к силам, которые противостояли Англии на международной арене. В 30-е годы такими силами были державы фашистской «оси». Но к мысли о союзе с ними иракское офицерство пришло не сразу. Вначале оно и не мыслило категориями «большой политики». В рядах среднего и младшего офицерства рос протест против гнета проанглийской деспотической олигархии. Это офицерство и стало главной силой «движения армии», развернувшегося в Ираке начиная с 1936 г. Один из арабских историков, Мухаммед Уда, так описывает его зарождение: «После смерти короля Фейсала, сосредоточившего в своих руках всю власть, в Ираке образовался политический вакуум... Только армия была единой организованной силой, и она вырвалась вперед. Ей удалось взять власть, и в руководстве армии, созданной англичанами, которые считали ее своей опорой, верх взяли революционные, националистические элементы» [194, 58].

Уже в середине 30-х годов армия превратилась в силу, которая могла стать орудием борьбы против двойного гнета. Поэтому все чаще к армии, а точнее, к ее патриотически настроенному ядру, обращали свои взоры те, кто стремился к освобождению Ирака и всего «арабского отечества».

Высшие офицеры, сросшиеся с господствующим классом, также оказались, хотя и по совершенно другим мотивам, в числе тех, кто мог включиться в борьбу против режима. Успехи в подавлении айсоров, курдов и восставших шиитских племен вскружили головы генералам и полковникам. У честолюбивых офицеров все настойчивее проявлялось желание выдвинуться на политической арене. Пример Реза-шаха — военного, ставшего неограниченным властелином Ирана, — возбуждал зависть многих иракских офицеров, порождал тайные надежды.

Мелкобуржуазная интеллигенция, представленная группой «Аль-Ахали», рассчитывала использовать армию для свержения правительства Ясина аль-Хашими — одного из столпов традиционной олигархии. Лидер «Аль-Ахали» Хикмет Сулейман сблизился с генералом Бакром Сидки. Бакр, получивший военное образование в Турции и воевавший во время первой мировой войны в турецкой армии, командовал операциями по расправе с айсорами и с восставшими в 1935 г. шиитскими племенами на Евфрате.

Утром 29 октября 1936 г. две дивизии, объединенные под командованием Бахра и названные «Силами национальной реформы», двинулись к столице, над которой уже кружили самолеты, сбрасывавшие листовки с обращением к народу. В листовках говорилось, что у армии иссякло терпение и она не допустит более пребывания у власти правительства, под-

вергающего народ страданиям и заботящегося только о своих личных интересах [75, 1937, № 1, 86]. Хотя в ходе переворота войскам не было оказано никакого сопротивления, не обошлось без кровопролития; по приказу Бакра был убит военный министр Аскари.

Характерной была реакция населения, о которой английский корреспондент сообщал: «Кажется, все без исключения вне себя от радости, вызванной быстрыми и неожиданными событиями. Каждый, очевидно, надеется, что наступят лучшие времена... Повсюду видны улыбающиеся лица, все громко, единодушно приветствуют офицеров, идущих по улицам» [97, 5.II.1936]. Стотысячная демонстрация в Багдаде проходила под лозунгом: «Да здравствует король, армия и народное правительство!» [192, 164].

Как часто в последующие десятилетия во многих странах Азии и Африки население будет с энтузиазмом приветствовать армию, сбросившую тиранию, и как часто, спустя всего несколько месяцев, восторг и надежда будут уступать место разочарованию и апатии!

Ирак был первой страной, в которой все произошло именно так. Правительство Хикмета Сулеймана оказалось бессильным изменить существовавшую социальную систему, а ставший начальником генерального штаба генерал Бакр Сидки, от которого новый режим зависел, меньше всего думал о реформах. Феодално-бюрократическая олигархия, придя в себя от шока, быстро навязала свою волю правительству, и уже в июне 1937 г. левые министры — сторонники реформ — были вынуждены уйти из кабинета. Бакр Сидки превращался в диктатора; подозревая заговоры, он стал расправляться с людьми, которые могли составить ему оппозицию. Офицеры-националисты разочаровались в нем. Образовалась группа, ядром которой была так называемая семерка — семь офицеров, националистов и «панарабистов». Внутри «семерки» в свою очередь главную роль играли четыре полковника — «Золотой квадрат», как они именуются в арабской и английской литературе. Эти четверо, Салах эд-Дин ас-Саббах, Махмуд Сальман, Фахми Саид и Кямилль Шабиб, вместе учившиеся в военном училище, поклялись по его окончании в 1933 г. бороться за претворение в жизнь идеи объединения арабских стран. Это было задолго до Насера, Джамала Файсала, Сарраджа и офицеров-баасистов.

Для достижения цели «Золотой квадрат» считал необходимым получить контроль над армией и взять в свои руки власть в государстве. Вдохновлявшаяся четверьмя полковниками «семерка» организовала заговор против Бакра Сидки, и 11 августа 1937 г. на аэродроме в Мосуле Бакр был убит солдатом, подосланным заговорщиками. Правительство Хик-

мета Сулеймана вышло в отставку, а сменивший его кабинет Джамия аль-Мидфай провозгласил лозунг «удаления армии от политики». Однако армия уже стала фактором политической жизни, и устранять ее было поздно. Конфликт между Мидфай и «семеркой» привел к поражению и отставке премьер-министра. В декабре 1938 г. один из полковников — Фавзи прибыл во дворец и заявил королю, что армия не питает больше доверия к Мидфай и желает видеть во главе правительства Нури Саида или Таха Хашими. Король был бессилен: решающее слово уже было за армией.

Вскоре «семерка» распалась: «Золотой квадрат» готовился к борьбе против Англии, остальные связались с английскими ставленниками. В феврале 1940 г. дело чуть не дошло до вооруженного столкновения между этими двумя группировками, одна из которых сосредоточила верные ей войска в лагере Рашид, другая — в лагере Вашшаш. Перевес сил оказался на стороне «Золотого квадрата», их соперники были уволены из армии.

Тем временем уже шла вторая мировая война, и националистическая часть иракского офицерства внимательно наблюдала за успехами германской армии, надеясь на поражение Англии и на избавление от британского господства. После разгрома Франции и начала военных действий в Северной Африке стало ясно, что война может докатиться и до Ирака. Нет никаких данных об имевшихся в то время связях «Золотого квадрата» с германской или итальянской агентурой, хотя антианглийская позиция четырех полковников была известна. Англичане и послушная им клика в Багдаде, возглавлявшаяся регентом Абдул Иллахом и Нури Саидом, в предвидении возможного вторжения сил «оси» на Арабский Восток, решили избавиться от четырех полковников. 28 марта 1941 г. правительство сместило с поста командира 1-й дивизии одного из «четверки», Шабиба, но Шабиб, получив приказ о смещении, попросту разорвал его. Днем 1 апреля войска вступили в Багдад, сместили правительство и окружили дворец регента, но тот успел бежать [174, 179]. В прокламации, подписанной начальником генерального штаба, регент обвинялся в стремлении разгромить «армию — хранительницу единства и целостности страны» [114, 1941, 254]. Новый кабинет возглавил антианглийски настроенный националист Рашид Али аль-Гайлани. Антибританское выступление 1941 г. в Ираке получило в мировой литературе известность как «восстание Рашида Гайлани», но правильнее говорить о националистическом движении армии. Сам Гайлани в мемуарах так характеризовал его: «Наше благословенное восстание, которое подняла армия, встав впервые в истории Ирака на сторону народа» [65, 6.III, 1957].

Офицеры-националисты во главе с «Золотым квадратом» стали хозяевами положения в Багдаде. Черчилль, хорошо понимавший, к чему это может привести (немцы уже вторглись на Балканы и наступали на Египет), решил любой ценой уничтожить потенциальный плацдарм держав «оси» в Ираке и по существу спровоцировал конфликт, приведший 2 мая 1941 г. к началу войны между Англией и Ираком.

К такому обороту четыре полковника не были готовы. Судя по всему, их планы носили самый общий и смутный характер. Иракский историк Муса Хабиб близок к истине, когда он пишет, что «восстание армии было импровизированным, без плана и цели, так как оно было навязано, а не явилось результатом организации и подготовки» [195, 22]. Попытки заручиться поддержкой Германии и Италии уже не могли изменить положения. «Тридцатидневная война» кончилась восстановлением английского господства в Ираке. Регент Абдул Иллах и Нури Саид вернулись в Багдад. Четыре полковника бежали в Турцию и Иран, но впоследствии были там схвачены, возвращены в Ирак и повешены.

Предпринятая иракской армией весной 1941 г. попытка вырвать Ирак из сферы английского господства была не случайным выступлением и не прогерманским путчем, как старалась их изобразить английская пропаганда. Давно накапливавшееся недовольство, усиливавшееся возмущение унижительной зависимостью Ирака от Англии привело, наконец, к взрыву. Тот факт, что этим восстанием, как известно, пытались воспользоваться державы фашистской «оси», а иракские офицеры-националисты, столкнувшись с огромной военной мощью Англии, обратились уже после начала войны за помощью к Германии и Италии, может изменить оценку характера движения 1941 г. не в большей мере, чем сотрудничество бирманских националистов-такинов во главе с Аун Саном с японцами в тот же период может повлиять на оценку антианглийского движения в Бирме. Патриотически настроенная иракская армия играла роль ударной силы национального антианглийского движения 1941 г.

На этом закончился первый этап политической деятельности иракской армии. В 1936—1941 гг. она выступала против господства империализма, против власти феодально-бюрократической олигархии за арабское единство (хотя последнее направление борьбы в тех условиях не могло получить развития). Это — те направления, по которым впоследствии вели борьбу националистические силы в армиях арабских стран в послевоенный период, и в этом отношении иракская армия 1936—1941 гг. была предшественницей иракской армии 1958 г., а также египетской, сирийской и йеменской армий. Однако у последних (и в этом принципиальная разница) было

и четвертое направление — за социальные преобразования, перестройку экономической структуры, ликвидацию отсталости, улучшение жизни народных масс. У иракских офицеров-националистов, хотя они и боролись против антинародной олигархии, мы не находим и намека на стремление к глубоким структурным преобразованиям. Отчасти это объясняется тем, что иракская армия в то время была еще в начале своего революционного пути. Если бы не английская интервенция, неизвестно, куда бы логика событий привела «Золотой квадрат». Отчасти разницей между эпохами: лозунги социального прогресса, перестройки экономики под руководством государства, а тем более социалистические лозунги зазвучали в экономически отсталых странах лишь после второй мировой войны, главным образом под влиянием победы Советского Союза и роста сил социализма в Европе и Азии.

Иракская армия в рассматриваемый период была далека от народа, почти не была связана с политическими организациями, не имела никакой идеологической ориентации. В этом и сказались, в частности, пагубные последствия участия в карательных операциях против населения, воспитавшее в военных комплекс превосходства, дух элиты, пренебрежение к народу.

* * *

История Ирака с 1941 по 1958 г. не представляет интереса для нашей темы, так как армия после разгрома антибританского движения 1941 г. и удаления националистически настроенных офицеров стала послушным орудием «черного режима». К характеристике этого режима, данной в начале главы, почти нечего добавить. Клика Нури Саида — Абдул Иллаха бесконтрольно правила страной, подавляя при помощи армии и полиции все оппозиционные выступления.

Но предпосылки революции нарастали. В подполье действовали политические партии, среди которых выделялась своей энергией и самоотверженностью коммунистическая партия. Армия также не оставалась в стороне от борьбы. По данным, приводимым Хаддури, уже в начале 1954 г. в армии возник кружок «Свободные офицеры» (возможно, под египетским влиянием, хотя никаких сведений об организационных связях с египетскими военными нет) [174, 44].

Восстание готовилось долго, организовать его было чрезвычайно трудно. Нури Саид, сам бывший генерал, переживший на своем долгом веку немало переворотов и заговоров, был всегда начеку и больше всего опасался удара со стороны армии. Он запретил выдавать боевые патроны и снаряды воинским частям, за исключением тех случаев, когда их по-

сылали на какую-либо операцию. И подходящий момент для выступления наступил в июле 1958 г., когда Нури Саид решил отправить войска в Иорданию для участия в интервенции против Ливана.

По иронии судьбы, частями, отправляемыми в Иорданию, командовали руководители иракских «Свободных офицеров» — бригадный генерал Абдель Керим Касем и подполковник Абдель Салам Ареф. Они были друзьями, оба командовали батальонами во время Палестинской войны. В июле 1958 г. Ареф командовал 20-й бригадой 3-й дивизии, расположенной вблизи границы с Ираном, а Касем — 19-й бригадой, дислоцированной к северу от Багдада [148, 227—228].

Касем, которому было поручено общее командование частями, получил боеприпасы. На редкость удачным совпадением было также то, что в этот момент все лидеры режима находились в Багдаде: они готовились 14 июля вылететь в Стамбул на сессию совета Багдадского пакта. К этому дню войска Касема, получив боевые патроны, находились на марше. Вместо того чтобы идти в Иорданию, Касем повернул войска на столицу. На рассвете 14 июля подразделения 20-й бригады Арефа уже штурмовали королевский дворец. В течение нескольких часов все было кончено. «Черный режим» развалился от одного удара. Вся правящая верхушка погибла: король Фейсал II и его дядя, бывший регент Абдул Иллах, а также все остальные члены королевской семьи были расстреляны на ступенях дворца. Нури Саид бежал, но спустя два дня был растерзан толпой на улице.

Антиимпериалистическая, национально-освободительная революция в Ираке победила.

Была провозглашена республика и создано революционное правительство во главе с Касемом. Ареф стал его заместителем и министром внутренних дел, а также заместителем Касема как главнокомандующего армией. В отличие от египетской революции не было создано никакого руководящего военного органа. Массы знали только двух вождей — Касема и Арефа, их портреты всюду висели рядом.

Неделя шла за неделей, а в Багдаде беспрерывно проходили демонстрации и митинги, со всех концов страны прибывали бесчисленные делегации от населения, чтобы выразить свой восторг и заверить правительство в поддержке. Вышла из подполья коммунистическая партия, пользовавшаяся наибольшим влиянием в массах. Широко развернулась деятельность крестьянских союзов, молодежных, женских, студенческих организаций, организаций сторонников мира. Забурлила, забила ключом политическая жизнь, задушенная при старом режиме. Реакция притаилась, богатые люди дрожали за свою жизнь. Начались процессы деятелей «черного режима»,

был создан Народный трибунал. На здании парламента слова «бисмиллях» («во имя бога») были заменены словами «бисмишшааб» («во имя народа»). Был провозглашен декрет об аграрной реформе, в основном скопированный с соответствующего египетского закона 1952 г. Все ожидали, что вот-вот в той или иной форме будет объявлено о присоединении Ирака к ОАР: Ареф летал в Каир, был принят Насером, выразил свое восхищение и преданность «вождю арабской революции». Страна ждала, что после непродолжительного переходного периода состоятся выборы в парламент. Формально продолжал существовать единый фронт, состоявший из партий, еще задолго до революции установивших контакт со «Свободными офицерами» (Коммунистическая партия, Баас, Национально-демократическая партия, Партия независимости, Демократическая партия Курдистана)²³.

Национально-демократическая партия и Партия независимости были всего лишь группировками столичной интеллигенции, не имевшими организаций в собственном смысле слова, особенно в провинции. Только коммунисты и баасисты могли соперничать в масштабе всей страны, причем на стороне коммунистов было значительное преимущество.

Но вопрос о выборах и будущем устройстве страны упирался в позицию Касема, с самого начала стремившегося к личной власти. Зная Касема единодушно отмечали наряду с личной честностью и воздержанностью его непомерное тщеславие и честолюбие. Касем и не намеревался проводить выборы, так как это могло привести к господству одной или нескольких партий и положить конец чрезвычайному положению, при котором только он и мог осуществлять свою диктатуру. Оттягивая установление нормальной партийно-политической жизни, Касем по существу превратил переходный период в перманентное состояние. Он не желал также создавать собственную партию, возможно понимая, что у него нет данных для роли партийного вождя, а возможно и опасаясь, что новая партия, без сколько-нибудь серьезной идеологической и организационной базы, не выдержит конкуренции с уже существующими. Для создания такой базы он должен был привлечь теоретиков и организаторов и тем самым попасть в некоторую зависимость от них. Конечно, Касем был в состоянии создать однопартийный режим, запретив все другие партии, но это привело бы к созданию партийной элиты, с которой нужно было бы делиться властью, к выработке программы и ограничению тем самым свободы маневра. Касем предпочитал окружать себя в правительстве только беспартийными

²³ Однако в правительстве Касема ни коммунисты, ни ДПК представлены не были.

специалистами, время от времени менять их и не сковывать себя определенными формулами, установками и программами. Он понимал, что пример Насера для него не подходит: в отличие от Насера, он не чувствовал себя достаточно сильным, авторитетным и опытным политическим деятелем, чтобы быть уверенным в своей гегемонии в созданной им политической организации.

Вероятно, Касем инстинктивно чувствовал свою ограниченность и непригодность для роли руководителя государства (хотя это вполне уживалось с желанием быть таковым). Он решил препятствовать усилению политических организаций любого направления, лавировать между различными группами. Тем самым он добровольно отстранился от устойчивой массовой базы, от определенной программы действий, от генерального стратегического курса. Касем сам создал предпосылки для будущего краха своей диктатуры.

К осени 1959 г., разгромив сторонников Баас, Касем загноил в подполье коммунистическую партию, которая имела наибольшее влияние в народе и действительно была партией революционного авангарда. Именно тогда, летом 1959 г., начав антикоммунистические репрессии, Касем сделал роковой шаг к 8 февраля 1963 г.

При оценке описываемых событий нельзя обойти роль армии — пассивную, но вместе с тем решающую. Если бы в 1959 г. армия была на стороне коммунистов или хотя бы сочувствовала им, все могло быть иначе. Но влияние коммунистов было более или менее сильно только в авиации. В целом же офицерский корпус был настроен не в пользу коммунистов. Несомненно, при любой попытке коммунистов применить силу, армия подавила бы ее, а без поддержки армии или хотя бы части ее любое вооруженное выступление было авантюрой.

Ливанский журналист Г. Мадждалани, хорошо знакомый с иракскими делами, писал: «Касем, как только мог, старался избегать увольнения тех офицеров, которые служили при режиме Нури Саида. Он устранил только нескольких, которым не доверял. Армия сохранила таким образом свое традиционное командование — враждебное любой политике, предполагавшей глубокие перемены» [103, 1965, vol. XLI, № 2, 46].

Этот факт характерен для политики Касема. Вопреки требованиям демократов, он не подверг чистке государственный аппарат, укомплектованный реакционными бюрократами, оставшимися от нурисаидовского режима. Поэтому, например, аграрная реформа осуществлялась крайне медленно и неэффективно, земля распределялась черепашьими темпами, помещики и «саркалы» (управляющие) саботировали осуще-

поощрением местных властей.

Чтобы сломить сопротивление реакции и провести аграрную реформу в жизнь, надо было опереться на массы, развязать революционную активность крестьянства. Но для этого нужна была программа, нужна была партия революционного авангарда. Но этого-то, как уже говорилось, Касем и боялся. Такая партия имелась, и никто лучше коммунистов не смог бы поднять и воодушевить массы. Но, ударив по ней, Касем лишил себя организации, которая могла бы выполнить революционную программу. Он разогнал крестьянские союзы. Крестьянство — самый массовый отряд революции — потеряло веру в Касема.

Засевшее в центральном и местном аппарате антинародное бюрократическое охвостье, перешедшее к Касему по наследству от старого режима, признавало только одну «идеологию» — антикоммунизм. Консервативные и своекорыстные, полные религиозных и шовинистических предрассудков, они ненавидели коммунистов, символизировавших дух интернационализма, гуманизма, дух перемен.

Все это относилось и к военной бюрократии — к тому старшему офицерству, которое Касем оставил нетронутым. На старшее офицерство равнялось среднее, а младшее не было достаточно сильным и самостоятельным. Все это позволяет понять пассивную роль армии в целом и активно антикоммунистическую позицию военной верхушки, окружавшей Касема и непрерывно толкавшей его вправо.

Как сочетались ее реакционность и антикоммунизм с позицией, занятой 14 июля, когда она выступила против монархии? Прежде всего, не следует переоценивать революционности иракского офицерства на том основании, что оно свергло режим Нури Саида. История показывает, что нередко реакционных деспотов свергают силы, субъективно являющиеся не более прогрессивными. Ненависть к данному деспоту, стремление свергнуть данную олигархию сами по себе никогда не были гарантией прогрессивности. Большинство высших и средних офицеров иракской армии было в социальном смысле не намного левее правящих деятелей режима Нури Саида. Разница состояла в том, что офицеры, принадлежавшие к другому поколению, более националистически настроенному, отвергали рабское прислужничество перед Англией, унижавшее национальное достоинство Ирака, и политику Нури Саида с ее фанатическим антинасеризмом и курсом на сколачивание «священного союза» арабских монархов. Кроме того, при «черном режиме» они не могли играть политической роли: власть издавна и прочно была монополизирована кликой старых сановников. А как показывает пример

Касема и Арефа, у молодых, но уже занявших видные посты в армии офицеров были и честолюбивые политические устремления, но они могли проявиться лишь после устранения старой, надоевшей всем за 30 лет клики.

Выступая против проанглийской клики Абдул Иллаха — Нури Саида, иракские офицеры в 1958 г. чувствовали себя — и открыто об этом говорили — прямыми продолжателями дела «Золотого квадрата». Теперь вспомним, что было сказано выше о поколении офицеров, действовавших в 1936—1941 гг., об их борьбе против империализма и олигархии при отсутствии какой-либо социальной ориентации. Офицеры поколения 1958 г. унаследовали черты мировоззрения своих предшественников, ограниченного национализмом, способного толкнуть их лишь на борьбу против иностранного гнета и местной прогнившей тирании, но не больше.

Иракское офицерство в массе своей было настроено антиимпериалистически, стремилось избавиться от дворцовой клики, видя в ней слицетворение унижительной зависимости Ирака от Англии, нефтяных монополий, Багдадского пакта, ставшего в глазах всего арабского (и не только иракского) общественного мнения символом неокOLONиализма, системой, абсолютно несовместимой с независимым и прогрессивным развитием арабского мира.

Но национализм и даже патриотизм отнюдь не всегда сочетаются даже в странах, ведущих борьбу за национальное освобождение, с социально прогрессивными и демократическими тенденциями. К сожалению, национализм иракских офицеров сочетался с консервативными, антидемократическими, антикоммунистическими взглядами, присущими буржуазной и мелкобуржуазной среде, из которой они вышли.

Все сказанное позволяет понять, почему основная масса иракских офицеров-националистов, поддерживавших революцию 1958 г., оказалась на реакционных позициях в социальном плане, когда прогрессивные силы Ирака поставили вопрос о развитии революции, об общественных преобразованиях и демократизации политической жизни. Именно люди этого типа, несмотря на смену отдельных личностей, окружали Касема в 1958—1963 гг. и обоих братьев Арефов впоследствии. Милитаристско-бюрократическая каста стала господствующей силой в Ираке и главным препятствием для прогрессивного развития страны.

Эта каста была опорой режима Касема, и в немалой степени под ее воздействием долгожданная революция выродилась в бесплодную диктатуру человека, не обладавшего ни программой, ни идеями, ни способностью дать людям, чего они требовали и что он им обещал. А обещал Касем ни много ни мало, как «новую революцию каждый месяц». Но

людям не нужна была «революция каждый месяц» — им нужна была одна, подлинная революция, которая могла бы уничтожить неравенство и эксплуатацию, нищету и безработицу. Такой революции иракский народ при Касеме так и не дождался. Слова «во имя народа», высеченные на фронто-не здания бездействующего, так и не созданного парламен-та, остаются до сих пор символом незавершенной, иссякшей революции, затерявшейся подобно ручью в пустыне.

Крах режима Касема был неизбежен. Вопрос был лишь в том, кто именно его свергнет. Больше всего Касем «насо-лил» баасистам и каумистам²⁴, и вполне естественно, что смертельный удар обрушился на Касема с их стороны. Уже после провала Мосульского мятежа в марте 1959 г. руковод-ство иракской партии Баас пришло к выводу, что отныне путь к власти лежит через убийство Касема. Началась тщатель-ная подготовка к покушению. По разным причинам его откла-дывали, и оно состоялось лишь в октябре 1959 г. По авто-мобилю Касема, когда он проезжал по центральной улице Багдада, был открыт огонь. Касем был ранен. Руководству Баас пришлось бежать из страны.

Многочисленные попытки организации покушения на Ка-сема не приносили результатов. Решено было свергнуть его путем военного переворота, вступив для этого в союз с недо-вольной частью офицерства. Естественно, первым союзником был бывший заместитель Касема — Ареф, еще в конце 1958 г. вступивший с ним в острый конфликт, приговоренный к смертной казни, но затем выпущенный из тюрьмы. У него сохранились связи с армейскими кругами. Лидер баасистов Саади был зятем генерала Табакчали, казненного по распо-ряжению Касема еще в 1959 г. в связи с Мосульским делом. Табакчали был популярен в армии, и, расстреляв его, Касем, нажил себе немало врагов среди офицеров. Среди «обижен-ных» Касемом по тем или иным причинам офицеров были Тахер Яхья, Наджи Талеб, Салех Махди Омаш и другие хорошо известные в армии лица.

Удар планировался не только против Касема, но и про-тив коммунистов, с которыми баасисты собирались свести счеты. Заранее было решено создать «национальную гвар-дию», были заготовлены для нее тысячи зеленых нарукавных повязок, дубинки, автоматы. По кварталам были составлены списки коммунистов, подлежащих немедленному аресту.

Руководство заговором окончательно оформилось в 1962 г. В него вошли баасистские лидеры и представители армии.

²⁴ Каумисты (по-арабски «аль-каумийюн») — националисты «панара-бисты», сторонники объединения арабских стран. Их еще называют «юнио-нистами» и «насеристами».

На рассвете 8 февраля 1963 г. жителей Багдада разбудил грохот бомбардировки. Танки и самолеты восставших войск штурмовали здание министерства обороны, где жил Касем, охваченный манией преследования, постоянно опасавшийся заговора. (Днем он спал в своем кабинете, украшенном двумя его портретами и несколькими бюстами, по ночам работал под усиленной охраной.) После отчаянной обороны охрана капитулировала. Касем долго отстреливался в подвале. Он связался по телефону с Арефом и, взывая к старой дружбе, просил разрешения выехать за границу, но получил отказ. Лишь к 6 часам утра 9 февраля все было кончено. Из подвала полуразрушенного здания навстречу солдатам парашютного батальона, шатаясь, вышел, отбросив в сторону автомат с пустым магазином, человек в разорванной, обгоревшей генеральской форме. Это был «единственный вождь» Абдель Керим Касем. Его привезли в здание радиостанции, где он предстал перед судом только что созданного Национального совета революционного командования. Ареф обрушился на своего бывшего друга с обвинениями, Касем молча сидел в углу. Его тут же приговорили к смертной казни. 9 февраля в 1 час 30 мин. дня Касема, привязав к стулу в зале арабской музыки, расстреляли вместе с его родственником, бывшим председателем Народного трибунала Махдауи и другими свергнутыми лидерами.

Чтобы у жителей Багдада не осталось сомнений, что их «единственный вождь» мертв, на следующий день по телевидению был показан свалившийся под стул труп Касема, пробитый автоматными очередями.

Ареф стал президентом, но фактически вся власть была сосредоточена в руках правых баасистов во главе с Саади, человеком честолюбивым и жестоким. Вместо диктатуры воцарилась разнузданная тирания.

Ни в одной арабской стране политические перемены не сопровождаются такими кровопролитиями, как в Ираке. Но такого жестокого насилия, такого бешеного разгула палачей, как в 1963 г., даже в этой многострадальной стране не было никогда. Истребление коммунистов в феврале и марте; заточение в тюрьмы и концлагеря десятков тысяч демократически настроенных людей; пытки и издевательства чисто гестаповского типа; расправа с коммунистами в мае; истребительная война против курдского народа летом и осенью — таковы основные вехи господства клики Саади.

Армейская верхушка была отодвинута на второй план, Саади, Шабиб и их группировка монополизировали власть. Вскоре военные лидеры поняли, что это не тот режим, к которому они стремились. Военно-бюрократическая верхушка относилась к баасистам в Ираке примерно так же, как бур-

жуазия относилась к ним в Сирии: меньшее зло по сравнению с коммунистами, но люди ненадежные, а главное — не желающие делиться властью и способные на любой поворот. Таково же было отношение к баасистам и слабой иракской буржуазии. Совершенно правильно писал Ю. Островитянов, что «февральский мятеж был воспринят частью буржуазии как антикапиталистический переворот. Для этого были свои причины. Усилия правых баасистов установить свою неограниченную власть неизбежно вовлекали их во все более резкие столкновения с другими классами и слоями. Удары нового режима не сосредоточивались на одной мишени, а рассыпались веерообразно, поражая самые различные по своему характеру цели... Такие действия правящих экстремистских групп в сочетании с их внешне радикальными доктринами ассоциировались в сознании определенных буржуазных кругов с извращенными представлениями о социализме... Претензия на надклассовую и наднациональную роль закономерно оборачивалась для правых сил Баас войной против всех ведущих классов» [71, 1966, № 1, 45].

Баасисты, занятые преследованиями коммунистов и сторонников Насера, войной с курдами и усиливавшимися междоусобными склоками, не заметили угрозы, надвигавшейся со стороны армии. Впоследствии Саади, уже находясь в эмиграции, говорил: «Революцию начали младшие офицеры четвертого батальона, но в Национальный совет мы ввели только старших офицеров. Мы не подвергли в то время ситуацию систематическому анализу. Так, мы сделали президентом Абдель Салама Арефа, хотя уже через три дня после революции у нас возник с ним конфликт» [24, 33].

Баасисты не смогли заменить своими людьми прежнее армейское руководство, которое с удовлетворением восприняло свержение подозрительного и ненадежного Касема, но и не испытывало симпатий к тогдашнему руководству Баас. Генералы видели в баасистах политических авантюристов, оттирающих их от власти, на которую они претендовали. Когда баасистские главари окончательно передрались между собой, Ареф 19 ноября 1963 г. совершил новый переворот и ликвидировал баасистский режим в Ираке. К власти, наконец, впервые пришла непосредственно военная верхушка — та, которую Касем ослаблял и перетряхивал, чтобы остаться единоличным диктатором, и которую баасисты отгеснили на задний план. С тех пор в течение почти пяти лет военно-бюрократическая корпорация является самой влиятельной силой в стране, хотя говорить о ней как о силе единой было бы неверно: борьба отдельных армейских группировок фактически не прекращается.

Общая оценка националистической военной бюрократии

Ирака была дана выше; в годы, последовавшие за 1958—1963 гг., эта сила, в основном косная и консервативная, не изменилась. После свержения Касема «небольшое число офицеров, тесно связанных с Касемом, было уволено, но основная масса старших по возрасту офицеров осталась нетронутой. Несмотря на политическое руководство партии Баас, консервативные тенденции все еще преобладают в армии» [103, 1965, № 2, 46]. Эти тенденции окрепли после изгнания баасистов, поскольку исчезла необходимость маскироваться под социалистов, чтобы быть в милости у баасистских главварей.

Правда, в 1964 г. в Ираке были провозглашены так называемые социалистические декреты, на основании которых был национализирован ряд промышленных предприятий. Был также создан, по примеру ОАР, Арабский социалистический союз, задуманный как массовая партия. Но было бы грубой ошибкой отождествлять эти действия с теми, что происходят в ОАР и Сирии, и считать, что Ирак переходил на некапиталистический путь.

Промышленность в Ираке развита очень слабо, а промышленная буржуазия, немногочисленная и небогатая, никогда не была сколько-нибудь серьезной политической и социальной силой. В отличие от Сирии и Египта переход промышленных предприятий в руки государства в Ираке не был вызван борьбой за власть между правительством и буржуазией и не означал принятия смелого и далеко идущего решения свергнуть капитализм. Если говорить именно о буржуазии промышленной, то она никогда и не претендовала на власть. А крупная торговая буржуазия Багдада, Басры, Мосула не пострадала сколько-нибудь существенным образом. Проведенная в 1964 г. национализация дала пользу государству, но небольшую, так как ввиду общей отсталости и слабости роль промышленности в целом в Ираке далеко не так велика, как в ОАР и Сирии. Основным источником бюджетных поступлений — отчисления от нефти — имеют несравненно большее значение, чем доходы от обрабатывающей промышленности²⁵. В связи с этим нет проблемы вывоза капитала, утечки валюты, т. е. тех проблем, которые в первую очередь вызвали серьезный конфликт на экономическом фронте между государством и буржуазией в ОАР и Сирии. В Ираке национализация 1964 г. была продиктована не экономической ситуацией, а политическими побуждениями (желание заручиться поддержкой ОАР и Насера, почитателем которого Ареф всегда был).

²⁵ Ирак ежегодно получает в виде доходов от нефти около 130 млн. ф. ст. Весь государственный бюджет составляет около 200 млн. динаров (1 динар = 1 ф. ст.).

Но каумистам, воспринявшим национализацию и создание АСС как начало процесса объединения Ирака с ОАР, пришлось быстро разочароваться. Армейская верхушка вовсе не собиралась идти на объединение, во-первых, в силу перечисленных факторов, когда речь шла о революции 1958 г., и, во-вторых, не желая перемен, которые принесло бы объединение (справедливо опасаясь, что Насер заменит их своими людьми). Да вряд ли и Абдель Салам Ареф, при всем его преклонении перед Насером, был склонен уступить место первого человека в стране. 14 июня 1965 г. министры-насеристы были вынуждены уйти из правительства. Сразу же прекратил свое бледное существование и Арабский социалистический союз: все его руководители были выведены из правительства еще до увольнения насеристов, а после этого даже на само помещение АСС весьма символично был повешен замок.

За восемь лет, прошедших после провозглашения аграрной реформы, всего лишь немногим более 300 тыс. крестьянских семей получили землю, что составило $\frac{2}{5}$ всех безземельных и малоземельных семей. Крестьяне получили худшие земли (чуть ли не половину — в неорошаемой местности), а лучшие участки остались у помещиков. Нищета, засилье помещиков и ростовщиков остаются бичом иракской деревни.

Коммунистическая партия как при первом, так и при втором Арефе оставалась в подполье. Никакие внешнеполитические шаги не могли повлиять на органический антикоммунизм военной и гражданской бюрократии.

Военно-бюрократическая буржуазия противилась созданию любой политической организации с сильной идеологической программой, которая могла бы увлечь массы. Именно поэтому под запретом находились и компартия и Баас. Поэтому и не начал активно действовать Арабский социалистический союз. Господствующая группа не желала и усиления капиталистических тенденций, справедливо считая, что сильный частный сектор, господствующий в экономике и пользующийся поддержкой западного капитала, неминуемо захочет установить и политический контроль в стране. Поэтому Абд ар-Рахман аль-Баззас, первый гражданский премьер-министр с 1958 г., в конце концов был вынужден уйти, хотя он серьезно пытался улучшить экономическое положение страны и обладал знаниями и связями с иностранным капиталом. Но он не скрывал своей приверженности идее частной инициативы и буржуазной демократии, следовательно, олицетворял упомянутую тенденцию, в конечном счете опасную для правящих кругов.

Последние годы на положение Ирака большое влияние оказала война с курдами. Отвлекая ресурсы от народного

хозяйства, препятствуя нормальному развитию страны, опустошительная война, принесшая курдскому народу неимоверное горе, зловещим бременем давила на экономику, политику и общественную атмосферу Ирака. Война была нужна правящей армейской верхушке, ибо, когда она идет, армия в центре внимания, ее ведущую роль никто не оспаривает, все привилегии военщины оправдываются, а любая оппозиция приструнивается под флагом «интересов нации». В условиях военного положения легче зажимать демократию. Поэтому война продолжалась бы, если бы она не была связана с растущими и чрезмерными для Ирака расходами и потерями, а перспективы победы не было, и все это, вместе взятое, вызывало серьезное недовольство населения. Правительству пришлось пойти на прекращение войны, но не было уверенности, что она не возобновится.

Война с курдами явилась лишь одним, хотя и важным, фактором, способствовавшим закреплению армейской верхушки в качестве правящей группы в Ираке.

Журнал «Международни раднички подкрет» писал в 1967 г.: «Офицеры занимают ключевые позиции не только в центральном аппарате, но и в провинциях, в государственном секторе экономики, общественных организациях, в системе массовой информации и т. д. Армия овладела всеми сферами общественной жизни, от экономики до культуры и спорта. Совместно с разросшимся административным аппаратом, которому присущ образ мыслей, оставшийся еще от турецкого „эффендизма“ и британского колониального управления, армия представляет собой основной регулятор жизни в стране... Определенные процессы привели к объективному укреплению позиций консервативных сил... Бывшие феодалы переезжают в города, вкладывают средства, приобретенные рентой, в современные отрасли хозяйства, особенно в городское строительство, торговлю и т. д., но не в производственную сферу. Приноровившись к условиям и обычаям современной политической борьбы, они связываются с другими консервативными силами. Укреплению позиций консервативных сил способствуют расширение и рост самостоятельности администрации и армии, в которых они по традиции имеют сильную опору, хотя их и нельзя полностью отождествлять [134, 1967, № 1, 91, 96].

Армия стала превращаться в привилегированную корпорацию. По сравнению с армиями соседних стран иракские военнослужащие получают самое большое жалование, а офицеры, служащие в курдских районах, имеют повышенные оклады и дополнительные отпуска. Отставные офицеры обзаводятся богатыми виллами. Генерал-лейтенант Тахир Яхья, несколько раз возглавлявший правительство, имел прозви-

ще «багдадский вор». Все открыто говорили, что от нефтяных компаний он получил 5 млн. динаров.

Военно-бюрократический режим, насажденный Касемом и сохраненный в основных чертах обоими Арефами, время от времени размахивал флагом «арабского социализма». Но социализм несовместим с антикоммунизмом. А сотни коммунистов и других прогрессивных деятелей подвергались зверским пыткам. Никакие реформы, никакие позитивные внешнеполитические акты не меняли реакционной, террористической сути режима. 3-я национальная конференция компартии Ирака, состоявшаяся в декабре 1966 г. констатировала: «Существующий в Ираке режим давно уже изжил себя».

Падение второго Арефа было делом времени, вопрос заключался в том, какая именно из соперничающих военных групп его свергнет и в какой момент. Сам Абд ар-Рахман Ареф, ставший президентом в результате гибели брата и не обладавший его способностями и энергией, ни в малейшей степени не подходил для роли государственного деятеля. Он не был по натуре диктатором, но также не мог или не хотел стать инициатором процесса демократизации общественной жизни. Офицеры-«каумисты» были недовольны им из-за того, что он не предпринимал никаких шагов в направлении арабского единства, офицеры-баасисты распространяли на него свою враждебность к его брату, ликвидировавшему правление Баас в 1963 г., офицеры старой, «нурисайдской» английской школы были раздражены внешнеполитической позицией Арефа и его, пусть половинчатыми, атаками на «Ирак петролеум компани». Офицеры, отражающие интересы буржуазно-либеральных кругов, отвернулись от Арефа после того, как он уволил с поста премьер-министра лидера этих кругов аль-Баззаза. Сторонники возобновления войны против курдов не могли простить Арефу, что он противился попыткам начать ее вновь. Сами курды были разочарованы фактическим отказом правительства выполнить свое обещание и предоставить им автономию. Левые были возмущены продолжающимися репрессиями и грубым антикоммунизмом режима, правые — нежеланием Арефа пойти на восстановление буржуазно-парламентского правления и открыть двери западному капиталу. Для агентуры империализма правительство Арефа было врагом из-за своей боевой антиимпериалистической позиции в период «шестидневной войны» 1967 г. И в то же время многие обвиняли Арефа в пренебрежении нуждами армии, что привело к тяжелой неудаче в боях на иорданско-израильском фронте.

20 апреля 1968 г. 13 высших офицеров в отставке написали Арефу письмо, в котором требовали возвращения к конституционной жизни, подготовки парламентских выборов

и осуждали «личную власть, ее изоляцию от народа, неспособность осознать масштаб палестинского поражения». В июне бейрутская печать сообщала об активизации политических деятелей периода монархии, получающих из-за границы деньги и оружие, о недовольстве духовенства правительством Арефа. Еще в январе 1968 г. ушли в отставку шесть членов кабинета, в июне — два министра-курда, в начале июля — министры аграрной реформы и труда. 12 июля премьер-министр Тахир Яхья объявил о реорганизации правительства. И наконец, в ночь на 17 июля произошел переворот. Ареф был вытаснен из постели офицерами собственной гвардии, которые ознакомили его с требованием восставших военных и затем увезли на аэродром, где уже ждал самолет...

Как сообщала египетская печать, переворот 17 июля совершили две силы — республиканская гвардия и военная разведка. Республиканская гвардия, в составе которой был танковый батальон, стала серьезной силой после подавления путча бывшего премьера Абд ар-Раззака в июне 1966 г. Гвардия стала вмешиваться в политику, ее офицеров называли «офицерами дворца». Начальник гвардии подполковник ад-Дауд и командир танкового батальона гвардии майор Гайдан обсуждали с Арефом политические вопросы, потребовав однажды изменений в правительстве [62, 18.VII.1968].

Другим центром заговора была военная разведка, заместитель начальника которой полковник Найеф был членом группы молодых офицеров, называвшей себя «Арабское революционное движение». После переворота Найеф стал премьер-министром, ад-Дауд — министром обороны. Видную роль стали играть и авторы письма 20 апреля: Бакр стал президентом, Аммаш — министром внутренних дел, Такрити — начальником штаба армии. Но это «двоевластие» продолжалось лишь несколько дней: 30 июля президент уволил премьера. Найеф и ад-Дауд оказались за пределами Ирака. Генерал Бакр стал главою государства, премьер-министром и главнокомандующим.

Почему иракская армия, подобно египетской и сирийской, не смогла при Касеме и Арефах сыграть роль революционно-демократической силы?

Ответ на этот вопрос в основном уже был дан при анализе причин антикоммунистической позиции армии после революции 1958 г. Антикоммунизм несовместим с социально-прогрессивными и демократическими тенденциями, и не только потому, что он отсекает именно ту политическую силу, которая наиболее активно и искренне стремится к глубоким прогрессивным социальным преобразованиям, но и потому, что антикоммунистические настроения толкают к восприятию реакционных концепций, отрицательно влияют на формирова-

ние мировоззрения, мешают восприятию передовых идей, способствуют закреплению шовинистических и религиозных предрассудков. Разумеется, есть и обратная связь: антикоммунизм порождается именно ограниченно-националистически-ми, религиозными взглядами, не говоря уже о классовой неприязни. Отнюдь не случайно Насер, Не Вин, сирийские левые баасисты пришли к сотрудничеству с коммунистами. В египетском случае дело, разумеется, не в том, что Насер не мог обойтись без компартии, малочисленной и не очень влиятельной, а в том, что сотрудничество с коммунистами логически вытекает из признания основных принципов социалистической идеологии. В коммунистах видят уже не противников и конкурентов, а союзников.

Тот факт, что в Ираке в 1958—1959 гг. коммунисты были сильны и могли претендовать на власть, напугал военную корпорацию, смотревшую на компартию прежде всего не с идеологической, а с политической точки зрения, видевшую в ней конкурирующую политическую машину.

Но дело также в идейном воспитании, формировании людей, в характере устанавливаемых ими классовых связей, в степени влияния националистических, религиозных и прочих предубеждений. Дело и в уровне общего развития, уровне культуры, широте взглядов, способности ставить общие интересы выше групповых.

Арабский национализм — исключительно сильная идеология, опирающаяся на историю, традиции, на весь ход политической борьбы, использующая на редкость жгучий и болезненный для арабов палестинский вопрос. Мусульманская религия влияет на все отношение человека к жизни, к явлениям, определяет во многом его мировоззрение и поведение.

Как национализм, так и религия способствуют развитию отрицательного отношения к коммунистам как к сообществу «антинациональному», интернациональному, атеистическому. Мелкособственническая психология, которая господствует в среде, откуда выходит офицерство, не признает коммунистов, они для нее чужие.

Вырваться из плена этой психологии могут пока еще лишь немногие, наиболее передовые, светлые головы. Коммунисты были и есть в армиях всех арабских стран, но их мало. Основная масса военных живет в плену традиционной атмосферы с детства. Поэтому антикоммунистические предубеждения были даже у революционно-демократического офицерства Египта и Сирии. И наконец, следует прибавить классическую мелкобуржуазную боязнь коммунистов как врагов частной собственности. Все это, вместе взятое, с учетом влияния и силы, какие имели коммунисты в Ираке после революции (чем они и напугали военную верхушку), позво-

ляет понять корни антикоммунистической, а следовательно, и антидемократической позиции иракской военной бюрократии.

Следует сказать и о специфике Ирака. Великое зло этой страны — национальная и религиозная разнородность. Житель Ирака смотрит на себя прежде всего как на араба или курда, а потом уже как на иракца. Араб смотрит на себя прежде всего как на суннита или шиита. Правые баасисты видели главных врагов в коммунистах, полагая, что те никогда не простят им резни 1963 г. Каумисты — против тех и других, а также против правительства.

Наконец, большое значение имеет, конечно, общий культурный уровень, связанный с уровнем социального и экономического развития. В Ираке он ниже, чем в Египте и Сирии. Сила и страстность иракского национального характера не уравновешиваются терпимостью, гуманизмом, широтой взгляда на вещи. Традиции кровной мести, перенесенные в XX в. на политическую борьбу, приобрели характер групповой мести и тем самым огромный, трагический масштаб. Единство прогрессивных (как, впрочем, и реакционных) сил в Ираке крайне затруднено. Этому способствуют наслоения недавнего прошлого, взаимные подозрения, громадный и мрачный резервуар ненависти, копившейся годами. Поэтому вся прогрессивная общественность с удовлетворением восприняла освобождение из заключения коммунистов и другие позитивные шаги, предпринятые правительством Бакра в 1969 г., надеясь, что это послужит началом процесса консолидации всех патриотических сил. Революционно-демократические потенции иракской армии далеко еще не исчерпаны.

Глава 2

ТАИЛАНД

Таиланд — нетипичная страна для афро-азиатского мира. Она никогда не была колонией и не прошла через национально-освободительную революцию. Но с 1932 г. страной почти непрерывно управляют военные. Анализ политической роли таиландской армии позволяет понять суть процесса консолидации военно-бюрократической корпорации и превращения ее в господствующую силу в государстве.

До 1932 г. Таиланд в течение столетий был страной, застывшей в своем развитии, управлявшейся наследственной аристократической верхушкой. Во главе стоял монарх — вершина классической феодальной пирамиды. Армия современного типа была создана лишь после начала четвертого царствования Бангкокской династии, т. е. профессиональный офицерский корпус возник после 1851 г. Начиная с конца XIX в. офицеров посылали учиться за границу, и естественное стремление к модернизации общества, появлявшееся у них после ознакомления с зарубежной жизнью, вступало в противоречие с основанной на средневековом абсолютизме и строгой иерархии системой, практически закрывавшей доступ к ответственным должностям всем, кроме узкой касты принцев. Монополия на власть, сосредоточенная в руках аристократической олигархии, была ликвидирована в 1932 г. в результате заговора, организованного группой военных и гражданских деятелей. В нее входили 64 гражданских лица (в основном государственные служащие во главе с профессором международного права Приди Паномионгом), 33 офицера армии и 18 офицеров флота [175, 95]. Офицеры были в чине от капитана до полковника.

Абсолютная монархия была заменена конституционной. Дворцовая клика утратила монополию власти. Но капитаны и полковники, которые свергли прежний режим, вскоре убедились, как это часто бывает при восстаниях и переворотах,

что они таскали каштаны из огня для других. В палате представителей из 70 мест офицерам принадлежало лишь 16 [181, 283]. Но группа Приди, придерживавшаяся более или менее прогрессивной и демократической ориентации, также не заняла доминирующих позиций. Их заняли консервативные чиновники, не принадлежавшие, правда, к придворной камарилье, но враждебные всяким новшествам. Борьба между этими группами создала ситуацию, в которой военные решили захватить власть и совершили в 1933 г. второй переворот. На этот раз уже не было комбинации с прогрессивно мыслящими гражданскими элементами: армия пришла фактически к власти. «Сильным человеком» нового режима стал Пибун Сонгграм, с 1934 г. министр обороны, с 1938 г. — премьер-министр. Постепенно гражданских политиков одного за другим вытесняли с ключевых постов и заменяли военными. В период правления Пибун Сонгграма, ставшего фельдмаршалом, военные утвердились как господствующая политическая сила. В 1938 г. из 21 члена Государственного совета 11 были военными, равно как 53 из 78 назначенных депутатов [160, 76].

Падение режима Сонгграма было связано не столько с внутренними, сколько с внешними факторами: во время второй мировой войны он связал судьбу страны с Японией и поплатился за это, когда стало ясно, что Япония терпит поражение. Переворот 1944 г. был редким случаем крушения военного режима в результате акции, инициаторами которой были гражданские круги. Роль военных резко упала, в восьми кабинетах, находившихся у власти с 1944 по 1947 г., только пять армейских офицеров занимали министерские посты [181, 261].

Вновь появившиеся на политической арене Приди и его сторонники изменили конституцию таким образом, что отныне государственные должностные лица и офицеры лишались права занимать руководящие посты. Но это продолжалось недолго. В ноябре 1947 г. произошел переворот, и власть захватила военная хунта, в которую входило 65 офицеров (из них восемь — генералы). По данным Миллса, «только трое из них были участниками переворота 1932 г... Подавляющее большинство имело лишь среднее образование... В основном это были младшие офицеры, недовольные маленьким жалованьем, а также засильем старой гвардии, контролировавшей правительство» [175, 99].

Инициаторы переворота объяснили свои действия необходимостью восстановить «растоптанную честь армии» и ликвидировать коррупцию и пороки правящих кругов [181, 262]. Пибун Сонгграм вновь вернулся на политическую арену. Вскоре, однако, обнаружилось разногласия между армией и

флотом. В ноябре 1951 г. имела место попытка верхушки флота вырвать власть из рук армейской клики. Обстоятельства, связанные с этой попыткой, напоминают опереточный сюжет: США преподнесли в дар Таиланду судно-драгу; церемония передачи судна состоялась на его борту, главные роли были отведены американскому послу и Пибун Сонгграму. В разгар церемонии отряд матросов подплыл к судну на катере, поднялся на борт, на глазах у посла и всей бангкокской знати схватил фельдмаршала, отплыл вместе с ним и посадил Пибуну под арест на одном из военных кораблей. Началась «война» армии и флота, причем военные корабли стояли на рейде на реке, а войска атаковали их с обоих берегов.

Исход трехдневных боев решила авиация, которая присоединилась к армии и бомбардировала корабли, включая тот, на котором был заточен фельдмаршал. Пибуну удалось спастись, мятеж был подавлен [175, 100—101].

Национальное собрание было распущено, был восстановлен порядок, согласно которому половина членов собрания назначалась правительством. На этот раз военная клика не собиралась выпускать из рук бразды правления, на все ключевые посты были вновь назначены офицеры. Однако, как вскоре выяснилось, противоречия существовали не только между родами войск, но и внутри самой армии. Началось острое соперничество различных клик. Наибольшим могуществом обладал главнокомандующий армией генерал Пин Чунхаван, о котором писали: «Его политическая деятельность уже вышла за пределы армейской сферы, распространилась на деловой мир и другие области жизни. Зять Пин Чунхавана — Пао превратил клику в разветвленную организацию, контролировавшую полицию, правительство, парламент и другие органы власти [181, 264]. Но как только Пин был заменен на посту главнокомандующего армией генералом Саритом, позиции последнего сразу укрепились. К 1957 г. борьба закончилась победой клики Сарита.

Первоначально Сарит, чтобы придать своему режиму видимость законности, опирался на парламент. Выехав за границу для лечения, он поручил управление страной гражданскому правительству, которое не замедлило обнаружить свою несостоятельность при попытках решить экономические и административные проблемы, запуталось в финансовых затруднениях, не смогло справиться с растущей оппозицией. Тогда, внезапно вернувшись из-за границы, фельдмаршал Сарит совершил в октябре 1958 г. бескровный переворот, отменил конституцию и установил личную военную диктатуру. В январе 1959 г. он ввел в действие новую временную конституцию, согласно которой члены Национального собрания наз-

начались правительством [181, 265]. С игрой в демократию было покончено.

Окончательное установление военной диктатуры в Таиланде было облегчено особенностями развития страны, крайне отсталой, не обладающей современной промышленностью. Промышленный пролетариат и промышленная буржуазия по численности и политическому влиянию совершенно незначительны. Торговая буржуазия представлена в основном китайскими купцами; это — костяк делового мира, пружина всей экономики и в то же время крайне непопулярная общественная группа, не имеющая никакого явного политического влияния. Правящая элита состоит из столичных бюрократов и военных. Во времена абсолютной монархии Таиландом управлял узкий слой, который можно назвать феодальной бюрократией, — аристократическая замкнутая придворная каста, царедворцы и высшие сановники. После 1932 г. природа элиты изменилась, она перестала быть замкнутой кастой, группировавшейся вокруг дворца, знатное происхождение уже не являлось непременным условием принадлежности к верхушке общества. Но социальная суть системы изменилась мало: консервативная, своекорыстная бюрократия, более «демократическая», чем раньше, лишь по своему происхождению, по-прежнему вершила делами.

В Таиланде никогда не было демократических традиций. Строго определенная иерархия определяла всю жизнь общества. Косные каноны регламентировали поведение людей в деревенской общине и наложили отпечаток на характер городского общества. Армия, построенная на иерархии, вполне «вписывалась» в эту систему. В стране, где не было ни политической партии, ни профсоюзов, армия являлась единственной организованной силой. Никаких политических, социальных, психологических преград на ее пути к власти не было.

Судьба позволила Таиланду избежать колониального порабощения, и это также облегчило установление военного режима. Страна не знала национально-освободительного движения, которое пробуждает и активизирует массы, генерирует политическую энергию, переворачивает пласты общества. Дворцовые перевороты были единственным видом проявления политической активности, которую знало тайландское общество. Сохранение независимости, обособленность от внешнего мира привели также к изоляции страны от основных течений мировой общественной мысли, к консервации средневековых общественных отношений.

Таиланда не коснулись бушующие вокруг него бури. Армии не приходилось выполнять функции обороны страны. Поэтому вооруженные силы имели возможность сосредото-

чить свою энергию на других проблемах, активно выступить в политической сфере. Армия обеспечила себе автономию, вышла из-под контроля гражданских властей. С 1932 г. все министры обороны и их постоянные помощники (равно как почти все служащие министерства обороны) — офицеры действующей армии²⁶ [181, 268]. Никакого контроля над расходом средств, ассигнуемых на нужды вооруженных сил, со стороны гражданских инстанций нет.

Офицерство занялось хозяйственной деятельностью и прочно осело в экономике страны. Министерство обороны руководит рядом промышленных предприятий, включая организацию, ведающую распределением горючего, кожевенные, стекольные, текстильные, консервные фабрики. Большинство частных радиостанций в стране принадлежит армии. Существует военный банк — частное коммерческое предприятие, самый крупный пакет акций в котором принадлежит министерству обороны [181, 268].

Таким образом, верхушка армии превратилась в коллективного капиталистического предпринимателя. Финансовые средства, материальные возможности и права армии намного превышают все, чем располагают частные предприниматели. В составе Учредительного собрания, назначенного в феврале 1959 г., были 181 военнослужащий и 51 гражданское лицо, причем более 90% последних составляли государственные служащие. В сентябре 1960 г. это собрание постановило, что военные трибуналы на период действия военного положения могут разбирать не только уголовные дела, но любые, которые им поручает верховный главнокомандующий вооруженными силами [160, 100, 107].

Из 120 сенаторов, назначенных в июле 1968 г., 81 — представители армии, военно-морских сил и авиации, 10 — представители полиции, а гражданских лиц — всего 29. Уже в день провозглашения новой конституции — 20 июня 1968 г. — заместитель премьер-министра и министр внутренних дел генерал Чарусатиен заявил, что военное положение сохранится на неопределенное время.

По оценке Миллса, правящая элита Таиланда составляет 1—2% всего населения страны и сосредоточена в основном в Бангкоке. На самой вершине пирамиды стоят 10—15 представителей всемогущей военной хунты. На второй ступени примерно тысяча человек: это генералы и полковники, высшие государственные сановники, парламентарии, несколько принцев и несколько ведущих дельцов; их число не может быть велико, так как большинство капиталистов в стране — китайцы. Еще ниже — большинство государственных чинов-

²⁶ В Таиланде были распространены плакаты такого содержания: «Королевство — это дом, армия — забор вокруг него».

ников, лица свободных профессий. Эти люди занимают прочное положение и заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей, по своим взглядам они консервативны [175, 103, 104].

Вильсон отмечает: «Нет никаких признаков, что руководство армии имеет какое-либо желание революционизировать социальную или экономическую систему страны. Оно консервативно и в ряде аспектов реакционно» [181, 275]. Этот же автор указывает, что военные установили взаимовыгодное сотрудничество с деловым миром, которому в настоящее время нечего их опасаться [181, 275].

Конституционный фасад никого не обманывает, и время от времени часть парламентариев начинает фрондировать; их успокаивают, как пишет Вильсон, «должностями, привилегиями и другими взятками» [181, 275].

Коррупция в Таиланде достигла фантастических размеров. В этом отношении представляет интерес карьера покойного военного диктатора фельдмаршала Сарита Танарата. Он начал свою «политическую» деятельность в бытность командиром полка на севере страны, где он организовал контрабанду опиумом и получил тем самым средства для выдачи «сверхштатного» жалованья солдатам. Затем этот метод приобретения популярности в армии был применен Саритом в масштабе страны. Придя к власти, Сарит заявил: «Я ненавижу коррупцию, и я ее ликвидирую». В это время его капитал составлял около 500 тыс. долл.; за последующие шесть лет Сарит увеличил его примерно в 300 раз. Получая жалованье в 500 долл. в месяц, он сколотил состояние почти в 140 млн. долл. Диктатор получал взятки от владельцев строительных фирм, курортных отелей, страховых, пароходных, промышленных компаний, наживался на государственной лотерее, спортивных состязаниях и т. д. Сарит имел неофициальный гарем. После его смерти все это стало достоянием гласности. Пока он был жив, послушание армии обеспечивало ему спокойное правление. Армию он подкупал. Как сообщал американский журнал «Лук», Сарит «подмасливал солдат пенсиями, домиками, школами для их детей. Он финансировал строительство завода, изготовляющего транзисторные радиоприемники для солдат, а также компанию для продажи им в кредит телевизоров. И, что особенно существенно, он купил верность своих генералов. Генералы же не забывали своих полковников, майоров и капитанов». На смену ему пришли люди такого же склада. Так, сообщалось, что министр внутренних дел и одновременно главнокомандующий вооруженными силами генерал Прапат Чарусатиен контролирует банки, судоходные компании и занимается торговлей свининой.

К этой характеристике режима остается добавить, что он ведет на сто процентов антинациональную и проимпериалистическую внешнюю политику. Таиландские милитаристы охотно и тесно связали судьбы страны с американским империализмом. Они посылали на помощь американским интервентам войска в Корею, а сейчас активно помогают Соединенным Штатам вести разбойничью войну против народа Вьетнама. Таиланд стал краеугольным камнем блока СЕАТО, оплотом агрессивной политики США в Юго-Восточной Азии.

Эволюция таиландского офицерства симптоматична и поучительна. Это — законченный пример окончательного вырождения военной верхушки, превращения ее в бюрократически-милитаристскую антинациональную касту. Тенденции подобного перерождения наблюдаются во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки, но нигде, пожалуй, они не представлены в столь чистом и завершенном виде, как в Таиланде, нигде этот процесс не доведен до своего логического конца. Именно поэтому процесс эволюции армии этой небольшой страны важен и интересен для нашего исследования. Он мог бы служить образцом для многих военных элит, претендующих на государственную власть в странах «третьего мира». В своем роде в нем воплощен идеал. Это — идеал честолюбивых и корыстолюбивых милитаристов-бюрократов, рассматривающих военную службу как средство обеспечения бесконтрольной власти, высокого социального статуса и материального благополучия.

Таиландская армия стала автономной, самостоятельной политической и социальной силой. Она никому не подчиняется внутри страны, напротив — она господствует над всем и всеми. Армия в Таиланде — не орудие государства, а олицетворение государства. Фактически слившись с верхушкой государственного аппарата и класса феодалов, а также небольшим слоем национальных капиталистов, армия образовала вместе с ними всемогущую эксплуататорскую корпорацию, господствующую элиту. Она не служит какому-либо классу общества и не выражает его интересы, а сама является своеобразным квазиклассом. Этот самодовлеющий и самовоспроизводящийся механизм — не что иное, как военно-бюрократическая буржуазия.

Функции обороны государства для этой армии даже не второстепенное, а третьестепенное дело. Оружие в ее руках служит для обеспечения и охраны ее же господства. Власть для себя, а не для кого-то другого, власть ради власти и ради обогащения — таков негласный девиз армии этого типа. Армия уже не арбитр, выступающий с «надклассовых» позиций в час национального кризиса, а организация, стремя-

щаяся узаконить и увековечить свое монопольное положение коллективного хозяина страны. Это — паразитическая корпорация обуржуазившихся бюрократов, одетых в военные мундиры и под флагом обороны страны использующих в интересах сохранения своей власти и привилегий винтовки подчиненных ей солдат. По существу это, собственно, даже и не армия в подлинном, первоначальном смысле слова, а эксплуататорская прослойка бюрократической буржуазии, замаскировавшаяся под армию. Тот факт, что привилегированные люди в Таиланде носят офицерские погоны, не заслоняет их социальной сути, их места в системе общественных отношений. Нет принципиальной разницы между «парламентской и административной буржуазией», о которой применительно к Тропической Африке говорят африканские ученые (в том числе коммунисты), и тайландской «новой буржуазией» в милитаристском обличье. И те и другие играют одинаковую социальную роль и преследуют идентичные цели: использование государственной власти для обеспечения экономических и политических привилегий.

Пример Таиланда вряд ли может стать образцом для других стран «третьего мира»: устойчивость военного режима объясняется редким сочетанием преимуществ экономического характера, какими другие страны не обладают. Таиланд — крупнейший производитель и экспортер риса и каучука; растет вывоз оловянной руды и тика. Изобилие риса и бурный рост производства кукурузы способствуют смягчению продовольственной проблемы, а экспорт каучука и олова дает иностранную валюту в объеме, достаточном для ввоза оборудования и сырья, необходимых для более или менее удовлетворительных темпов экономического развития. Пассивность народа, отсутствие революционных традиций способствуют существованию стабильного консервативного режима, что в свою очередь привлекает иностранный капитал (особенно японский) и обеспечивает тем самым материальную базу военного режима, процветающего за счет превращения Таиланда в политический плацдарм империализма и экономический придаток развитых капиталистических держав.

Глава 3

ИНДОНЕЗИЯ

Становление индонезийской армии и превращение ее в политическую силу

Индонезийская армия, как и бирманская, родилась в ходе освободительной войны, но ее контингент был более разнородным. Офицерский корпус формировался из трех источников: бывшая королевская армия Голландской Индии (КНИЛ), созданная японцами в годы второй мировой войны «Армия защитников отечества» (ПЕТА) и молодые добровольцы, начавшие военную карьеру в иррегулярных формированиях в период освободительных войн (1945—1948).

КНИЛ была самым незначительным из этих трех источников, так как ее офицерский корпус в основном состоял из голландцев. Часть офицеров и сержантов КНИЛ влились в 1945 г. в создавшуюся индонезийскую армию, а несколько человек даже заняли в ней видные должности²⁷. Однако большая часть подразделений КНИЛ, вновь сформированных после того, как английские и австралийские войска в конце войны освободили их личный состав из японских лагерей для военнопленных, участвовала в агрессивных войнах Голландии против республики в 1947 и 1948—1949 гг. Офицеров — выходцев из КНИЛ — так ничто и не могло избавить от настороженности и даже неприязни, с которой к ним относились офицеры, не служившие в голландской армии.

Батальоны ПЕТА, созданные японским командованием на Яве для операций против союзных войск, к концу войны насчитывали вместе с вспомогательными подразделениями свыше 60 тыс. солдат и офицеров [181, 190]. Ни один индонезийский офицер не занимал в ней должности выше коман-

²⁷ Генерал А. Х. Насутион начал свою военную карьеру как кадет в голландской академии КНИЛ в Бандунге.

дира батальона. ПЕТА явилась важнейшим источником формирования офицерского корпуса индонезийской армии²⁸.

Третьим источником послужили лашкары — солдаты партизанских частей, созданных на базе военизированных организаций, которые были сформированы японцами из молодежи. Для того чтобы вооружить эти войска в соответствии с требованиями современной войны, у правительства уже не хватило оружия. Лашкары были в ряде случаев вооружены бамбуковыми копьями. Следует еще упомянуть «Студенческую армию» и другие иррегулярные формирования, внесшие свой вклад в освободительную войну.

Процесс создания единой национальной армии из всех этих разношерстных сил протекал в сложной политической обстановке. 17 августа 1945 г., накануне капитуляции Японии, была провозглашена Республика Индонезия, президентом которой стал Сукарно. ПЕТА и другие организации, создание которых было инспирировано японцами, превращались в национальные вооруженные силы, и если бы война продолжалась, эти части, высколенные в японском боевом духе, вне всякого сомнения, оказали бы ожесточенное сопротивление союзным войскам. Но Япония капитулировала. Союзные войска высадились как освободители от японской оккупации, и национальное руководство надеялось, что союзники будут уважать независимость республики. Однако вслед за англичанами и австралийцами вернулись голландские колонизаторы, и перспективы независимого развития Индонезии стали вновь неясными. 3 ноября 1945 г. была разрешена деятельность политических партий, и многие партии, а также политические и религиозные группы, студенческие организации и т. п. стали действовать, опираясь на собственные вооруженные силы. Каждая крупная партия считала необходимым иметь свою «армию». Образование единой национальной армии официально относят к 5 октября 1945 г., когда она была провозглашена под именем «Армии народной безопасности» (ТКР). Однако многие командиры иррегулярных формирований фактически продолжали действовать самостоятельно. В стране царила неразбериха, единая власть только складывалась. Существовала выборность офицеров. Генерал Судирман был избран на должность командующего армией путем голосования. Посредством такой же процедуры полковник Насутион стал командиром 3-й дивизии на Западной Яве: его избрали командиры полков [39, 17].

Постепенно различные военные формирования сливались в единую армию, и к началу первой голландской агрессии в

²⁸ Из офицеров ПЕТА вышли такие видные генералы, как Сукирман, Яни, Сухарто.

1947 г. она, переименованная к этому времени в ТНИ («Тен-тара национал Индонесиа» — Национальная армия Индонезии), осуществляла эффективный контроль на территории республики. Экономическая слабость государства привела к тому, что армия существовала на основе самоснабжения. Командиры дивизий и полков сами изыскивали способы обеспечения своих частей всем необходимым. «Хозяйственным способом» строились казармы, самостоятельно решались финансовые, продовольственные, квартирмейстерские проблемы; некоторые командиры, почувствовавшие «вкус» к хозяйственной деятельности, занялись торговлей, создавали своеобразные военно-экономические компании, расхищали государственное имущество, не брезгали контрабандой. Экономическая независимость армии порождала тенденции к автономности вооруженных сил, прививала военным навыки хозяйственной деятельности, с самого начала приучала их к выполнению функций, выходящих за рамки обычных воинских обязанностей.

События 1947—1949 гг. (первая и вторая голландские агрессии, а также Мадунские события) сделали из армии не только самостоятельную экономическую, но и административную силу. Гражданская администрация практически была либо упразднена, либо слита с военной и по существу подчинена ей; особенно это относится к периоду второй голландской агрессии, когда большая часть территории республики была оккупирована голландской армией. Командование ТНИ выполняло функции партизанского правительства. Когда после Мадунских событий на Яве было введено военное положение, все органы государственной власти оказались под контролем военной администрации²⁹.

К этому времени в ТНИ уже сформировалась ведущая группировка, состоявшая преимущественно из бывших средних и младших офицеров ПЕТА и представителей молодого офицерства, пришедшего в армию в ходе борьбы против голландских колонизаторов. «Первое поколение», состоявшее из старших офицеров КНИЛ и ПЕТА, утратило влияние (за исключением генерала Судирмана, бывшего батальонного командира ПЕТА, занимавшего должность главнокомандующего вооруженными силами вплоть до своей смерти в 1950 г.). Соперничество между выходцами из КНИЛ и ПЕТА с течением времени прекратилось.

В то же время возникли напряженные отношения между частью армейской элиты во главе с Судирманом и политическими деятелями, Шариром и Шарифудином, воз-

²⁹ Подробно этот вопрос и другие проблемы, относящиеся к становлению индонезийской армии, освещены в кандидатской диссертации [142].

главлявшими в первые годы после достижения независимости индонезийские правительства. Президент Сукарно еще не был тем всемогущим главой исполнительной и законодательной власти, каким стал впоследствии. Функционировала система парламентской демократии, должность премьер-министра имела большое политическое значение. Значительная часть политических руководителей республики, непосредственно не связанных с капиталистическими интересами, легко прониклась левыми идеями. К этому же времени относится усиление влияния Коммунистической партии Индонезии. Левые силы вообще до Маджунских событий занимали прочные позиции. Однако среди них не было единства. Один из наиболее авторитетных и боевых их лидеров, Тан Малака, находился в непримиримой оппозиции к правительству Шарира, обвиняя его в чрезмерной уступчивости голландскому империализму. Тан Малака, выступавший с экстремистских позиций, был против всяких переговоров с Голландией. Созданная им организация Персатуан Перджунган повела открытую атаку против Шарира и его социалистической партии, а также против системы политических партий вообще. Тан Малака пользовался влиянием в армии, которая и по сей день чтит его память.

Шарир, опасаясь, что Тан Малака совершит переворот, и не будучи уверенным в лояльности офицеров японской выучки, в том числе Судирмана, стал различными способами укреплять свои позиции в ТНИ. В частности, он создал ставшую впоследствии знаменитой дивизию Силиванги — отборное соединение индонезийской армии, а также бригаду мобильной полиции³⁰. Командиром Силиванги был назначен Насутион, выходец из КНИЛ, командные посты заняли офицеры, прошедшие голландскую выучку. Оба отборных соединения фактически были изъяты из-под контроля Судирмана. Летом 1946 г. конфликт между Шариром и Судирманом чуть не вылился в гражданскую войну, но дело кончилось арестом Тан Малаки. Шарира сменил Шарифуддин, но к началу 1948 г. правые силы после серии интриг добились его отставки, и премьером стал Хатта, представлявший интересы правых кругов, ядром которых была крупная торговая буржуазия народности минангкабау. Шарифуддин создал левую организацию под названием «Демократический фронт народа», под влиянием которой к лету 1948 г. находилось около трети вооруженных сил. Маджунские события в сентябре 1948 г. привели к разгрому компартии, гибели Шарифуддина

³⁰ По иронии судьбы министром обороны и одним из инициаторов создания Силиванги был коммунист Шарифуддин, убитый после Маджунских событий, в которых Силиванги, как и впоследствии, играла роль ударной антикоммунистической силы.

и падению влияния левых сил как в армии, так и в стране в целом. Правые надолго захватили власть.

Подводя итоги периоду становления индонезийской армии, можно сказать, что уже тогда проявились некоторые характерные черты, определившие впоследствии ее облик.

Во-первых, обусловленный самими особенностями возникновения ТНИ взгляд на армию как политическую, революционную силу. Офицерский корпус ТНИ с самого начала рассматривал себя не как профессиональную корпорацию, а как силу, призванную завоевать и защитить независимость, а следовательно — революцию. Поскольку в Индонезии, как и во многих других странах Азии и Африки, понятия «национально-освободительная борьба» и «революция» были тождественны, каждый участник этой борьбы, а тем более тот, кто боролся с оружием в руках, считал себя революционером. В индонезийской армии уже с того времени культивируется представление о революционной, политической функции вооруженных сил, об их особом месте в государстве.

Во-вторых, широкие административные полномочия и хозяйственная самостоятельность армии, вызванные условиями военного времени, объективно способствовали превращению армии в более или менее автономный организм, обеспечили ей особое место в системе государственной власти.

Все это, вместе взятое, уже в тот первоначальный период подготовило почву для превращения индонезийской армии в политическую силу.

В 1949—1952 гг. правительства Натсира и Сукимана, которые вслед за Хаттой представляли в основном интересы буржуазных групп (яванской или суматрской), предприняли реорганизацию армии. В этом им помогали полковник Симатупанг, исполнявший обязанности начальника штаба вооруженных сил, и генерал Насутион, ставший начальником штаба сухопутных сил. Реорганизация (вернее, упорядочение) была вызвана несколькими причинами. Война кончилась, гражданские политики хотели сделать из армии «нормальный» инструмент в руках государства. Реакционные буржуазные политики, стоявшие у власти, стремились укрепить систему, которую позже в Индонезии стали называть «либеральной демократией». В этой системе буржуазного парламентаризма для армии как политической силы места не было.

Но важнейшей причиной реорганизации было намерение буржуазно-консервативных кругов во главе с Хаттой избавиться от левых офицеров, которых было много в армии, возникшей как орудие освободительной революции и поэтому, естественно, привлекавшей к себе демократические элементы.

Реорганизация явилась первой крупной чисткой левых в ТНИ.

Военные лидеры использовали реорганизацию в своих интересах. Им надо было окончательно покончить с остатками партизанщины в армии, местничества, тенденций к усилению власти полуавтономных региональных военных командиров и создать централизованную и дисциплинированную армию, своевременные профессиональные вооруженные силы, сократить их численность, но улучшить качество. При этом, как подчеркивает автор одной из наиболее серьезных работ по новейшей истории Индонезии Герберт Фит, военные лидеры отнюдь не собирались «деполитизировать» армию, а напротив, хотели сделать ее более эффективным и надежным инструментом давления, которое им пришлось бы в случае необходимости оказывать на гражданскую власть [155, 208—209].

Но в офицерском корпусе ТНИ не было единства, и в то время его и не могло быть: армия сложилась недавно и слишком разнородны были источники ее формирования. В октябре 1952 г. открыто разразился давно назревавший конфликт между Сукарно (которого поддерживал парламент) и наиболее динамичной частью военного руководства во главе с Насутионом. В этом конфликте, кульминационным пунктом которого явились драматические события 17 октября, когда президент подвергся давлению взбунтовавшейся толпы и военных, требовавших роспуска парламента, офицерство оказалось расколотым. Сукарно магической силой своего красноречия утихомирил толпу, а затем отверг требования «антипарламентской» группировки офицеров. Насутион проиграл этот раунд и менее чем через два месяца был уволен со своего поста; отсутствие единства среди офицеров было продемонстрировано вполне ясно. Армии было еще не под силу противостоять президенту.

Наступил период временного ослабления политического влияния армии. Расколотое событиями 17 октября 1952 г. офицерство не могло оказывать прежнего воздействия на политическую жизнь. Это сказалось на административном статусе офицеров. «Так, полковой командир, который раньше занимал второе место в провинциальной иерархии (только у главы местной администрации был автомобиль более современной модели), теперь мог оказаться на пятом месте, пропустив вперед себя того или другого высшего гражданского чиновника или же — как почти всегда и было — влиятельных местных партийных лидеров» [155, 208—209]. Военные жаловались, что правительство отпускает недостаточно средств на нужды армии.

Осознав, что интересы армии как корпорации могут быть обеспечены восстановлением единства, офицеры решили по-

кончить с расколом, ослабившим их влияние. В феврале 1955 г. в Джокьякарте состоялась встреча 289 высших офицеров разных группировок. Офицеры отправились на могилы генералов Судирмана и Урипа — военных лидеров времен освободительной борьбы, и провозгласили декларацию, в которой говорилось: «Мы еще не можем принести вам воплощение вашей мечты о свободной, процветающей, мирной Индонезии. Но мы обещаем идти путем, проложенным величием ваших душ, вашим великим самопожертвованием, и заботливо оберегать ваше наследие» [181, 209—210]. На торжественной церемонии была принята «Хартия единства», или «Хартия Джокьякарты», символизировавшая сплоченность офицерского корпуса и выражавшая его твердое намерение пресекать вмешательство гражданских властей во внутренние дела военных.

Случай проверить истинную ценность этого намерения вскоре представился. В мае 1955 г. в кабинет, возглавлявшийся Али Састроамиджой, назначили начальником штаба ТНИ вместо ушедшего в отставку генерала Сугенга полковника Утойо — фигуру, которую высшие офицеры сочли неприемлемой. 27 июня 1955 г., в день, когда Утойо должен был официально вступить в должность, офицеры по приказу исполнявшего обязанности начальника штаба генерала Лубиса бойкотировали церемонию. Лубис направил правительству письмо, в котором заявил о своем отказе сдать дела полковнику Утойо. При этом Лубис отметил, что его поддерживают все командующие на местах.

Это был беспрецедентный вызов правительству со стороны военных, вопиющее нарушение законности и порядка в государстве. Все теперь зависело от солидарности офицеров. Командующие территориальными войсками собрались 2 июля в Джакарте и поддержали Лубиса, а на следующий день собрание Ассоциации индонезийских офицеров потребовало отмены назначения Утойо. 24 июля кабинет Састроамиджой пал. 27 октября Насутион был назначен начальником штаба [181, 210—211].

По оценке Покера, «27 июня 1955 г. можно рассматривать как черту, отделяющую период, когда армия в основном лишь сопротивлялась вмешательству политиков в ее внутренние дела, от периода, когда она начала играть активную роль в политике» [181, 211]. Впервые заставив правительство отступить в открытом конфликте, армия почувствовала свою силу и отстаивала право самой определять состав своего руководства, это подрывало основные принципы нормальных взаимоотношений между ней и государственной властью. Стоило их однажды безнаказанно нарушить — и прежний (хотя и более слабый, чем в других странах) контроль правительст-

ва над армией был по существу утерян. Армия не только восстановила свои позиции, значительно ослабевшие после 17 октября 1952 г., но и превратилась в мощное орудие давления на правительство.

Армия «добилась беспрецедентного политического триумфа... Идти ли ей дальше и, опираясь на завоеванный плацдарм, начать крупное вторжение в сферу гражданской политики? Некоторые высшие офицеры, очевидно, уже рассматривали возможность установления военной диктатуры, но большинство воспротивились взятию власти в момент, когда должны были состояться выборы» [155, 414]. Всеобщие выборы были назначены на сентябрь 1955 г.

Чем были недовольны офицеры и в чем они усматривали возможность установления военной власти? Фит и Покер считают, что прежде всего негодование армии вызвал резкий рост коррупции, связанный как с разложением государственного аппарата и верхушки политических партий, так и с ухудшившимся экономическим положением, бешеной инфляцией, ростом стоимости жизни. Действительно, буржуазные правительства способствовали созданию атмосферы, в которой коррупция достигла небывалого расцвета. По мере роста инфляции, падения реальной заработной платы, неуклонного ухудшения экономического положения страны росла коррупция непрерывно увеличивавшейся армии чиновников. Бывший премьер-министр Халим писал в открытом письме президенту, что государственным служащим месячной заработной платы хватает лишь на две недели, максимум на 20 дней [155, 406—407]. Падал авторитет правительства; бесконечная грызня буржуазных партий дискредитировала политическую систему. Единственной партией, престиж которой на этом неприглядном фоне непрерывно рос, была коммунистическая партия: если в 1952 г. она насчитывала в своих рядах около 8 тыс. человек, то к концу 1954 г. число членов партии достигло 500 тысяч [155, 407]. Это обстоятельство также беспокоило значительную часть офицеров, видевших, как компартия превращается в грозную силу, и опасавшихся, что рано или поздно коммунисты смогут, используя провал буржуазных партий, добиться доминирующего положения в стране.

Весной 1956 г. было образовано левое правительство во главе с Али Састроамиджой. Никакого улучшения тяжелой экономической ситуации не последовало, но в действиях правительства значительно сильнее, чем прежде, зазвучали антиимпериалистические ноты. Были созданы благоприятные условия для деятельности левых сил, активизировались народные массы. В этой обстановке праворадикальное крыло офицерства встало в открытую оппозицию к правительству,

видя в нем не только олицетворение бесхозяйственности, коррупции и бесплодных партийных распрей, но также и опасного потворщика коммунистам и близким к ним силам. Возглавлял его генерал Лубис, которого американский ученый, специалист по проблемам Индонезии Ван дер Круф охарактеризовал следующим образом: «Фанатический антикоммунист, состоящий в родстве с аристократическими индонезийскими семьями, полковник Лубис представляет патерналистско-авторитарное течение...» [95, 29.V.1958, 685].

15 ноября 1956 г. Лубис неудачно пытался совершить государственный переворот. Большая часть офицерства не поддержала его не только потому, что он не пользовался достаточным авторитетом, чтобы претендовать на роль военного диктатора, но главным образом потому, что сама идея переворота, свержения гражданского правительства и установления военной диктатуры в то время не нашла отклика среди индонезийских военных.

Выяснить причины этого не так-то просто. Так, Г. Покер считает, что индонезийские офицеры даже в относительно благоприятной для переворота объективной ситуации отказались идти на этот шаг, во-первых, потому что хронические внутренние разногласия подорвали их уверенность в себе, и, во-вторых, потому что в них силен «бапакизм» (от слова «бапак» — отец), т. е. традиционное индонезийское почитание старших. Нежелание офицеров выступить против Сукарно Покер частично объясняет тем, что для них было бы «позором выступить против отца, являвшегося символом государства» [181, 217—219].

Отсутствие единства среди офицерства в рассматриваемый период, равно как и личное соперничество между Насутионом, Лубисом и другими, — факт бесспорный, но он может служить лишь частичным объяснением, так же как и «бапакизм» (который не помешал офицерам выступить против Сукарно в 1966—1967 гг.). Думается, что «непутчистский» характер индонезийского офицерства связан по крайней мере еще с двумя факторами.

Армия, родившаяся вместе с республикой, не могла относиться к государственной власти (которую она если и не создала, то отстояла) как к чему-то чуждому. Ситуация была иной, чем в Египте, Ираке или Сирии, где армия выступала против старой элиты, связанной с империализмом. С самого начала армия рассматривала себя как политическую и государственную силу, как часть сложившейся системы, в рамках которой она могла укреплять свое влияние и добиваться привилегий, не прибегая к перевороту. Эта система, в общем, устраивала армию, и она опрокинула ее лишь тогда, когда осознала, что эволюция системы угрожает ее интересам.

Насутион, влияние которого в армии непрерывно росло, понимал, что в условиях конца 50-х годов переворот создал бы больше новых проблем, чем разрешил старых. Индонезийское офицерство действительно отличалось «неуверенностью», как пишет Покер, но это была лишь неуверенность оттого, что оно не знало, улучшит ли переворот его положение. Эта неуверенность проистекала из убеждений, что в рамках существовавшей системы армия сумеет добиться всего без военной диктатуры.

Бирманская армия родилась в ходе освободительной борьбы и также столкнулась с несостоятельностью гражданского режима, но она поступила иначе, чем индонезийская. Это можно объяснить тем, что во главе бирманской армии стоял профессиональный революционер, а также тем, что в Бирме не было такого «харизматического лидера», как Сукарно. Ведь, несмотря на то что Сукарно серьезно скомпрометировал себя во время событий 30 сентября 1965 г., армии понадобилось полтора года, чтобы убрать его; это говорит о масштабе влияния президента. В середине 50-х годов подобная попытка имела бы мало шансов на успех. Насутион, возглавлявший тогда «умеренную фракцию», бесспорно, это понимал.

Но экстремистская фракция, пошедшая за Лубисом, рассуждала иначе. Она тоже, как и фракция Насутиона, была против коммунистов и против системы парламентской «либеральной демократии», но не рассчитывала на мирную эволюцию режима вправо. В этом смысле различие между обеими фракциями было скорее тактическим, принципиальных разногласий не было, и не случайно после подавления мятежей на островах борьба закончилась примирением.

Был, однако, еще один немаловажный фактор: экстремисты в ходе борьбы против Сукарно все теснее связывались с правобуржуазной группировкой, представленной в первую очередь Хаттой и партией Машуми. Последние к этому времени уже окончательно отошли от Сукарно.

Поскольку основной опорой правых была крупная торговая буржуазия народности минангкабау на Суматре, вполне естественно, что новая военно-гражданская коалиция сделала своей территориальной базой Суматру и другие Внешние острова, используя всегда существовавшие там центробежные тенденции, сепаратизм и недовольство «яванским централизмом» (сам Лубис, кстати, был уроженцем Суматры). В конце декабря 1956 г. в Центральной и Северной Суматре были созданы сепаратистские органы власти — «советы» во главе с полковниками Хусейном и Симболоном. Через три месяца полковник Барлиан создал «совет» в Южной Суматре, произошел переворот в Северном Сулавеси. Наконец,

в феврале 1958 г. в Паданге было провозглашено ПРРИ («Революционное правительство Республики Индонезии»). Гражданская война продолжалась до осени 1961 г. Был период, когда $\frac{1}{6}$ территории республики была в руках мятежников.

В августе 1961 г. основные силы мятежников капитулировали. Но капитуляция скорее походила на окончание семейной ссоры: мятежные офицеры просто «вернулись в объятия республики». Было обещано, что часть их будет возвращена в армию, а остальные будут демобилизованы с полным восстановлением гражданских прав. Обе стороны подчеркнули, что речь идет не о капитуляции, а о возвращении «в лоно матери-родины», и Насутион, возглавлявший операции по разгрому мятежа, лично поблагодарил мятежников за то, что они дали ему возможность вновь увидеть вместе всех индонезийских офицеров. Насутион заявил, что он не чувствует себя победителем, а лишь благодарит бога, что состоялось «возвращение братьев» [175, 79]. И в самом деле, офицеры, воевавшие как на той, так и на другой стороне, принадлежали к одной корпорации (кроме относительно немногочисленного левого крыла), временно разделенной на две части методами и тактикой.

В историю послевоенной Индонезии сепаратистские мятежи вошли как попытка «классической» буржуазии не допустить оттеснения ее от власти бюрократической буржуазией. В данном случае под «классической» буржуазией мы понимаем не промышленную буржуазию, которая была чрезвычайно слаба, а крупную торговую буржуазию, в первую очередь купечество Суматры — самый крупный отряд индонезийской торговой буржуазии.

Как показывает история Азии после второй мировой войны, буржуазия в «классическом» смысле слова (в отличие от буржуазии бюрократической), как правило, предпочитает парламентскую «либеральную» систему, соответствующую ее экономическим и политическим интересам. Бюрократическая буржуазия, напротив, тяготеет к авторитарным режимам. Пример Индонезии подтверждает это. Правительство Хатта, Натсира, Сукимана и других выражали прежде всего интересы консолидировавшейся индонезийской буржуазии, ядром которой было купечество народности минангкабау, но которая быстро росла и на Яве, укрепляясь также в сфере промышленности. Но, как и в большинстве других стран Азии и Африки, интересы экономического развития Индонезии не могли быть обеспечены на пути, соответствовавшем интересам буржуазии. Экономический подъем не был достигнут, что породило у населения разочарование в режиме, усилило тягу к государственному руководству эко-

номикой («дирижизму»). С другой стороны, интересы консолидации индонезийской нации в специфических условиях страны, разбросанной на тысячах островов, требовали сильной централизованной власти, что в конкретных условиях Индонезии вряд ли было совместимо с либеральной парламентской системой. Концепция «направляемой демократии» родилась вполне закономерно и в принципе была шагом в правильном направлении, поскольку означала отстранение от власти обанкротившейся буржуазии, которая к тому же выступала исходя из своих интересов, против национализации иностранных предприятий и за сотрудничество с иностранным капиталом. Поражение этой соглашательской реакционной прослойки было явлением прогрессивным, но беда заключалась в том, что пришедшая ей на смену бюрократическая буржуазия (объективным выразителем интересов которой стал Сукарно) при всем своем антиимпериализме развалила экономику в гораздо большем масштабе, чем это было раньше, и не смогла обеспечить политическое единство общества.

При таком понимании проблемы было бы неправильно считать, что сепаратистские мятежи — это борьба двух групп буржуазии (реакционной, соглашательской — против левого крыла национальной буржуазии), а режим «направляемой демократии» — власть национальной буржуазии. Под национальной буржуазией, как таковой, обычно понималась средняя промышленная буржуазия. Однако неверно утверждать, что при режиме «направляемой демократии» власть находилась в руках средней промышленной буржуазии. Напротив, все говорит о том, что в системе Сукарно владельцы средних и мелких промышленных предприятий не только не играли доминирующей роли, а были второстепенной, неуверенной в своих перспективах прослойкой, предпочитавшей не проявлять инициативы в сфере предпринимательства, а обогащаться за счет государственного сектора, т. е. сливаться с бюрократической буржуазией, которая действительно являлась привилегированным классом. Но в таком случае понятие «национальная» к ней вовсе не подходит; скорее ее можно назвать антинациональной.

Разгром сепаратистских мятежей и установление системы «направляемой демократии» подрезали крылья классу частных предпринимателей, резко ослабили его политические позиции. Усилилась роль бюрократии, в том числе военно-бюрократической корпорации, в какую постепенно превращалась армия.

Поэтому правильна точка зрения Р. Севортына, который пишет: «Она (правляющая группировка. — Г. М.) была представлена беспартийными высокопоставленными чиновниками,

в прошлом радикальными мелкобуржуазными националистами, партийными руководителями, фактически оторвавшимися от своих организаций, но контролирующими их.

Несмотря на подчас противоречивые интересы и разношерстный состав, именно вышеназванная группировка, оказавшись у государственного кормила, постепенно превратилась в правящую силу. Ее социальной опорой стал непомерно разбухший за годы революции слой бюрократии в государственных органах, в составе которой можно обнаружить представителей всех классов и общественных групп: от крестьянского ультралевого революционера или военнослужащего, бывшего участника освободительной борьбы, до колониального чиновника.

По мере вращивания военных в государственный аппарат прослойка высшего офицерства также становилась частью правящей группировки» [142, 268].

В этих формулировках суть происходившего в стране процесса — складывания правящей элиты, буржуазно-бюрократической по своему характеру, различного социального происхождения. Чиновники, партийные и профсоюзные деятели, лидеры крестьянских и других массовых организаций, офицеры, частные предприниматели — все они, теряя классовые корни, выделяясь из породившей их среды, как бы переплавлялись в новой системе, вбиравшей их в себя. Вот этот новый сплав (а отнюдь не «левое крыло национальной буржуазии») и составил правящую элиту, весь костяк сукарновской системы.

Эта система получила свое окончательное оформление в 1957—1959 гг. 10 ноября 1956 г. Сукарно выступил перед Учредительным собранием с идеей «направляемой демократии». В феврале 1957 г. она официально была провозглашена основой политической жизни республики. 5 июля 1959 г. декретом Сукарно было распущено Учредительное собрание, отменена временная конституция и восстановлена конституция 1945 г., согласно которой должности президента, премьер-министра и верховного главнокомандующего вооруженными силами были объединены в одном лице.

Инициатором реформ был Сукарно, неизмеримо укрепивший тем самым свою власть. Однако большую роль играл и Насутион. Концепция сильной централизованной власти, монолитного национального единства не могла не импонировать офицерству, все более недовольному безответственностью и распрями партийных лидеров. К тому же эта концепция подводила теоретическую и юридическую базу под целый комплекс мероприятий, осуществление которых в тот период диктовалось как необходимостью борьбы с непрерывно разгоравшимся пламенем сепаратистских мятежей, так и обо-

стрением отношений с Голландией. На повестке дня действительно стоял вопрос о чрезвычайном положении, и сильная президентская власть, опирающаяся на систему, в которой решающая роль принадлежала бы армии, отвечала интересам офицерства.

Американский автор Даниэль Лев считает даже, что инициатором этих реформ был Насутион. По его утверждению, Сукарно был готов довольствоваться реформами в государственной, парламентской и партийной системах, не прибегая к их решительной перестройке, однако «партии не были согласны даже на частичные изменения, и тогда Национальный совет принял предложение Насутиона о кардинальных преобразованиях в сфере политического устройства» [115, 1963—1964, № 4, 355]. Очевидно, Д. Лев преувеличивает роль Насутиона в тот период; все же главным лицом, заинтересованным в переменах, был сам президент. Однако нет сомнения, что практически роль Насутиона в проведении конкретных мер была велика. Как глава центральной военной администрации по осуществлению законов чрезвычайного положения в отсутствие президента, находившегося за границей, Насутион в 1959 г. приостановил деятельность всех политических организаций в стране. Это было сделано после того, как Учредительное собрание отказалось одобрить возврат к конституции 1945 г.

Два важных события в тот период существенно усилили роль армии: введение чрезвычайного положения (март 1957 г.) и передача под контроль армии голландских предприятий (декабрь 1957 г.).

Согласно указу президента от 14 марта 1957 г. о введении чрезвычайного военного положения, вопросы внутренней безопасности переходили в ведение командиров местных гарнизонов сухопутных сил. В состав военной администрации входили и гражданские чиновники, но решающий голос оставался за армейским военачальником; он имел право брать под контроль недвижимую собственность, мобилизовывать чиновников и технических специалистов на службу в вооруженные силы, производить аресты, запрещать выпуск печатных изданий и т. д. [142, 259]. Во главе всей этой мощной машины стоял главный военный администратор генерал Насутион. При его содействии летом 1957 г. в стране стали создаваться «комитеты сотрудничества» армии с профсоюзными, крестьянскими, религиозными и другими массовыми организациями, обилие которых столь характерно для общественной жизни Индонезии. Фактически это были органы контроля военной администрации над общественными организациями [142, 259]. В 1958 г. Насутион был назначен главой Национального фронта освобождения Западного Ириана,

который объединил все «комитеты сотрудничества». По сути дела все политические и общественные организации страны оказались под контролем фронта. Таким образом, борьба с сепаратистскими мятежами и голландскими колонизаторами, удерживавшими Западный Ириан, как бы отбросила республику на десять лет назад, к периоду освободительных войн против Голландии, когда власть на местах принадлежала армии. Но на этот раз роль армии была более значительной, так как она получила контроль над деятельностью политических организаций как на местах, так и в центре.

13 декабря 1957 г. Насутион от имени правительства объявил о взятии под контроль военной администрации всех голландских предприятий в стране. Постепенная передача предприятий в ведение министерств началась в августе 1958 г., но и после этого контроль над экономикой в значительной мере оставался в руках военных. Управление голландскими предприятиями способствовало приобщению военных к народному хозяйству, прививало им навыки руководства экономикой, а также открывало новые возможности личного обогащения.

Кампания за освобождение Западного Ириана, будучи как бы внешнеполитической стороной новой, «сильной» националистической линии, воплощенной в «направляемой демократии», дала армии огромные преимущества. Чрезвычайное положение, вытекавшее из необходимости бороться на два фронта — против голландского империализма и мятежников-сепаратистов, — оправдывало усиление роли армии, создавало атмосферу постоянной мобилизации и напряженности. Кульминационным моментом этой кампании было провозглашение президентом 19 декабря 1961 г. так называемого Трикора («Три приказа народа»): водрузить национальный флаг над всем Западным Ирианом, разгромить созданное голландцами марионеточное «папуасское государство» и осуществить всеобщую мобилизацию. Насутион был назначен заместителем главнокомандующего силами освобождения Западного Ириана (т. е. президента) и возглавил подготовку к вторжению на Западный Ириан.

К этому времени мятежи в основном были подавлены, единство армии восстановлено, наиболее экстремистски настроенные офицеры (Лубис, Симболон, Хусейн) устранены с политической арены, позиции Насутиона еще более укрепились. Военные действия против мятежников укрепили дисциплину армии, повысили уровень ее технической подготовки, вынудили правительство выделить средства, необходимые для снабжения армии новым вооружением. В декабре 1960 г. Насутион отправился в Москву, где заключил соглашение о поставках оружия для индонезийских вооруженных сил.

Под председательством Насутиона стали регулярно проводиться конференции командующих территориальными соединениями. На конференциях обсуждались не только военные, но и политические, экономические и социальные проблемы [181, 226]. В 1960 г. под руководством Насутиона был создан Постоянный комитет в вооруженных силах. Комитет состоял из офицеров, занимавших гражданские должности; в него входили послы, министры, губернатор и мэр Джакарты, высшие чиновники и т. д. Были образованы также рабочие комитеты и подкомитеты, состоявшие из военных, работавших на гражданских должностях. Подкомитеты повседневно изучали политические проблемы (внешние и внутренние), финансовые, экономические, социальные и культурные [40, 23]. Таким образом, для координации своей деятельности военные создали специальные органы во всех сферах жизни. Армия стала напоминать «государство в государстве».

Для характеристики роли армии в гражданской жизни отметим, что еще 31 мая 1957 г. Насутион как главный военный администратор издал постановление, по которому государственные чиновники обязывались отчитываться перед центральными властями в своем имущественном и финансовом положении [96, 1957, August, 120].

В кабинете Джуанды, сформированном в апреле 1957 г., армия имела только два места, а в новом кабинете (тоже под председательством Джуанды), сформированном в июле 1959 г., сухопутная армия имела уже 8 мест, а всего вооруженные силы — 12 мест (до 1957 г. представители армии вообще не входили в кабинет). Таким образом, в правительстве, сформированном после провозглашения системы «направляемой демократии», военные получили четвертую часть всех постов [115, 1963—1964, № 4, 356; 181, 214].

К началу 60-х годов индонезийская армия превратилась в серьезную политическую силу. Ее фактический руководитель и идеолог генерал Насутион стал вторым человеком в государстве.

Генерал Насутион и его взгляды на роль армии

Абдул Харис Насутион родился в Котанопане (Северная Суматра) 3 декабря 1918 г. По национальности он батак, по религии — мусульманин. Окончив среднюю школу и учительские курсы, он работал учителем на Южной Суматре в 1939—1940 гг., после чего поступил в военную академию КНИЛ. Закончив ее в 1942 г., Насутион поступил на работу в муниципалитет Бандунга, затем служил заместителем командира батальона «Бандунгских пионеров» — одного из подразделений, сформированных в период японской оккупации.

В это время он начал заниматься политической деятельностью, вступил в организацию «Молодое поколение Бандунга» и вскоре стал лидером «Бандунгского молодежного фронта». После провозглашения республики Насутион, один из немногих людей, имевших два преимущества — профессиональную военную подготовку, полученную в голландской военной академии, и репутацию активиста-националиста, быстро занял командный пост в создававшейся национальной армии. В должности полковника он командовал 3-й дивизией на Западной Яве, а в 1946 г. был произведен в генерал-майоры и назначен командиром только что созданной отборной дивизии Силиванги.

В период первой голландской агрессии Насутион успешно руководил партизанскими действиями на Западной Яве и после окончания войны в 1948 г. был назначен заместителем главнокомандующего вооруженными силами республики (ему было тогда 30 лет). В период второй голландской агрессии Насутион был главнокомандующим всеми вооруженными силами на Яве. В 1950 г. он стал начальником штаба сухопутных сил.

После событий 17 октября 1952 г. Насутион был уволен в отставку и лишь в 1955 г. возвращен на прежний пост. Затем он занимал посты главного военного администратора, начальника штаба вооруженных сил и министра обороны (последний пост с 1959 г.; в 1957 г. был произведен в генерал-лейтенанты, в 1960 г. — в генералы). В 1962 г. Насутион стал начальником штаба вооруженных сил, одновременно будучи членом правительства как заместитель министра обороны и безопасности. После упразднения этой должности Насутион в 1964 г. стал министром-координатором национальной обороны и безопасности [40, 153—157].

Таким образом, на протяжении последних 20 лет Насутион почти без перерыва занимал высшие посты в вооруженных силах, а в течение 10 лет (1955—1965) фактически руководил всеми вооруженными силами республики. В глазах общественного мнения страны и за рубежом Насутион был «военным № 1» Индонезии.

Им написан ряд работ, в которых излагаются взгляды на роль и миссию индонезийской армии. Поскольку Насутион всегда был душой и мозгом индонезийского офицерства, его идеологом, создателем концепции политической роли армии, изложение его взглядов представляется необходимым.

Прежде всего следует указать, что краеугольным камнем концепции Насутиона является тезис о двух функциях армии: военной и политической. «Военные — это не только аппарат государства, но и функциональная группа» [40, 22]. Теорию функциональных групп выдвинул Сукарно одновременно с

введением принципа «направляемой демократии». Суть ее в том, что в Индонезии может быть лишь одна идеология — «панча-сила»; следовательно, нет базы для разделения общества по идеологическому признаку. Общество делится по признаку функций. Существуют четыре функциональные группы: а) группа «материального развития» — рабочие, крестьяне, предприниматели, государственные служащие, члены кооперативов; б) религиозная группа; в) вооруженные силы; г) группа «духовного развития» — молодежь, женщины, интеллигенция, учителя, люди науки и искусства, журналисты и т. д. Партии еще могут существовать, но при условии признания «панча-сила» и вхождения в Национальный фронт; в дальнейшем же всякое разделение народа по политическому признаку должно исчезнуть [40, 104].

Эта концепция, предлагающая в качестве суррогата теории классовой борьбы некий специфически-индонезийский вариант корпоративизма, утверждающий гармонию и сотрудничество классов, объединенных национальным идеалом, предоставляет армии видное место. Однако из этой концепции еще не видно, какова же именно функция вооруженных сил; при желании можно определить ее как оборону государства и охрану его безопасности. Насутион, однако, решительно отвергает подобное толкование роли армии в качестве функциональной группы. Для него традиционная военная функция вооруженных сил — это нечто само собой разумеющееся, — профессия, а как функциональная группа вооруженные силы действуют в политической и социальной сфере. «Еще находятся многие юристы, политики и офицеры, которые считают, что военные — это лишь технический инструмент. Это либеральное представление должно быть переделано» [40, 109—110]. Что же имеет в виду Насутион, когда утверждает, что обязанности армии как функциональной группы выходят за рамки ее обычных, т. е. военных, обязанностей? На этот счет он не оставляет сомнений: «В качестве функциональной группы ее (армии) задачи включают в себя политические, экономические, социальные и культурные проблемы» [40, 112]. Это на редкость широкая постановка вопроса о функциях армии. По мнению Насутиона, ни одна важная сфера общественной и государственной жизни не должна остаться вне поля зрения армии; ее интересы проникают всюду.

Теорию функциональных групп выдвинул Сукарно, но наибольшие выгоды от нее получил Насутион, теоретически обосновав ею проникновение армии во все сферы общественной жизни. Он понимал, что чрезвычайное положение — дело временное, а сохранить значение и привилегии армии после того, как схлынет военная лихорадка, будет не так просто. Поэтому надо заранее подвести теоретическую базу под

особую позицию армии и зафиксировать ее в официальной доктрине. Довольно расплывчатый термин «функциональная группа» Насутион истолковал так, как считал выгодным для армии. Армия — аппарат государства, его орудие, она выполняет военные задачи, как функциональная группа — гражданские.

Таков первый принцип доктрины Насутиона.

Второй утверждает особый характер индонезийской армии как армии «идеологической», а не профессиональной. По его словам, индонезийские вооруженные силы — это «не профессиональные солдаты, как при западной системе, а солдаты народа... не только военная, но и политико-идеологическая сила» [40, 91—92]. Отличительная черта членов ТНИ — та, что «они ставят на первый план свои задачи в качестве бойцов революции, а не в качестве солдат» [40, 105]. «Армия — это не особая каста или военная хунта, а народная армия, армия борцов... Армия, которая не пользуется поддержкой и доверием народа, — это рыба без воды» [40, 147].

К этой теме Насутион в своих выступлениях обращается неоднократно. Он подчеркивает: «Вооруженные силы не просто аппарат национальной безопасности, но и функциональные работники революции...» [40, 147]. «Мы не обычные, профессиональные солдаты, — мы борцы революции» [39, 78].

Этот лексикон, как легко заметить, схож с тем, которым пользуются руководители сирийской и бирманской армий: и здесь и там усиленное подчеркивание идеологического революционного характера армии.

Насутион подчеркивает, что в рамках системы «либеральной демократии» вооруженные силы были лишь «мертвым орудием государства. Они не были политическим орудием, но в них нуждались политические партии. При направляемой демократии — ТНИ политическое орудие...» [40, 109]. Но этого еще недостаточно. Можно быть орудием революции, но действовать только в военной сфере, выполняя волю революции на попроще вооруженной борьбы. Насутион настойчиво оттеняет не столько военную (это само собой разумеется, когда речь идет об армии), сколько политическую функцию вооруженных сил. «Вооруженные силы, — говорит он, — должны стать мощной политико-идеологической силой» [40, 91]. «ТНИ является частью социальных сил...» [40, 94]. «Вооруженные силы как аппарат безопасности — это физическая сила, гарантирующая суверенитет государства, а как политико-идеологическая организация — это социальная сила, выполняющая стабилизирующую роль» [40, 148]. «Индонезийские вооруженные силы — это не только военная сила, но также и политико-идеологическая сила, рожденная революцией и для революции» [39, 75].

Давая обобщенную характеристику индонезийской армии, Насутион говорит: «ТНИ — национальная, народная, революционная армия и армия-борец» [40, 107]. Этот перечень подчеркивает политическую миссию армии.

Третий принцип доктрины Насутиона: армия не просто политическая и социальная сила — она сила ведущая.

В одной из речей Насутион заявил, что ТНИ — это «орудие революции, которое играет ведущую роль в обеспечении авторитета государства» [40, 94]. Слова «главная», «ведущая» применительно к политической и социальной роли армии Насутион употребляет не раз. «Вооруженные силы с момента провозглашения независимости в 1945 г. были одной из главных социальных сил революции» [40, 147]. «...Наши вооруженные силы играют ведущую роль в революции» [39, 11]. Однако никогда эти эпитеты не употреблялись иначе, как рядом со словами «революция» или «революционная роль». Насутион понимает, что нельзя просто назвать армию ведущей силой общества или главной силой нации: ему надо подчеркнуть ее авангардную роль как защитницы революции, борца за революцию.

Насутион всячески подчеркивает приоритет политического воспитания, революционного духа над чисто военным обучением. Главное требование, предъявляемое к солдатам, — быть сторонниками «панча-силы, Манипола (Политический манифест Сукарно.— Г. М.), индонезийского социализма... Функциональные требования (военные знания, техническая подготовка и т. д.) являются вторичными» [40, 147]. По его мнению, именно превосходство в уровне политической сознательности и революционности по сравнению с другими «функциональными группами» позволяет армии претендовать на роль ведущей силы. Эта роль должна основываться на готовности армии успешно действовать во всех невоенных сферах. «Члены ТНИ готовы выполнить любое задание, если этого потребует революция...» [140, 110]. «В соответствии с нашей доктриной мы должны принимать активное участие во всех государственных и местных делах» [39, 78]. «ТНИ признает, что ее задача — вести народ к достижению цели революции» [40, 110].

Более того, по мысли Насутиона, армия не только должна вмешиваться во все области государственной и общественной жизни, не только «вести народ» — она также имеет право определять, что полезно, а что вредно для революции. «Народ дал ТНИ полномочия контролировать каждого и не допускать, чтобы он отклонился от пути революции» [40, 107].

В какую же сторону могут «отклоняться» люди с этого пути? Наиболее резкой критике он подвергает правых, в точности повторяя нападки Сукарно на «либеральную демо-

кратию». Насутион заявляет: «Либеральная демократия, продемонстрировавшая свой упадок в Западной Европе, была импортирована в Индонезию и внедрялась через каналы западного образования и культуры, но потерпела крах, так как она не подходит к характеру индонезийского народа и противоречит ему... Либеральная демократия привела к классовым конфликтам, которых индонезийский народ прежде не знал. Ему нужен всего лишь один класс, единый класс индонезийского народа, который борется за достижение цели революции и руководствуется своей идеологией (панчасила)» [40, 101].

Западную буржуазную демократию Насутион называет «формальной демократией», «системой эксплуатации человека человеком» [40, 103]. Особенно яростно он обрушивается на многопартийную систему: «Каждая политическая партия стремилась стать „группой давления“, имеющей собственную силу. Их деятельность, с их различными „измами“, разделила индонезийский народ на различные группы, враждебные друг другу, думавшие лишь о своих собственных программах... Национальные интересы были отброшены в сторону... Кабинет мог пасть в любое время. Никогда не было устойчивого правительства. Ни у одного правительства не было достаточно времени, чтобы выполнить свою программу, так как политические партии могли свалить его в любой момент» [39, 72].

Эти высказывания характерны не только для Насутиона и индонезийского офицерства, но и для многих военных азиатских и африканских стран. Наивные и убогие, они демонстрируют полное непонимание их авторами законов общественного развития, но вместе с тем содержат в себе «рациональное зерно». Буржуазная демократия западного образца действительно не привилась на азиатской и африканской почве, буржуазные партии в самом деле погрязли в беспринципных распрях и беззастенчивой коррупции, в борьбе за теплые местечки. Это зрелище не по душе многим молодым офицерам с их прямым, несколько упрощенным и суровым подходом к вещам, с привитой им склонностью к порядку и дисциплине, с их пониманием всей глубины отсталости их отечества, ликвидация которой требует мобилизации всех ресурсов и усилий, что достижимо лишь при наличии сильной центральной власти. Отсюда — отрицательное отношение военных к прогнившей псевдодемократии, а следовательно, и к буржуазным политикам.

Но и антикоммунизм военных частично проистекает из того же источника. Коммунистическую партию они тоже рассматривают как часть «чужой» системы, как фактор раскола нации и подчинения ее внешним силам. В интервью с одним американским журналистом (У. Фридбергом) 17 апреля

1964 г. Насутион, отвечая на вопрос о коммунистическом влиянии в армии, сказал: «Индонезийские вооруженные силы, являющиеся частью народа, не изолированы от политических тенденций, существующих в обществе. Однако доктрина вооруженных сил с 1945 г. состоит в том, чтобы: а) безоговорочно поддерживать и защищать идеологию и политику государства и б) верить в свои силы и никогда не сдаваться» [39, 78].

Сдержанность, с которой Насутион определил свое отношение к КПИ, объясняется тем, что руководство партии по существу вросло в систему «направляемой демократии» и пользовалось поддержкой Сукарно. Тем не менее отчетливый антикоммунистический подтекст всегда сквозил в высказываниях Насутиона и других военных лидеров. Следует уточнить, что в африканских и азиатских странах антикоммунизм, присущий части офицерства, скорее был направлен против местных коммунистов, чем против «международного коммунизма» и социалистических стран.

Более подробно вопрос об антикоммунизме военных будет рассмотрен в заключительном разделе работы. Кроме того, источник антикоммунизма военных связан также с конкретной политической борьбой.

Даже те офицеры, которые по своему общему уровню могли подняться выше распространенных антикоммунистических предубеждений, были частью военной корпорации, ставшей серьезной политической силой. Эта корпорация заняла основные позиции в различных сферах государственной и общественной жизни. Вряд ли в тот период армия стремилась к тому, чтобы взять в свои руки управление государством и установить военную диктатуру, но она могла терпеть лишь такую систему, которая сохраняла за ней ведущее положение и обеспечивала ей привилегии. Для большинства офицеров речь шла о привилегиях, о возможности руководить и распоряжаться, о социальном статусе, престиже и авторитете. Но и для них очень важны были те материальные льготы которыми они пользовались, не говоря уже о той части офицеров, для которых материальная сторона и возможность использовать свои позиции в гражданской жизни для личного обогащения были основным стимулом ³¹.

³¹ В 1954—1956 гг. обнаружилось, что армия замешана в контрабандной торговле копррой, каучуком и кофе на Внешних островах. На Северной Суматре один китайский купец вывез с помощью армии в Малаю и Гонконг 5 тыс. т каучука на сумму 75 млн. рупий; половина этой суммы пошла военным. Во время Азиатских олимпийских игр один полковник был арестован за махинации с билетами, при помощи которых он «заработал» 45 тыс. долл. Сообщалось, что другой полковник облетел на вертолете пригород Джакарты, облюбовал домик, приземлился и приказал его обитателям выселиться [126, 12.X.1962, 36].

После национализации голландских предприятий возник новый сектор экономики, ставший по существу вотчиной военных. Офицеры вошли во все важные государственные организации, вплоть до торговых компаний. Насутион, зная, что рано или поздно военное положение будет отменено, заблаговременно перевел на пенсию сотни офицеров (только в 1959 г. около 300 человек), которые заняли должности прежде всего в национализированном секторе. Формально это уже были не военнослужащие, но фактически они представляли собой опору военного руководства в гражданской жизни. Многие офицеры на действительной службе, видя пример ушедших на пенсию, предвкушали такую же солидную карьеру и для себя. Когда КПИ в 1960 г. выступила против бюрократической буржуазии, прямо обвинив при этом военных (о чем будет сказано дальше), значительная часть офицерства почувствовала в этом непосредственную угрозу для своих перспектив.

Как правильно отмечает Д. Лев, «статус функциональной группы дал армии возможность создать зародыш политической организации, обеспечив ей базу для участия в политической жизни независимо от чрезвычайного положения» [115, 1963—1964, № 4, 366]. Бесспорно, сам по себе этот статус функциональной группы мог быть завоеван лишь на базе укрепления позиций армии в результате введения чрезвычайного положения. Эти два этапа окончательно превратили армию в политическую, государственную силу. Армия выросла в систему. «Элита армии была интегрирована в политическую структуру государства и была удовлетворена. Мало что оставалось недоступным для нее, если говорить о политической власти, экономических привилегиях и социальном престиже, сопутствующем политическому и экономическому влиянию... Многие офицеры фактически влились в национальную элиту, усвоили ее качества, хорошие и плохие» [115, 1963—1964, № 4, 366].

Г. Покер оценивает эволюцию армии следующим образом: «Группа молодых революционеров, отличавшихся скромностью, духом самоотречения и стремлением к достижению всеобщего равенства, взявшаяся за оружие и надевшая мундиры во имя националистического идеала, превращается в средних лет милитаристов, пользующихся привилегиями должности, статуса и власти. После долгих лет ограничения, когда повышения в чинах производились медленно... офицеры сейчас быстро продвигаются по служебной лестнице, на них сыплются льготы и привилегии... Революционный офицерский корпус Индонезии превращается в милитаристскую элиту. Он контролирует страну или по крайней мере участвует в управлении ею не во имя выполнения миссии и достижения идеала, а ради корыстных преимуществ, как псевдопо-

литическая партия, постепенно устраняющая другие политические партии» [181, 223—224].

Для этой милитаристско-бюрократической элиты существование сильной, популярной и укрепляющей свои позиции в государственной системе политической партии — какой была КПИ — представляло непосредственную угрозу. Действовал прежде всего инстинкт самосохранения; можно предположить, что если бы не КПИ, а какая-либо другая, столь же активная массовая партия была опорой президента и имела шансы стать гегемоном на политической арене, офицерство также рассматривало бы ее как силу, которую необходимо устранить. В данном случае к стремлению уничтожить конкурирующую политическую силу прибавилась идеологическая вражда, о которой говорилось выше. В целом значительная часть офицерства опасалась, что если КПИ станет господствующей силой в стране, политическим и материальным привилегиям армии наступит конец. Многие офицеры, особенно высокопоставленные, не сомневались, что в лучшем случае их уволят и заменят офицерами-коммунистами.

Был еще один источник роста враждебности армии к КПИ, связанный с конкретной внутри- и внешнеполитической ситуацией, с позицией и политикой как компартии, так и президента Сукарно. Эта причина ускорила подготовку армии к расправе с КПИ, ускорила события, кульминационным пунктом которых стало 30 сентября 1965 г.

Предпосылки кризиса

1 июня 1945 г. Сукарно сформулировал свои пять принципов панча-сила: вера в бога, национализм, гуманизм, демократия и социальная справедливость. Они были записаны в преамбуле к конституции 1945 г., а День 1 июня был объявлен Национальным праздником.

При всей широте и расплывчатости принципов панча-сила в них можно обнаружить основные элементы той идеологической системы, которую Сукарно безуспешно стремился создать на протяжении своей деятельности путем сочетания религии, национализма и социализма. Практическая платформа, выработанная на основе идеологии панча-сила, получила название НАСАКОМ (национализм, религия, коммунизм) и предусматривала необходимость сотрудничества этих трех главных сил индонезийской революции.

Свое дальнейшее развитие концепция Сукарно получила в УСДЕК, расшифровывающемся как «конституция 1945 года, индонезийский социализм, направляемая демократия, направляемая экономика, национальная общность». УСДЕК

был провозглашен в качестве пяти устоев МАНИПОЛА, т. е. Политического манифеста, с которым Сукарно выступил 17 августа 1959 г. и который затем был одобрен высшими государственными органами как основа политического устройства. Принцип принятия решений путем голосования и выявления большинства был признан не соответствующим индонезийскому духу, который предполагает решение вопросов на основе «мушаварах» (совещание, опрос, консультация) и «муфакят» (согласие, одобрение). Отказ от «либеральных» традиций коснулся и прессы. Сукарно заявил: «Во время революции не должно быть свободы печати» [85, 1965, Мау, 229].

Согласно официальной концепции, не борьба, а сотрудничество стало основой индонезийской жизни, что нашло свое выражение в известной формуле «готонг-ройонг», т. е. взаимопомощь. Формулировками, взятыми от индонезийской патриархальной общины, Сукарно пытался замазать зловещие бреши, образовавшиеся в политическом и экономическом фундаменте страны. А они становились все заметнее: ничто не могло скрыть растущих противоречий между различными политическими группами, обострения борьбы между армией и КПИ, между правыми и левыми, между ослабленными, но все же существовавшими партиями и между группами внутри них. Тем более невозможно было скрыть неуклонное ухудшение экономического положения страны.

Национализация иностранных предприятий, расширение государственного сектора — все это привело, помимо прочего, к колоссальному росту бюрократического аппарата: число государственных служащих достигло 2,4 млн. человек, втрое больше, чем в Индии, при населении в четыре с половиной раза меньше [120, 1967, № 1, 5]. Огромные средства были израсходованы на подавление мятежей, подготовку к войне с Голландией из-за Западного Ириана, наконец, на пресловутую «конфронтацию» с Малайзией. Трудно подсчитать, во сколько обошлись Индонезии всевозможные «престижные» мероприятия, начиная от строительства дворцов и кончая грандиозным стадионом в Джакарте.

К началу 60-х годов объем промышленного производства сократился вчетверо по сравнению с довоенным уровнем. Сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность давали менее половины объема продукции 1939 г. Риса производилось меньше, чем в 1939 г., хотя население выросло на 40%. Производство каучука сократилось по сравнению с довоенным периодом на 25%, кофе — на 50, табака — на 60, копры — на 75%. В 1940 г. Индонезия стояла на третьем месте в мире по производству сахара, а к 1963 г. производство

сахара упало на 66%, и его пришлось ввозить. В последние годы правления Сукарно состояние экономики ухудшилось: так, в 1964 г. производство сахара составило 650 тыс. т по сравнению с 676 тыс. т в 1960 г., копры 138 тыс. т по сравнению со 152 тыс. т. Добыча оловянной руды (по содержанию концентрата) в 1938 г. равнялась 27,7 тыс. т, в 1961 г.— 18,2 тыс. т, в 1965 г.— 15,2 тыс. т. В первой половине 1965 г. производственные мощности в промышленности были использованы лишь на 20%. Выручка от экспорта упала с 750 млн. долл. в 1961 г. до 450 млн. долл. в 1965 г. Государственный долг достиг невероятных размеров: только в 1966 г. Индонезии предстояло выплатить 530 млн. долл. [120, 1966, 7; 118, 1965, № 5, 17; 89, 1967, January, 25].

Цены росли с фантастической быстротой. Изменение индекса цен на все товары характеризуется следующими цифрами: 1957—1958 гг.— 100, 1965 г. (IV квартал)— 25,934 (во II квартале 1966 г. этот индекс поднялся до 99,270) [120, 1966, № 4]. За один лишь 1965 г. цены на рис выросли на 900%. К 1965 г. расходы по бюджету втрое превысили доходы [120, 1966, № 1, 6]. Инфляция характеризуется следующими данными (в млн. новых рупий) [120, 1966, № 2, 6]:

Год	Расходы по бюджету	Доходы по бюджету	Дефицит	Количество денег в обращении
1950	8,7	6,9	1,8	4,9
1955	12,4	10,3	2,1	12,2
1960	60,5	53,6	6,9	47,8
1965	2514,4	923,4	1591,6	2982,0
1966	18600,0	6300,0	12300,0	5031,0

Рупия обесценивалась катастрофически: в то время как официальный курс составлял 45 рупий за доллар, на черном рынке доллар можно было обменять на тысячу рупий.

Другая страна, не так щедро одаренная природой, давно бы обанкротилась. Но в райских условиях Индонезии крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, кормилось плодами рук своих, одевалось кое-как и, существуя фактически в сфере натурального хозяйства, мало зависело от города. Страдало население городов, где накапливался горючий материал. Однако время от времени ему давали выход: возмущение и энергию народа направляли в безопасные для правящих кругов каналы: натравливали людей на иностранцев, организовывали погромы иностранных предприятий или китайских лавок.

Изумительное красноречие Сукарно, умевшего завораживать миллионные толпы, помогало поддерживать популярность режима. «бунг Карно» всегда мог все объяснить, указать виновных, выбросить еще один звонкий лозунг, объявить

о принятии еще одного монументального плана экономического развития. Главное — политика, главное — революция, главное — моральный дух. Сначала центральная задача нации состояла в освобождении Западного Ириана, затем — в сокрушении Малайзии. Народу внушалась фанатическая вера в то, что Малайзия — основное препятствие на пути к процветанию и полной победе революции. «Ганьянг Малайзия!» («Сокрушить Малайзию!») — такими призывами начинались и кончались все митинги и собрания. Можно было подумать, что именно разгром Малайзии даст стране рис и сахар, покончит с безработицей и ростом цен. Министр иностранных дел Субандри однажды заявил, что Малайзия оскорбляет Индонезию тем, что... осуществляет на Северном Калимантане более быстрое экономическое развитие (чем это происходит на индонезийской части острова) специально для подрыва морального духа и подстрекательства к бунту жителей этой индонезийской территории. На вопрос, будет ли Индонезия импортировать рис, государственные деятели могли, не моргнув глазом, ответить, что Индонезия не будет ввозить капиталистический рис, а ее народ достаточно отважен, чтобы есть маниок.

Выступая 17 августа 1964 г. с традиционной речью, Сукарно сказал: «Романтика революции — вот источник нашей несокрушимой силы, нашей первобытной мощи!.. Премьер-министр одного иностранного государства однажды сказал мне: „Как ваша страна может существовать без крупной индустрии?“ Простите меня, если я скажу: как глуп был этот премьер-министр! Он думал, что жизнь нации зависит от технического уровня, от ее индустрии. Нет, господин! Жизнь нации зависит от ее национальной сознательности, судьба революции зависит от ее революционной сознательности. Не от технологии! Не от промышленности! Не от заводов, самолетов или асфальтированных дорог!» [118, 1965, Juin, 22].

Сукарно приписывают слова, что он не позволит тратить энергию нации на экономическое строительство.

Увлеченный все нараставшей лавиной внешнеполитических комбинаций, зачарованный собственной великодержавной игрой, убаюканный магией своего несравненного красноречия, убежденный, что нищую, отсталую страну все равно за короткий срок не переделаешь, Сукарно выбрал путь наименьшего сопротивления. Он поклялся уничтожить Малайзию и бросил все национальные ресурсы на выполнение этой задачи. Он тратил бешеные деньги на вооруженные силы. Он вывел Индонезию из ООН, сблизился с Пекином, провозгласил тезис о том, что мир разделен на две силы: НЕФО (новые формирующиеся силы) и ОЛДЕФО (старые установившиеся силы). В 1965 г. Сукарно заявил: «Западный империализм

заклучил перемирие с европейским коммунизмом и сейчас больше всего боится индонезийской революции».

Французский публицист Эрбер Люти, посетивший Индонезию незадолго до трагических событий осени 1965 г., красочно описал психологическую атмосферу, царившую в стране: «Бросается в глаза полная безответственность к нуждам народа и неразумие, возведенное в принцип, проявляющееся постоянно в поведении и в повседневном разговоре владык этой страны. Это нечто другое, чем случайное, демагогическое или оппортунистическое неразумие, отличающее текущую политику стольких государств, как старых, так и новых. Это — не что иное, как выражение философии презрения к земным реальностям.

Аристократическое пренебрежение ко всему, что связано с экономикой, с платежным балансом, с жизненным уровнем и нуждами народа; улыбчивая легкость, с которой ответственные лица признают свои экономические провалы и финансовые неурядицы, компенсируемые достижениями в сфере духовных ценностей, принципа и престижа; их неколебимая вера в магическую силу слова и жеста — силу, перед которой в конце концов отступит действительность, — это не цветы риторики, а образ мышления, укоренившийся в сказочном яванском мире.

Вся эта величественная витрина „современного“ государства, прикрывающая отсталую страну, возвращающуюся к натуральному хозяйству, служит лишь для увековечения и самоутверждения государства и орды его прислужников, служит символом его мощи и небесного величия, возвышающегося высоко над головами простых смертных.

Конечно, правительство продолжает сотнями подписывать „великие проекты“, но это лишь иллюзорная игра в стране, где фабрики вынуждены простаивать два дня из трех; бесполезно говорить о планировании, когда, по словам самих министров, обесценение денег почти до нуля сделало невозможным никакие расчеты и бюджетные наметки. К тому же какое имеет значение точное материальное содержание плана (8-летнего. — Г. М.), задуманного с самого начала не как программа, которая должна быть выполнена, а как перечень идеальных целей? План не опирался ни на какой учет имеющихся средств и ресурсов, он был выработан на основе приблизительных статистических данных или вовсе без их учета, но он был и остается грандиозной героической поэмой, составленной с замечательной символической точностью; план разделен на 1945 параграфов, 17 глав и 8 томов, с тем чтобы увековечить историческую дату 17.8.1945 — дату провозглашения президентом Сукарно независимости» [118, 1965, Juin, 21—22].

Вероятно, французский автор сгустил краски, но он великолепно уловил самую суть системы, ее психологию. Безответственность, возведенная в негласный принцип государственной политики, вера во всемогущество речей и лозунгов, пренебрежение и презрение к неприятной экономической действительности, убеждение, что на благодатной земле Индонезии все как-нибудь «образуется», органическая нелюбовь к обострению вопросов, прямой и суровой постановке их, легкомыслие и беззаботность, склонность все брать от жизни и ничем не платить, стремление «пожить в свое удовольствие», пока есть время, уверенность, что народ все стерпит, а если и возмутится, то всегда найдется козел отпущения,— таковы были характерные черты элиты, правившей страной при режиме Сукарно.

По своей социальной сущности эта элита была бюрократической буржуазией. По определению Н. Симония, «экономическая слабость индонезийской буржуазии, ее связи с государственным аппаратом и использование государственного сектора в своих интересах породило такую паразитическую форму капитала, как бюрократический капитал, который возникает и развивается за счет незаконного использования государственных средств и прерогатив» [143, 87]. Ущерб, нанесенный государству этой паразитической прослойкой, огромен. Советский исследователь Ю. Гаврилов писал: «О том размахе, какой получила подрывная деятельность „новой буржуазии“, дают некотором представлении данные, приведенные в ходе прений в бюджетной комиссии индонезийского парламента в декабре 1962 г. К концу 1962 г. общая сумма кредитов, полученных государственными промышленными и торговыми предприятиями, а также различными правительственными организациями от государственных банков, составляла примерно четверть всей денежной массы, находившейся в обращении. В течение 1961 г. правительство планировало получить доходы от государственных предприятий для осуществления 8-летнего плана всеобщего развития в размере 4 млрд. рупий, однако действительные доходы составили лишь 532 млн. рупий. За первое полугодие 1962 г. подобные поступления только от торговых предприятий должны были составить 1,5 млрд. рупий, фактически же было получено лишь 21 млн. рупий (менее 2% плана), а поступления от промышленных предприятий в течение 10 месяцев 1962 г. составили лишь 9 млн. рупий вместо запланированных 500 млн. рупий» [138, 233].

Имеющиеся в нашем распоряжении факты дают основания считать, что система «направляемой демократии» была не в состоянии добиться экономического подъема страны прежде всего потому, что опора и стержень этой системы —

бюрократическая буржуазия не была заинтересована в этом подъеме. Только в условиях разрухи, бесхозяйственности и дезорганизации экономики эта прослойка могла спокойно паразитировать и обогащаться за счет государства. Оздоровление экономики, упорядочение финансов, стабилизация курса рупии, установление разумной и строгой системы экономии средств, экономии валюты, ограничения импорта³², реалистичного планирования и т. д.— все это могло бы очистить мутную воду, в которой «ловила рыбку» новая буржуазия. Существовавшее хаотическое положение было в ее интересах, и поэтому политика великодержавной игры, внешнеполитических авантур, отвлекавшая внимание народа и серьезно ослаблявшая хозяйство, была как чельзя более выгодна для нее.

Существовавшая система покоилась на националистической демагогии и дезорганизованной экономике — двух главных условиях ее существования. Поэтому, несмотря на прогрессивную антиимпериалистическую позицию Сукарно в международном плане и на его благожелательное отношение к левым силам внутри страны, установленную им систему с точки зрения интересов индонезийского народа нельзя считать положительным явлением.

Тем большего сожаления заслуживает факт, что объективно одной из органических частей этой системы постепенно становилось руководство КПИ, начинавшей свою деятельность и завоевавшей огромный авторитет как наиболее стойкий и верный защитник национальных интересов, как пламенный борец за народное дело.

Речь идет, разумеется, не о партии в целом, а о той «узкой группе из состава руководства партии», которая, как отмечалось в «Правде», «отошла от учения марксизма-ленинизма», которые «ослабили идейное и организационное влияние партии в массах, практически свели на нет ее сопротивляемость перед лицом объединенного наступления антикоммунистических сил» [47, 5.VIII.1967].

Главной опорой КПИ было крестьянство, но подлинную боевую поддержку крестьянство могло оказать лишь партии, которая, не ограничиваясь фразами и лозунгами, действительно повлияла бы на ход аграрной реформы, на деле развернула эффективную борьбу за ликвидацию засилья помещиков и ростовщиков. Однако КПИ не могла этого сделать: ведь проведение аграрной реформы нельзя рассматривать изолированно от общего положения в стране. Речь шла

³² Формально существовали строгие ограничения импорта, но для лиц, обладавших положением, влиянием или связями, не составляло особого труда приобрести, например, роскошные заграничные автомобили.

не о злоупотреблениях и нечестности отдельных чиновников, а об органических пороках системы, при которой никто не был заинтересован в нанесении решительного удара по сельским эксплуататорам, поскольку они были тесно связаны с огромной паразитической ордой, грабившей народное добро.

Эффективные и радикальные преобразования в деревне могли быть осуществлены лишь силами, способными изменить всю систему снизу доверху, развернуть глубокую социальную революцию. Но как могла это сделать партия, руководство которой объективно вросло в систему «направляемой демократии» Сукарно, а он давно перестал думать о глубоких внутренних преобразованиях, увлекся великодержавными проектами, все больше попадал в зависимость от буржуазно-бюрократической элиты, противившейся всяким серьезным переменам. Авторитет КПИ среди крестьян неминуемо должен был начать падать.

Не лучше обстояло дело и в городе. На 4 млн. человек самодельного населения городов приходилось более 400 тыс. полностью безработных, но в эти цифры не входили многие сотни тысяч людей, перебивавшихся случайными заработками, живших на грани голода. Время от времени они давали выход накопившемуся недовольству: по указанию правительства и по призыву коммунистов они громили иностранную собственность или записывались добровольцами для освобождения Западного Ириана. Однако постепенно среди этого отчаявшегося городского люда нарастало возмущение, подогревавшееся зрелищем богатой и роскошной жизни «кабиров» (бюрократических капиталистов). Городские низы были еще далеки от того, чтобы возлагать вину на «бунга Карно», но они уже все меньше верили политикам, партийным и профсоюзным вожакам, министрам. Растущее недоверие городских масс неизбежно должно было распространиться и на руководство КПИ. Сложилась обстановка, в которой многие начинали думать, что руководство компартии перестало заботиться о нуждах народа.

Вместе с тем стать «своей» в националистической бюрократической среде КПИ в принципе не могла. По мере взаимного сближения КПИ с Сукарно предубеждение армии к ней все увеличивалось. Лозунг КПИ, что национальные противоречия (т. е. внешние. — Г. М.) сильнее классовых на данном, национально-демократическом этапе революции, привел к тому, что рабочие и крестьяне перестали видеть в ней решительного борца против эксплуататоров, но в то же время не привел к ее слиянию с националистической средой. В этих условиях компартии не оставалось ничего другого, как сделать единственную ставку — на Сукарно, еще больше связать

свою судьбу с судьбой президента и тем самым — с судьбой системы.

Айдит добился, что партия стала одной из главных политических сил режима; но беда была в том, что режим все больше обнаруживал свою гнилость и несостоятельность. Он держался в основном на личности Сукарно; все, что стояло «ниже», стремительно теряло авторитет, в том числе и компартия.

«Руководство КПИ,— отмечал журнал „Коммунист“,— плелось в хвосте у Сукарно... постепенно утрачивало классовые позиции, по существу, становилось на путь беспринципного союза с буржуазией» [70, 1968, № 15, 22].

«Самое меньшее, что можно сказать,— писал теоретический орган Итальянской коммунистической партии „Критика марксиста“,— это то, что увлечение антиимпериалистическим единством в союзе с национальной буржуазией явилось объективно тормозом для движения масс, способного изменить структуру общества и тем самым продвинуть и укрепить антиимпериалистическую борьбу Индонезии» [88, 1966, № 1, 209].

Упомянем также о сближении КПИ с КПК. Этот вопрос выходит за рамки рассматриваемой темы, но необходимо подчеркнуть, что, солидаризовавшись с линией китайского руководства в международном коммунистическом движении (что, впрочем, соответствовало государственной политике Сукарно), Компартия Индонезии не только подорвала свои позиции во внешнем плане, отказалась от помощи и совета своих искренних друзей, но и ослабила свое положение внутри Индонезии, где китайцы (с которыми ассоциировалось представление о ростовщиках-эксплуататорах) были крайне непопулярны.

Своеобразие положения КПИ в системе Сукарно заключалось в том, что она, будучи марксистской партией, не могла не критиковать паразитическую прослойку, присваивавшую богатства страны. Но эту борьбу КПИ могла вести вполсилы, как бы одной рукой, в то время как другая рука привязана. Священная особа президента была вне критики. Создалось парадоксальное положение. Поддерживая Сукарно, КПИ объективно укрепляла систему, против которой она сама выступала. Резко обвиняя бюрократических капиталистов, указывая на реакционный характер политики правительства, на половинчатость реформ, невыполнение планов экономического развития, на черепаший темп проведения аграрной реформы и т. п., коммунисты в то же время всячески поддерживали и превозносили Сукарно, как будто бы не он нес ответственность за политику правительства. Все требования перемен, реорганизации кабинета, принятия решительных мер

против реакции и т. д. адресовались неизвестно кому. Подобная критика, естественно, не могла быть по-настоящему действенной, но тем не менее она вызывала раздражение у тех, кто был ее объектом. В первую очередь это касалось армии; немалая часть офицеров относилась к бюрократической буржуазии, которую критиковала КПИ.

Важной вехой на пути ухудшения отношений между армией и КПИ было заявление Политбюро КПИ от 8 июля 1960 г. Говоря о результатах управления бывшими голландскими предприятиями, взятыми под контроль военной администрации, Политбюро заявило: «Трудящиеся массы надеялись, что передача предприятий будет использована для того, чтобы служить интересам народа и улучшить условия жизни трудящихся. Эти надежды абсолютно не оправдались. Факт, что данные предприятия были поставлены под контроль определенных групп, которые относились к рабочим еще хуже, чем иностранные хозяева.

Влиятельные элементы этих групп консолидировались в буржуазную группу, которая контролировала государственный аппарат и использовала его в своих материальных интересах; из этих элементов образовались бюрократические капиталисты, которые угнетали как рабочий класс, так и национальную буржуазию и стали средой, которая создавала для империалистов благоприятные условия, чтобы те могли продолжать политику эксплуатации и грабежа» [181, 227—228].

Это был прямой вызов военной верхушке. КПИ открыто осудила министров обороны, труда и иностранных дел, которые, будучи военными, входили в правительство. Партия даже объясняла затяжку с подавлением контрреволюционных мятежей тем, что лица, «ответственные за безопасность (иными словами, руководители вооруженных сил.— Г. М.), тратили энергию не столько на борьбу с мятежниками, сколько на подавление прогрессивных демократических движений, считая важнейшей задачей борьбу против народа и КПИ».

Военные, превратившиеся в бюрократических капиталистов, были названы в заявлении частью класса компрадоров [181, 227—228].

Реакция военных была быстрой и резкой. Группа солдат, прибывших на джипе, окружила дом секретаря ЦК КПИ Сакирмана и похитила его самого на несколько дней. 18 июля генерал Насутион заявил, что «политика правительства Индонезии пользуется поддержкой большинства народа и не признается лишь меньшинством, включая мятежников и коммунистическую партию» [101, 31.VII.1960, 27; 181, 229]. На следующий день по приказу Насутиона все члены Политбю-

ро КПИ были вызваны военными властями Джакарты для дачи объяснений по поводу заявления 8 июля [181, 229].

Это был первый серьезный открытый конфликт между армией и КПИ. Сукарно удалось его замять, но с этого момента стало ясно, что на политической арене Индонезии, готовясь к решающей борьбе, противостоят друг другу две крупные силы.

В сентябре 1960 г. командующие территориальными соединениями, на основании закона о чрезвычайном положении, начали запрещать местные организации КПИ. Сукарно пришлось вмешаться и созвать специальное совещание всех администраторов. На этом совещании президент взял КПИ под защиту и осудил антикоммунизм. Насутион молчал, понимая, что бросать вызов президенту бессмысленно, во всяком случае преждевременно. Примерно в это же время, пользуясь тем, что Сукарно выехал за границу, часть высших офицеров настаивала на взятии власти. Это были территориальные командующие и начальник военной разведки — наиболее антикоммунистически настроенные офицеры, незадолго до этого ставшие совместно с Машуми и другими правыми партиями инициаторами создания так называемой Демократической лиги, не скрывавшей своей враждебности к КПИ. Насутион, с присущей ему осторожностью, не поддерживал эту линию действия. Вернувшись, Сукарно распустил Демократическую лигу [115, 1963—1964, № 4, 357—358].

Насутион начал борьбу с КПИ с другого конца: в соответствии со своей концепцией он решил завершить превращение армии в политическую и социальную силу. Для этого надо было привлечь на свою сторону массы. Армия пыталась взять под свой контроль Национальный фронт и организации «функциональных групп», но это оказалось весьма трудным делом. Тем не менее работа среди «функциональных групп» продолжалась. Так, например, армия создала конкурирующую с СОБСИ организацию в промышленности — СОКСИ [115, 1963—1964, № 4, 361].

Однако главные усилия ТНИ прилагала не в городе, а в деревне. Американский корреспондент приводил слова одного полковника: «В деревне мы совершили революцию и победили голландцев. И именно здесь мы должны победить коммунистов» [126, 12.X.1962, 36].

Задача армии облегчалась тем, что население уже было знакомо с ней как с общественной и хозяйственной организацией. Насутионом давно были разработаны доктрины «территориальной войны» и «гражданской миссии» армии. Доктрина «территориальной войны» основывалась на опыте сопротивления голландской агрессии; суть ее заключалась в расконцентрации вооруженных сил и организации отпора вра-

гу в сельской местности совместно с крестьянами, причем армия руководила одновременно военной, административной, хозяйственной сферами. Насутион, руководивший войной против голландцев на Яве, ввел и проверил эту систему партизанской войны, что положило начало контакту ТНИ с крестьянством. После введения чрезвычайного положения армейские командиры стали главными людьми на местах. Армия смещала деревенских старост, готовила администраторов, созывала представителей местных властей на специальные совещания — своего рода курсы политической подготовки.

Все это подготовило почву для создания целой системы участия армии в гражданской жизни. Эта система получила название «гражданская миссия» (civil mission). Она была пущена в ход в 1962 г., когда встал вопрос, что делать с огромной армией, созданной для вторжения в Западный Ириан. Голландцы согласились передать эту территорию временной администрации ООН 1 октября 1962 г., но подобный исход предвиделся уже значительно раньше, и правительство стало обсуждать упомянутую проблему. Демобилизация десятков тысяч солдат вызвала бы большие трудности и могла привести к серьезным волнениям, так как не было возможности обеспечить их работой. Было решено создать своего рода «трудовую армию». Еще до окончания конфликта, 22 июня 1962 г., Насутион заявил: «Как только эта долгая кампания закончится, вооруженные силы должны будут заняться более продуктивными задачами. Пусть же войска обратят все внимание не на оборону и обеспечение безопасности, а сконцентрируются на строительстве социализма в нашей прекрасной стране» [92, 1963, March, 11].

Политический смысл «гражданской миссии» не вызывал сомнений. Это была, как правильно отмечал Д. Лев, «попытка армии вступить в соревнование с КПИ на поприще работы с массами» [115, 1963—1964, № 4, 363].

Офицеры и сержанты проходили специальные курсы, длившиеся от 10 до 15 недель. На курсах изучались такие предметы, как организация административного управления в сельской местности, сельское хозяйство, здравоохранение, основы партизанской войны и «наука информации», которую американский журналист характеризовал как «антикоммунистическую пропаганду в сильных дозах» [126, 12.X.1962, 36].

«В деревнях на Западной Яве лейтенанты при помощи больших карточек с буквами учат крестьян грамоте, а сержанты показывают домашним хозяйкам, как очищать воду» [126, 12.X.1962, 36]. Одной из первых включилась в «гражданскую миссию» отборная дивизия «Силиванги» во главе с генералом Аджи.

Официально «гражданская миссия» армии была оформлена президентским декретом № 371 от 1962 г., гласившим: «Соединения вооруженных сил будут использованы для осуществления правительственных проектов в области производства и распределения» [40, 124].

Комплекс мероприятий, осуществлявшихся армией в рамках этого декрета и в порядке выполнения «гражданской миссии», получил название «Операция Карья» («карья» означает «труд»). По данным, приведенным Насутионом, к 1964 г. были проведены следующие мероприятия: возвращено беженцев — 389 тыс. человек, построено 10 773 дома, построено или отремонтировано 524 школьных здания, 928 мостов, 2201 км дорог, 103 поликлиники, 402 плотины, 102 канала, осушена площадь в 290 кв. км, возделано под посадки риса 29 тыс. га земли, на земляных работах вырыто 80 тыс. куб. м грунта, распределено около 3 тыс. голов скота и т. д. В различных районах страны воинские части осваивали целинные и засушливые земли, возделывали рисовые поля, боролись с вредителями растений, распределяли среди крестьян продовольствие и семена, помогали в строительстве промышленных предприятий, ремонте посадочных площадок аэродромов и т. п. [40, 124—126].

Армия располагала большим собственным хозяйством и финансовыми ресурсами независимо от бюджетных ассигнований. Она самостоятельно совершала крупные деловые операции. Так, дивизия «Силиванги», расквартированная в районе Бандунга, по данным французской печати, имеет свои каучуковые плантации и непосредственно продает на иностранных рынках каучук, а также пряности, самостоятельно импортируя в то же время сырье и запасные части для своих мастерских. Такие же операции осуществляет военное командование на Суматре [49, 5.VIII.1966].

Подводя итоги, можно сказать, что к середине 60-х годов индонезийская армия превратилась в крупнейшую в стране организованную политическую и экономическую силу, в гигантский самодовлеющий механизм, в общественную корпорацию, распространившую активность на все сферы жизни страны. «Эволюция индонезийской армии как политической организации,— справедливо писал Д. Лев,— уникальна» [115, 1963—1964, № 4, 364]. Действуя в условиях гражданского режима, а не военной диктатуры, она добилась такого веса и влияния в жизни государства, какими не обладает почти ни одна армия в мире, за исключением, может быть, таких стран, как Бирма, Бразилия, Аргентина. Во многих странах «третьего мира» армия непосредственно стоит у власти, но ее господство носит характер верхушечной военной диктатуры. В ряде стран армия в поисках выхода из неразрешимого на-

ционального кризиса, выступает арбитром. В Индонезии до 1966 г. армия не устанавливала военной диктатуры и не свергала правительства, но ее роль и влияние были неизмеримо глубже, так как она укоренилась в самих недрах общества, вплелась в социальную структуру страны.

Как бывает свойственно корпорациям, достигшим влияния и привилегий, армия в Индонезии стала заботиться в первую очередь о самосохранении, о консолидации и закреплении своих преимуществ, о закреплении статус-кво. Нарушить его, опрокинуть сложившийся порядок реально могла лишь одна сила — КПИ. Пока она существовала, армейская верхушка не могла чувствовать себя в безопасности. Как уже говорилось, эта причина наряду с другой — идейно-психологической объясняла неуклонно возрастающую враждебность армии по отношению к КПИ. Но это еще не все.

До сих пор мы рассматривали армию как нечто цельное. На самом деле положение обстояло несколько иначе. Не говоря уже о том, что в вооруженных силах среди высших офицеров существовало личное соперничество (так, в последние годы Сукарно, используя честолюбивые устремления генерала Яни, продвигал его в ущерб Насутиону и назначил командующим сухопутной армией), были и различные группировки, между которыми имелись политические расхождения. В военно-воздушных силах Республики, которыми командовал Омар Дани, было много офицеров левых убеждений; ряд офицеров-летчиков был связан с КПИ. Даже основное ядро офицерства, настроенное антикоммунистически, не было монолитным. Существовали различные причины антикоммунизма офицеров. Часть офицерства действительно слилась с бюрократической буржуазией, коррумпировалась и видела в коммунистах только силу, угрожающую их привилегиям и материальным интересам. Другая часть опасалась, что гегемония коммунистов будет означать конец их личной карьеры, роли армии вообще. Часть офицеров, близкая к правым мусульманским организациям, разделяла их антикоммунистические предубеждения.

Политика руководящей группы КПИ не содействовала образованию прочной массовой базы, способной обеспечить поддержку партии и противостоять антикоммунистическим тенденциям офицерства. Как писал советский автор А. Резников, «первый в истории опыт массового включения членов коммунистической партии в антинародный и антидемократический государственный аппарат показал, что такой метод борьбы в принципе ошибочен... чем шире и глубже они включались в режим в качестве его интегральной части, сосредоточивая на этом все усилия, тем меньше они могли влиять на его курс... Укрепляя режим, чтобы затем покончить с ним,

руководство партии теряло опору в массах; теряя опору в массах, оно ставило себя и партию во все большую зависимость от режима» [72, 1968, № 1, 44].

Таким образом, позиции партии в массах к моменту решающего столкновения были ослаблены политикой ее руководства, ошибочный курс которого стал одной из причин катастрофы.

*«Движение 30 сентября»
и приход армии к власти*

Итак, две силы стояли друг против друга, готовясь к решающей схватке. Руководство КПИ прекрасно понимало, что в случае открытого конфликта ждать пощады от армии не придется. Если для армии КПИ представляла потенциальную угрозу, то для КПИ армия была дамкловым мечом.

Между этими двумя силами была третья — президент Сукарно. Пожалуй, никогда в истории не было столь своеобразного политического треугольника. Две враждебные организации были объединены в рамках одной системы, их связывала только грандиозная фигура верховного вождя. В альянс президента с армией последняя привнесла «физическую мощь, а Сукарно — авторитет и способность выступать с идеями и мобилизовать поддержку масс. Ни Сукарно, ни армия не доминировали полностью в этом союзе; вопросы улаживались, как правило, путем переговоров и соглашений. Для того чтобы не дать армии подавить его своей мощью, Сукарно установил второй союз — с КПИ... КПИ была и остается естественным противником армии, не только потому, что офицеры рассматривают ее как силу интернациональную, атеистическую и находящуюся под иностранным контролем, но также потому, что КПИ... представляет собой угрозу политическим, социальным и экономическим интересам армейской элиты» [115, 1963—1964, № 4, 353].

Принято считать, что Сукарно балансировал между армией и КПИ. Но балансирование означает равновесие. Можно ли считать, что Сукарно балансировал между армией и КПИ? Конечно, он предпочел бы не зависеть ни от какой мощной политической силы, но это было невозможно. Он предпочел бы иметь в своем распоряжении всецело ему послушную политическую партию, но таковой не было. Национальная партия, которую одно время можно было считать его партией, не была ни достаточно монолитной, ни достаточно влиятельной в массах. Чтобы держать в руках контроль над массами, президенту пришлось опираться на КПИ, используя ее авторитет. По мере того как он убеждался, что руководство КПИ не только не представляет для него угрозу,

а, наоборот, все больше связывает свою судьбу с ним и приспособливает теорию и тактику к его концепциям и политике, Сукарно проникался к нему все большим доверием. В начале 60-х годов система взглядов руководящей группы КПИ уже мало отличалась от политических взглядов самого Сукарно, а ее практическая политика, особенно в международном плане, фактически полностью соответствовала его курсу. Поэтому Сукарно мог себе позволить пойти навстречу КПИ, не опасаясь угрозы с ее стороны.

Он так и сделал, результатом чего было общее политическое полевение режима. «Ринашита» отмечал, что НАСАКОМ «несомненно результат сдвига влево» [123, 9.X.1965, 9]. Однако этот сдвиг происходил на нездоровой и непрочной основе, так как он не привел к демократической перестройке общественной структуры, к ликвидации господствующего положения бюрократической буржуазии. Вместе с тем со стороны армии Сукарно чувствовал пока еще смутную, но все более явственную угрозу своему положению. Его отношения с Насутионом всегда были напряженными, он терпел генерала лишь потому, что тот был признанным лидером армии. Президент ожидал удара именно со стороны Насутиона, поэтому он и стремился различными путями ослабить его позиции. Сукарно понимал, что армию и особенно ее сухопутные силы «приручить» ему не удастся. У него и в прошлом было немало неприятностей, связанных со строптивым поведением офицеров, и, нуждаясь в армии, он в то же время стремился ослабить ее могущество, ликвидировать политическое влияние, начинавшее его серьезно беспокоить.

Можно согласиться с мнением итальянского коммунистического автора, журналистки Сильвии Рудольфи, которая писала: «Было бы неточно утверждать, что Сукарно всегда балансировал между военными и коммунистами: все эти годы он отказывался санкционировать антикоммунизм военных и пытался использовать силу массовых движений, во главе которых стояли именно коммунисты, для ослабления военных» [123, 23.X.1965, 15].

В начале 60-х годов КПИ выдвинула два требования: провести выборы и сформировать кабинет НАСАКОМ. В докладе на VII съезде КПИ (1962 г.) Айдит заявил, что это основные требования партии. Кабинет НАСАКОМа означал включение коммунистов в правительство «на полных правах» (а не на второстепенных постах в общем «большом» кабинете, как это сделал Сукарно). Это требование Сукарно потом всегда использовал для шантажа армии. Насутион впоследствии утверждал, что, когда он предупредил президента о растущей угрозе со стороны КПИ, тот обвинил его в болезненной ненависти к коммунистам. Насутион также заявил, что

Сукарно «блокировал» кампанию против продажных министров.

В своей традиционной речи 17 августа 1961 г. Сукарно весьма недвусмысленно предупредил армию: «Не вооруженные силы, не винтовка направляют МАНИПОЛ, а МАНИПОЛ направляет вооруженные силы и винтовку! Не переворачивайте этот принцип, не ставьте его с ног на голову! Переворачивать его — значит уклоняться в сторону фашизма...» [181, 229].

В 1965 г. КПИ выдвинула два требования: провести «насакомизацию» армии и сформировать «пятую силу» (т. е. вооруженную народную милицию в дополнение к существующим четырем родам войск — армии, флоту, ВВС и полиции). «Насакомизация» армии подразумевала назначение в армейские части политических комиссаров, по всей видимости из числа коммунистов. Сукарно одобрил принцип «насакомизации» армии.

Наступил критический момент. Столкновение двух сторон неумолимо приближалось. Легко понять, чем были вызваны требования КПИ: чувствуя нарастающую угрозу со стороны армии, коммунисты решили обезопасить себя от возможности второго Маджуна самым естественным и логичным способом — заняв важные позиции внутри армии и образовав в качестве противовеса гражданские вооруженные формирования под своим контролем. Ясно, что военная верхушка была крайне встревожена этими требованиями: это был «вопрос жизни или смерти для армии как независимой политической силы» [87а, 1966, 25, 157].

Все с нетерпением ждали реакции Сукарно. Приближалось 17 августа — национальный праздник, по традиции отмечаемый большой программной речью президента. Насутион настаивал, чтобы в речи Сукарно сказал «нет» идее «пятой силы». Однако президент не послушался его³³. Сукарно процитировал статью 30 конституции 1945 г., в которой говорится: «Каждый гражданин имеет право и должен участвовать в защите государства». Это расценили как подведение теоретической базы под идею создания «пятой силы». Сукарно заявил: «После тщательного рассмотрения этого вопроса я, как верховный главнокомандующий вооруженными силами, приму решение» [83, 15.XII.1966].

По оценке обозревателя «Ринашита», Сукарно дал понять, что склонен «принять требование, с которым к нему уже некоторое время обращались левые силы, включая КПИ: раз-

³³ Напротив, Сукарно, недвусмысленно угрожая армии, заявил, что вода может обойтись без рыбы, а рыба без воды — нет. По показаниям Дани, идея создания «пятой силы» принадлежала самому Сукарно и была высказана им после встречи с Чжоу Энь-лаем.

дать оружие крестьянам и рабочим и создать народную милицию» [123, 19.III.1966, 8]. Вряд ли Сукарно действительно собирался создать «пятую силу». По всей видимости, он хотел использовать это требование для давления на военных. Но если бы это и было осуществлено, то смертельной угрозы для армии это не представляло: в случае открытого военного столкновения на стороне регулярных войск всегда было подавляющее превосходство. Серьезнее обстояло дело с «насакомизацией» вооруженных сил: претворение этой идеи в жизнь означало, что во всех подразделениях от батальона и выше были бы созданы «советы НАСАКОМа» и кадровые военные потеряли бы монополию власти в собственной вотчине. Этого армейская верхушка ни в коем случае не собиралась допустить.

К лету 1965 г. активизировались левые элементы в вооруженных силах. Командующий ВВС Омар Дани ввел курс марксистской теории в военных авиационных колледжах [83, 15.XII.1966]. Подозрительность высшего армейского офицерства усиливалась.

В сентябре 1965 г. Айдит в одной из речей заявил, что «родина беременна революцией». Военная верхушка расценила это как признак того, что коммунисты готовят вооруженное выступление с привлечением масс и части вооруженных сил, находящихся под их влиянием.

В какой мере военные верили в реальную возможность подобного выступления — сказать трудно. Важно, что они получили аргумент для оправдания собственного удара по КПИ, который они готовили давно. Шумиха вокруг вопроса о создании «пятой силы» и «насакомизации» армии, равно как и широко распространявшиеся слухи о резком ухудшении здоровья Сукарно, создавали благоприятную атмосферу для осуществления насильственной политической акции, имевшей целью лишить КПИ ее позиций и радикальным образом изменить соотношение сил в стране в пользу армии.

Нет сколько-нибудь достоверных данных, позволяющих судить, какую именно конкретную форму должна была принять эта акция. Как известно, 1 октября Унтунг объявил, что «совет генералов» готовил переворот *с целью свержения президента*. Эта версия неправдоподобна. Авторитет Сукарно в народе и армии в то время был еще настолько высок, что внезапное выступление против него не могло встретить поддержки и было обречено на неудачу. Такая акция навсегда скомпрометировала бы военную верхушку. Насутион, тонкий и осторожный стратег, не мог пойти на такую безрассудную авантюру, тем более что это не вызывалось необходимостью: официально президент еще не принял решения о «насакомизации» армии.

«Совет генералов» не обязательно должен был быть организационно оформлен. Вспомним, что Насутион давно создал специальный координационный комитет в вооруженных силах с различными подкомитетами, тщательно изучавшими положение в стране во всех аспектах. В 1962 г. был создан Совет вооруженных сил по промышленности. Не может быть сомнения, что в момент подготовки к решающему столкновению с КПИ военная верхушка тем более имела какой-то информационный и координационный орган. Другой вопрос: под чьим руководством такой орган находился и был ли он полномочен принимать решения?

Уже указывалось, что Сукарно в противовес Насутиону выдвигал Яни, более молодого, но хорошо известного в армии, заслуженного генерала, выходца из рядов ПЕТА. В свое время, явно с целью ослабить позиции Насутиона, Сукарно упразднил должность начальника штаба ТНИ, которую тот занимал, а впоследствии — и должность начальника объединенных штабов, которую одно время Насутион занимал. Затем Сукарно создал должность командующего сухопутной армией, на которую назначил Яни. Командующий армией мало зависел от Насутиона, занимавшего должность министра-координатора национальной обороны и безопасности. По сведениям той части иностранной прессы, которая верит в существование «совета генералов», этот орган находился под руководством Яни [117, 1966, № 5—6, 431]. Даже если это было так, решение о серьезной политической акции, безусловно, не могло быть принято без Насутиона. Но и Яни прекрасно понимал, что шансы успешного выступления непосредственно против президента ничтожны.

По другой версии, выдвигаемой левыми кругами, военные если и не собирались свергать Сукарно, то во всяком случае готовили 5 октября, в День армии, расправу над коммунистами. Напротив, военные круги утверждают, что Унтунг и его группа намеревались 5 октября, подтянув в Джакарту верные им воинские части, совершить террористический акт против генералов [87а, 1966, № 25, 167]. Факты, которые могли бы подтвердить ту или другую версию, неизвестны. Вторая из них совершенно неправдоподобна. Нельзя представить, что те, кто стоял за спиной Унтунга, могли всерьез обдумывать абсурдную идею убийства генералов на глазах у всех, во время торжественного военного парада и в присутствии президента. Бесспорно, это выдумка, пущенная в ход, чтобы очернить коммунистов.

Версия, что военщина готовилась использовать парад 5 октября для расправы с коммунистами более похожа на правду. В этом случае можно было, не выступая против президента, ударить по КПИ и поставить Сукарно перед свершившим-

ся фактом. Подобная акция вполне соответствовала намерениям офицеров, решившим, что час открытого столкновения наступил. Но без предлога, без провокации такую акцию осуществить было нельзя, поскольку все знали, что реакция Сукарно будет отрицательной и крайне бурной. Идеальный вариант был такой: предоставить коммунистам, их сторонникам инициативу выступления против армии, с тем чтобы получить возможность обвинить КПИ в заговоре не только против армии, но и против президента, в попытке переворота и захвата власти; обезоружить тем самым Сукарно и лишить возможности защищать КПИ; под предлогом защиты нации и президента бросить на столицу войска и разгромить левые силы. Иначе говоря, речь шла о новом варианте Мадунских событий. Но для его осуществления нужно было, во-первых, быть уверенным, что КПИ действительно выступит, и, во-вторых, быть наготове, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох. Второе было гораздо легче выполнить, и генералы, судя по всему, были готовы сразу отразить возможный удар. Ходили слухи, что они подготовили воздушный десант для высадки в Джакарте 5 октября, чтобы после начала решающих событий перехватить инициативу; проверить достоверность этой версии трудно. Но полной уверенности, что КПИ выступит первой, у генералов, вероятно, не было. Такое выступление могло бы быть ими спровоцировано, и вполне правдоподобно, что такого рода провокация готовилась, хотя, если это и было так, подробности ее, вероятно, так и останутся неизвестными.

Обращаясь непосредственно к событиям 30 сентября, следует прежде всего перечислить некоторые факты.

Непосредственными организаторами выступления были генерал Супарджо и вице-маршал авиации Дани. Оба они придерживались левых взглядов. Кроме того, Дани был близок к Сукарно; в ТНИ он не был популярен, его считали креатурой Сукарно и прокоммунистом. Супарджо служил на Суматре и 28 сентября, по-видимому, без приказа командования прибыл в столицу.

Подполковник Унтунг, командир батальона полка «Чакрабирава» (личная охрана президента), играл второстепенную роль и был лишь номинальным руководителем движения. В свое время он отличился в кампании за освобождение Западного Ириана: он был первым парашютистом, заброшенным на оккупированную голландцами территорию.

В чисто тактическом отношении операция была продумана (во всяком случае в том, что касается ее первого этапа) весьма тщательно. В Джакарту под предлогом участия в параде по случаю Дня армии были переброшены 530-й батальон (из Восточной Явы) и 454-й батальон (из Центральной Явы).

Офицеры этих частей по своим политическим убеждениям были наиболее левыми.

Штаб-квартира находилась в ставке Дани на авиабазе Халим, в окрестностях Джакарты.

Главным звеном акции было похищение и убийство семи генералов, составлявших верхушку армии. Это были: генерал-лейтенант Насутион — министр-координатор национальной обороны и безопасности; генерал-лейтенант Яни — командующий сухопутной армией; генерал-майор Супратро — второй заместитель командующего сухопутной армией; генерал-майор Харьоно — третий заместитель командующего сухопутной армией; генерал-майор Парман — начальник армейской разведки; бригадный генерал Панджайтан — главный квартирмейстер армии; бригадный генерал Сутойо — главный военный судья.

Это были ключевые фигуры армии. Устранив их, организаторы путча фактически обезглавливали армию. Оставались, правда, непосредственные командиры армейских соединений на местах, но расчет был на то, что они, лишённые центрального руководства и разобщённые, не успеют и не рискнут проявить инициативу и поднять войска.

Хронология событий выглядит следующим образом. 30 сентября вечером руководители путча собираются на авиабазе в Халиме. К моменту начала выступления там находятся Дани, Супарджо, Унтунг и Айдит. Сукарно отбывает из дворца Мердека.

В ночь на 1 октября, в 3.30, выступили группы, предназначенные для ареста генералов. В шести случаях из семи операция осуществляется успешно: генералов застают врасплох, сопротивление охраны быстро преодолевается. Генерал Ахмед Яни и двое других, оказавшие сопротивление, застрелены на месте; их трупы вместе с тремя другими генералами, захваченными живыми, везут на грузовиках в район Халима, в местность, известную под названием «Крокодилья яма». Там убивают остальных генералов и тела бросают в высохший колодец. Единственная неудача — при попытке арестовать главного военачальника, Насутиона. Ему удается спастись, хотя для его ареста выделена самая многочисленная группа — около ста человек. Насутион перебрался через забор, сломав себе при этом ногу, и спасся; в перестрелке погиб его адъютант и четырехлетняя дочь.

5 часов утра. Выступают 530-й и 454-й батальоны. Они окружают дворец Мердека и занимают радиостанцию.

7 часов. Радио Джакарты передает коммюнике от имени «движения 30 сентября», подписанное подполковником Унтунгом. В коммюнике говорится, что поскольку реакционный «совет генералов», инспирируемый американским ЦРУ, подгото-

вил государственный переворот, возникло движение, имеющее целью сорвать эту попытку и обеспечить безопасность президента и некоторых народных лидеров. В коммюнике подчеркивалось, что «движение 30 сентября» носит исключительно военный характер и преследует лишь цель защитить республику и президента. Сообщалось, что будет создан Революционный совет, который будет проводить революционную политику, начертанную президентом.

9 часов. Сукарно прибывает в Халим, где сразу же вступает в контакт с Супарджо и Дани. Супарджо докладывает о развертывании военной акции и об аресте генералов. Одновременно президент узнает от Супарджо, что Насутиону удалось избежать ареста.

9 часов 15 минут. Омар Дани издает приказ по ВВС о поддержке «движения 30 сентября».

Тем временем в Джакарте генерал-лейтенант Сухарто, командующий силами КОСТРАД (стратегический резерв сухопутной армии), узнает о случившемся. Он немедленно устанавливает связь с высшими воинскими начальниками в столице и с командованием флота. Контакт с ВВС установить не удается и Сухарто понимает, что Дани на стороне «движения 30 сентября».

К Сухарто доставляют Насутиона, после чего Сухарто, оценив обстановку, начинает действовать. Он посылает в 530-й и 454-й батальоны верных людей — бывших офицеров этих батальонов, в основном ветеранов кампании по освобождению Западного Ириана. Одновременно Сухарто связывается с командиром дивизии «Силиванги» генералом Аджи. Парашютисты-десантники сухопутных войск (РПКАД) под командованием полковника Сарво Эдди начинают двигаться на столицу.

11 часов. Радио Джакарты сообщает, что президент находится в безопасности. Одновременно передается сообщение о формировании Революционного совета, который берет на себя всю полноту власти, но имена членов совета не сообщаются.

Сукарно знает, что Насутиону удалось спастись. Он отклоняет предложение Дани подписать приказ, обязывающий вооруженные силы оказывать поддержку «движению 30 сентября», но назначает нового командующего сухопутной армией генерала Праното (очевидно, участника «движения 30 сентября»), нарушив порядок очередности назначения и пропустив семь старших по чину генералов, в том числе Сухарто.

13.30. Сукарно подписывает приказ о взятии на себя командования вооруженными силами и поручает генералу Праното командование сухопутной армией. Тем временем Су-

харто связывается с президентом по телефону и предлагает ему покинуть Халим.

В Джакарте войска, участвовавшие в «движении 30 сентября», отступают, как только начинается передвижение войск, посланных Сухарто. Однако радиостанция еще в руках сторонников «движения», и туда с Халима привозят тексты передач.

14.15. По радио объявлен состав Революционного совета, в который включены различные политические деятели, в том числе некоторые руководители КПИ. Объявлено, что правительство распущено и вся власть перешла в руки Революционного совета во главе с Унтунгом. Имя Сукарно в составе членов Революционного совета не упоминалось.

Лидеры «движения», находившиеся на Халиме, считают, что они контролируют столицу. На самом же деле положение их ухудшается с каждой минутой. Сухарто приказывает войскам подавить «движение 30 сентября», поскольку оно направлено против президента. Батальоны, участвовавшие в «движении», расходятся без боя.

К вечеру все кончено. В 19 часов Сукарно покидает Халим, направляясь в свой загородный дворец в Богоре. Лидеры «движения» вылетают из Халима на Центральную Яву. Айдит на следующий день прибывает в Джокьякарту, и уже после того как решающая битва в Джакарте проиграна, левые силы на Центральной Яве приходят в движение. В Семаранге один из высших офицеров дивизии «Дипонегоро» (эта дивизия считалась одной из самых «левых») возглавляет движение и непродолжительное время контролирует целый район. Восстание происходит и в Джокьякарте, где убивают командира гарнизона и его заместителя. Но это уже ничего не может изменить.

3 октября в «Крокодильей яме» в колодце находят трупы генералов. Объявлено, что тела страшно изуродованы и что это дело рук коммунистических молодежных и женских организаций. Начинается антикоммунистическая кампания.

14 октября Сукарно назначает генерала Сухарто главнокомандующим армией и возводит его в ранг министра. В Джакарте и других городах уже полным ходом идут аресты коммунистов. Начинается волна убийств. Армия движется на Центральную Яву и быстро ликвидирует очаги сопротивления. Арестован Унтунг. Один за другим гибнут руководители КПИ. Айдиту недолгое время удается скрываться, его находят при «прочесывании» одной из деревень и расстреливают. Сукарно, осудивший «движение 30 сентября», воздаёт хвалу вооруженным силам, которые «своими действиями защитили государство, нацию, революцию и идеологию панчасила» [83, 15.II.1966].

Такова вкратце хронология событий, составленная на основании материалов, опубликованных в прессе [117, 1966, № 5—6, 432—445; 109, 1966, № 36].

Официальная пропаганда окрестила «движение 30 сентября» словом «Гестапу» (по первым буквам этих трех слов), и зловещее звучание этого термина, несомненно, должно было специально подчеркнуть «адский характер» заговора, заставить людей проникнуться ненавистью к коммунистам.

Точная цифра убитых неизвестна. Говорят о 200, 300, даже 500 тыс. людей. Часть их пала от солдатской пули, но значительно больше погубло от рук добровольных палачей из числа мусульманских организаций и отрядов, созданных в деревнях. Наибольшее число коммунистов было уничтожено «руками религиозных фанатиков-крестьян» [70, 1968, № 15, 120].

Войска вступали в деревню, узнавали от старосты имена коммунистов и сочувствующих им, арестовывали их, а затем сообщали местным реакционным бандам, когда заключенные будут выпущены. Из рук солдат жертвы попадали в руки местных убийц, которые расправлялись с ними самым зверским образом. Там, где не было войск, банды убивали коммунистов самостоятельно. Кровавые оргии продолжались несколько месяцев. Современная история знает мало случаев организованных убийств такого масштаба в мирное время. Индонезийский народ пережил страшную трагедию, последствия которой несомненно скажутся на всем будущем развитии страны.

«Коммунистической партии Индонезии, — писал журнал „Коммунист“, — пришлось дорогой ценой расплачиваться за ошибки своего руководства, предавшего забвению основные положения марксизма-ленинизма, принципы пролетарского интернационализма» [70, 1968, № 15, 123].

Устранение КПИ с политической арены создало совершенно новую ситуацию. Треугольник Сукарно — армия — КПИ перестал существовать, уступив место «военно-политической диктатуре» [70, 1968, № 15, 123]. Президент утратил свободу маневра. Вынужденный в критический момент, 14 октября 1965 г., передать фактически всю военную власть в стране в руки Сухарто, президент уже не смог восстановить свое прежнее положение. Как писал польский журналист, «равновесие сил оказалось нарушенным, и Сукарно начинает клониться к упадку, как огромное здание, под которым подломилась одна из колонн. Но Сукарно не хочет видеть фактов, не принимает радикальных решений и ответных действий, все еще играет, жонглирует, соблюдает видимость. С недели на неделю эта игра становится все более плачевной и все менее результативной» [68, 26.II.1967].

Одно время президент все же попытался перейти в контрнаступление, сбросить все ту же давившую его петлю. 24 февраля 1966 г. он уволил с поста министра своего главного врага — Насутиона, но торжество его было недолгим. Ультиматум армии, подкрепленный угрозой насилия, заставил его отступить, и это был решающий момент борьбы. 11 марта президент передал исполнительную власть генералу Сухарто, и на следующий день КПИ была официально запрещена. Сбылась давнишняя мечта военной верхушки; это была победа полная и безоговорочная. Еще спустя неделю, 18 марта, последовал арест 15 министров, включая двух столпов сукарновского режима — Субандрио и Салеха. Стало ясно, что это — начало кампании, которая рано или поздно должна закончиться падением Сукарно.

Но еще в течение целого года после этого Сукарно, лишенный реальной власти, вел арьергардные бои. То, что армии понадобилось полтора года, чтобы окончательно «дожать» президента, показывает, какими огромными ресурсами влияния обладал Сукарно. Но исход политической борьбы решает организация, контроль над аппаратом, над средствами пропаганды. Все это было у армии, а остальное было лишь вопросом времени. Атака на президента велась не методом штурма, а осады. Последовательно разрушались его укрепления, разрушался образ «бунга Карно», сложившийся на протяжении десятилетий у индонезийского народа. Непосредственное руководство осадой осуществлял Сухарто, но главным стратегом и дирижером был Насутион.

Именно ему принадлежала центральная идея операции против Сукарно — создание «фронтов совместных действий», т. е. массовых антисукарновских организаций рабочих, крестьян, предпринимателей, религиозных и женских организаций, учителей и т. д. во главе с самым мощным и боевым «фронтом» — КАМИ («фронт совместных действий индонезийских студентов»). В 1966 г. КАМИ стал наиболее сильной общественно-политической организацией в Индонезии. Организованные КАМИ массовые выступления позволили армии создать по крайней мере видимость широкого народного движения против Сукарно. При помощи студентов, олицетворявших «возмущенную гражданскую общественность», военные добивали фактически уже беспомощного, но все еще, с упорством обреченного, цеплявшегося за призрачные остатки власти Сукарно. «Великому лидеру революции» пришлось до конца испытать чашу унижения: его безжалостные враги не пощадили и частную жизнь президента, разоблачая его «аморальное поведение».

Насутион выдвинул и лозунг «поколения 1966 года», которое призвано обновить и оздоровить жизнь страны, создать

«новый порядок». Тремя главными силами «нового порядка» Насутион назвал «поколение 1966 года, вооруженные силы и фронт панча-силы» [83, 4.II.1966].

Изганный президентом из состава правительства, Насутион впоследствии занял еще более важный пост — председателя МПРС — Временного народного консультативного конгресса, главного законодательного органа страны. С этого плацдарма он и повел решающую атаку на Сукарно.

Единственный в своем роде путь развития индонезийской армии как политической силы привел ее к командным высотам в государстве. «В результате переворота к власти в Индонезии пришла реакционная верхушка вооруженных сил, выступающая в блоке с правыми мусульманскими буржуазными партиями и организациями» [70, 1968, № 15, 117].

На плечи военных легла неимоверно тяжелая ответственность. От режима Сукарно они унаследовали страну экономически разоренную, нищую, зависящую от иностранных государств; страну политически обескровленную, изверившуюся в лидерах и доктринах, надолго обреченную пожирать горькие плоды ненависти и междоусобной вражды, посеянные в недавнем прошлом. Пороки прежней системы остаются, паразитический слой бюрократической буржуазии по-прежнему хозяйничает в стране. «Кабиры» из среды военных считают, что теперь для них созданы более благоприятные условия, чем когда-либо раньше. В марте 1967 г. по обвинению в коррупции был арестован ряд высокопоставленных офицеров. Как пишет журнал «Каррент хистори», «если устоявшиеся интересы старшего поколения военных лидеров сорвут перспективу экономической стабилизации, недовольство более молодых офицеров как левого, так и правого направления будет расти» [89, 1967, January, 51].

До экономической стабилизации еще далеко. Девальвация рупии, проведенная военным режимом в декабре 1965 г., отнюдь не покончила с инфляцией. Индекс стоимости жизни за 1967 г. возрос на 122%, главным образом за счет роста цен на рис и керосин. Промышленность загружена на 20—30% (на начало 1968 г.). Прожиточный минимум семьи из 5 человек составлял в начале 1968 г. 15 900 рупий в месяц, а максимальная заработная плата государственного служащего — 7,5 тыс. рупий. Удалось несколько упорядочить деятельность государственного сектора, уменьшить его чудовищную нерентабельность, но серьезного перелома не достигнуто. Новый руководитель индонезийской экономики султан Хаменгку Бувоно идет навстречу частному капиталу; он заявил, что правительство больше не будет рассматривать крупных и средних предпринимателей как врагов государства и народа и пересмотрит законодательство, мешавшее их деятельности.

Нехватка иностранной валюты по-прежнему создает почти непреодолимые трудности с импортом оборудования, а отсутствие политической стабильности способствует созданию атмосферы доверия, необходимой для капиталистов. Как указывается в экономическом обзоре, «капитал все еще предпочитает идти не в промышленность и другие производительные сферы, а в спекулятивную торговлю, где можно получить от 10 до 15 или даже 20% прибыли в месяц» [120, 1966, № 2, 6].

Правительство стремится привлечь иностранный капитал: 24 декабря 1966 г. парламент принял новый закон относительно иностранных вкладчиков; показательно, что если раньше в так называемые закрытые сектора экономики (энергетика, атомная промышленность, судостроение, железные дороги, авиалинии, «индустрия информации» и др.) доступ иностранному капиталу был запрещен, то теперь запрещается лишь «полный иностранный контроль» [120, 1967, № 1, 12]. Следуя рекомендациям Международного валютного фонда и «Токийского клуба» кредиторов, новый режим широко распахивает двери перед иностранным капиталом. Однако практически речь может идти сейчас лишь о государственной помощи и помощи международных финансовых организаций; иностранный частный капитал проявляет мало желания иметь дело со страной, охваченной хронической политической смутой.

Бюрократическая буржуазия и армия, по-видимому, поглощают огромные средства. Раздутые вооруженные силы и армия чиновников висят на шее народа, но трудно ожидать, что новый режим может что-либо изменить в этом отношении. Точно так же нельзя представить, что правительство сможет действительно оздоровить государственный сектор: закрытие нерентабельных предприятий означало бы массовое увольнение рабочих и служащих в то время, как в стране уже насчитывается около 3 млн. безработных.

Сукарно свергнут, но созданная в период его правления система продолжает функционировать. «Кабиры» процветают, как и раньше, народ погрязает в нищете.

В начале августа 1967 г. был арестован ряд офицеров по обвинению в организации заговора с целью возвращения к власти Сукарно. С другой стороны, методически укрепляет свои позиции генерал Насутион, влияние которого в армии в основном не поколеблено. Ряд офицеров-националистов, возмущенных обстановкой, царящей в стране, укрепляется во мнении, что устранение Сукарно не решило главных проблем, стоящих перед Индонезией. Эта часть офицерства возлагает надежды на Насутиона. Она склоняется к мысли, что только установление безраздельной власти армии может приостановить развал государства. Однако для этого надо преодолеть сопротивление той части армейской верхушки, кото-

рая срослась с бюрократической буржуазией и не заинтересована в серьезных переменах³⁴.

Бюрократически-милитаристская корпорация, каковой является индонезийская армия, безусловно не в состоянии решить сложные социально-экономические проблемы, стоящие перед страной. Пока что стрелка политического компаса указывает вправо; полоса тяжелых испытаний для Индонезии далеко еще не миновала.

³⁴ Положение в вооруженных силах Индонезии после прихода к власти Сухарто рассмотрено в статье Р. Русева «Индонезия: генералы и политика» [71, 1968, № 12].

Глава 4

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Африканские страны были для колонизаторов источником пушечного мяса. Во время первой мировой войны во французской армии служили 181 тыс. так называемых сенегальских стрелков, хотя они набирались не только в Сенегале. В битве на Сомме участвовал 31 сенегальский батальон, а всего таких батальонов к концу войны было 92 [181, 376]. Во время второй мировой войны в составе 1-й французской армии, высадившейся с войсками союзников в Южной Франции в 1944 г., была 9-я дивизия колониальной пехоты, набранная из африканцев. В колониальной войне в Индокитае на стороне французов воевало 15 тыс. африканских солдат и офицеров, а в войне в Алжире и в суэцкой агрессии участвовали 30 тыс. африканцев [181, 376].

Англичане во время первой мировой войны использовали африканские войска только в операциях на африканском континенте: 10 тыс. солдат и столько же носильщиков было послано из Западной Африки в Восточную для военных действий против германских войск. Зато во время второй мировой войны в британскую армию было мобилизовано 372 тыс. африканцев, из них 166 тыс. человек несло службу вне территории своих стран; больше половины воевало в Бирме. После войны последовала демобилизация африканцев, и в Британской Африке осталось лишь 19 тыс. военнослужащих из местного населения [181, 364—365].

Служба в вооруженных силах метрополий создала кадры военнослужащих для национальной армии. Молодые государства могли строить свои вооруженные силы уже на какой-то базе, а не на пустом месте. Вместе с тем укомплектование вооруженных сил (в первую очередь офицерского корпуса) новых государств кадрами, прошедшими службу в колониальных войсках, объективно означало отдачу важнейшего участка государственной жизни на откуп элементам западной формации.

Из этого не следует, что бывшие военнослужащие колониальных армий автоматически могут рассматриваться как агентура неокOLONиализма. Многие из них — патриоты, не меньше чем люди, не имевшие ничего общего со службой в армиях метрополий.

Речь идет о другом: офицеры, прошедшие обучение в военных училищах Англии и Франции и служившие в колониальных войсках, были воспитаны в духе, господствовавшем в армиях метрополий, усвоили соответствующий образ мыслей и западную буржуазную шкалу ценностей.

Военнослужащие, мобилизованные во Французской Африке, воевали на стороне колонизаторов против сил национально-освободительного движения Вьетнама, Алжира, и нигде не упоминается о их переходе на сторону патриотов или хотя бы дезертирстве. Это говорит не только о их дисциплинированности, но и об уровне политической сознательности. Нельзя забывать, что сын мелкого служащего или торговца из нищей африканской страны, став офицером французской или английской армии, чувствовал себя приобщившимся к избранному корпусу, к элите. Отношение к нему его белых коллег было — во всяком случае внешне — видимо, вполне лояльным, он не ощущал дискриминации, в нем старались культивировать корпоративную офицерскую солидарность. Стараясь как можно полнее ассимилироваться в новой среде, офицер-африканец привыкал смотреть на вещи глазами белого офицера, читал западную литературу и прессу, подвергался соответствующей идеологической обработке. Став впоследствии офицером национальной армии, он во многом оставался офицером английских или французских вооруженных сил, с буржуазно-консервативными взглядами, с предубеждением против политики и политических деятелей, с крайне поверхностным пониманием социальных и политических проблем. Он гордился своим профессионализмом, был весьма далек от среды, из которой в свое время вышел, и, как правило, отличался антикоммунистическими предубеждениями, внушенными еще в период службы в армии колонизаторов.

Такой тип военнослужащего, естественно, мало соответствует этапу развертывания и углубления национально-демократической революции, ее перерастания в революцию социальную. Но в большинстве стран Тропической Африки правящая элита и не заинтересована в развитии и углублении революции, ибо это угрожает ее вновь приобретенным привилегиям. Поэтому тип офицера — выходца из вооруженных сил бывшей метрополии — вполне устраивает правящие круги, и отношения между правительством и армией вполне корректные. Тот факт, что в ряде стран военные свергли гражданские правительства, объясняется, за исключением Ганы,

отнюдь не принципиальными политическими разногласиями с ними.

Этот же тип офицера воспроизводился в процессе подготовки новых кадров в военных школах, созданных колонизаторами. Особенно прозорливыми оказались французы: помимо обычных военных школ, в которых обучались будущие офицеры из жителей заморских территорий (особенно отмечается в этом плане школа Коэткидан), после второй мировой войны была создана школа ЭФОРТОМ, в которую принимали молодых африканцев и мальгашей, уже имевших за плечами службу в армии, но без достаточного общего образования. Курс обучения в школе продолжался два года, упор делался на изучение общеобразовательных дисциплин, после чего кадеты в течение года обучались вместе с французами в Эколь д'апликасьон (Франция). Ежегодно школа выпускала 25—30 младших лейтенантов. Кроме того, имелись специальные военные школы для мальчиков. Особенно тщательно была поставлена военная подготовка во Французской Западной Африке: в Уагадугу была начальная отборочная школа, окончив которую наиболее способные мальчики могли поступить в техническую школу в Бенжервилле или в колледж Сен-Луи. Для лучших впоследствии открывалась дорога в Сен-Сир [180, 79].

Эта система подготовки дала неплохие результаты. В 1950 г. африканский офицерский корпус французской армии насчитывал 1 полковника, 3 майоров, 3 капитанов, 59 лейтенантов и младших лейтенантов. В 1960 г., т. е. к моменту образования национальных африканских армий, имелось уже 4 полковника, 6 майоров, 31 капитан, 157 лейтенантов и младших лейтенантов. Они и составили офицерский корпус бывшей Французской Африки. Кроме того, в военных школах обучалось еще 800 кадетов [180, 80].

Армии стран бывших французских колоний в Африке возникли на базе 1-й бригады (штаб в Сен-Луи), 2-й бригады (Бамако) и 3-й бригады (Ниамей) — в Западной Африке и двух соединений со штабами в Форт-Лами и Банги — в Экваториальной Африке. Главные штабы в Дакаре и Браззавиле были ликвидированы. Согласно специальной договоренности, вооруженные силы были распределены среди вновь образованных республик и переданы под командование офицеров национальных армий [181, 377—378].

Вооруженные силы этих стран после достижения независимости характеризовались следующими данными:

Сенегал: армия — 5 тыс. человек, жандармерия — 1,2 тыс. человек.

Мавритания — соответственно 1,2 тыс. и 250 человек.

Берег Слоновой Кости — 5,3 тыс. и 1,5 тыс. человек.

Дагомея — 1,3 тыс. и 1 тыс. человек.

Того — 550 и 1 тыс. человек.

Нигер — 900 и 200 человек.

Верхняя Вольта — 1,2 тыс. и 500 человек.

Камерун — 2,9 тыс. и 2,8 тыс. человек.

Чад — 450 и 400 человек.

Центрально-Африканская Республика — 450 и 500 человек.

Габон — 360 и 600 человек.

Конго (Браззавиль) — 750 и 1 тыс. человек.

Мальгашская республика — 2,7 тыс. и 3,6 тыс. человек.

В Британской Западной Африке колониальные вооруженные силы (Нигерийский полк, полк Золотого берега, батальон Сьерра-Леоне и рота Гамбии) именовались Королевскими западноафриканскими пограничными силами (RWAFF). Системы подготовки местных офицерских кадров, подобно французской, у англичан не было. В результате в Гане к 1957 г. офицеров ганского происхождения в армии было не более 10%, в Нигерии 25% [180, 96—98]. В Британской Восточной Африке вооруженные силы были объединены в соединении, именовавшемся Королевские африканские стрелки (KAR). Впоследствии на базе 3-го, 5-го и 6-го батальонов этого соединения были образованы соответственно армии Кении, Уганды и Танганьики. Офицерские кадры из местного населения не готовились вообще. К концу 1959 г. только один африканец из этого района был послан в английское военное училище Сэндхерст; в течение 1961 г. несколько лейтенантов-африканцев получили командные должности в Кении и Танганьике [181, 369—371], а десятки молодых африканцев уже проходили обучение в кадетском училище в Кагаме и английских военных учебных заведениях. Когда Кения получила в 1964 г. независимость, ее армия уже располагала контингентом в 150 офицеров-африканцев [181, 373].

По данным на 1966 г., армия Кении насчитывала 5,7 тыс. человек, Ганы — 15 тыс. человек (не считая авиации — 1 тыс. человек), флот — 1 тыс. человек, полиция — 9 тыс. человек, Нигерии — сухопутная армия — 11,5 тыс. человек, полиция — 23 тыс. человек [180, 422].

Прежде всего обращает на себя внимание ничтожная численность вооруженных сил подавляющего большинства африканских государств. С чисто военной точки зрения их ценность как силы, способной защитить страну от внешнего врага, совершенно незначительна. Когда в январе 1964 г. в Уганде, Кении и Танганьике восстали местные войска, требуя африканизации кадров и повышения жалованья, и президенты этих государств обратились за помощью к Англии, то не потребовалось никаких серьезных усилий, чтобы деморализовать и рассеять африканских солдат: достаточно было выса-

дять на вертолетах десант моряков. В Габоне в декабре 1964 г. отряд французских парашютистов подавил путч местной армии, потеряв при этом убитыми всего двух человек. В Конго (Киншаса) в 1960 г. бельгийские парашютисты легко справились с взбунтовавшимися местными войсками.

Карликовые армии большинства африканских стран и не предназначены для ведения военных действий против внешнего врага. Но они и не предназначены для поддержания порядка внутри страны: для этого существует жандармерия или полиция, которые в ряде стран по численности превосходят армию, иногда вдвое (Нигерия). Как уже отмечалось, **армия нужна как символ суверенитета** (и в самом деле, **армии Того или Габона, насчитывающие по две роты,— армии символические**). Но ее нельзя было не создать хотя бы потому, что некуда было девать ветеранов колониальных войск бывших метрополий и новоиспеченных офицеров, подготовленных французскими и английскими военными училищами. Кроме того, в рамках однопартийной системы армия нужна правительствам африканских стран как политическая сила, обеспечивающая господство правящей группы. На нее смотрят как на политическое орудие правительства.

Отметим еще одну особенность африканских армий: несоответствие их этническому составу населения данной страны в целом, что является результатом национальной политики, проводившейся колониальными властями. Так, в Британской Западной Африке офицерский состав Королевских западно-африканских пограничных сил комплектовался в основном из представителей более развитого в культурном отношении населения южных прибрежных районов Нигерии и Ганы, в то время как рядовых набирали в отсталых северных районах. В Гане к моменту достижения независимости 92% офицеров были по своему происхождению из прибрежных районов, а 62% рядовых — с дальнего севера [181, 373]. Коулман и Брайс писали: «Существовали важные мотивы для отбора солдат из политически более спокойных, менее националистически настроенных групп. Одна из главных функций вооруженных сил состояла в подавлении внутренних восстаний и беспорядков. Было гораздо безопаснее набирать военнослужащих из тех племен и районов, которые менее всего могли быть вовлечены в эти беспорядки» [181, 373]. В рекрутировавшемся среди населения Уганды батальоне Королевских африканских стрелков, на базе которого была создана армия Уганды, процент солдат из самого многочисленного племени буганда был ничтожен, а в полиции Кении доля представителей самого большого и наиболее активно боровшегося против колонизаторов племени кикуйю не достигала и одной десятой [157, 39, 57]. «Предпочтение, — писал Гаттеридж, — отдается неграмот-

ным из тех соображений, что они легче подчиняются дисциплине...» [157, 39]³⁵. После достижения независимости эти диспропорции стали вызывать недовольство и способствовали обострению трибализма. И дело не только в самолюбии данной этнической группы или племени. Военная служба считается в Африке хорошей карьерой. Она дает обеспеченность, социальный престиж, гарантированную пенсию, шансы получить приличную работу после демобилизации. За время прохождения службы солдат овладевает грамотой, а если попадает в технические войска, то приобретает еще и специальность, которая впоследствии сможет пригодиться ему в гражданской жизни. Кроме того, повсюду в Африке европейские торговые фирмы при наборе местных служащих, особенно на должности, связанные с материальной ответственностью, всегда отдадут предпочтение бывшим военным служащим.

«В Гане,—отмечал Гаттеридж,—в 1961 г. основной оклад солдата равнялся 16 ф. в месяц, что выгодно отличалось от средней зарплаты в стране, минимальный размер которой составлял 6 шиллингов 6 пенсов в день. Кроме того, имело значение бесплатное жилье, обмундирование и т. д. ... Поэтому в рекрутах никогда нет недостатка. Учебный центр вооруженных сил Ганы в Кумаси без особой рекламы имеет возможность выбирать из 1500 претендентов на 40 мест». Гаттеридж приводит следующий пример: когда 15 сентября 1960 г. был объявлен набор бывших военнослужащих в батальон, предназначенный для отправки в Конго, «уже к 9 часам утра того же дня у дверей соответствующего военного ведомства выстроилась очередь в 200 человек» [157, 34]. Ив Бено рассказывает, что в Аккре в 1963—1964 гг. можно было встретить молодых людей из Того, приехавших в Гану, так как здесь уровень жизни был выше, чем у них на родине. Они с нетерпением ожидали ответа на просьбу о зачислении их в тоголезскую армию и, получив положительный ответ, немедленно направлялись обратно, считая себя счастливыми [123, 27.I.1967, 30].

Аналогичные соображения распространены и среди офицеров. На семинаре, организованном Центром изучения политических отношений Дижонского университета в 1966 г., отмечалось: «Нет сомнения, что для большинства профес-

³⁵ Заметим, что в этих армиях офицеры и солдаты принадлежат к разным этническим группам: в Кении офицеры главным образом кикуйю, а среди солдат, как уже отмечалось, кикуйю мало. В Гане и Нигерии офицеры в отличие от солдат в основном южане. Иными словами, офицеры — выходцы из более развитой и культурной среды. На это обстоятельство, несомненно ослабляющее сплоченность армии в момент кризиса (как, например, в Нигерии), обратил внимание В. Иорданский в своей работе «О характере военных диктатур в Тропической Африке» [72, 1967, № 4].

сиональных военных вступление в армию нового государства было вызвано в большей мере желанием спокойно завершить карьеру, чем какой-либо патриотической идеей» [180, 80—81]. Далее автор подчеркивал, что «второе поколение» офицеров, т. е. те, кто обучался в основном в Котэкидане и недолго успел прослужить во французской армии (фактически только в период обучения),— это люди, настроенные гораздо более националистически и ближе стоящие к политике, чем ветераны французской колониальной армии. «Они интересуются политикой, новыми идеями, проблемой однопартийности и т. д. Они явно не отделяют роль армии от роли политической партии» [180, 91].

Однако большинство офицеров, занимающих наиболее ответственные посты, принадлежат к первому поколению. Лидеры военных переворотов в Дагомее, Центрально-Африканской Республике и Верхней Вольте — полковники Согло, Бокасса и Ламизана — воевали в Индокитае, лидеры переворотов в Гане и Нигерии — генералы Анкра и Иронси — участвовали в операциях войск ООН в Конго. Иронси 24 года прослужил в британской армии, Бокасса дослужился до чина капитана после 20 лет службы во французской армии, Ламизана прослужил во французской армии 26 лет, лидер переворота в Того подполковник Эйадема служил во французской армии 13 лет, воевал в Индокитае и Алжире, а соучастник заговора полковник Даджо, ставший главой военного правительства в Того, воевал еще раньше — в рядах французского Сопrotивления, а затем в Индокитае. Лидер последнего переворота в Дагомее Альфонс Алле воевал в Индокитае и Алжире.

Сходство карьер всех этих высших офицеров бросается в глаза. У всех за плечами длительная служба в колониальных войсках, все они отличались военными способностями и решительностью, иначе бы они не смогли пробить себе «путь наверх»; вполне логично, что именно они в момент внутреннего кризиса решительно пошли на взятие власти и так же логично, что у них не оказалось никаких социальных программ, они не стали лидерами массового политического движения.

По-видимому, они сохранили лояльное или даже теплое отношение к бывшей метрополии. Они охотно поддерживают связи со своими бывшими коллегами из французских или английских вооруженных сил. Эти военные не скрывают, что их симпатии — на стороне западного блока, хотя они отдают дань концепциям нейтралитета и неприсоединения («прозападное неприсоединение», как выразился генерал Анкра). Наконец, стоит особо подчеркнуть, что все они поддерживают тесную связь с бывшими метрополиями и в чисто военной

области. Их страны имеют соглашения с Англией и Францией о совместной обороне, армии вооружены английским или французским оружием.

В Тропической Африке нет военной промышленности, и все необходимое вооружение и боеприпасы поступают извне. Коулмэн и Брайс справедливо указывали, что «в обозримом будущем ни одно африканское государство не сможет добиться самообеспеченности в отношении военного оборудования и профессионально подготовленных кадров военных специалистов» [181, 385].

К 1964 г. число французских экспертов и инструкторов в Африке достигло 3 тыс. офицеров, а в военных школах Франции обучалось 1,5 тыс. африканцев. Соответствующие данные по бывшей Британской Африке — 600 и 700 офицеров. В Гане около 20% офицеров получили военное образование непосредственно в военных колледжах Англии, остальные — под руководством английских инструкторов в Гане. К началу 1965 г. в стране насчитывалось около 200 английских и канадских военных инструкторов [123, 27.I.1967, 30].

Большинство высших офицеров суданской армии не только учились в Англии, но и служили в британских вооруженных силах во время второй мировой войны. В 1959—1961 гг. в Англии прошли военное обучение 50 суданских офицеров. Лучший английский военный колледж Сэндхерст в 1937—1962 гг. окончили 62 нигерийца и 47 ганцев, а в кадетском училище в Олдершоте в 1961 г. прошли четырехмесячные курсы подготовки 34 нигерийца, 30 сомалийцев и др. [157, 16—17].

Офицерский корпус вооруженных сил Конго (Киншаса) проходит обучение в основном в Бельгии. К 1966 г. в Бельгии находились 183 конголезских офицера, и их число должно было быть доведено до 280 [180, 109]. Более подробные данные о военных связях африканских государств с бывшими метрополиями будут приведены в одной из последующих глав, посвященной теме «Империализм и вооруженные силы развивающихся стран».

Создалось своеобразное положение: в независимом национальном государстве такой важнейший фактор государственной жизни, как вооруженные силы, оказался (по крайней мере, если говорить об африканском корпусе), по существу чужеродным, явился как бы продолжением вооруженных сил бывшей метрополии. В результате национально-освободительного движения страна добилась независимости, стала суверенной и политически самостоятельной, начала прилагать усилия для обеспечения экономической независимости, что предполагает борьбу против неокOLONИализма, представленного в первую очередь бывшими метрополиями. И в то же

время «система безопасности» остается фактически под контролем бывшей метрополии: вооружение армии, система образования зависят от колонизаторов, они обучают и инструктируют офицерский состав.

Поскольку правительство должно быть уверено в преданности вооруженных сил, в том, что армия будет поддерживать его и начертанный им политический курс, то на эту поддержку можно рассчитывать скорее всего тогда, когда правительство ориентируется на сотрудничество с бывшей метрополией, следует общей прозападной линии. В противном случае, как показали события в Конго в период, когда у власти стоял Лумумба, и в Гане в период правления Нкрумы, конфликт между ним и армией почти неизбежен.

Для большинства молодых африканских государств в настоящее время эта проблема не актуальна, поскольку буржуазно-бюрократические правительства проводят прозападную политику. Однако в тех странах, где руководители намерены проводить подлинно независимую, антиимпериалистическую политику, отмеченное противоречие вызывает глубокую тревогу. Эти руководители хотели бы покончить с военной зависимостью от бывших метрополий, но сделать это нелегко. Президент Танзании Ньерере заявил однажды: «В идеале я бы предпочел, чтобы нашу армию обучала смешанная военная миссия Содружества... Если же Содружество и малые страны не желают или не в состоянии помочь, мой долг заключается в том, чтобы обеспечить положение, при котором моя страна не будет зависеть в плане военной помощи от какой-либо одной великой державы. Необходимо, следовательно, добиться некоего равновесия... Наличие армии в экономически слаборазвитой стране всегда связано с риском, но так как в наше время нельзя обойтись без армии, задача состоит в следующем: обеспечить такую полную интеграцию офицеров и солдат в механизме государства и партии, чтобы они представляли собой не больший риск, чем, скажем, служащие государственного аппарата» [113, 30.VIII.1964].

Возникает вопрос, как обеспечить подобную «интеграцию»? Прежде всего, конечно, правительство понимает, что обеспечить преданность армии можно лишь при сохранении привилегий, к которым офицеры и солдаты привыкли еще в колониальных войсках. Любая попытка их урезать или даже промедлить с предоставлением новых, требуемых армией, связана с «риском», о котором говорил Ньерере. Мятежи солдат в Восточной Африке в 1964 г. были связаны с требованием повысить жалованье.

Поэтому расходы на содержание вооруженных сил, какими бы обременительными они ни были для нищей страны, не могут быть сокращены по сравнению с экономически разви-

тыми странами, эти расходы относительно невелики в странах Тропической Африки (в среднем 4—6% бюджета), но в абсолютном выражении весьма чувствительны, учитывая крайнюю скудость ресурсов и необходимость строгой экономии средств.

Но материальное обеспечение — лишь одна сторона дела. Правительства понимают, что необходим моральный стимул. С этим связаны попытки возложить на армию дополнительно к ее функциям, еще и некую «гражданскую миссию», привлечь к национальному строительству, заинтересовать задачами реконструкции страны. В Эфиопии, например, армия готовит пилотов для гражданской авиации, участвует в кампании по искоренению неграмотности, строит дороги и мосты, принимает участие в осуществлении проектов коммунального развития и т. п. В Береге Слоновой Кости новобранцев после короткого военного обучения направляют на сельскохозяйственные работы или совместно с геологами на поиски алмазов; эмблема армии этой республики — скрещенные винтовка и мотыга [180, 88].

«Гражданская миссия» находит отклик у молодых офицеров и солдат. Она также способствует росту популярности вооруженных сил в народе. Ведь еще совсем недавно на армию в Африке смотрели как на орудие колонизаторов; теперь это представление предстоит заменить совершенно противоположным, и помощь армии населению в различных сферах жизни помогает выработке нового взгляда на вооруженные силы.

Не только военнослужащие, находящиеся на действительной службе, но и демобилизованные могут стать немаловажным фактором в процессе модернизации африканского общества.

За время второй мировой войны полмиллиона африканцев прошли военное обучение, а это значит, что они не только выучились грамоте и овладели английским или французским языком, но и расширили свой кругозор, побывав в других странах, и во многих случаях приобрели специальность, пригодную для гражданской жизни. Организации ветеранов, созданные в ряде стран, обладают немалым политическим влиянием [196, 152]. В процессе формирования общественного мнения бывшие военнослужащие играют роль, намного превосходящую их фактическую долю в общей численности населения.

Остановимся теперь на примерах политических выступлений армии.

17 декабря 1962 г. президент Сенегала Л. Сенгор с помощью парашютных войск подавил попытку премьер-министра Мамаду Диа совершить государственный переворот.

1 января 1963 г. был раскрыт заговор против президента Берега Слоновой Кости Уфуэ-Буаньи. Среди арестованных оказался ряд военных, включая капитана жандармерии.

13 января 1963 г. произошел переворот в Того. Его инициаторами были унтер-офицеры и солдаты, вернувшиеся в Того (кстати, по вызову президента Олимпио) из французской армии и требовавшие зачисления в армию своей страны. Олимпио из соображений экономии отказался удовлетворить их требования. Ветераны ночью окружили дворец и убили президента. Армия (состоящая из одной роты) солидаризировалась с ветеранами.

15 августа 1963 г. президент Конго (Браззавиль) Фильбер Юлу был вынужден капитулировать перед лицом массовых выступлений, организованных профсоюзами. Юлу передал власть армии; начальник штаба майор Мунсак вручил власть гражданским революционерам.

28 октября 1963 г. почти аналогичная история, но с другим концом, разыгрывается в Дагомее. Профсоюзы принуждают президента Мага к отставке, а начальник штаба полковник Согло становится во главе правительства [180, 93].

19—23 января 1964 г. в Кении, Танганьике и Уганде поднимают мятеж местные армии, только что образованные на базе Королевских африканских стрелков. Заперев в казармах офицеров-англичан, солдаты (без сомнения, заранее сговорившись между собой во всех странах) движутся на столицы. В Дар-эс-Саламе генерал Дуглас успевает бежать из лагеря в нижнем белье и предупредить президента Ньерере, который вовремя покидает столицу. Мятежники требуют повышения жалованья и увольнения английских офицеров. Все три президента обращаются за помощью к Англии. Зрелище парадоксальное: Джомо Кениата, немало лет просидевший в английской тюрьме, добившись власти, вынужден для защиты от собственных солдат просить англичан прислать войска. Англичане моментально подавляют мятежи. После этого танганьикская армия вообще распускается и создается заново, в армиях Уганды и Кении проводятся крупные чистки [49, 3.V.1966].

30 января 1964 г. в Береге Слоновой Кости арестованы пять офицеров по обвинению в подготовке заговора против государства.

17 февраля 1964 г., также на почве недовольства размером жалованья, менее высокого, чем во французской армии, происходит путч в Габоне. Четыре лейтенанта во главе 200 солдат, т. е. почти половины габонской армии, окружают ночью дворец, обезоруживают стражу и арестовывают президента Леона Мба. Однако им не удалось договориться с жан-

дармерией, которая, хотя и довольно пассивно, но противостоит путчистам. Вице-президент обращается к Франции, которая по соглашению об обороне оказывает уже почти не существующему габонскому правительству военную помощь. Французский парашютный десант быстро наносит поражение габонской армии и восстанавливает Мба в должности президента.

25 ноября 1965 г. генерал Мобуту берет в свои руки власть в Конго (Киншаса). (Об этом подробно будет сказано ниже.)

29 ноября 1965 г. генерал Согло становится у власти в Дагомее. Уже отмечалось, что двумя годами раньше Согло выступил в качестве арбитра во время внутривластного кризиса, приведшего к отставке президента Мага. Тот кризис был связан с борьбой за власть между Мага, представителем северных районов, и вице-президентом Апити, опиравшимся на восточные районы. Тогда Согло, восстановив порядок, передал власть гражданским, но спустя некоторое время повторилась прежняя картина, с той лишь разницей, что на этот раз Апити, став президентом, вступил в ожесточенную борьбу с новым вице-президентом Ахомадегбе, представителем западных районов. Как во время первого, так и второго кризисов в борьбу вмешались профсоюзы, протестовавшие против сокращения заработной платы государственным служащим. Дело дошло до серьезных волнений. Ахомадегбе удалось установить контроль над партийным аппаратом, ссылаясь на приоритет партии перед государственной властью, он потребовал отставки президента, который в ответ организовал демонстрации в своей вотчине Порто-Ново. Тогда Согло захватывает власть и выметает из страны соперничающих лидеров, которые с тех пор вместе с Мага живут в Париже [49, 4.V.1966; 129, 1.I.1966].

31 декабря 1965 г. полковник Бокасса захватывает власть в Центральноафриканской Республике. Он свергает своего двоюродного брата, президента Дако.

4 января 1966 г. в Верхней Вольте приходит к власти подполковник Ламизана. Перед этим президент Ямеого снизил заработную плату служащим государственного аппарата, среди них начались массовые волнения. Профсоюзы почти добились падения президента, но в последний момент армия перехватила власть. Впоследствии командующий армией говорил, что он должен был либо стрелять в народ, либо сместить президента. Ямеого по радио обратился к народу с речью, в которой восхвалял армию и выражал свое удовлетворение ее действиями. При сложившейся ситуации для него это был не самый худший вариант.

15 января 1966 г. был совершен переворот в Нигерии, а 24 февраля — в Гане.

28 ноября 1966 г. в Бурунди капитан Мичомберо — премьер-министр, министр обороны и внутренних дел — сверг короля Нtare Пятого, упразднил монархию, провозгласил республику и создал под своим председательством Национальный революционный комитет. Спустя десять дней Мичомберо, произведенный в полковники, был назначен президентом сроком на семь лет. Этот переворот явился кульминационным пунктом длительной внутренней борьбы в Бурунди. Достаточно сказать, что начиная с 1961 г. из семи премьер-министров двое были убиты, один казнен, один заключен в тюрьму. Страна пережила кровавую трибалистскую резню между обеими этническими группами — тутси и хуту. В октябре 1965 г. часть армии, возглавлявшаяся офицерами хуту, произвела неудачную попытку государственного переворота. Офицеры-заговорщики и связанные с ними политические деятели были расстреляны.

Наконец, 1 сентября 1966 г. наследный принц сверг отца и провозгласил себя королем — Нtare Пятым. Решающую поддержку ему оказал 26-летний капитан Мичомберо, родом из небогатой семьи тутси, окончивший королевскую военную школу в Брюсселе и назначенный на должность командующего столичным военным округом. Мичомберо стал выразителем интересов «новых средних слоев» — служащих, студентов, офицеров, которые все активнее выступали против «ганвы» — традиционной придворной аристократии. Разворачивалась деятельность партий, профсоюзов. Кризис старой элиты назревал, и Мичомберо, помогший принцу стать королем, сбросил его с трона, положив конец существованию династии.

22 марта 1967 г. произошел военный переворот в Сьерра-Леоне. Этому предшествовала длительная политическая борьба, существенным элементом которой было соперничество двух этнических групп — менде и темне. Страной правил премьер-министр Альберт Маргай, по национальности менде; большинство офицеров армии были тоже менде. Народной партии, которую возглавлял Маргай, противостояла партия Народного конгресса во главе со Стивенсом, опиравшаяся главным образом на темне. В феврале 1967 г. был раскрыт заговор против Маргая и главнокомандующего армией бригадира Лансаны (тоже менде). Заговором руководил заместитель Лансаны подполковник Бангура, родом из темне. Результаты состоявшихся в марте выборов в парламент неясны. Каждая партия утверждала, что она одержала победу. Генерал-губернатор Бостон поручил Стивенсу сформировать новое правительство, но бригадир Лансана заявил, что действия Бостона незаконны, поскольку окончательный подсчет голосов еще не закончен. Объявив в стране чрезвычайное

занности, посадив их под домашний арест.

Но тут же последовал второй переворот. Группа офицеров арестовала самого Лансану, а также Маргая и создала Комитет национальной реформации, выполняющий обязанности временного правительства. В комитете были поровну представлены менде и темне, а председателем его был заочно назначен подполковник Джаксон-Смит, находившийся в это время на стажировке в Англии³⁶.

Следует сказать, что причинами переворота были не только трибалистские противоречия, но также дефицит бюджета, рост внешней задолженности, трудности с производством сельскохозяйственных продуктов, усиливавшаяся коррупция и т. д.

13 января 1967 г. в Того произошел второй переворот. Командующий армией 29-летний подполковник Эйдаема сверг президента Грюницкого, занимавшего после убийства Олимпио этот пост ровно четыре года. Обосновывая переворот, Эйдаема заявил, что политика Грюницкого не имела успеха и что в стране существовало недовольство ею. Эйдаема создал временный орган государственной власти — Комитет национального примирения — и поставил во главе его полковника Даджо.

Таким образом, из молодых государств Тропической Африки избежали активного вмешательства армии в политику (не считая неудачных заговоров узких офицерских групп) лишь Гвинея, Мавритания, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Нигер, Чад, Камерун, Малави, Замбия, Лесото.

Известную роль в переворотах играет пример соседей. Перевороты заразительны. Журнал «Нэйшн» приводил слова либерийского офицера: «Если 250 солдат в Того могут захватить власть, подумайте, что можем сделать мы с нашими 5 тысячами» [106, 2.III.1964, 210].

Но, конечно, сила примера — не главное. Перевороты вызваны хроническим внутривластным кризисом, в основе которого лежит несостоятельность и коррумпированность правящей в большинстве стран Тропической Африки прослойки бюрократической буржуазии.

К бюрократической буржуазии относятся высшие государственные чиновники, партийные функционеры и депутаты парламента. Их отличительная черта — присвоение значи-

³⁶ Сначала на этот пост был назначен подполковник Генда (по национальности менде), но его сразу же сменил креол Джаксон-Смит. Заместитель председателя комитета, начальник полиции Ли заявил, что нужно по два человека с севера, юга, востока и запада.

тельной части государственных доходов за счет непомерно больших, в сравнении с подавляющей массой населения, окладов. Депутат парламента в республиках Афро-Мальгашской группы получает от 120 до 165 тыс. франков в месяц, в то время как средний доход крестьянина составляет 10—12 тыс. франков в год [154, 66]. В Верхней Вольте 57% всех государственных расходов шло на содержание чиновников, министров и парламентариев, в Дагомее еще больше — 60—75%.

В Габоне, в целях экономии, пришлось распустить парламента, так как выплата жалования депутатам ложилась непомерным бременем на государственный бюджет. Президент Верхней Вольты Ямеого получал жалование в размере 3 млн. старых франков в месяц [54, I.VII.1966].

Дэвид Хэпгуд писал о «пропасти между элитой, живущей по-европейски, и африканскими массами»: «От 80 до 95% африканцев — это крестьяне, урожай которых в стоимостном выражении составляет от 40 до 80 долл. в год. ...В сравнении с крестьянином скромный правительственный клерк или автомеханик, зарабатывающий примерно 60 долл. в месяц, относится к привилегированному меньшинству. На верхней ступени лестницы стоит член правительства, который получает 600 долл. в месяц и имеет за счет правительства автомашину и шофера, виллу и слуг... Африканские лидеры переселились во дворцы европейцев. Затем в одной столице за другой они построили себе собственные дворцы. ...Эти люди больше уже не могут сами открыть себе дверцу автомобиля», — жаловался мне один шофер, когда мы наблюдали, как должностные лица Берега Слоновой Кости выходили из своих блестящих черных «мерседесов» [69, 1964, № 8, 20].

Обычно, говоря о корнях коррупции в Африке, ссылаются на племенные традиции, обязывающие людей к взаимной вырубке. Лидер освободительного движения «португальской Гвинеи» Амилькар Кабраль говорил: «В Африке существует традиция, согласно которой, например, если у меня есть дядя в городе, я могу приехать и жить в его доме не работая, а он будет меня содержать» [99, 1964, August, 432]. Это так называемая система ндуку (братья по племени). Лежен пишет: «Каждый министр, директор — словом, каждое самозванное „превосходительство“, едва заняв пост начальника, обнаруживало, что к нему являлись со всех концов его „родичи“, вплоть до самых дальних, и требовали своего места за пиршественным столом и свою долю пирога. Им-то и достались посты — от начальников кабинетов до шоферов и т. д. Но у каждого из этих новых пришельцев были в свою очередь собственные „ндуку“, тоже ссылавшиеся на семейные права. В конце концов по этой системе стали раздаваться все

должности, вплоть до самых скромных. Так в Альбертвиле на государственной службе оказалось свыше сорока плотников, тогда как не имелось кредитов на закупку дерева или гвоздей. А санитарная служба платила жалованье 186 метельщикам для поддержания чистоты улиц общей длиной менее 10 километров» [54].

«Когда вы в столице посещаете какого-либо африканского деятеля, — пишет Д. Хэпгуд, — то обычно видите дюжину или более родственников, слоняющихся без дела на участке у дома и проедающих его жалованье, как только он его получает» [69, 164, № 8, 2].

Французская журналистка Катрин Варлэн свидетельствует: «Когда в глубь саванны доходит весть, что брат или кузен поступил на работу, скажем, в почтовое ведомство, вся родня вздыхает с облегчением... В Африке никому не приходит в голову, будь он самым бедным, отказать в приюте и пропитании, притом бессрочном, кому-нибудь из родственников, даже дальних. Поэтому мы видели служащих, содержащих 15—20 человек родни...»

Вирус коррупции захватил не только страны, относящиеся к «классическим» твердыням бюрократической буржуазии (Дагомея, Берег Слоновой Кости), но и те, где к власти пришли партии, пользовавшиеся репутацией прогрессивных. Уместно процитировать слова президента Гвинеи Секу Туре, заявившего в феврале 1965 г., что «единственной целью большинства административных и политических кадров стало обогащение, приобретение вилл и автомашин за счет страдающего народа». Это подтверждает высказанное ранее мнение, что социальная природа большинства групп, пришедших к власти в странах Тропической Африки, примерно одинакова.

Прав был президент Сенегала Л. Сенгор, который в связи с одним из судебных процессов против продажных чиновников сказал: «Случаи растраты общественных денег в Сенегале не более часты, чем в остальной Африке» [69, 1966, № 24].

В Центральноафриканской Республике выдача концессий на разработку алмазов «оплачивалась взяткой в 2—3 млн. африканских франков... Зло поразило весь аппарат: начиная с 1963 г. 20 префектов и супрефектов попались на незаконных операциях и угодили за решетку. Взятничество достигло таких размеров, что судебные органы даже не возбуждали дел против тех, кто грел руки суммой, не превышающей четверть миллиона франков... Предметом вымогательства стал... и партийный билет, дававший некоторые льготы. На местах ответственные лица МЕСАН продавали его за 8 тыс. франков, произвольно устанавливали „добровольные взносы“» [46, 1966, № 302].

В Конго (Киншаса), в провинции Киву, было обнаружено, что премьер-министр и два члена правительства создали акционерную компанию «Сокожеки», монополизировав скупку и производство чая и кофе за счет экспроприации ранее существовавших компаний. К моменту ареста премьер-министра Миуро и его сообщников ими было вывезено чая и кофе на сумму более 800 млн. конголезских франков; по приказу правления компании эти средства были заблокированы и переведены на личные счета этих министров в европейские банки [191, 240—241].

Министр финансов центрального правительства Конго (Киншаса) Пинзи Артур был уличен в продаже большой партии слоновой кости, принадлежавшей государству, и в присвоении денег. Министр внешней торговли Марсель Бисукиро, занимавший этот пост как при Лумумбе, так и при Адуле, изъяс из фондов министерства 14 млн. конголезских франков и перевел на свой личный счет за границей, а также купил на «неустановленные средства» банк и ряд промышленных предприятий. Не лишенный чувства юмора, он приобрел, путем давления на владельцев, газету «Диньитэ нувелль» («Новое достоинство»). Совершенно обнаглев, Бисукиро пытался продать европейской компании Национальный парк Конго [191, 242—244].

В некоторых африканских государствах иностранные дельцы установили «индекс продажности» для определения, сколько должен заплатить бизнесмен за встречу с министром [112, 10.IV.1966].

Особое негодование общественности вызывает тот факт, что во многих случаях коррупция прикрывается самым беспардонным лицемерием и сочетается с призывами соблюдать строгую экономию. В Верхней Вольте президент Ямеого призвал профсоюзы отказаться от требований прибавки заработной платы, а сам привез из Парижа дорогостоящее приданое своей новой невесте и устроил пышную свадьбу [112, 10.IV.1966].

«Мобилизация для масс и „мерседесы“ для министров» — так, по злому, но меткому замечанию Хэпгуда, должен был бы звучать подлинный лозунг большинства африканских правительств [157а, 77]. (Под «мобилизацией» подразумевается призыв к затягиванию поясов.)

Как писали прогрессивные сенегальские авторы, «бюрократическая буржуазия соединила в себе худшие черты всех породивших ее классов: жадность и бессовестность классической буржуазии; стремление к роскоши, интригам и дворцовым переворотам, наглость, свойственные феодалам; взяточничество, кумовство, нежелание и неумение работать, характерные для всякой бюрократической касты» [74, 1965, № 6, 56].

Было бы удивительно и неестественно, если бы эта паразитическая прослойка не вызвала недовольство, протест и возмущение в Африке. Стенли Мейслер рассказывал о беседе со студентом экономического факультета Ибаданского университета, который предложил, чтобы иностранные державы, предоставляя «помощь», контролировали распределение средств, вместо того чтобы просто сыпать их в карманы коррумпированных лидеров. «Две трети денег идут в карманы людей наверху. У нас в Нигерии эти люди делают все, что им заблагорассудится. Наши министры строят дома с семью ванными комнатами» [78, 1965, № 10, 12].

Жалобы, насмешки, брань в адрес бюрократической буржуазии можно слышать в любой стране Тропической Африки. Тем не менее она продолжает оставаться привилегированной социальной группой и довольно прочно удерживает командные позиции. Учитывая ее ничтожную численность, можно было бы предположить, что паразитическая прослойка не могла бы устоять перед столь широким возмущением масс трудящихся и интеллигенции. Не следует, однако, переоценивать оппозиционность молодой интеллигенции. По своей психологии, по своему «европейскому» (фактически буржуазному) образу мыслей, родственным связям и житейским привычкам молодая интеллигенция в значительной, а возможно и преобладающей, части недалеко ушла от правящих кругов. Часто речь идет всего лишь о разнице поколений: старшие успели пробраться к кормушке, а младшим не хватило мест, приходится ждать. В ожидании своего часа, который даст им возможность приобрести должности, виллы и «мерседесы», они могут позволить себе фрондировать, возмущаться безобразиями элиты, выступать в благородной роли борцов за справедливость и приобретать тем самым популярность в народе. Но они понимают, что подлинные глубокие социальные перемены им невыгодны: ведь время идет, процесс естественной смены поколений неизбежно выведет их «наверх», вчерашние студенты получают доступ к привилегиям, носителей которых они пылко обличали, и молодая интеллигенция, воспитанная, в общем, в том же духе, что и нынешние министры, пополнит ряды бюрократической буржуазии. Эта прослойка, как и всякая бюрократия вообще, воспроизводит самое себя, и в этом секрет ее живучести.

Молодые интеллигенты, исполненные подлинного патриотизма, могли бы и в существующих условиях найти себе применение: работы непочатый край. Перестраивать на современный лад деревню, учить грамоте крестьян, лечить их, благоустраивать их быт, организовывать кружки среди рабочих, вести среди них воспитательную и просветительскую работу — эти и многие другие сферы общественно полезной дея-

тельности могли бы поглотить энергию образованных молодых людей, но это требует самоотверженности и подлинной заботы о благе народа. Этих качеств, однако, и недостает еще слишком многим представителям молодого поколения, получившего европейское образование. В большинстве своем они способны на реформистское движение, но не на участие в революции. Было бы большой ошибкой считать молодую интеллигенцию Тропической Африки в целом силой революционной. На активное и сознательное участие в революции способна лишь наиболее передовая, пока немногочисленная часть африканской интеллигенции.

Тенденция приобщения образованной молодежи к элите проявляется в жизни не так прямолинейно. Ей противодействуют различные факторы, в том числе немалый разрыв между количеством «освобождающихся мест» в государственном и партийном аппарате и растущим числом претендентов на них. Работающая на довольно быстрых оборотах система народного образования выпускает значительно больше, чем может быть поглощено государственной службой, а именно государственная служба в столице, а не служение обществу в глухой деревне или на стройке — мечта молодого африканца, получившего образование. Ожидание затягивается, у наиболее энергичных безобидное фрондирование может перерасти в активный протест, порождающий жажду действий, стремление взять силой, чего не дают «по праву». Идейные мотивы для такой «неидейной» акции всегда можно найти, в первую очередь в сфере национально-этнических отношений.

В Африке, с ее бесчисленными народностями и племенами, богатыми традициями межплеменной розни, всегда легко раздуть тлеющий огонек трибализма, свалить вину за положение на ту или иную этническую группу, представители которой стоят у власти. Национализм — наиболее удобная оболочка как для выражения социального протеста, так и для его суррогата — стремления к смене слоя, обладающего привилегиями, к достижению «места под солнцем».

Однако было бы неправильно делать вывод, что в странах Тропической Африки вообще не существует серьезной оппозиции правящей элите. Все большее политическое влияние приобретают профсоюзы. Они представляют собой серьезную организованную силу в обществе, и их влияние будет расти по мере роста пролетариата. Но этот процесс требует времени: пока африканский пролетариат немногочислен. Например, в Кении, Танганьике и Уганде в 1962 г. из 67 тыс. квалифицированных рабочих 23 тыс. были европейцами, 31 тыс. — азиатами и лишь 13 тыс. — африканцами. Но нет сомнения, что со временем профсоюзы в Африке

превратятся в грозную силу, возможно в решающий фактор политической жизни. Уже сейчас их влияние велико. В Конго (Браззавиль) именно профсоюзы сыграли решающую роль в свержении прогнившего антинационального режима Фильбера Юлу. В Дагомее и Верхней Вольте профсоюзы были близки к тому, чтобы повторить браззавильский опыт, но армия украла у них победу. Оппозиция профсоюзов и части образованной молодежи, которая действительно проникнута искренним патриотизмом и верой в социальную справедливость, во многом способствует созданию той накаленной атмосферы, в которой армия считает необходимым взять власть. А атмосфера накаляется потому, что в молодых африканских государствах с однопартийной системой оппозиция может действовать эффективно лишь тогда, когда она решится на насильственную акцию с целью свержения режима. Многопартийная парламентская система не привилась в Африке, возможности мирного прихода оппозиции к власти невелики, и однопартийная система является правилом. Но в большинстве африканских стран и правление одной партии не привело к выходу из затяжного экономического и социального кризиса.

Как многопартийная, так и однопартийная системы в Тропической Африке не достигли особых успехов в решении насущных национальных задач. Это вполне понятно, так как суть дела не в форме политической системы, а в той глубокой внутренней болезни африканского общества, которая проистекает из сочетания экономической, социальной и политической неразвитости, с буржуазным характером «политической прослойки», формировавшейся на нездоровой основе и неспособной стать носителем независимого прогрессивного развития.

Говоря о причинах переворотов в Африке, тунисский прогрессивный еженедельник «Жен Африк» писал: «Главная причина вот в чем: местная буржуазия, состоящая из высших чиновников, коммерсантов, политиков, показывает свою неспособность решить задачи, подобные тем, какие в прошлые века выпадали на долю западной буржуазии» [100, 6.VII.

«Наступает момент,— пишет „Монд“,— когда институты, считавшиеся прочными, оказываются лишь декорацией, скрывающей групповые распри, фаворитизм, коррупцию и экономический упадок. Тогда вмешиваются полковники...» [54, 26—27.III.1967]. «Таймс» считает, что в основе переворотов лежит «нужда, замедленное экономическое развитие и как результат — ширящееся недовольство и отсутствие политической стабильности» [58, 3.I.1966].

В каждом случае можно найти конкретные причины, обусловившие кризис политической системы. В ряде стран некото-

рые из них совпадают. Так, в Дагомее и Верхней Вольте толчком к беспорядкам, вызвавшим политический кризис и как следствие его — вмешательство армии, было решение правительства сократить заработную плату служащим. «Это, — писал Серж Бромберже, — лейтмотив в веренице государственных переворотов» [49, 4.V.1966].

Особый случай — Конго (Киншаса). На роли армии в этой стране следует остановиться подробно.

Трагедия Конго многократно описана. В основе ее лежат два фактора: во-первых, нежелание бельгийского капитала расстаться с эксплуатацией сказочных природных богатств Конго; во-вторых, стремление правящих кругов США приобрести в Конго как экономическую базу для американских монополий, так и политический плацдарм для распространения американского влияния на континенте.

Общественно-политическая жизнь была развита в Конго очень слабо. К моменту независимости в стране было всего 16 конголезцев с высшим образованием. Характер политических партий в Конго был охарактеризован в журнале «Ремарк африкен»: «Конголезские политические партии по существу являются городскими. Ни одна из них не имеет крестьянской базы. Их метод действий сводится к устройству пресс-конференций и в редких случаях к организации отрядов вооруженной молодежи. Последние вербуются из люмпен-пролетариев, живущих на окраинах Леопольдвилья. Безработица, являющаяся их уделом, поддерживает в них крестьянское сознание, на которое и опираются штаб-квартиры партий, нуждающиеся в сторонниках. Только Абако имела в 1960 г. массовую базу в Баконго; отсюда — ее роль главного инструмента антилумумбистской реакции» [122, 8.IX.1966, 422].

Конголезская армия возникла на базе созданной бельгийцами «Форс публик». Армия насчитывала 23 тыс. африканцев, но офицеры и старшие унтер-офицеры были европейцами: их было около тысячи человек. Младшие унтер-офицеры готовились из африканцев в военных школах. Небольшая группа сержантов в 1959 г. была зачислена на курсы подготовки офицерских кадров. Однако предполагалось, что бельгийские командиры еще долго будут руководить конголезской армией, и бельгийцы отнюдь не собирались торопиться с подготовкой местных кадров. Внезапный мятеж конголезских солдат против офицеров-бельгийцев привел к тому, что последние немедленно оставили свои должности. Армия, раздувшаяся к этому времени до 35 тыс. человек (за счет зачислений отрядов вооруженной молодежи, о которых говорилось выше), осталась без офицеров. Правда, в ней насчитывалось огромное количество унтер-офицеров, поскольку правительство Лумумбы в честь независимости повысило

всех военнослужащих сразу на два чина, в роте имелось 195 рядовых, 97 сержантов и 40 капралов [180, 106—117].

Лишь в насмешку можно было назвать армией эту свирепую орду наемников, выдрессированных бельгийцами специально для расправы с гражданским населением. Известный французский журналист Эрик Руло говорил на семинаре в Дижоне: «Нужно было видеть конголезских солдат за работой еще перед достижением независимости. Их свирепость по отношению к их же землякам была ни с чем несравнима» [180, 115].

Эта «армия» только ждала момента, чтобы избавиться от бельгийских офицеров, державших ее в повиновении при помощи жестокости, равной ее собственной. Последовавшие за этим бесчинства хорошо известны; они послужили для бельгийских, а затем и для американских империалистов отличным предлогом для интервенции и сведения независимости Конго к фикции. После этих бесчинств лучшим решением вопроса, вероятно, был бы роспуск «армии», не имевшей никакой ценности для защиты независимости страны и лишь навлекшей на нее несчастье. Но практически не могло быть и речи не только о ее роспуске, но даже и о сокращении. В стране и без того была огромная безработица. Лумумбе пришлось терпеть существование армии и не удалось помешать врагам использовать ее против него. Цепь трагических событий, завершившаяся убийством Лумумбы, началась с того дня, когда полковник Мобуту, опираясь на солдатню, подкупленную на американские доллары, совершил первый переворот и арестовал премьер-министра. Таким образом, конголезская армия, представлявшая собой в то время лишь сброд бельгийских наемников, сыграла зловещую роль в истории независимости Конго.

Уже с момента первого переворота Мобуту армия, как отмечается в «Ремарк африкен», «приобрела психологию касты, защищающей собственные интересы против всех других конголезских организаций, касты привилегированной, абсолютно чуждой населению и подчиняющейся лишь своим командирам» [122, 26.I.1966, 35—36]. Боевые качества армии были крайне низкими, свидетельство чему — успехи повстанцев, зачастую вооруженных копьями и луками. Известно, что Чомбе смог нанести им поражение лишь при помощи белых наемников.

Тем не менее в армии развивался корпоративный дух, основанный не на успехах на поле брани, а на превосходстве в отношении других организаций. Это превосходство обеспечивалось единством, которое в большей мере поддерживалось единством языка. Политические и массовые организации страдали от трибализма; как и в ряде стран Африки, особенно

в Нигерии, партии в глазах населения отождествлялись не с общенациональными, а с региональными интересами. В армии трибализм не ощущался, наемные головорезы давно утратили связь с родными племенами; французский язык, на котором говорили в армии, служил могучим объединяющим фактором.

Издававшийся два раза в месяц печатный орган «Голос конголезской национальной армии» в каждом номере внушал солдатам, что они элита нации и стоят несравненно выше гражданских лиц, неспособных управлять страной. Однако, «декларируя свое превосходство над политиками, офицеры на самом деле оказываются весьма близкими к ним в смысле интересов: получая повышенные оклады, пользуясь прочими привилегиями (жилье, автомашины и т. д.), офицеры ничем не отличаются от министров и парламентариев, и в глазах народа они ассоциируются с ненавидимыми выскочками, навязывающимися на независимости» [122, 26.I.1966, 35—36].

Постоянные неурядицы, которыми была охвачена страна, разброд, хаос и анархия, подъем сепаратистских тенденций создали обстановку хронического военного положения, при котором роль военных была, естественно, чрезвычайно велика. Часто в их руках находилась гражданская администрация.

Между тем маразм правящей буржуазно-бюрократической верхушки достиг апогея. Казнокрадство, спекуляция, контрабандная торговля драгоценными камнями и т. п. вели к ее обогащению, в то время как положение масс ухудшалось. Появилась, читаем мы в «Ремарк африкен», «компрадорская буржуазия, специализирующаяся на импорте таких товаров, как голландское или немецкое пиво и т. п. Поступить в министерство экономики — означало встать на верный путь к обогащению. Но не каждый может стать министром экономики. Те, кто обладают большинством в парламенте, извлекли пользу из такого метода, как вотум недоверия. Чтобы получить от правительства подачку, достаточно было пригрозить ему вотумом недоверия... Скандальное зрелище коррупции правящих кругов в конце концов довело массы до такого отчаяния, что возникла парламентская оппозиция, действительно заботящаяся об улучшении положения в стране. Растущая сила этой оппозиции вынудила правительство отбросить маску буржуазной демократии» [122, 8.IX.1966].

Организуя репрессии против оппозиции, правительство в то же время попыталось найти «политическое решение» проблемы, порожденной развернувшимся в стране повстанческим движением. Хотя принявшее было широкие масштабы повстанческое движение потерпело поражение еще при Чомбе, партизанские отряды продолжали действовать на периферии страны, обстановка оставалась крайне беспокойной.

Касавубу и Кимба решили достичь соглашения с повстанцами. Это дало бы им возможность отказаться от услуг белых наемников и тем самым утвердить свою «респектабельность» в глазах лидеров независимых африканских режимов и ослабить значение армии, растущее влияние которой представляло для них угрозу.

Но именно по этим причинам Мобуту решил не допустить соглашения между правительством и повстанцами. По-видимому, он ускорил осуществление давно задуманной акции. Переворот 25 ноября 1965 г. не встретил сопротивления, а население даже приветствовало его, видя в приходе к власти военных избавление от обанкротившегося и коррумпированного режима.

На должность премьер-министра Мобуту назначил генерала Муламбу, известного своими энергичными действиями при подавлении повстанцев в провинциях Квилу, Киву и Букаву.

В своей программной речи президент Мобуту привел данные о состоянии экономики страны: до провозглашения независимости в Конго производилось 120 тыс. т кукурузы, в 1965 г. — 50 тыс. т, риса соответственно — 100 тыс. т и 20 тыс. т, хлопка-сырца — 143 тыс. т и 15 тыс. т. Сбор маниоки сократился на 600 тыс. т. Государственный дефицит составил 20 млрд. франков. «Страна, как нищенка, вынуждена выпрашивать помощь за границей», — сказал Мобуту.

К сожалению, положение, в котором оказалось Конго, многим отличалось от положения ряда других африканских стран, о чем свидетельствуют хотя бы выступления их военных лидеров, совершивших перевороты. Полковник Бокасса заявил: «В течение нескольких лет пребывания у власти люди из окружения президента Дако присваивали общественное добро, оторвались от масс». Он привел в пример двух высокопоставленных лиц, одно из которых имело огромную плантацию, обрабатывавшуюся за государственный счет, а другое — шесть вилл и много автомашин. «Пробил час справедливости. Буржуазия ликвидирована, началась новая эра равенства всех граждан» [135, 15.I.1966; 122, 26.I.1966, 31]. Ламизана сказал: «Народ просил нас принять на себя ответственность... Армия ее принимает». Он, как Эйадема и другие военные лидеры, обещал вернуть власть гражданскому правительству, когда то сможет быть избрано демократическим путем [122, 26.I.1966, 31].

Первоначально Эйадема обещал провести выборы в течение трех месяцев, однако вскоре заявил, что это не будет сделано, так как «население, приверженное к миру и покою, против выборов». «Пока в стране правит армия, — сказал Эйадема, — деятельность политических партий будет запре-

щена. Ведь партии в нашей стране ничего хорошего еще не сделали» [135, 8.IV.1967, 2]. Мобуту заявил, что он намерен распустить парламент, как неправильно избранный «и контролируемый», и создать единую партию «Революционное движение» [135, 8.IV.1967, 2].

Правительство Мобуту—Муламбы, придя к власти, наполовину сократило оклады членам парламента и провинциальных правительств и намеревалось сократить квартирные и представительские надбавки. Запрещается покупка и аренда на иностранную валюту. Иностранцы, желающие учредить предприятия в Конго, должны обладать капиталом не менее чем в 50 млн. конголезских франков, т. е. 333 тыс. долл. В области экономического развития предполагается довести производство некоторых продовольственных культур до уровня 1960 г., а после 1970 г.—построить металлургический завод мощностью 200 тыс. т стали в год и гидроэлектростанцию в нижнем течении Конго.

Военный режим в Конго вернул городам их африканские названия, провозгласил Лумумбу национальным героем, разрешил возвратиться его вдове, заочно приговорил к смертной казни Чомбе. Восстановлены хорошие отношения с другими африканскими странами, которые в период правления Чомбе подвергли Конго изоляции. Позиция Мобуту на международной арене вновь подняла упавший авторитет Конго во внешнем мире.

В результате реорганизации кабинета и создания новой партии Народное движение революции 10 из 18 министерских постов заняли выпускники университета, а 3—выпускники других высших учебных заведений.

Проведена централизация власти. С 1 февраля 1968 г. ликвидирована автономия городских коммун (т. е. районов) и их самостоятельный юридический статут. Отныне бургомистры коммун не избираются, а назначаются министерством внутренних дел по рекомендации правящей партии, а выборные органы при бургомистрах в городах заменяются назначаемым советом. Одни наблюдатели расценивают этот процесс как конец анархии, другие—как ликвидацию демократии. В какой мере Мобуту удастся сочетать централизацию с мобилизацией творческой активности масс, без чего невозможен переход от бесперспективного военного режима к прогрессивной демократической власти, отстаивающей независимость страны, покажет будущее.

Какова судьба других военных режимов? Одним из наименее удачливых оказался режим Согло в Дагомее. 17 декабря 1967 г. он был свергнут в результате военного переворота (четвертого за короткое время существования республики), и к власти пришел подполковник Альфонс Алле, на-

чальник генерального штаба, назначенный на эту должность после установления власти Согло. Кризис правительства Согло нарастал еще с осени 1966 г., когда Согло ввел «налог национальной солидарности», что фактически означало сокращение заработной платы на 25%. Забастовали государственные служащие, за ними — учителя. Иными словами, с Согло произошло то же, что было со свергнутым им Магу: те же проблемы, то же противоречие между нехваткой средств и нежеланием социальных слоев, которые «что-то значат» в политике (в основном служащих), мириться с материальными лишениями во имя экономии средств.

Кризис был кое-как урегулирован, но он продемонстрировал неспособность Согло решить проблемы, на которых сломал шею Магу. Усилилась оппозиция молодых офицеров, которые еще в начале 1967 г. создали Военный комитет бдительности, заменивший Комитет национального обновления, образованный Согло вскоре после его прихода к власти. Повидимому, новый комитет вышел из-под контроля молодых офицеров, так как одним из первых шагов после свержения Согло 17 декабря 1967 г. был роспуск Военного комитета бдительности.

В прокламации молодые офицеры, захватившие власть, писали: «Мы, молодые офицеры дагомейской армии, сознавая, что ответственность лежит на всей армии в целом, понимая, что наши руководители обманывают народ...» и т. д. Они критиковали «слабость и несостоятельность, проявленные бывшим руководителем», утверждали, что «все новые жертвы требовались от народа, покупательная способность которого резко сократилась, что привело к застою в делах, к запустению в магазинах и рынках... Крестьянские массы, от которых постоянно требовали все больших усилий, истощали себя трудом, не улучшавшим их положения...» В прокламации резкой критике были подвергнуты некоторые члены военного правительства, «опьяневшие от власти, забывшие всякое военное достоинство». Затем по радио выступил новый президент Алле, заявивший, что армия — это «единственная организованная сила в стране, в которой политические партии были лишь организациями для выборов... Вновь мы были вынуждены вмешаться, чтобы не допустить перерастания недавних забастовок, вызванных безответственностью властей, в беспорядки, могущие скомпрометировать и даже уничтожить престиж дагомейской армии...» [129, 6.I.1968].

Таким образом, военный режим Согло не устранил ни одного из тех зол, против которых офицеры выступили в 1965 г. Как видно из заявлений лидеров нового военного режима, не исчезла коррупция, хотя Согло широко провозглашал борьбу с ней и старался «создать новую атмосферу» в об-

ществе, выдвигая лозунги «За возвращение на землю» и «Министров — на поля».

Как и следовало ожидать, и второму военному режиму не удалось покончить с коррупцией. Распустив Военный комитет бдительности, новые власти создали Революционный военный комитет во главе с капитаном Ашеме, который совместно с комендантом Куандете совершил переворот 17 декабря. Но прошло лишь несколько месяцев — и капитан Ашеме предстал перед чрезвычайным трибуналом по обвинению в хищении 68 млн. франков [46, 26.VII.1968]. В марте 1968 г. правительство приняло постановление о создании «военной репрессивной комиссии», для борьбы с коррупцией. Предусматривается, что за хищение средств на сумму до 100 тыс. афр. франков полагается выговор с занесением в личное дело, более миллиона — увольнение с должности и т. д.

Тем временем конституционный комитет подготовил проект конституции, одобренный затем (в марте 1968 г.) путем референдума. Однако на выборах в мае 1968 г. ни один из пяти кандидатов в президенты не получил большинства голосов, и тогда военные власти сочли выборы недействительными и назначили президентом Эмиля Зинсу, бывшего министра иностранных дел. Формально военный режим сдал дела гражданскому правительству, но армия осталась верховным арбитром.

В Верхней Вольте (стране, которая по производству национального продукта на душу населения занимает предпоследнее, 135-е место в мире, ниже стоит лишь Малави) курс строгой экономии, вызвавший недовольство гражданским режимом, с не меньшей суровостью проводится и военными властями. В частности, сохраняется обязательный для всех «патриотический взнос» в размере от 100 афр. франков и выше с человека, сокращены расходы на социальные нужды и т. д. Глава государства Ламизана подчеркивает, что его оклад в шесть раз ниже, чем у его предшественника Ямеого, у него нет личного «мерседеса» (а только «пежо»), а министр сельского хозяйства сообщил, что его заработная плата ниже, чем в то время, когда он был преподавателем... Удалось несколько оздоровить экономику, однако о стабильности режима судить трудно.

В Того военное правительство генерала Эйадема издало ряд декретов о проведении строгой экономии средств. Ликвидированы некоторые специальные фонды, заработная плата министрам сокращена на 5%, министры-военные получают только армейское жалованье. В 1968 г., впервые с 1961 г., удалось сбалансировать бюджет, несколько пополнилась казна. Правительство, судя по всему, не собирается передавать власть гражданским лицам.

В Сьерре-Леоне военный режим Джаксона-Смита продержался всего 13 месяцев. В апреле 1968 г. его свергли младшие офицеры и сержанты, призвавшие к власти полковника Бангуру. Сообщалось, что одной из причин падения Джаксона-Смита было его пренебрежение нуждами армии (вопросы жалованья, устаревшего снаряжения и т. д.). Вскоре было восстановлено гражданское правление (пока что единственный случай в Тропической Африке), премьер-министром стал уже упоминавшийся Стивенс, а помешавший ему в свое время занять должность бригадир Лансана в июле 1968 г. был осужден на 5 лет тюремного заключения.

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. В странах, где произошли военные перевороты, повсеместно существовало широкое недовольство буржуазно-бюрократическими режимами, связанное прежде всего с ухудшающимся экономическим положением, беззастенчивой коррупцией верхов.

2. Носителями недовольства выступали государственные служащие и молодежь в целом, а выразителями его были главным образом профсоюзы.

3. Только в Конго (Браззавиль) профсоюзное движение оказалось сильным и способным увлечь за собой широкие и радикально настроенные массы и перетянуть на свою сторону армию.

4. В большинстве стран существенную роль играл трибализм, и армия, беря власть, официально выступала как «носитель идеи национального единства», призванный предотвратить распад государства.

5. Офицеры колониальной выучки, совершавшие перевороты, были заинтересованы не в революционных преобразованиях, а в сохранении существующей системы. Их мировоззрение, в общем, идентично мировоззрению буржуазно-бюрократических политиканов, воспитанных в западном духе, но они отличаются от последних личной честностью и стремлением к большей самостоятельности страны.

6. В некоторых случаях на ход событий оказало влияние новое поколение молодых офицеров, более восприимчивых к идеям социальных перемен.

7. В Конго (Киншаса) власть перешла к офицерам новой формации, не прошедшим профессиональной выучки в колониальных войсках и свободным от привитых там представлений и предубеждений. Это позволило им предпринять шаги, объективно направленные на освобождение страны от иностранной зависимости. Обладая известной свободой маневра и автономностью по отношению к политическим организациям и социальным группам, эти офицеры, сохраняя в общем проамериканскую ориентацию, озабочены прежде всего

проблемой закрепления власти и социальной опоры. Поскольку они сознают, что буржуазия такой опорой быть не может (она предпочитала Чомбе), Мобуту и его сторонники пытаются опереться на массы и потому придерживаются националистического курса. Их эволюция продолжается, они обладают определенным антиимпериалистическим зарядом. Мобуту пытаются установить режим не «чистой» военной диктатуры, а режим, имеющий социальную программу и массовую гражданскую базу.

8. Остальные военные режимы пытаются найти чисто политический и административный выход из проблем, решение которых упирается в социальные и экономические факторы, поскольку они не обладают социальной ориентацией и массовой базой. В этих странах армия рассматривает себя как арбитра, выступившего на политическую арену для предотвращения обострения фракционной и племенной борьбы и установления «мира и согласия». На самом же деле верхушка армии сливается с бюрократической буржуазией, имеет своей целью предотвратить подлинный взрыв, угрожающий системе в целом.

9. Итак, в рассматриваемых странах вмешательство армии в политику было явлением закономерным. В условиях крайней слабости политических сил только армия представляет собой сплоченный общенациональный организм, способный обеспечить хотя бы временную стабильность.

10. В большинстве случаев военные режимы обнаружили такую же степень неспособности справиться с внутренними проблемами, как и гражданские власти.

Специфика ситуации в Гане и Нигерии требует специального рассмотрения обстоятельств политического выступления армии в этих странах.

ГАНА

В политической жизни Ганы армия выступила как контрреволюционная сила. В феврале 1966 г. произошло событие, не имеющее прецедента: был свергнут революционный режим, возникший на базе национально-освободительного движения и приобретший социалистическую ориентацию. Орудием контрреволюционного переворота стала ганская армия.

Политическая и государственная система, существовавшая в Гане до февраля 1966 г., связана с одной партией и с одним человеком.

Кваме Нкрума родился в 1909 г. в семье ремесленника. После окончания лицея в Аккре преподавал в школе, а затем уехал для продолжения образования в США, где жил десять лет, из которых пять лет изучал социологию, экономи-

ку, теологию и философию, а остальное время преподавал. С 1945 по 1947 г. он находился в Англии и играл активную роль среди обучавшихся там африканских студентов, быстро выдвинувшись в первые ряды националистов-эмигрантов. Его имя стало известно на родине, где в это время развивалось освободительное движение; политическим выразителем ганского национализма была партия Объединенного конвента Золотого Берега, которая пригласила молодого, образованного и энергичного эмигранта вернуться в страну и вступить в ее ряды. Этот шаг оказался злополучным для партии, руководители которой были выходцами из среды плантаторов и маклеров, разбогатевшими на торговле какао-бобами, состоятельными государственными чиновниками, адвокатами и т. д. Впоследствии они с радостью восприняли свержение Нкрумы и стали опорой режима генерала Анкры.

Нкрума выдвинул идею создания массовой партии, в основу деятельности которой был положен «принцип прямых действий» против колониальных властей. Буржуазное руководство партии в конце концов не нашло общего языка с Нкрумой, его методы были чересчур радикальными, а стиль руководства слишком отдавал «вождизмом». Тогда Нкрума вместе с наиболее энергичными молодыми активистами вышел из партии ОКЗБ и основал Народную партию конвента. По своему составу это была партия мелкобуржуазная: ее активистами были мелкие государственные служащие, учителя, получившие образование сыновья мелких торговцев и т. д.

Старая партия была партией реформистской, новая — революционной. Революция в Гане шла мирным путем. Давление, оказываемое партией на колониальные власти, не перерастало в насильственные действия, но своими масштабами заставило Англию пойти на уступки. Рано или поздно, конечно, страна освободилась бы, но то, что Гана добилась независимости раньше других стран Тропической Африки, в немалой степени объясняется характером партии, которую создал Нкрума.

Будучи знакомым с марксизмом, Нкрума, безусловно, вдохновлялся им при выработке организационных (а впоследствии в значительной мере и идеологических) основ партии. Массовая база, максимально широкий охват населения, активная работа в деревне, централизация и дисциплина, создание сети партийных активистов, боевая программа, основанная на понятном для всех лозунге полной независимости, настойчивая и эффективная пропаганда, готовность партийных активистов идти на прямые, рискуя свободой, столкновения с колонизаторами — таковы были преимущества партии Конвента, сразу же оставившие далеко позади всех ее бур-

жуазных конкурентов либерально-реформистского толка. Подражая Ганди, Нкрума использовал кампании гражданского неповиновения. На выборах в Законодательное собрание в 1951 г. НПК одержала полную победу; в сельской местности она получила 29 мест из 33. Сам Нкрума, находившийся в то время в тюрьме, куда его бросили английские власти за политическую деятельность, выходящую за «дозволенные рамки», баллотировался в Аккре и получил 98,5% всех голосов [191, 78]. Он стал национальным лидером; англичане были вынуждены выпустить его на свободу, и вскоре он был премьер-министром полуавтономного правительства.

На выборах 1954 г. НПК завоевала 71 место из 104. Несмотря на то что оппозиция объединилась и образовала «Фронт национального освобождения», остановить триумфальное шествие к власти партии Нкрумы было уже невозможно. 6 марта 1957 г. Гана добилась независимости и Нкрума возглавил правительство. Он пришел к победе под девизом: «Боритесь сначала за политическое царство, а все остальное будет вам дано». Впоследствии эти слова были высечены на монументе, воздвигнутом в его честь в Аккре.

Политическое царство было завоевано. Перед Нкрумой и его партией встала задача строительства государства.

Краеугольным камнем теории Нкрумы был тезис, что только социализм обеспечит ликвидацию отсталости Африки. «Социализм, — писал он, — является нашей единственной возможностью» [41, 119]. В § 34 программы партии, озаглавленной «Труд и счастье», говорится: «В своей решимости поддерживать и развивать благосостояние и прогресс всего населения партия и правительство решили идти по пути социализма» [30, 10].

Какое содержание вкладывал Нкрума в понятие «социализм»? Он пишет, что социализм «предполагает установление общественной собственности на средства производства, на землю и природные ресурсы и использование этих средств для удовлетворения нужд народа» [41, 119].

Социализм для Нкрумы — естественный результат развития антиколониальной революции, ее перерастания в социальную революцию. Антиимпериалистическая борьба продолжается непрерывно. Консолидация политической власти народа, добившегося независимости, основывается на следующих семи принципах:

1. Достижение национального единства путем устранения всех фракционных сил и центробежных тенденций.

2. Фундаментальная перестройка конституции, введенной колониальной властью.

3. Преобразование административного инструмента правительства — государственного аппарата — путем превраще-

ния его из орудия колониального господства в орудие политической власти народа.

4. Установление народной парламентской демократии, базирующейся на однопартийной системе, которая направляет свои усилия на построение социалистического общества.

5. Устранение всех связей, подчиняющих экономику освободившейся территории экономике бывшей метрополии.

6. Политическая мобилизация народа путем совершенствования партийной организации и идеологического восприятия.

7. Решительная и систематическая ликвидация империалистического влияния во всех сферах жизни [165, 4].

Для «нкрумаизма», как была названа теория Нкрумы, характерен так называемый континентальный подход к проблеме строительства независимого общества, проистекающий из убеждения, что отдельно взятые африканские страны слишком слабы экономически, чтобы справиться с огромными трудностями, стоящими на их пути, и слишком разобщены и слабы политически, чтобы противостоять неокOLONIALИЗМУ. «Доктрина континентального политического союза» основана на трех принципах: опора на собственные силы, социалистический путь развития, континентальный подход к проблемам экономического развития, обороны и внешней политики [165, 5].

Внешние условия, благоприятные для развертывания африканской революции, Нкрума сформулировал следующим образом: солидарность африканских народов с антиимпериалистическими силами в других частях света; мир во всем мире; моральное уважение права всех народов на самоопределение [165, 6].

В своей философской системе, названной им *consciencism*, от слова *conscience* (совесть), Нкрума подчеркивает значение простого человека, отводит первое место народным массам. «Народ — тело и душа нации... Усилиями народа осуществляется разгром колониализма, народ в поте лица своего создает нацию. Народ — это реальность национального величия» [42, 103].

Средством организации и мобилизации народа, развития его политической сознательности является «массовая политическая партия с программой воспитания, основанной на социалистической идеологии» [165, 2].

После устранения оппозиции и введения однопартийной системы партия заняла центральное, ведущее место в жизни страны. Ее руководящая роль проявлялась во всех сферах политики, экономики, культуры — короче говоря, повсюду, за одним очень важным исключением — армии (о чем бу-

дет сказано ниже). Для охвата молодежи была создана организация юных пионеров, в которой числилось до 70% учащихся. Под полным контролем партии находились профсоюзы, женские, крестьянские, кооперативные организации.

В 1961 г. Нкрума стал генеральным секретарем партии, будучи еще раньше избранным ее пожизненным председателем. К этому времени он уже был также президентом и премьер-министром. Таким образом, вся полнота государственной и партийной власти была сосредоточена в руках одного человека.

В 1962 г. парламент утвердил закон о введении однопартийной системы. Спустя два года по этому вопросу был проведен референдум. Против введения однопартийной системы высказалось всего 2452 человека, т. е. менее 0,1% всех принимавших участие в голосовании [135, 1966, № 10, 9].

В декабре 1963 г. парламент предоставил президенту право аннулировать решения Специального трибунала, если это диктуется интересами государственной безопасности, а в феврале 1964 г. президент получил право лично назначать и отзывать судей Верховного суда и Специального трибунала. Отныне власть Нкрумы была уже и фактически и юридически не только неограниченной, но и совершенно бесконтрольной.

Такова была в самых общих чертах политическая система, установленная в Гане. Колоссальная популярность Нкрумы, авторитет партии НПК, завоеванный в период борьбы за независимость, отсутствие серьезной оппозиции обеспечили победу. Огромную роль при этом сыграла программа партии, призывавшая к социализму и использовавшая популярность социалистических лозунгов.

Социалистическая программа укрепила положение партии. Но главная проверка была впереди: социально-экономические преобразования, успех в борьбе за преодоление отсталости и создание нового, справедливого общества — вот пробный камень для правящей партии в новых условиях.

Перед страной, основная масса населения которой состоит из крестьян, в первую очередь, как правило, встает аграрная проблема. В Гане же, как и в большинстве других стран Тропической Африки, ее нет. Там нет «земельного голода» и сколько-нибудь развитого класса феодалов. Сотни тысяч гектаров земли, принадлежащих общинам, еще не обрабатываются. Лозунг «земля тому, кто ее обрабатывает», не фигурирует в партийных программах.

Основа сельского хозяйства Ганы — какао-бобы. Обычно пишут о «фермерах», производящих это сырье, и может сложиться впечатление, что речь идет о классе крепких и самостоятельных мелких земельных собственников, о некой не-

дифференцированной массе. Американские авторы, занимавшиеся анализом причин падения режима Кваме Нкрумы, опираясь на исследования, проведенные П. Хиллом и другими в районах Ашанти и Южной Гане, убедительно показывают, что мелкие хозяева, работающие самостоятельно и не нанимающие рабочую силу, составляют, вероятно, не более 20% всех производителей какао-бобов. Процесс разложения слоя мелких производителей, вызванный развитием капиталистических отношений, зашел довольно далеко. Выделился экономически сильный слой капиталистических фермеров, нанимающих рабочую силу и выступающих в роли кредиторов-ростовщиков; во все большую зависимость от них попадают маломощные фермеры, часто разоряющиеся, влезаящие в долговую кабалу и продающие свою землю [105, 1966, № 3, vol. 18, 39—40].

Основную массу тружеников в сельском хозяйстве составляют наемные рабочие; часть из них получает твердую заработную плату, но большая часть — это поденщики и сезонные рабочие, живущие в нищете, не имеющие собственных орудий труда и часто «даже не владеющие рубашкой, которую они носят» [105, 1966, № 3, vol. 18, 39—40].

Ядро ганской буржуазии — крупные капиталистические фермеры, производители какао-бобов на экспорт. К ним примыкает прослойка маклеров, посредников, связанных с иностранными экспортными фирмами и обслуживающих их. «Зарабатывая» немалые деньги на экспорте какао-бобов и связанных с этим операциях, данная прослойка вкладывает капиталы и в городской бизнес, но, как правило, не в промышленность; она занимается оптовой торговлей, берет подряды на строительство, действует в сфере транспорта и услуг. Ниже их стоит многочисленная торговая прослойка, представленная главным образом женщинами-торговками.

Промышленность развита слабо; в 1958 г. ее продукция составляла лишь 1,8% общего валового продукта. 92% всех предприятий, которые ганская статистика относит к числу промышленных, вообще не используют наемной рабочей силы — это ремесленники [105, 1966, № 3, vol. 18, 88]. Немногочисленные промышленные предприятия современного типа почти целиком принадлежат иностранному капиталу.

Ввиду того что основная масса прибылей, образующихся в сфере производства какао, по-прежнему, как и в колониальные времена, уплывает в Англию, развитие класса капиталистов в Гане заторможено. «Класс африканских деловых людей, обладающих национальным капиталом и производящих товары для местного потребления, не существовал. Вместо этого в Гане возникла прослойка мелких дельцов, подрядчиков, оптовиков, капиталистических фермеров, мак-

леров по продаже какао-бобов и т. п., которые хотели стать полноправными африканскими капиталистами» [105, 1966, № 3, vol. 18, 47].

Лишь небольшое число ганских капиталистов «выбилось в большие люди». К ним относились, например, Джордж Грант, наживший состояние в деревообделочной промышленности, Окансей — в кинематографии, братья Ном — в экспортной торговле древесиной, компания Баах — в строительстве и т. д. [105, 1966, № 3, vol. 18, 47; 135, 1965, № 38, 9]. В целом же ганская буржуазия имеет торгово-ростовщический характер.

Народная партия конвента определила наличие пяти секторов в экономике: государственный сектор, иностранный частный сектор, смешанные государственно-иностраннне предприятия, кооперативный и мелкий частный сектор.

Вплоть до 1961 г. экономическая политика Ганы строилась на основе принципов, сформулированных английским специалистом Артуром Льюисом. Американские авторы так резюмируют результаты этой политики: «Эта стратегия, делавшая упор в индустриализации страны на полную зависимость от иностранного капитала, привела почти к полной катастрофе. За время „эры Льюиса“ резко ухудшился платежный баланс Ганы, были потеряны огромные суммы иностранной валюты, а приток иностранного капитала, призванный обеспечить развитие ганской промышленности, далеко не достиг того уровня, на который рассчитывал Льюис» [105, 1966, vol. 18, 3, 82]. Несмотря на существенные налоговые льготы и гарантии иностранным инвесторам, они не вкладывали своих капиталов в ганскую промышленность. Она их просто не привлекала: условия Ганы не сулили сколько-нибудь значительных прибылей в промышленной сфере. В капиталовложениях в ганскую экономику были заинтересованы по-прежнему лишь фирмы, занимавшиеся внешней торговлей, нажившиеся на ввозе в страну готовых изделий и совершенно не стремившиеся помочь Гане в создании собственной индустрии.

В 1961 г. наступил решительный поворот в сторону развития государственного сектора в экономике. Был принят семилетний план развития, в котором тем не менее частному капиталу было уделено значительное место. Идея была в том, чтобы ограничить возможности его роста и поставить на службу государству. Темпы роста государственного сектора должны были превосходить темпы роста частного сектора, но не за счет искусственного торможения последнего, а за счет форсированного роста госсектора.

Особый упор в семилетнем плане был сделан на то, чтобы привлечь частную инициативу в промышленность, в первую

очередь обрабатывающую. Ожидалось, что объем частных капиталовложений за семилетний период составит около 400 млн. ф. (из общей суммы 1016,5 млн. ф., т. е. почти 40% всех капиталовложений) [71, 1965, № 5, 52]. Иностранному частному капиталу были также предоставлены существенные льготы в таможенном и налоговом обложении, гарантирован свободный перевод прибылей за границу при условии частичной их реинвестиции в стране. Для иностранного капитала был создан более поощрительный режим, чем для местного; последний был ориентирован семилетним планом на развитие мелкой промышленности, сферы строительства и сельского хозяйства, для того чтобы не дать возможности занять ключевые позиции в экономике страны и помешать развитию социалистических тенденций. Иностранного же капитала ганское руководство, судя по всему, опасалось меньше и усиленно поощряло его приток в обрабатывающую и добывающую промышленность.

Эта политика привела к росту частных инвестиций, особенно местного капитала, который как по размерам, так и по темпам роста инвестиций обогнал иностранный. Однако крупные проекты были связаны с участием иностранного капитала. Так, для сооружения крупного алюминиевого комбината в Теме был создан консорциум «Валко», там же был сооружен нефтеочистительный завод с участием государственного капитала Ганы и итальянской компании ЭНИ. На строительство плотины в Акосомбо Гана получила кредиты от США и Международного банка (по 17 млн. ф.) и 5 млн. ф. от Англии. Всего с 1959 по 1965 г. включительно английские инвестиции в Гане составили 80 млн. ф. ст., западногерманские — 40 млн. ф. ст., американские — 30 млн. ф. ст., французские — 10 млн. ф. ст. [135, 1966, № 10, 9]. В основном это были государственные капиталовложения. Частный иностранный капитал, несмотря на все льготы, шел в Гану неохотно.

Был создан ряд смешанных предприятий, в которых иностранный капитал был представлен главным образом частными компаниями (за исключением нескольких, в частности упоминавшегося нефтеочистительного завода). Но предпочтением, естественно, пользовался государственный сектор. К 1965 г. насчитывалось более 30 крупных государственных корпораций, в том числе в промышленности — 15, в сельском хозяйстве — 1, в торговле и обслуживании — 16 [71, 1965, № 5, 52]. Государству принадлежали железные дороги, судоходство, авиалинии, внешнеторговые организации, золотые рудники, рыболовецкие предприятия и т. п.

Режим Нкрумы добился немалых успехов в развитии страны. Прежде всего это проявилось в сфере народного

образования и здравоохранения. Почти вдвое увеличилось число врачей. В 1964 г. число учащихся в начальных школах выросло вдвое по сравнению с 1957 г. В 1961 г. было введено обязательное бесплатное низшее и неполное среднее образование. Самой крупной статьёй расходов в государственном бюджете было народное образование, хотя и до сих пор больше половины населения страны неграмотно [135, 1966, № 10, 9].

Были построены десятки предприятий пищевой и легкой промышленности и намечалось помимо вступившего в строй металлургического завода в Теме строительство гидроэнергетического комплекса на р. Вольте и на его базе алюминиевого комбината. В целом темпы роста производства составляли вплоть до 1963 г. 5,5—6%; для Африки это очень высокие темпы [147, 190].

Экспорт какао-бобов, составлявший в 1954 г. 220 тыс. т, к 1961 г. достиг 430 тыс. т (среднегодовой рост — 12%) [147, 188].

Самир Амин, автор труда, посвященного проблемам экономического развития Ганы, Гвинеи и Мали, писал в 1965 г.: «За последние 10 лет Гане удалось обеспечить практически без иностранной помощи финансирование крупных проектов развития, особенно в инфраструктуре; общая сумма капиталовложений выросла с 55 млн. ф. ст. в 1955 г. до 104 млн. ф. ст. в 1961 г. (от 16 до 21% валового национального продукта), что уникально для Тропической Африки. Развитие производства какао-бобов, поднявшее годовой доход на душу населения до 220 долл. (втрое выше среднего уровня в Западной Африке) и позволившее создать лучшую инфраструктуру в Западной Африке (а может быть, и во всей Тропической Африке), финансировалось почти исключительно из внутренних источников, главным образом самими производителями какао-бобов» [147, 168].

Американский профессор Мак Корд, в целом не скрывающий своего враждебного отношения к Нкруме, тем не менее писал: «К трем ключевым экономическим проблемам развивающихся стран — реконструкции сельского хозяйства, развитию народного образования и созданию промышленности, поглощающей излишки рабочей силы, — Нкрума подошел с умом и чувством нового. В сельском хозяйстве правительство одержало победу над заболеваниями какао-бобов, ставившими под угрозу основную экспортную культуру страны — какао; оно мобилизовало безработных в деревне и объединило их в „рабочие бригады“... оно осуществило определенную диверсификацию сельского хозяйства, облегчив тем самым опасную зависимость Ганы от колебаний мировых цен на какао. Повсюду возникали консервные, цементные, деревооб-

делочные фабрики, был создан прекрасный новый порт Тема (город с 30-тысячным населением, выросший из деревни), и началось осуществление грандиозного проекта на р. Вольта» [172а, 220—221].

Рост промышленного производства в целом характеризуется следующими цифрами: объем промышленной продукции (в тыс. седи) составил в 1962 г. — 85,645, а в 1965 г. — 144, 142 [119, 1967, 8].

Экономические успехи Ганы были неоспоримы; их признают и друзья и враги Икрумы. Но экономическое развитие страны сопровождалось и тяжелыми неудачами как объективного, так и субъективного характера.

Прежде всего, отметим падение цен на какао. Гана — крупнейший в мире производитель и экспортер какао-бобов; около 300 тыс. т в год, почти 30% мировой продукции. (Какао-бобы по стоимости составляют $\frac{2}{3}$ экспорта страны.) В 1957 г. цена тонны какао на мировом рынке составляла 352 ф. ст., а в 1965 г. — всего 120 ф. ст. Потери Ганы от такого катастрофического падения цен превысили 70 млн. ф. ст., что превышает стоимость строительства всего гидроэнергетического комплекса на р. Вольте. Отметим, что, несмотря на это, правительство сохраняло гарантированные закупочные цены на какао-бобы и вынуждено было их снизить лишь в конце 1965 г. [66, 21.IV.1966]. Это, естественно, привело к недовольству занятых в этой отрасли хозяйства, а ведь они вместе с семьями составляли около 20% населения страны.

Падение цен на какао на мировом рынке привело к тому, что резервы иностранной валюты оказались почти исчерпанными: в 1957 г. они составляли 200 млн. ф. ст., а в 1965 г. — 1 млн.

Состояние финансов Ганы видно из ее государственного бюджета (в млн. седи) [119, 1967, 10]:

	1960—1961 гг.	1965 г.
Доходы (млн. седи)	199,7	340,8
Расходы (млн. седи)	258,6	433,9
Дефицит	58,9	93,1
Государственный долг	217,5	1018,8
В том числе внешняя задолженность	87,5	530,3

Торговый баланс в 1961 г. был сведен с дефицитом в 69,4 млн. седи, а в 1965 г. дефицит достиг уже 111,8 млн. седи [119, 1967, 12].

Рост населения намного обгонял рост продукции. Так, в 1965 г. валовой национальный продукт вырос всего на 0,2%, в то время как население выросло на 2,6%. Валовой национальный продукт на душу населения (в неизменных ценах

1960 г.) составил в 1961 г. 168 седи, а в 1965 г. — 169 седи [119, 1967, № 1, 4].

В последние годы правления Нкрумы наблюдался застой в производстве какао-бобов. Так, государственные закупки какао-бобов составили в 1961—1962 гг. 409,4 тыс. т, а в 1965—1966 гг. — 409,1 тыс. т [119, 1967, 5].

Дефицитное финансирование способствовало инфляции. Цены росли неудержимо. Общий индекс цен в Аккре [1954 г. = 100] составлял в 1962 г. 130, а в 1965 г. — 196 [119, 1967, 12].

Как свидетельствуют факты, инфляция, вместо того чтобы стимулировать экономику, сопровождалась ростом безработицы. Частично это было вызвано характером проектов, на которые ганских министров убедили расходовать кредиты. Капиталы не вкладывались в осуществление проектов, которые могли бы оправдать расходы за сравнительно короткий период; промышленные инвестиции составляли всего 16% всех капиталовложений, сельскохозяйственные — всего 3%, а в развитие инфраструктуры было вложено 72% всей суммы инвестиций. Многие капиталовложения начнут приносить результаты лишь через много лет, если это вообще произойдет.

В сфере торговли государство было серьезно дискредитировано скандальной историей с ГНТК (Ганская национальная торговая корпорация), созданной для контроля над импортом. Доклад комиссии Абрахамса (образованной в 1965 г. для проверки деятельности ГНТК) содержал многочисленные факты злоупотреблений, коррупции, фаворитизма при распределении среди местных фирм импортных товаров для продажи, предоставления импортных лицензий за взятки и т. д., результатом чего бывала нехватка тех или иных товаров в различных районах страны, рост «черного» рынка и т. п. Вмешательство государства в торговлю привело к краху многочисленных мелких розничных торговцев, в то время как крупные торговые фирмы процветали и путем подкупа государственных чиновников добивались новых привилегий [105, 1966, vol. 18, 3, 115—116].

В действиях правительства была определенная логика: развелось много мелких контор и просто купцов, занимавшихся ввозом товаров. Было решено выдавать лицензии только тем, кто имеет счета в банке и располагает условиями и опытом, необходимыми для квалифицированного ведения операций. На практике это приводило к тому, что в наиболее благоприятном положении оказывались крупные и средние капиталисты; у них действительно был и опыт, и средства, и складские помещения, и транспорт, но при всем этом они вели дело в очень многих случаях нечестно, подкупали

и разлагали государственных чиновников, нанося таким образом прямой ущерб государству. В то же время они все равно настроены против правительства с его социалистическими лозунгами, хотя оно их вовсе не ущемляло; во-первых, они хотели еще больших льгот, а во-вторых, сам принцип контроля, монополизация политической и экономической власти в руках чуждой им в принципе и настроенной антикапиталистически группы препятствовал какому-либо доверию с их стороны по отношению к правительству.

Ущемленными оказались мелкие купцы, женщины-торговки, т. е. люди, в принципе вполне способные на каком-то этапе идти вместе с революцией. Правительство, действуя во имя экономической эффективности, допустило ошибки во взаимоотношениях с этой категорией населения.

Такая ситуация, перед которой оказалось правительство Нкрумы и справиться с которой оно так и не смогло, имеет чрезвычайно важное значение для стран, вступающих на некапиталистический путь. Она лишней раз свидетельствует о серьезнейших трудностях, с которыми сталкивается революционно-демократический режим в своих отношениях с частным сектором.

Неудовлетворительными оказались результаты работы многих государственных предприятий как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Согласно заявлению министра финансов при обсуждении проекта бюджета на 1965 г., в 32 государственных промышленных предприятиях государство вложило 40 млн. ф. ст., а общие убытки от них до конца 1963 г. превысили 15 млн. ф. ст. По данным отчета комиссии Абрахамса, государственные сельскохозяйственные фермы к началу 1966 г. не окупили затрат. На государственных предприятиях была низкая производительность труда. В промышленности, например, она в среднем составляла 50% производительности на частных предприятиях [105, 1966, vol. 18, № 3, 115—116].

Видя все это, но в то же время не желая давать простор частному сектору и стремясь предотвратить засилье местных капиталистов, правительство возлагало надежды на иностранный капитал, пытаясь привлечь его также и в госсектор. Режим оказался в трудном положении. Интересы подъема экономики требовали участия в ее развитии крупного, сильного, опытного капитала, но, функционируя в отсталой стране, в условиях отсутствия диктатуры пролетариата, этот капитал неизбежно стимулирует развитие частнособственнических, капиталистических тенденций, разлагает государственные и партийные кадры.

Под влиянием капиталистической среды, порождавшей тягу к личному обогащению, получила столь широкое распро-

странение коррупция среди ганской верхушки. В октябре 1961 г. Нкрума уволил в отставку шесть министров, среди которых были два, всегда считавшиеся его самыми близкими сподвижниками: Гбедема и Ботсио. Гбедема вместе с Нкрумой создавал партию, а Ботсио рассматривался как преемник Нкрумы.

На судебном процессе выяснилось, что Гбедема, которому по распоряжению Нкрумы пришлось давать отчет о своем имущественном состоянии, сказал лишь о принадлежавшей ему птицеферме стоимостью в 100 тыс. ф. ст. На самом деле ему принадлежали: роскошный особняк с садом, две американские автомашины, пять жилых домов, магазин, ресторан, бензоколонки; он был главным акционером компании «Исса транспортс», был связан с иностранными компаниями [191, 139—140].

Министр внутренних дел Эдусеи был в 1950 г. продавцом газет, а в 1961 г., когда он предстал перед партийным контролем, у него были банковские счета в Бейруте, Женеве, Танжере, Риме, Лондоне и Нью-Йорке. Министр нагло заявил: «А что вы прикажете мне делать с деньгами, которые я зарабатываю, — выбрасывать их в море? Вы хотите мне запретить купить дом, автомобиль, иметь от жизни удовольствия?» Эдусеи не уволили, но в следующем году его жена, проводя отпуск в Лондоне, купила у антиквара кровать из чистого золота. Об этом стало известно в Аккре как раз тогда, когда Нкрума объявил о мерах по борьбе с коррупцией. Эдусеи был вынужден уйти в отставку, закончив свою блестящую карьеру, в течение которой он был министром внутренних дел, транспорта и промышленности [191, 140].

Гбедема и другие лидеры правого крыла партии фактически превратились в сторонников капиталистического развития. Но в 1962 г. были арестованы и отданы под суд лидеры левого крыла — министр иностранных дел Аджеи, министр информации Адамафио, секретарь исполкома партии Кофи — Краббе. Аджеи учился вместе с Нкрумой в Соединенных Штатах, а в 1948 г. сидел с ним в одной камере в английской тюрьме. Адамафио начал революционную карьеру в Англии, в студенческих африканских кружках. На суде Аджеи и Адамафио признались, что получали крупные взятки от иностранных компаний в виде комиссионных за предоставление контрактов и экспортных или импортных лицензий, имели виллы и автомашины. Аджеи признал, что на его счет в Аккре в течение 20 месяцев поступило из-за границы 25 тыс. ф. ст. Будучи министром иностранных дел, он добился от директора государственного банка перевода на свой личный счет 30 тыс. ф. ст. для «секретных государственных дел особой важности» [191, 142—143].

Справедливости ради надо отметить, что правительство вело энергичную борьбу с коррупцией. Помимо перечисленных высокопоставленных лиц немало людей были разоблачены и потеряли свои посты. Так, после опубликования доклада Абрахамса из ГНТС были уволены 35 руководящих работников [66, 21.IV.1966]. Нкрума беспощадно расправлялся со своими давними друзьями и соратниками, замешанными в коррупцию.

Так или иначе, эти некрасивые истории, как минимум, имели два последствия: во-первых, в известной мере была дискредитирована идея ганского варианта социализма, поскольку обнаружилось, что нкрумовская система не дает гарантии против коррупции, этого бича молодых государств Африки. Во-вторых, разогнав старую гвардию, Нкрума остался почти один на вершине своей власти.

На состоявшемся в октябре 1966 г. в Каире семинаре, созванном журналами «Проблемы мира и социализма» и «Ат-Талиа», представители прогрессивных сил Африки уделили особое внимание урокам, вытекающим из свержения режима Нкрумы, и выдвинули следующие соображения.

Революционный режим должен иметь ясную социально-политическую ориентацию. Как ни слабо выражена классовая дифференциация, для прогрессивной власти жизненно важно различать те силы, на которые она может опереться в своем стремлении вести страну по некапиталистическому пути, и те, против которых ей надо бороться или, по крайней мере, нейтрализовать. Иллюзии об отсутствии социальных противоречий, о возможности социальной «гармонии» в период строительства нового общества очень опасны.

Во главе государства должна стоять хорошо организованная партия, тесно связанная с народом и опирающаяся на его активность. Она призвана быть боевой, идеологически вооруженной организацией, а не клубом революционных интеллигентов. Ее задача — вести работу в массах, мобилизовывать их, особенно крестьянство, учитывая его роль в африканских странах. Прогрессивные преобразования прочны только тогда, когда они пользуются активной поддержкой масс.

Большую роль призвана сыграть демократизация общественной жизни, хотя развитие активности масс, и особенно членов партии, в странах, где в течение многих десятилетий насаждались традиции пассивного подчинения и где население в большинстве своем находится в плену неграмотности и предрассудков, — нелегкое дело.

Огромное решающее значение имеют экономические вопросы. Здоровое развитие экономики, рентабельность предприятий государственного сектора, эффективный контроль

государства над иностранным капиталом и использование в разумных пределах частного предпринимательства, улучшение положения трудящихся должны быть в центре деятельности правящей партии и государства.

Большое внимание необходимо уделить армии, органам безопасности и другим звеньям государственного аппарата, их надо очистить от пособников империализма, карьеристов, разложившихся элементов, готовых пойти на компромисс с колонизаторами.

Анализируя эти тезисы применительно к конкретным условиям, существовавшим в Гане при Нкруме, нетрудно убедиться, что указанные в них факторы, обеспечивающие прочность прогрессивной власти, по большей части не были развиты, несмотря на бесспорно социалистическую ориентацию и наилучшие намерения самого Нкрумы и наличие в его распоряжении когорты молодых энтузиастов, преданных идее социалистического развития Ганы. Слабость партии, коррупция среди части руководящих кадров, недостаточная демократизация общественной жизни, серьезные экономические ошибки — все это сыграло на руку правой оппозиции.

Оппозиция была запрещена. Из 32 оппозиционных депутатов, избранных в парламент в 1960 г., 23 были арестованы или высланы [191, 119]. Враги Нкрумы ушли в подполье, стали организовывать заговоры на его жизнь. На Нкруму было совершено несколько покушений. Правительство ввело в действие так называемый Акт о предварительном заключении, позволявший продолжительное время держать людей в заключении без суда и следствия. Оппозиция ответила усилением подрывной деятельности. Гбедема, эмигрировавший в Того, начал яростную кампанию против своего бывшего друга и шефа. Это еще больше ожесточило Нкруму, усилило уже развивавшуюся в нем подозрительность, породило недоверие к ближайшему окружению.

Иногда дело доходило до того, что гонениям подвергались люди, которые вовсе не отвергали идей социализма, но просто критиковали те или иные аспекты политики Нкрумы.

В конечном счете все это облегчило подрывную деятельность антисоциалистических сил. Империалистические разведки давно вели работу против революционного режима, подыскивали себе опору внутри страны, вербовали людей, выжидали момент. К началу 1966 г. враги новой Ганы решили, что пришло время действовать. Недовольство фермеров в результате падения цен на какао-бобы, усилившаяся враждебность части торговцев по отношению к режиму, разочарование ряда прежних приверженцев Нкрумы в методах его правления — все это, по мнению тех, кто был заинтересован в перемене власти, благоприятствовало их планам.

Тем временем в ганской армии нарастали враждебные настроения, которые в феврале 1966 г. оформились в контрреволюционный заговор, приведший к перевороту и падению Кваме Нкрумы.

Армия Ганы отпочковалась от Королевских пограничных сил Западной Африки. Во время второй мировой войны на территории Золотого Берега было мобилизовано в британские вооруженные силы от 65 тыс. до 70 тыс. человек [157, 46]. Штаб-квартира западноафриканского военного командования была расформирована в 1956 г., и сразу же после провозглашения независимости была создана армия Ганы. Она насчитывала 9 тыс. человек и занимала по численности пятое место в Африке после ОАР, Эфиопии, Конго (Киншаса) и Судана. Примерно 60% солдат рекрутировалось из отсталых северных племен, в соответствии с английской традицией формирования колониальных армий. Офицеры почти все выходцы с Юга [106, 21. III. 1966, 320].

Англофилия пронизывала насквозь ганский офицерский корпус. Это частично объясняется опытом его предшествующей службы: большинство офицеров прошли подготовку либо в Англии, либо в Гане под руководством английских инструкторов... Вернувшись из Англии, ганские офицеры оказались в изоляции от общества в связи с требованиями военной жизни. В результате в психологии этих офицеров отражалась в преувеличенном виде общая тенденция африканских бюрократических элит к подражанию их европейским прототипам. Ганские офицеры судили о делах страны, руководствуясь критериями английского общества и в соответствии со шкалой ценностей, принятой у английского офицерства.

К распространявшимся утверждениям о приверженности ганских офицеров британским нормам общественно-политической жизни следует относиться весьма осторожно. Один из лидеров переворота 1966 г., полковник Африфа, заявил в одном из интервью, что режим Нкрумы отталкивал его и его коллег... отсутствием свободы печати и прав человека [113, 13. III. 1966].

Верно лишь то, что если эти офицеры и не принадлежат к поборникам западной демократии, то и идея социализма им абсолютно чужда. Кадры офицеров готовились в английском военном училище Тескье близ Аккры. После 1960 г. училище было преобразовано в национальную военную академию, но по существу в нем мало что изменилось. Преподавали там в основном канадские офицеры, и У. Гаттеридж пишет, что ганский офицерский корпус был единственной организацией в стране, на которую не распространялось влияние партии [76, 1966, vol. II, № 1, 31—41]. М. Джановитц то-

же отмечает: «Несмотря на однопартийную систему, в армии не было введено специальной системы оценки политической благонадежности» [162, 54]. Английская газета «Трибюн» писала, что в ганской армии «африканизация свелась в основном к смене персонала — обычай и права все еще связаны с Западом». Армия и полиция — это «западные институты, руководимые черными европейцами» [127, 3.III.1967]. Американский журнал «Африка рипорт» писал: «Вооруженные силы Ганы остались колониальным учреждением, расширенным и африканизированным, но полностью так и не деколонизированным» [77, 1966, April, 17].

По какой причине Нкрума, охвативший партийным руководством (пусть даже по существу формальным и недействительным) все сферы жизни, вдруг «упустил» армию? Столь опытный и искушенный политик не мог недооценивать роль вооруженных сил; он всячески о них заботился. Невозможно представить, что Нкрума оставил армию вне партийного контроля по собственной беспечности или из уважения к традиционному английскому принципу «армия вне политики». Когда было нужно, Нкрума спокойно переступал через все освященные традицией принципы и нормы западной политической жизни.

Можно найти лишь одно объяснение этому исключительному по своей важности факту: Нкрума хотел сохранить преданность офицеров тем, что не трогал их, не подвергал раздражающим «проверкам благонадежности», не начинал кампаний перемещения или смещения офицеров по политическим мотивам. Других офицеров ему взять было неоткуда. Заменить офицерский корпус несравненно сложнее, чем любой гражданский административный или политический аппарат. Можно уволить любого министра и поставить на его место человека, не обладающего специальными знаниями, но зато политически преданного. Он будет вести дела, опираясь на помощников-специалистов, унаследованных от прежнего руководства. Но нельзя назначить командиром полка человека, не разбирающегося в военном деле, в расчете на то, что какой-то «специалист» будет ориентировать его в делах; это можно, правда, сделать в повстанческой или партизанской армии, но не в армии регулярной, кадровой, в условиях мирного времени. Командир прежде всего должен быть военным специалистом и пользоваться авторитетом у подчиненных.

Поэтому Нкрума был вынужден сохранять прежний офицерский корпус английской выучки, который самовоспроизводился, ибо западные офицеры и их прежние ученики обучали в прозападном духе кадетов военной академии. А раз он не мог ничего с этим поделать, он решил не возбуждать

понапрасну недовольства военных «вмешательством политиков» в их дела, понимая, как военные этого не любят. Следует признать, что с формальной точки зрения это — логичный путь (в сочетании с материальными привилегиями) сохранения армии молодого государства на стороне правительства.

Однако эта логичность кажущаяся. Недовольство введением системы политического «воспитания» является лишь одной из возможных причин недовольства армии. Предугадать и предотвратить возникновение оппозиционных настроений среди военных в неустоявшемся, еще только формирующемся обществе — довольно трудно. Не говоря уже об этнических, групповых и других противоречиях, никогда не исключена возможность, что в одном из высших офицеров проснется честолюбивое желание стать диктатором. И в таком случае аполитичные офицеры, свободные от преданности идее, политическому курсу руководства, послушно пойдут за командиром.

В 1961 г. ганские вооруженные силы были направлены в Конго для участия в операциях войск ООН. Командовал ими английский генерал Александер, его помощником был полковник Анкра; оба не одобряли позицию Нкрумы в конголезском кризисе, в частности скрытую поддержку, которую он оказывал Лумумбе. Разногласия обострились, когда Нкрума решил послать кадетов для военного обучения в Советский Союз. В декабре 1961 г. Нкрума уволил Александера и других английских офицеров, занимавших командные позиции в ганской армии [105, 1966, vol. 18, № 3, 4—5]. Но вместо Александера командующим армией был назначен его любимец Анкра, произведенный в генералы. В 1965 г. Нкрума сократил ассигнования на нужды армии (3,3% расходной части бюджета по сравнению с 7,2% в 1961 г.) [127, 3.III.1967]. Это вызвало недовольство старших офицеров. Однако реальную угрозу своему положению они увидели тогда, когда в июле 1965 г. Нкрума, убедившись в нелояльности Анкры, уволил его в отставку и, по некоторым данным, намеревался создать народную милицию. Одновременно он усилил бдительность в отношении возможной оппозиции со стороны военных; один из организаторов переворота — полковник Африфа впоследствии утверждал, что именно усиление политического контроля со стороны Народной партии конвента вызвало возмущение офицеров [76, 1966, vol. II, № 1, 31—41]. Видимо, Нкрума стал пересматривать свои взгляды на проблему вовлечения армии в политическую жизнь. Но было уже поздно.

24 февраля 1966 г., когда Нкрума находился в Китае, его режим был свергнут в результате военного переворота, не-

посредственным организатором которого был полковник Котока, командир второй пехотной бригады. Котока вывел войска из казарм, двинулся на столицу и вступил в нее в 5 час. утра. Во всей операции было занято максимум 1500 человек с 20 танками. В заговоре участвовали также полковник Африфа и начальник полиции Харлей. Уже к 10 часам утра сопротивление личной гвардии Нкрумы, оборонявшей его резиденцию Флагс-тафф-хауз, было в основном сломлено. В 18 часов полковник Котока выступил по радио Аккры и объявил о свержении власти Кваме Нкрумы и Народной партии конвента.

Власть перешла к военному органу, названному «Национальным советом освобождения», во главе которого был поставлен Анкра, занимавший после увольнения из армии второстепенную гражданскую должность.

Анкра, Котока, Африфа и Харлей были руководителями, по-видимому, давно готовящегося заговора. Главную роль в новом руководстве стал играть Анкра. Он родом из племени га, родился в 1915 г., после окончания средней школы работал учителем. Завербовавшись в Королевские пограничные силы Западной Африки, Анкра прошел путь от рядового до генерала. Генерал Александер говорил о нем, что Анкра, самый боевой и жесткий солдат в Гане, невероятно решительный и беспощадный в ситуациях, требующих насильственных акций [106, 21.III.1966, 320].

Бюрократы колониальной выучки, относившиеся к идеям социализма в лучшем случае совершенно безразлично, не могли защищать власть Нкрумы. Как писал редактор египетского прогрессивного журнала «Ат-Талиа» Лютфи эль-Холи, в Гане «государственный аппарат по-прежнему оставался в руках контрреволюционных сил и марионеточных кадров, подготовленных колониализмом для замены его собственного аппарата после провозглашения независимости» [74, 1967, № 1, 18].

В свое время Нкрума говорил: «Как только новое правительство приходит к власти, ему следует, независимо от того, была ли революция мирной или вооруженной, избавиться от всех ведущих государственных чиновников, оставшихся от старого режима. Собственный опыт научил меня, что пренебрежение этим вопросом может оказаться для правительства роковым...» [74, 1967, № 1, 58]. Нкрума избавился от высших чиновников прежнего аппарата, но беда заключалась в том, что в силу способности бюрократии к самовоспроизводству новые чиновники мало чем отличались от старых. Вместо того чтобы быть преданными идеалу строительства социалистического общества, они были охвачены духом буржуазного стяжательства.

Французский журнал «Партизан» дал следующую оценку событиям в Гане: «Решающим было то, что ганская буржуазия не была ликвидирована. В рамках единой партии, где они имели солидный вес, представители ганской буржуазии укрепляли свою экономическую власть, сохраняя также самим фактом своего присутствия и власть политическую, которую Нкрума ограничил, не решаясь, однако, нанести им настоящий удар... Нкрума развивал идею, что социализм можно построить без насильственных перемен, без партии авангарда... без особо значительной роли рабочего класса и бедного крестьянства, без радикальной ликвидации экономической и политической власти буржуазии... Оставив слишком много свободы буржуазии, Нкрума сам подготовил свое падение... Буржуазия неизбежно должна была попытаться избавиться от Нкрумы, поскольку он не поощрял экономического либерализма» [116, 1966, Mai — Juin, 29—30].

«Партизан», известный своими крайне левыми взглядами, бесспорно сгустил краски и приписал Нкруме мысли, которых тот вряд ли придерживался. Но мысль, содержащаяся в процитированном отрывке, имеет важнейшее значение: действительно ли слишком либеральное отношение к буржуазии явилось причиной падения Нкрумы?

Приведем оценки некоторых других левых авторов. Английский лейборист Феннер Брокуэй, близкий к передовой африканской интеллигенции, писал в «Трибюн»: «Нкрума пал потому, что в последние два года правления он оказался изолированным, изолированной от народа оказалась и его партия. Ошибка его политики в том, что он не смог увлечь за собой народ в своем социалистическом строительстве. Для того чтобы Гана не стала слишком зависимой от иностранных капиталовложений, были необходимы жертвы: повышение налогов, принудительные сбережения и ограничение импорта. Все это народ мог бы принять, если бы был охвачен пафосом социалистической революции. Этого не случилось потому, что не было достаточных попыток убедить народ в необходимости жертв» [69, 24. II. 1967].

Африканский марксист Тиджани Бабикиер, выступая на каирском семинаре в октябре 1966 г., заявил: «Неорганизованные массы, находящиеся в состоянии смятения, не были способны нанести поражение организаторам государственного переворота. Им нужна была активная революционная партия авангарда. Попытки Нкрумы превратить Народную партию конвента в партию авангарда не увенчались успехом. Имелось много недостатков в работе и организации партии. Когда настал час испытания, даже члены партии не сплотились и не встали на защиту революции» [74, 1967, № 1, 59].

Лютфи эль-Холи в уже цитировавшейся статье объяснял неожиданность переворота тем, что «партия переоценила свои возможности, исходя из своего формального положения правящей партии, а не из реального влияния своих организаций, кадров на народные массы, которые являются источником подлинной силы. Она ...охватывала группу революционных интеллигентов и городских жителей. Она не смогла проникнуть в широкие массы сельского населения, просветить и мобилизовать массы, пробудить в них подлинный интерес к революции». Имея в виду Народную партию конвента Ганы, Холи говорил, что «на поверхности существует величественная революционная конструкция, которой, однако, внутренне недостает содержания и эффективности, она оторвана от реальной действительности, изолирована от масс и рушится в минуты практических испытаний» [74, 1967, № 1, 17—18].

Таковы мнения левых кругов. Что касается комментаторов из противоположного лагеря, то они приписывают успех переворота полному падению популярности Нкрумы как вследствие его «деспотизма», так и вследствие экономических трудностей.

Если говорить о внутренней слабости и неэффективности партии, то к тому, что отметили цитировавшиеся выше авторы, нечего прибавить. Остается невыясненным вопрос: каковы же причины этой слабости, а также в какой мере они связаны с явлением, о котором пишет «Партизан», — с сохранением позиций буржуазии?

Как мы видели, и Брокуэй, и Бабикиер, и Холи едины в том, что Нкрума не смог создать подлинную авангардную партию, проникнутую революционным духом. Очевидно, все это взаимосвязано. Но объяснения, которые дают указанные авторы, недостаточны. «Не было достаточных попыток убедить народ в необходимости жертв», — считает Брокуэй. Попытки были, и Нкрума в своих речах много раз говорил об этом, но какого энтузиазма, какой готовности терпеть лишения можно ожидать от людей, которые видят воочию злоупотребления и роскошную жизнь верхушки общества.

История революций знает немало примеров, когда народ терпел лишения несравненно более тяжелые, чем те, которые выпали населению Ганы, и тем не менее с подлинным энтузиазмом и самопожертвованием шел за руководством, потому что верил в него, верил в идеалы революции. В Гане этого не было, потому что не было убежденности, что руководители сами верят в свои слова и лозунги, живут одной жизнью с народом и готовы разделить его невзгоды, глубоко озабочены нуждами и страданиями простых людей. Бур-

жуазия, естественно, видит в независимости главным образом возможность «делать бизнес», которой она раньше была лишена ввиду засилья иностранного капитала. Но в условиях африканского общества буржуазия недостаточно сильна и влиятельна, слабое развитие экономики и продолжающаяся зависимость от бывших метрополий не дают ей возможности развернуться по-настоящему. Поэтому политический вес предпринимателей невелик. Зато та часть интеллигенции, которая захватывает привилегированные позиции в государственном и партийном аппарате, обладает огромными возможностями. Поскольку в отсталой стране они могут быть уделом лишь ничтожной горстки людей, сразу же образуется разрыв, появляется новая привилегированная элита.

И тогда массы населения, уже увлеченные лозунгами построения нового, справедливого общества, чувствуют себя разочарованными и обманутыми. Между ними и руководящей прослойкой возникает «кризис доверия». Картина социального неравенства лишает лозунги и программы внутренней убедительности. Энтузиазм уже пропал, вера подорвана, массами овладевает пассивность. Не может быть и речи о добровольной готовности нести жертвы и трудиться во имя будущего, когда люди видят, что бремя лишений не распределяется равномерно, а падает всей тяжестью на простой народ.

Президент Гвинеи Секу Туре обвинил руководящие кадры в стремлении к личному благополучию. Точно такая же картина, если не хуже, была и в Гане. В Танзании Ньерере, совершая в начале 1967 г. поездку по стране, узнал, что «ведущие партийные деятели получали большие деньги от директоров иностранных компаний, надеявшихся обезопасить себя с их помощью, он увидел, как другие руководящие деятели деловито строили дома и сдавали их в аренду по астрономическим ценам. По мере того как все большее число лидеров ТАНУ приобретало роскошные автомобили, в народе распространялась горькая шутка насчет „Вабенце“, что значит „племя Мерседес-Бенц“» [93, 18. II. 1967].

Как известно, Ньерере сделал из этого определенные выводы, начал «новую революцию», поднял знамя Арушской программы (программы развития революции), развернул кампанию против материальных привилегий. Секу Туре энергично ударил по обуржуазивающейся верхушке. Рано судить о том, насколько действенными окажутся эти меры, но Нкрума не сделал и этого. Он снимал с постов наиболее коррумпированных чиновников, но их место занимали другие. Легко понять, почему это происходило. Вся атмосфера в стране была пропитана капиталистическим духом, всячески поощря-

лась деятельность иностранного капитала, самим своим существованием порождавшего неоконпраторскую прослойку, действовали и богатели местные крупные предприниматели. Социалистические программы и лозунги не могли скрыть тот факт, что в недрах развивалась частная инициатива. Эта атмосфера захватывала, разлагала все новые слои государственных и партийных деятелей.

Но в равной мере понятны и объяснимы причины этого явления. Сам Нкрума несомненно был убежденным противником капитализма. Он лишь потому поощрял развитие иностранного и местного капитала, что считал это полезным и необходимым для развития производительных сил Ганы, понимая, что без частного сектора отсталое и нищее государство не может создать развитую экономику, провести индустриализацию, обеспечить повышение жизненного уровня народа.

Нкрума полагал, что при наличии командных высот в руках партии, придерживающейся социалистической идеологии, при наличии твердой государственной власти пагубное влияние капитализма может быть парализовано.

В принципе эти идеи правильны. Но попытка сразу же начать строить социализм в стране, находящейся на крайне низком уровне развития производительных сил, попытка перестроить экономику только силами государства, без использования и привлечения частной инициативы почти наверняка обречена на провал. Ни Советский Союз, ни другие страны социализма не обошлись без использования частного сектора, хотя их стартовый уровень был несравненно выше нынешних молодых государств Африки и Азии. На данном этапе главное — в качестве человеческого материала, наличии подлинно революционной партии, бескорыстно служащей делу народа. В России к моменту революции такая партия уже существовала и нэп не смог ее разложить. Такие партии существуют в социалистических странах Европы и Азии, и частный сектор, занимающий в некоторых из этих стран известные позиции, не в состоянии свернуть их с социалистического пути развития. Все дело в том, что подлинно революционные, социалистические партии состоят в своей массе из людей нового типа, лишенных частнособственнических, эксплуататорских, стяжательских устремлений, из людей, которые в ходе революционной борьбы приобретают идейную закалку и иммунитет против буржуазных влияний. Для успешного развития революции в освободившихся странах отнюдь не в меньшей степени необходим такой тип людей, и многие революционные лидеры это понимают. Секу Туре, например, говорит, что «преобразование старого человека в нового человека есть явление идеологического, политиче-

ского порядка. Необходимо изменить образ мышления, создать новый дух и воспитать в этом духе всех и каждого» [74, 1967, № 4, 54]. Но суть проблемы в следующем: откуда берутся и кем являются те, кого воспитывают, и те, кто воспитывает?

Костяк партий, пришедших к власти в большинстве стран Тропической Африки, состоял из интеллигенции, получившей европейское образование и в немалой своей части уже приобретшей к «западному образу жизни»; во многих случаях на руководящие посты пробрались люди, воспитанные колонизаторами в нужном им духе и специально оставленные в качестве пятой колонны неокOLONиализма. И даже тогда, когда руководство партии состоит из людей действительно глубоко идейных и преданных социализму, им очень трудно воспитывать «нового человека» из этого костяка, которому западная буржуазная цивилизация ближе идеалов социализма. А именно этот костяк соприкасается с массами, показывает им пример, является тем звеном, на которое возложена задача непосредственного проведения социально-экономических преобразований.

Когда в этих условиях правительство, руководствуясь бесспорно правильными соображениями о необходимости поощрения частной инициативы в интересах развития страны, дает простор капиталистическим отношениям, аппарат, еще не воспитанный по-настоящему в революционном духе и не представляющий собой социалистического авангарда, может быстро и легко поддаться буржуазному влиянию. Он может превратиться в бюрократическую буржуазию в новом варианте, в рамках государства, официально отвергшего капиталистический путь. Это и есть та прослойка, о которой Секу Туре говорил, что она думает о виллах и автомобилях. Это и есть «племя Мерседес-Бенц». И если вовремя не обуздать ее; не перетряхнуть, если не предпринять поистине титанических усилий для создания в стране новой атмосферы, найти и выдвинуть новых людей из народа, — тогда режим становится внутренне хрупким, и достаточно нескольких сотен солдат, чтобы его свалить. Это и произошло в Гане.

Но был ли неизбежен переворот даже в такой ситуации? Думается, что нет. Ни одна из причин, которые выдвигаются для обоснования его неотвратимости, не является достаточно убедительной.

Что касается уровня жизни, то на фоне других африканских стран Гана выделялась в лучшую сторону. Как отмечалось, доход на душу населения был выше, чем у большинства других стран Африки. Трудности со снабжением, рост цен на продукты питания вызывали недовольство населения,

но этого еще недостаточно для массового антиправительственного выступления.

В смысле финансового положения, дефицита платежного баланса, уменьшения резервов валюты, роста внешней задолженности Гана не представляет исключения в афроазиатском мире. Индонезия находилась в гораздо худшем положении, но никто не совершал попыток свергнуть Сукарно, пока он сам не запутался в сложной политической игре.

Перечисленные факторы могли лишь подготовить почву для переворота, придать смелость заговорщикам, обеспечить отсутствие сопротивления попытке свергнуть режим, создать общий фон безразличия и пассивности. Однако, если бы группа офицеров не задумала свергнуть Нкруму, можно не сомневаться, что он правил бы страной до сих пор. Уже отмечалось, что силы, совершившие переворот, были ничтожными. Значит ли это, что полковник Котока в любом случае мог рассчитывать на успех? По-видимому, нет. Это подтверждается примером с неудавшимся переворотом, организованным в Гане спустя год с лишним, 17 апреля 1967 г. Младшие офицеры, попробовавшие захватить власть, успели лишь убить Котоку и овладеть на несколько часов радиостанцией. Несмотря на благоприятные объективные условия, плохо подготовленный заговор ограничился масштабами одного полка, командиры других воинских частей сохранили верность генералу Анкра, и перевес сил решил исход борьбы.

Но если бы 24 февраля 1966 г. эти командиры сохранили верность Нкруме, то Котока с его бригадой потерпел бы поражение.

Пример Ганы, Сирии, Ирака и других стран подтверждает, что для успеха военного переворота недостаточно просто выступления какой-либо отдельной воинской части, даже если она овладеет столицей и объявит по радио о захвате власти. Необходимо, чтобы на стороне восставших оказались командующие войсками или хотя бы часть их — во всяком случае необходима поддержка командиров крупнейших гарнизонов и соединений, в руках которых сосредоточена основная масса вооруженных сил. Эти командиры должны или одобрить заговор, или поддержать переворот, когда он свершится.

Как для того, так и для другого необходимо, чтобы идея свержения правительства созрела в умах большинства офицеров, находящихся на ключевых постах. Но первоначально почва для переворота созревает не в армии, а в общественном мнении.

Для Котоки, Анкры и других, готовивших переворот, общественное мнение — это мнение людей, родственников им по

духу и образу мыслей, т. е. умеренной буржуазно-либеральной интеллигенции типа той, которая в свое время составляла ядро партии Объединенного конвента Золотого Берега и была оттеснена Нкрумой и его более молодыми и радикальными последователями из мелкобуржуазной интеллигенции; мнение «старых» чиновников колониальной школы, служивших и при Нкруме, но относившихся к нему и его социалистической программе с плохо скрытой неприязнью; наконец, мнение крепнущей буржуазии, которая, хотя и не испытывала серьезных притеснений при режиме Нкрумы, но была недовольна концентрацией политической власти в руках партийной верхушки. Именно эти слои и были активно заинтересованы в свержении Нкрумы и получили наибольшие выгоды от переворота.

Журнал «Жен Африк» писал о результатах переворота в Гане: «Победителем оказалась старая элита, мечты которой были развеяны выдвижением Нкрумы». Характеризуя новую власть, журнал указывал: «Специальный политический комитет, который ориентирует Совет национального освобождения, состоит из людей, принадлежащих к старой элите. Судебная власть также находится в руках чиновников, занимающих свои посты еще со времени колониального правления. Их коллеги в административном аппарате вернули себе прежнее влияние, которое у них отнял Нкрума» [100, 5.III.1967].

Но достаточно ли было только общественного мнения этих групп, недовольства и враждебности имущих слоев для того, чтобы побудить офицеров выступить против Нкрумы? В этом можно усомниться. В конце концов старая прозападная верхушка общества была настроена против Нкрумы с самого начала. Тот факт, что переворот произошел не в 1961, а в 1966 г., не просто случайность. Для того чтобы все без исключения офицеры армии и полиции, занимавшие ключевые посты, объединились против Нкрумы или одобрили переворот постфактум — нужна была уверенность, что режим уже не настолько силен и популярен, что население активно выступит в его защиту. Это, кстати, уловили и разведки Англии и США, приложившие руку к организации переворота.

Следовательно, мы возвращаемся к исходному пункту. Дело не в армии, как таковой (хотя стоит повторить, что если бы не инициатива нескольких наиболее антиправительственно настроенных офицеров, Нкрума находился бы у власти до сих пор); дело в общем экономическом и политическом климате, существовавшем в стране и объективно благоприятствовавшем перевороту. А инициативу антиправительственного выступления всегда могут проявить несколько офицеров, руководствуясь личными мотивами.

Было бы принципиальной ошибкой трактовать события в Гане в том смысле, что ни одна экономически слаборазвитая страна не застрахована от переворота, который в любой момент может совершить недовольная чем-нибудь группа офицеров. Из предшествующего анализа вытекает, что хотя подобная группа действительно может найтись везде, для успеха ей необходима активная или пассивная поддержка основной массы офицеров, занимающих ключевые посты, что в свою очередь является результатом падения популярности режима в слоях, с которыми эти офицеры наиболее тесно связаны.

Кстати, нет никакой гарантии, что если бы Нкрума своевременно сумел удалить из армии не только Анкру, но и всех потенциально опасных офицеров, он был бы застрахован от угрозы военного переворота. Против него могли бы выступить и «новые» офицеры, не связанные общностью взглядов со старой элитой, но недовольные каким-либо аспектом его правления.

Именно так произошло в Мали, где Модибо Кейта был свергнут не генералами старой колониальной школы, а молодыми офицерами.

Падение Нкрумы показывает, насколько трудно в условиях не только экономически, но и политически неразвитого общества воспитать подлинно революционную, идейную партию социалистического авангарда. Именно здесь потерпел главную неудачу Нкрума, а не на поприще экономического развития.

В процессе перестройки отсталой колониальной страны экономические трудности неизбежны для любой социально-политической системы. Они вызваны и внутренней экономической слабостью, и зависимостью от мирового капиталистического хозяйства, которую быстро преодолеть невозможно. Вопрос в том, как народ будет относиться к этим трудностям. А это связано и с идейным воспитанием, и с экономическим развитием.

Пришедший на смену Нкруме военный режим не имел определенной программы, что неизбежно для офицеров, преследовавших своим выступлением прежде всего разрушение старого, а не создание нового. Поскольку, как уже отмечалось, эта группа ориентировалась на буржуазные круги, правительство Анкры признало примат частного сектора, считая его главным фактором развития.

Обвинив Нкруму в расточительности и бесхозяйственности, новое руководство не могло не предпринять шагов для сокращения государственных расходов. Бюджет 1966/67 г. предусматривал сокращение государственных расходов на 14%. Число министерских постов уменьшено с 32 до 17, число

административных округов сокращено со 167 до 47, закрыто 20 посольств и миссий за границей, персонал представительств Ганы за границей сокращен на 40%. Заморожено строительство около 80 различных промышленных объектов, 12 морских портов, ликвидированы некоторые убыточные авиалинии, отменен проект ввоза тракторов из Югославии и т. д. [119, 1967, № 1, 3].

Уменьшается удельный вес государственного сектора. Семь государственных предприятий были предназначены для продажи частному сектору, еще 13 предприятий превращались в смешанные. Торговля и городское строительство целиком отданы частному сектору [119, 1967, № 2, 5]. Характерные черты денационализации таковы: государственные предприятия были проданы только местному капиталу; иностранный капитал участвует в них лишь на долевых началах; проданы были в основном рентабельные предприятия, приносявшие прибыль государству; стоимость их была чрезвычайно занижена.

Осуществляются меры по сокращению импорта.

В III квартале 1966 г. объем импорта снизился на 40% по сравнению с тем же кварталом 1965 г. [119, 1967, № 2, 3].

Проводится жесткая дефляционная политика. Зарботная плата заморожена. Однако цены продолжают расти (25% в год). Серьезнейшей проблемой для нового режима была катастрофически растущая безработица; к началу 1967 г. в Аккре безработные составили 35% всех рабочих [119, 1967, № 1, 3]. Положение платежного баланса не улучшилось, цены на какао-бобы на мировом рынке остаются низкими.

Военное правительство возлагало надежды на помощь международного капитала, который вновь стал проявлять интерес к Гане. Международный валютный фонд предоставил Гане в 1966 г. кредит на 53 млн. долл. [89, 1967, March, 151]. Однако надежды на приток частного иностранного капитала пока что не оправдываются. Иностранный капитал ограничился лишь участием в нескольких государственных предприятиях. Местный капитал оказался не в состоянии приобрести крупные предприятия. Убыточные предприятия остались в собственности государства, значительная часть их простаивает.

Во внешней политике проводилась линия «прозападного неприсоединения». Военный режим открыто ориентируется на сотрудничество с главными капиталистическими державами. В Африке правительству Анкры удалось улучшить отношения с соседями — Того, Верхней Вольтой и Берегом Слоновой Кости, т. е. с тремя странами, придерживающимися западной ориентации.

В области внутренней политики упор делался на беспо-

щадное подавление любой возможной оппозиции. Были изданы декреты о борьбе с «подрывной деятельностью», предоставившие, в частности, право военным трибуналам судить гражданских лиц и выносить приговоры вплоть до расстрела (минимальное наказание для лиц, признанных виновными в «подрывной деятельности», — 25 лет каторжных работ) [127, 10.III.1967].

Правительство объявило, что в 1969 г. оно намеревается восстановить гражданское правление. Была учреждена конституционная комиссия, ее рекомендации подлежали утверждению «Национальным советом освобождения». Не было никаких признаков действительной эволюции режима в сторону демократии. Все прогрессивные элементы подвергались преследованиям на том основании, что они были сторонниками прежнего режима. Лишились своих должностей даже несколько сот вождей племен, назначенных при Нкруме. Но вожди крупнейших племен, такие, как Асантахене, остались и поддерживали военное правительство.

Отсутствие идей, динамизма, смелости и целеустремленности в политике, капитуляция перед неоколониализмом, неспособность решить тяжелые экономические проблемы, в частности предотвратить рост безработицы, усиливали непопулярность военного режима. Первоначальный энтузиазм, с которым многие восприняли переворот, рассеялся. «Люди, которые приветствовали военно-полицейскую ось в начале 1966 г. и соревновались в хвале и панегириках... кажутся теперь разочарованными режимом, хотя его безотлагательного ухода» [51, 26.II.1968].

Ограниченность военных руководителей становилась все более очевидной. Их явная неспособность решить проблемы Ганы на капиталистическом пути предвещает неизбежное возрождение настроений в пользу некапиталистических методов преодоления отсталости и строительства нового, современного общества.

2 апреля 1969 г. произошло событие, влияние которого на судьбы военных режимов в Африке может быть весьма значительным. В этот день, за пять месяцев до выборов, в Аккре было объявлено об уходе генерала Анкры с поста председателя «Национального совета освобождения» Ганы. Причиной сенсационной отставки «сильного человека», лидера военной хунты, свергнувшей тремя годами ранее президента Нкруму, было самое банальное взяточничество. Человек, провозгласивший одним из главных мотивов организованного им в 1966 г. переворота «борьбу с коррупцией» и обещавший покончить с финансовыми злоупотреблениями, был уличен в том, что брал деньги от иностранных компаний. Официально Анкра заявил, что таким образом он хотел финансировать

исследования общественного мнения, чтобы определить, какие у него имеются шансы быть выбранным на пост президента после окончания военного правления. Затем, однако, генерал сознался, что суммы, собранные с иностранных компаний, предназначались не для опросов, а для передачи некоторым политическим деятелям, имена которых он сообщил членам Национального совета освобождения в конфиденциальном порядке.

Разумеется, при желании военная хунта могла бы скрыть грехопадение своего лидера, но такого желания, по-видимому, не было. На должность руководителя военного режима (а впоследствии, возможно, и президента) метил другой организатор переворота 1966 г. — бригадный генерал Африфа. Он воспользовался делом Анкры, чтобы занять его место. Африфа стал председателем Национального совета освобождения. Он занялся подготовкой передачи власти гражданской администрации.

Таким образом, к завершению своего существования (сентябрь 1969 г.) военный режим в Гане пришел с сильно подмоченной репутацией. Шокирована не только ганская общественность, но и широкие круги в Африке. Мифу о «военных-спасителях» нанесен тяжелый удар.

НИГЕРИЯ

В Нигерии, как и в ряде других стран Тропической Африки, у власти находится военный режим, но его особенность в том, что установление его совпало с началом процесса распада федерации. Ни в одном военном перевороте в Африке этнические конфликты не играли столь большой роли, как в Нигерии, и анализ места армии в политической жизни этой страны должен базироваться на рассмотрении этнической проблемы.

В декабре 1959 г. в английской колонии Нигерии состоялись первые всеобщие выборы, а в октябре 1960 г. страна получила независимость. 1 октября 1963 г. Нигерия стала республикой, а доктор Азикиве — первым президентом. Азикиве был лидером ведущей политической организации Нигерии в период борьбы за независимость — НСНК (Национальный совет Нигерии и Камеруна), переименованной в 1962 г. в НСНГ (Национальный совет нигерийских граждан). Партия была создана в 1944 г. на конференции молодежных, профсоюзных, кооперативных, крестьянских, торгово-промышленных, студенческих, женских организаций. Буржуазия в собственном смысле слова была к тому времени представлена лишь относительно небольшим числом купцов, владельцев прядильно-ткацких, деревообделочных, мебельных мастерских,

мелких консервных, сахарных, кожевенных заводов и т. д. Процесс становления национальной буржуазии стал разворачиваться после второй мировой войны. Быстро росла прослойка владельцев текстильных и обувных фабрик, заводов по изготовлению металлических изделий и строительных материалов, транспортных контор, банков и страховых обществ, крупных городских торговцев (в значительной мере женщин). Постепенно НСНК все больше стал выражать интересы этой прослойки. Общенациональной партией он не стал, так как базой его был Восток, населенный в основном народом ибо, и сам Азикиве происходит из ибо. В отличие от других стран Африки в Нигерии так и не сложилась общенациональная партия. Это объясняется тем, что в рамках федерации, как прежде в рамках колонии, были объединены не только различные племена (явление, обычное для Африки), но и различные народы, не только не имевшие ничего общего между собой, но и относившиеся друг к другу с возрастающей неприязнью.

Из 35 млн. человек, населявших Нигерию к моменту достижения независимости, примерно 6 млн., по данным Адемойега, говорили на языке хауса и жили в основном на севере страны. Около 5 млн. были ибо, и примерно столько же — йоруба. Ибо населяют восточную область, йоруба — западную. На севере кроме хауса живут фулани, насчитывавшие к моменту независимости около 3,5 млн. человек, и канури — около 1,5 млн. человек. Народности ибибио, аннанг, иджо, урхобо, тив и нупе насчитывали несколько менее 1 млн. человек каждая [146, 182]. Имеются еще сотни племен (по некоторым данным, Нигерию населяют более 400 этнических групп).

Хауса, ибо и йоруба — главные участники драмы, которую переживает Нигерия. Эти народы очутились в рамках одного государства в результате произвольного перекраивания карты Африки колонизаторами. Англичане создали Нигерию, — которая в административном и хозяйственном отношении постепенно превращалась в единое целое. Но вскоре после провозглашения независимости обнаружился бурный рост национализма отдельных народов, входящих в федерацию, прежде всего йоруба и ибо, недовольных гегемонией хауса, искусственно созданной английскими колонизаторами.

Основной целью конституции, введенной английскими властями, стремившейся увековечить колониальное господство, было сохранение Нигерии в состоянии хронической раздробленности. Больше всего англичане доверяли феодалам Севера, на которых они опирались и власть которых поддерживали. Эти феодалы получили преобладание в центральной администрации. Переписи показывали численный перевес се-

верян. (Так, перепись 1963 г. установила якобы, что из 55 млн. жителей страны³⁷ на Севере живет 30 млн. человек.) Контролируя государственный аппарат в масштабе всей страны, Конгресс народов севера, в котором решающее слово имел неоспоримый хозяин Севера, первый из мусульманских феодалов, Альхаджи Ахмаду Белло, известный под титулом сардауны Сокоты, препятствовал установлению точных статистических данных о населении страны. Северному району отводилось больше мест в Федеральном парламенте, а победа КНС была там предрешена, и таким образом феодальная верхушка Севера закрепила свой контроль в масштабе всей страны.

Следует отметить, что партии, представляющие различные этнические группы, в значительной степени олицетворяли и различные классы. Это может быть проиллюстрировано следующими данными конца 50-х — начала 60-х годов (сравнению подвергнуты КНС в северной области и НСНК — в восточной). Процент торговцев и бизнесменов среди депутатов региональных собраний: КНС — 11, НСНК — 31; лиц свободных профессий — 0 и 20; работников просвещения — 0 и 26; служащих и инженерно-технических работников — 7 и 19; администраторов округов — 24 и 0; людей со средним и высшим образованием — 16 и 57. Соответствующие данные по партии Группа действия в Западной области дают картину, близкую к составу НСНК [152, 383]. Эти данные показывают, что НСНК представлял главным образом буржуазию, служащих, интеллигенцию, а Конгресс народов севера — контролируемый феодальной верхушкой административный аппарат.

Партия Группы действия, представлявшая интересы растущей буржуазии йоруба и возглавлявшаяся главным идеологом национализма йоруба Аволово, стала ведущей партией Западной области, и ее сближение с НСНК представляло угрозу гегемонии Севера. Президент Азикиве ввиду преклонного возраста и слабого здоровья все больше утрачивал контроль над событиями, а правительство возглавлял Абубакар Тафава Балева, лидер КНС, ставленник Ахмаду Белло. До выборов 1964 г. у власти была коалиция Севера и Востока, направленная против Запада. Ахмаду Белло подкупил видного политического деятеля Запада Акинтолу, который создал так называемую национально-демократическую партию, переманил в нее ряд продажных политиков из Группы действия. Затем, используя финансовую поддержку Севера

³⁷ Согласно этой переписи, население Нигерии составляло 55 654 тыс. человек. Точных сведений о численности населения Нигерии нет, но по данным ООН на февраль 1969 г. оно насчитывало 61 млн.

и раздувая среди йоруба настроения против ибо (контролируемая им пресса кричала об «империализме ибо»), он сумел прийти к власти в Западной области. После этого Акинтола совместно с контролируемым северянами центральным правительством организует атаку на Аволово, который был арестован и по обвинению в подготовке антигосударственного заговора осужден на 15 лет.

При помощи этой махинации блок КНС — национально-демократическая партия обеспечил себе гегемонию в федерации, невзирая на усиливавшуюся во всех областях страны популярность НСНГ. Но было широко известно, что численное преобладание северян — результат весьма спорной переписи. Среди ибо и йоруба росло недовольство.

Тем временем начали сказываться экономические трудности. Нигерия была «витриной капитализма» в Африке, одной из немногих стран, у власти в которой стояли люди, даже не считавшие нужным, хотя бы из демагогических побуждений, говорить о социализме. Развитие частнокапиталистического сектора внутри страны и максимальное привлечение иностранного капитала — такова была нехитрая экономическая политика лидеров Нигерии, рассчитывавших с помощью Запада внедрить в стране «добрый старый капитализм». Ключевые позиции в экономике федерации занимали иностранные монополии, среди которых особенно выделялась «Юнайтед Африка компани», дочерняя компания англо-голландского концерна «Юнилевер».

Падение мировых цен на сырье (особенно на какао) ухудшило финансовое положение страны. Росли цены на товары, особенно продовольственные, росла квартирная плата. Угрожающим становился рост безработицы. На Юге безработные составляли в 1962 г. 29% городского населения. Люди, получившие образование, не могли найти работу: среди кончивших школу более 80% оставались безработными [124, 1967; Жапагу, 43]. Вместе с тем быстрыми темпами развивалась местная буржуазия. «Если до 1960 г. в Нигерии не было своих миллионеров, то к 1965 г. их насчитывалось уже более сорока. Так, во владении или под контролем „бизнесмена № 1“ Моболаджи Банк-Антони находится часть капитала десяти компаний» [71, 1966, № 1, 98]. Бюрократическая верхушка сращивалась с прослойкой частных предпринимателей, бурно процветала коррупция. В последние годы существования старого режима правительственные комиссии по расследованию злоупотреблений чиновников работали одна за другой, вскрывая потрясающие факты мошенничества, казнокрадства, взяточничества, всевозможных махинаций. Разложение затронуло высшие слои общества. В Восточной области один из министров принял в «дар» автомобиль и 7,5 тыс. ф. ст.

[71, 1966, № 1, 99]. Для Акинтолы был куплен «Мерседес-600». Нигерийские министры обожали длинные автомобили, которые в стране так и называли — «министерская модель». Иностранные корреспонденты единодушно отмечали, что по роскоши дворцов, обилию великолепных лимузинов, по всему «шикарному» стилю жизни привилегированной верхушки Лагос не имеет себе равных среди городов Тропической Африки.

В этой обстановке все большее число прогрессивно мыслящих людей начало терять веру в возможность решения экономических и социальных проблем Нигерии в рамках существующей системы. Начала расти оппозиция. Знаменательным событием явилось создание Социалистической рабоче-крестьянской партии Нигерии. Анализируя классовый состав нигерийского общества, партия выделила как главных врагов народных масс «высшие классы — паразиты», к которым она причисляла: компрадорских бизнесменов — промышленных магнатов, маклеров, получающих 10—20% комиссионных в качестве агентов, субагентов или посредников иностранных компаний, действующих в Нигерии, дельцов, использующих свое политическое влияние для обеспечения контрактов иностранцам; феодальную знать — вождей, эмиров и других, обосновавшихся в палатах вождей, местных советах, судах, государственных учреждениях, использующих власть для незаконного присвоения общинных земель, получения взяток и традиционных подарков и т. д.; и наконец — группу продажных бюрократов и карьеристов, которая «не может быть отделена от компрадорской буржуазии».

Этот анализ любопытен тем, что он подтверждает точку зрения, согласно которой в большинстве экономических отсталых стран наиболее влиятельным в экономике и в политике классом является отнюдь не та национальная буржуазия, которую принято изображать как господствующую силу, а буржуазия спекулятивно-компрадорская, непроизводительная и бюрократическая. Даже в такой относительно развитой в смысле уровня капиталистических отношений стране, как Нигерия, именно этот второй тип буржуазии, по определению нигерийских марксистов, выступает как эксплуататорский класс.

Слабость промышленной буржуазии, которую в основном и имеют в виду, говоря о «национальной», отсталость и политическая неразвитость крестьянства приводят к тому, что реальной, боевой силой антиимпериалистического фронта на данном этапе может выступить лишь пролетариат (прежде всего пролетариат современного типа, объединенный в профсоюзы) совместно с прогрессивной частью интеллигенции. При умелом руководстве этот авангард может мобилизовать и повести за собой как крестьянские массы, так и мелкобур-

жуазные слои города и городские низы. Но для этого требуется время. Между тем время не только союзник, но и враг. Ведь после достижения независимости параллельно с процессом обострения классовых противоречий разворачивается и другой процесс — рост национализма, неизбежный в период становления нации. В развивающейся стране высвобождение скованных колониализмом творческих сил народа, рост образования, развитие национальной культуры связаны с возникновением обостренного, иногда гипертрофированного национального самосознания, с культивированием национальных или этнических особенностей, традиций и т. д. С одной стороны, чувство государственной общности неминуемо ослабляется по мере того, как массы наблюдают отчуждение верхов, превращение их в новую привилегированную прослойку, но, с другой стороны, усиливается чувство этнической общности, поскольку в африканском обществе, сохранившем патриархальные деревенские черты, еще нет отчетливых классовых границ, они замаскированы многочисленными кровнородственными связями, затушевываются ролью всевозможных землячеств, в которых как бы объединяются и бедные крестьяне и вышедшие из той же деревни, но попавшие в город и разбогатевшие или занявшие видные посты представители формирующейся элиты. Связь с деревней сохраняется, традиции африканской взаимопомощи (например, уже упоминавшаяся система «ндуку») поддерживают иллюзии единства, временно затушевывают, смягчают классовые противоречия.

Именно на этом и основаны концепции, подчеркивающие отсутствие четко выраженных классов и классовой борьбы в африканском обществе, их придерживаются даже революционно-демократические руководители Африки. В прежнее время африканец видел своего угнетателя в иностранце, и не столько во владельце иностранного предприятия (он был где-то далеко, в метрополии), сколько в представителе колониальной администрации. Теперь, когда колониальной администрации нет, а боссы из компании «Юнилевер» находятся за тридевять земель, непосредственным, зримым эксплуататором выступает или ливанский купец, или предприниматель из соседнего племени. То, что сплошь и рядом не менее жестоким эксплуататором является свой собственный земляк, в меньшей степени бросается в глаза благодаря сохранению кровнородственных, традиционных связей. Все внимание акцентируется на «чужом». Психологически легко обвинить во всем инонациональный элемент, искать в «пришельце» причину всех трудностей. Становится нарицательным образ «ловкача-ибо» или «тунеядца-йоруба», обостряются давнишние племенные и межплеменные распри, вспыхивает под-

спудно существовавшая взаимная неприязнь, некогда возникшая на совершенно иной основе.

В этих условиях образование единого национального фронта в многонациональном африканском государстве крайне затруднено. Все жители Восточной Нигерии, например, голосуют на выборах за НСНГ, видя в нем представителя своих региональных, этнических интересов, а жители Севера по аналогичным мотивам — за КНС. Когда образуется новая партия, выдвигающая общенациональные лозунги, люди по привычке сразу же смотрят, кто является ее лидерами: ибо, йоруба или хауса. Поэтому ни одной политической партии еще не удалось стать подлинно общенациональной.

В конце 1964 г. обострение противоречий между этническими группами стало угрожать самому существованию федерации. Накануне парламентских выборов образовались два блока, в одном из которых доминировал КНС, в другом — НСНГ. Второй блок, называвший себя «Объединенный прогрессивный великий союз», призвал к бойкоту выборов ввиду предвыборных махинаций северных соперников и их союзника — партии Акинтолы на Западе. Естественно, на выборах, проведенных в таких условиях, КНС и его союзники получили подавляющее большинство. В конце концов в правительство были включены представители обеих группировок, но с трудом улаженный кризис обнажил шаткость федеральной системы и усилил центробежные тенденции.

11 октября 1965 г. в Западной Нигерии состоялись выборы, на которых Акинтола путем грубейшей фальсификации добился победы. Группа действия, лишенная руководителя (Аволово находился в тюрьме), и считавшая с полным основанием, что честные выборы дали бы ей победу, но не видевшая легальных возможностей, решила добиваться своих целей путем террора. Западная Нигерия превратилась в арену непрерывных кровавых столкновений. Репрессии породили террор, террор усиливал репрессии. Вооруженные сторонники Акинтолы и Аволово вели войну, эпизоды которой напоминали кадры из гангстерских фильмов. За три месяца сотни людей были убиты и ранены, сожжены тысячи домов и автомобилей. Столица Западной Нигерии — Ибадан пострадала больше всего. Целые кварталы были сравнены с землей.

К концу 1965 — началу 1966 г. волна насилия захватила новые районы и группы населения Западной Нигерии. Правительство Акинтолы было окружено ненавистью. Этот 55-летний бывший адвокат боялся выходить из резиденции, охранявшейся полицией. Он стал живым символом коррупции и беззакония. Помимо уже упоминавшегося «подаренного» ему «мерседеса» стоимостью в 20 тыс. ф. ст. он имел еще 11 других лимузинов. В своем родном местечке Акинтола вы-

строил себе дворец длиной в 800 м. Премьеру-миллионеру принадлежали дома в Лагосе и Ибадане. Вице-премьер Фани-Кайоде имел восемь автомашин, каждой из своих постоянных шести содержанок он купил виллу и автомобиль. Остальные министры Акинтолы и лидеры партии были бандой политических гангстеров и воров. Все их темные дела творились на виду у народа, и немудрено, что волнения охватывали всю Западную Нигерию. Непокойно было и в других областях. Федерация переживала тяжелый кризис. Перемены были неизбежны, и на сцену выступила армия.

Нигерийская армия, подобно ганской, отпочковалась от Королевских пограничных сил Западной Африки. В 1958 г. нигерийский контингент этих вооруженных сил получил наименование «Королевские нигерийские вооруженные силы». В том же году учебная рота нигерийского собственного ее величества полка была реорганизована в нигерийскую военную школу, а в 1959 г. был открыт военный колледж. К этому времени уже существовал зародыш офицерского корпуса из представителей местных кадров: первые два кадета из Нигерии поступили в Сэндхерст в 1952 г. К моменту предоставления независимости основная масса офицеров состояла из англичан. На 1 января 1961 г. из более чем 300 офицеров нигерийских вооруженных сил лишь 81 были местными уроженцами, причем 60 из них принадлежали народности ибо [146, 180—181; 157, 46].

Рядовой состав нигерийской армии с самого начала рекрутировался из Северной Нигерии — 50%, 25% — из Западной и 25% — из Восточной. Это политика соответствовала практике колониального периода, когда солдат набирали преимущественно из районов, наименее развитых в культурном и политическом отношении. В Нигерии этот принцип был выдержан настолько последовательно, что и среди тех 50% солдат, которые вербовались на Севере, предпочтение отдавалось уроженцам наиболее глухих, отсталых районов. После провозглашения независимости правительство, контролировавшееся северными феодалами, продолжало придерживаться этой практики, более того, оно нарушало традиционный порядок в пользу Севера, так что фактически не 50%, а 60—70% личного состава армии рекрутировалось из северных районов. Пехотинцы, — как правило, уроженцы Севера, на технических и административных должностях преобладают ибо. Процент йоруба в армии значительно ниже их общей доли в составе населения федерации, так как считалось, что они менее всего подходят для воинской службы [157, 27, 36—37].

К началу 1966 г. нигерийская армия насчитывала около 8 тыс. человек. Это был единственный государственный орга-

низм, в котором перемешивались, переплавлялись различные народности, составлявшие федерацию. Часть офицерского корпуса, в том числе главнокомандующий армией генерал Джон Агейн-Иронси, прошли довольно длительную школу службы в британской армии, а также участвовали в операциях войск ООН в Конго.

Обострившийся до крайности внутривластный кризис, явная неспособность правительства установить нормальные отношения между областями, бессилие старого и больного президента Азикиве побудили руководство армии предпринять политическую акцию. Целью ее было установление контроля армии над страной и создание нового беспартийного режима, в рамках которого можно было бы мирным путем уладить противоречия между этническими группами и спасти федерацию от раскола. Поскольку существовавшая политическая система обеспечивала главенство феодального и мусульманского Севера, ее ниспровержение объективно отвечало интересам остальных областей, прежде всего интересам растущей буржуазии ибо и йоруба, для которой господство Севера во все большей степени являлось помехой; засилье феодалов, контролировавших жизнь федерации, тормозило капиталистическое развитие.

Для успеха операции было признано необходимым уничтожить лидеров режима, т. е. представителей северной верхушки и связанной с ними группы Акинтолы.

Как долго готовился заговор — неизвестно, но очевидно, что осуществление переворота было ускорено намерением властей произвести перемены в командовании армии. Выполняя волю Ахмаду Белло, премьер-министр федерации Балева готовил смещение Иронси с поста главнокомандующего и назначение на его место полковника Сегана, близкого Акинтоле. За несколько дней до переворота Сегана прибыл из Ибадана в Лагос [135, 5.II.1966, 78]. Кроме того, сардана якобы намеревался сосредоточить обучение военных кадров в школе вблизи северной столицы — Кадуны [76, 1966, vol. II, № 1, 31—41]. Все эти намечавшиеся шаги северных лидеров расценивались офицерами ибо как угроза их положению. Именно офицеры ибо, занимавшие ключевые посты в командном аппарате армии, явились инициаторами выступления. Как генерал Иронси, так и руководитель главного восстания в Кадуне майор Нзеогву были ибо.

Выступление армии было тщательно подготовлено и осуществлено одновременно в пяти главных городах: в федеральной столице Лагосе и в главных городах четырех областей — Кадуне (Север), Ибадане (Запад), Бенине (Средний Запад) и Энугу (Восток). В 1 час ночи 15 января 1966 г. по всей огромной стране по тревоге были подняты воинские

части и заранее выделенные подразделения приступили к осуществлению операции.

В Кадуне операцией руководила группа офицеров во главе с майором Нзеогву, который несколькими днями раньше прилетел из Лагоса. Впоследствии на пресс-конференции Нзеогву подтвердил, что руководство всем переворотом осуществлял генерал Иронси. В Кадуне в заговор было посвящено всего пять офицеров. Когда подразделение под командованием Нзеогву в ночь на 15 января направилось к резиденции Ахмаду Белло, офицеры и солдаты думали, что они идут на ночные занятия, и уже в зарослях кустарника напротив дворца сардауны Нзеогву объявил им о цели выступления. Большинство офицеров и солдат были уроженцами Севера, и Нзеогву рассказывал впоследствии, что они легко могли его убить, если бы отказались участвовать в перевороте, но, по его словам, верх взяло чувство «нигерийского патриотизма». Действительно, этот дух, который, к сожалению, не удалось сохранить, ярко проявился той ночью в Кадуне, когда военнослужащие различных национальностей объединились для свержения тирании.

Ахмаду Белло, сардауна Сокоты, был «сильным человеком» Нигерии. В течение 12 лет он занимал пост премьер-министра Северной Нигерии, и ни для кого не было секретом, что федеральное правительство выполняет его волю. Этот надменный и всемогущий феодал считал, что в Нигерии нет человека, которого он не мог бы подкупить или запугать. За три дня до гибели Белло вернулся из очередного паломничества в Мекку.

Установив в зарослях два миномета, заговорщики ровно в час ночи открыли огонь по дворцу. Началась атака. Сопrotивление охраны было быстро сломлено. Майор Нзеогву был ранен осколком гранаты, но отказался направиться в госпиталь и продолжал руководить боем. Ахмаду Белло был выведен из пылавшего дворца и расстрелян на месте [135, 5. II. 1966].

Тем временем в Ибадане заговорщики атаковали дворец вождя Акинтолы. После ожесточенной перестрелки с полицией, в ходе которой с обеих сторон много солдат и офицеров было убито и ранено, Акинтола был вытащен из спальни и прошит тринадцатью пулями.

Одновременно разворачивались события в Лагосе. Там обошлось без боя. Были окружены дворцы премьер-министра Балева и министра финансов Окотие-Эбо, одного из самых ненавистных, продажных деятелей режима. Группа офицеров вошла в резиденцию премьера, разбудила его и заставила подписать документ об отставке. «После этого вы убьете меня?» — спросил Балева. Его увезли на автомашине вместе

с Окотие-Эбо и обоих расстреляли по дороге. Через несколько дней тело Балева нашли под деревом вблизи шоссе и похоронили с почестями. В отличие от министра финансов Балева пользовался уважением в народе.

В Бенине и Эугу переворот был совершен без кровопролития. Премьер-министры Осадебайя и Окпара были арестованы, войска заняли ключевые пункты. Когда весть об аресте Окпары дошла до его родного округа Бенде, там распространился слух, что это дело рук северян. Во всем округе забили тамтамы, и отряды воинов, вооруженных копьями, мечами и луками, стали прибывать в Эугу на грузовиках, немедленно представленных им владельцами. Воины, распевавшие боевые песни, постановили объявить войну Северу и разошлись по домам лишь после того, как им разъяснили подлинные цели переворота.

В 3 часа ночи все было кончено. Армия взяла власть в свои руки во всех главных городах Нигерии. Лидеры свергнутого режима были убиты. Политическая система, тщательно создававшаяся англичанами, перестала существовать. Офицеры — выходцы с Севера и Запада — утратили свои прежние позиции в армии.

В 10 часов утра собрался парламент, но на заседание явились лишь 33 из 312 депутатов и всего один министр. Никто не знал, что происходит, так как никаких официальных сообщений о событиях не было. Вскоре солдаты очистили помещение парламента. Днем состоялось заседание кабинета, вернее того, что от него осталось, так как большинство министров сбежали в неизвестном направлении. В коммюнике, выпущенном после заседания, говорилось, что некоторые воинские части подняли бунт, что ими похищен Тафава Балева, но большинство армии и сам главнокомандующий сохраняют верность правительству.

Это был ловкий маневр со стороны генерала Иронси, рассчитанный на то, чтобы предотвратить английскую интервенцию. Теперь у англичан не было предлога для вмешательства с целью защиты своих ставленников: ведь было объявлено лишь об отдельных мятежах, а армия в целом ничего не предпринимала против законных властей.

Президент Азикиве находился на излечении в Англии. Его обязанности исполнял Оризу. Выступая на следующий день 16 января по радио, Оризу объявил, что по совету федерального правительства он передает всю полноту власти в руки армии. Вслед за ним выступил генерал Иронси, заявивший, что армия согласна взять власть в свои руки и что отныне управлять страной будет Верховный военный совет. Законность была соблюдена, военный режим получил легальное обоснование.

Первоочередной заботой Иронси было предотвращение восстания на Севере. В Кадуне власть находилась в руках майора Нзеогву. Выступая на пресс-конференции, Нзеогву отбросил всякую маскировку и сообщил, что речь идет не о бунте отдельных частей, а об операции, спланированной генералом Иронси. «Цель нового режима,— сказал он,— создание сильной и объединенной нации, избавленной от коррупции, семейственности, трибализма и внутренней борьбы». Обрушившись на свергнутых политиков, майор заявил: «Во всем мире выборы— это чистая фикция» [135, 10.IX. 1966, 10].

Дав понять, что Иронси причастен к убийству Ахмаду Белло, пользовавшегося популярностью среди глубоко религиозного населения Севера, майор поставил генерала в неудобное положение. Тогда Иронси предпринял ход, имевший целью отвлечь от себя гнев северян: по его приказу Нзеогву был вызван в Лагос и посажен под домашний арест якобы для его собственной безопасности. О дальнейшей судьбе Нзеогву ничего не известно. Весьма правдоподобно, что он не избежал гибели. Однако, отмежевавшись от радикально настроенных молодых офицеров, Иронси ухудшил свое положение, утратив поддержку тех, кто мог бы его выручить в предстоявшие трудные месяцы.

Мотивы, побудившие Иронси сделать это, понять нетрудно. Выступление Севера против военного режима означало бы конец федерации. Новые лидеры должны были любой ценой избежать того, чтобы на Севере не создалось впечатления, будто бы переворот— это дело рук ибо, решивших покончить с привилегиями хауса-фульбе. Объективно переворот означал усиление южной буржуазии в противовес северным феодалам, т. е. сыграл прогрессивную роль. Кроме того, его положительное значение в том, что новый режим неустанно подчеркивал намерение покончить с борьбой этнических групп и сохранить федерацию. Однако этого не удалось выполнить, поскольку в последовавшие за переворотом месяцы феодальная верхушка сумела полностью использовать религиозный фанатизм населения Севера, а сам военный режим не обладал четкой социальной программой и не попытался опереться на массы и заручиться поддержкой организаций, выступающих за независимое и прогрессивное развитие страны.

Генерал Иронси был типичным кадровым офицером английской школы. Его карьера была во многом сходна с карьерой ганского генерала Анкра, ему было 42 года, он служил в армии с 18 лет. Иронси в течение двух лет был военным советником верховного комиссара Нигерии в Англии, командовал нигерийским контингентом войск ООН в Конго.

Примерно такими же были и окружавшие его высшие офицеры. Кроме национализма и стремления покончить со скандальной коррупцией и раздорами, у них не было никакой программы.

Новое правительство арестовало и предало суду бывших министров, подозревавшихся в злоупотреблениях, предоставило право соответствующим инстанциям расследовать банковские счета лиц, уличенных в коррупции. Оно заявило о намерении сократить расходы на содержание административного аппарата, увеличить ассигнования на жилищное строительство и медицинское обслуживание населения и т. д. В своей экономической политике правительство придерживалось принципа поощрения частных инвестиций и привлечения иностранного капитала. Были распущены все партии, профсоюзам было предложено избегать забастовок.

Все эти шаги не сыграли решающей роли в судьбе режима Иронси. Он не смог решить основного — этнической проблемы.

Отношение северных эмиров к новому режиму, убившему вождя, было вполне определенным, и заблуждаться на этот счет Иронси не мог. Чтобы не возбуждать против себя ненависти могущественных владык Севера, он не трогал их, в частности их не коснулись мероприятия по борьбе с коррупцией и т. д. Но эта примирительная позиция пошла ему во вред: эмиры не изменили враждебного отношения к режиму, а напротив, почувствовав его слабость, приободрились. 105 эмиров, собравшись в Кадуне, объявили о своем несогласии с решением нового режима, намеревавшегося отказаться от федеральной системы и ввести централизованное правление. Это был краеугольный камень политики военного правительства в национальном вопросе — важнейшем из всех, с которыми ему пришлось столкнуться. Оппозиция правящих кругов Севера обрекала план Иронси на неудачу.

Вместе с тем прогрессивные и националистические круги ибо были разочарованы, на их взгляд, слишком мягкой позицией военных лидеров по отношению к северным феодалам, и их энтузиазм резко упал.

Декрет № 24 военного правительства, изданный 24 мая 1966 г., предусматривал переход от федеральной системы к централизованной. Он вызвал недовольство эмиров и беспокойство довольно широких кругов северной интеллигенции, особенно выпускников университета Ахмаду Белло. Раньше выпускникам учебных заведений Севера была предоставлена монополия на замещение вакансий в государственном аппарате их родной провинции. В федеральный аппарат им ходу не было; северяне составляли в нем немногим более одного процента. Однако дома, на Севере, они чувствовали себя из-

бавленными от конкуренции ибо. Теперь вырисовывалась перспектива ликвидации всех региональных привилегий, и молодежь с Севера опасалась, что в своей провинции она будет оттеснена более многочисленными и лучше подготовленными южанами. Враги военного режима не замедлили использовать эти настроения [124, 1967, January, 43—44]. Эдвард Фит писал в журнале «Уорлд политикс», что режим Иронси восстановил против себя традиционных правителей — вождей племен — тем, что отнял юридические права у обычных судов, смещал с должностей «выбранных» членов местных советов и ставленников вождей в различных органах и т. д. [130, 1968, № 2, 190]. Казалось бы, это должно было обеспечить правительству поддержку государственных служащих, приходивших на место ставленников вождей. Однако служащие, особенно выходцы с Севера, в свою очередь были недовольны политикой централизации. В результате Иронси потерял доверие вождей племен, но не приобрел опору в лице администрации. Попытка сломать федерально-племенную систему оказалось неудачной и роковой для Иронси.

Главная опасность заключалась в раздувании недовольства среди солдат хауса. Агентура эмиров вела среди них неустанную пропаганду, подчеркивая, что Иронси и его ближайшие помощники — выходцы из народа ибо, что ни один ибо не был убит во время переворота 15 января, что после переворота все повышения по службе получают офицеры ибо, что солдат хауса во время переворота использовали как слепое орудие для убийства их лидеров с целью установления гегемонии ибо и т. д.

29 мая, т. е. спустя пять дней после оглашения декрета об упразднении федеральной системы, в северных городах начались заранее готовившиеся избиения ибо. Агенты феодалов натравили мелкий городской люд, особенно озлобленных безработных, на выходцев с Юга. Сотни ибо были убиты прямо на улицах и в домах. Такой дикой вспышки националистического фанатизма Нигерия еще не знала.

Иронси понимал, что обстановка накаляется. Главное, на что он надеялся, — это попытаться сохранить **единство** армии. В июле он выехал в Западную Нигерию, изменив своему правилу не выходить из резиденции, охранявшейся танком и противотанковой пушкой. Этот выезд оказался для него роковым.

29 июля 1966 г. в Абеокуте (Западная Нигерия), в момент, когда там находился Иронси, вспыхнул мятеж солдат хауса. Всех офицеров ибо перестреляли. Среди них нашел смерть и генерал Иронси, убитый выстрелом в затылок.

Новым руководителем военного режима стал 32-летний подполковник Якубу Говон, родом из племени тив, из цент-

ральной части Нигерии. Чтобы стабилизировать положение, правительство предпринимало отчаянные усилия. Однако стихия трибализма разбушевалась. 26 сентября в Джос (Северная Нигерия) начались погромы ибо, быстро перекинувшиеся на другие города. Кульминационным пунктом новой волны побищ были кровавые события в Кано, где 1 октября солдаты хауса хладнокровно истребили несколько сот мирных жителей ибо. За несколько дней на Севере были убиты тысячи (по некоторым данным [93, 19.III.1967], — 30 тыс.), многие были искалечены, в ряде случаев людям выкалывали глаза [130, 1968, № 2, 46].

Федерация погибала. К концу октября 1800 тыс. ибо, бросив имущество, в панике бежали с Севера на Восток. Рассказы беженцев о зверствах северян вызвали ответную вспышку в Восточной Нигерии, в Порт-Харкоте и Онитше начались убийства выходцев с Севера. Военный губернатор Восточной Нигерии подполковник Оджукву приказал всем уроженцам других областей (кроме Среднего Запада) покинуть территорию Восточной области. Тем временем ибо стали эвакуироваться на родину не только с Севера, но и с Запада, Среднего Запада и из Лагоса.

В этой атмосфере, естественно, вздрезбег разлетелось и единство армии. Приведем красноречивое свидетельство польского автора, очевидца событий: «Армия расколота, частично перебита, нельзя установить, какие воинские части поддерживают новую власть, а какие — против нее. Больше всего погибло военных, перестрелявших друг друга. Офицерский корпус, истребленный по меньшей мере наполовину, состоял из очень молодых, отчаянных людей, привыкших чуть что хвататься за пистолет. Во время первого переворота офицеры ибо убивали офицеров йоруба и хауса, во время второго — офицеры йоруба и хауса убивали офицеров ибо. Не так уж много осталось в живых» [135, 10.IX.1966, 9].

В этой атмосфере крайнего обострения этнических противоречий буржуазия ибо инспирировала сепаратистское движение, чтобы установить свое господство над Восточной Нигерией. Империалисты финансировали это движение. Затеявая свою авантюру, сепаратисты в действительности оказались пешками в руках иностранных монополий. Уже с конца 1966 г. военное правительство Восточной Нигерии во главе с подполковником Оджукву начало готовить почву для выхода из федерации. К апрелю 1967 г. процесс отделения Восточной Нигерии стал явным, и вскоре Оджукву провозгласил республику Биафра. Война стала неизбежной.

Одним из факторов, приведших к войне, была нефть, которая последние годы стала главной надеждой нигерийской экономики, залогом ее процветания. В 1966 г. было добыто

17 млн. т нефти, в ближайшем будущем добычу предполагалось довести до 22 млн. т. Доходы от нефти в 1966 г. составили 16 млн. ф. ст. Поскольку нефть добывается в Восточной области, ее отделение наносит исключительно тяжелый удар по остальным областям страны. Экспорт из Восточной области составляет 40% всего экспорта страны; область давала в федеральный бюджет $\frac{3}{5}$ доходов.

В апреле 1967 г. Оджукву предпринял шаги, закреплявшие экономическое отделение Восточной Нигерии, в ответ на это Говон установил морскую блокаду. 27 мая Учредительное собрание Восточной Нигерии специальной резолюцией провозгласило так называемое государство Биафра. Но в тот же день в Лагосе был опубликован декрет о новом федеральном устройстве, согласно которому Нигерия делилась на 12 автономных районов. Восток должен был либо подчиниться и подвергнуться раздроблению, либо отказаться — а это означало мятеж. Лидеры ибо выбрали второй путь. 30 мая они провозгласили республику Биафра.

Итак, мосты были сожжены. Федеральные власти немедленно объявили всеобщую мобилизацию и после концентрации вооруженных сил генерал Говон 7 мая отдал войскам приказ вступить в мятежную провинцию. Война началась.

Федеральные войска начали наступление с трех сторон: с севера они двинулись на столицу Биафры — Эпугу, с северо-востока и востока они развернули операции в секторе Огоджа, на юге предприняли десантную операцию и овладели островом Бонни при входе в Порт-Харкорт. Медленное продвижение федеральных войск было прервано в начале августа наступлением сил Биафры на запад, которое было результатом не столько военного, сколько политического успеха. Офицеры гарнизона Бенина — столицы Среднезападной области, втайне сговорившись с Оджукву, подняли мятеж и провозгласили независимость области. Они впустили в Среднезападную область войска Биафры, которые 9 августа заняли Бенин и стали продвигаться по направлению к Западной Нигерии. Был момент, один из самых критических в ходе войны, когда войска Оджукву вошли в Западную область. Под серьезнейшей угрозой оказалась целостность Нигерии, причем угрозой не столько военной, сколько политической. Начался процесс отпадения отдельных областей, и в любой момент можно было ожидать, что сепаратистское движение вспыхнет среди йоруба; тогда попытки восстановить федерацию были бы уже безнадежными.

Не удивительно, что сразу после падения Бенина, 11 августа Говон объявил Биафре «тотальную войну». Федеральным властям стало ясно, что усмирение мятежной области не «военная прогулка». По традиции северяне пренебрежи-

тельно относились к ибо как к солдатам, но первый же месяц войны убедил их, что ибо хорошо подготовились к военным действиям, у них была авиация. Оджукву, готовый во имя достижения своих целей пойти на союз с кем угодно, установил связь не только с американцами, но и с расистскими режимами Португалии и ЮАР.

Федеральное правительство закупило за границей реактивные истребители, и с этого момента в воздухе безраздельно стала господствовать федеральная авиация. Стало сказываться и общее превосходство федеральных войск в численности и вооружении, в частности в танках. Довольно скоро перевес стал склоняться на сторону центрального правительства. Захват Среднезападной области был «лебединой песней» Оджукву. Уже в начале октября он потерял ее, а вскоре федеральные войска, полностью перехватив инициативу, начали теснить сепаратистов на всех фронтах. В октябре 1967 г. пала столица отколовшейся области — Энугу. Федеральные войска вошли в опустевший город: опасаясь резни, население ушло с войсками Биафры.

В упорных боях в марте 1968 г. федеральные войска заняли важный стратегический пункт — город Онитша, а еще через два месяца овладели Порт-Харкортотом — главным портом Биафры. Отныне снабжение сепаратистов могло осуществляться только по воздуху, хотя и до этого они почти не пользовались своим главным портом из-за установленной федеральными силами блокады. Проблема снабжения стала для Биафры вопросом жизни и смерти, и поскольку предпочтение, естественно, отдавалось войскам, в самом тяжелом положении оказалось гражданское население. К осени 1968 г. в руках сепаратистов осталась примерно одна треть первоначальной территории Восточной Нигерии, и на этом относительно небольшом «пятачке» сконцентрировался почти весь народ ибо. Буржуазные сепаратисты ибо довели народ до страшного голода. Международная общественность развернула широкую кампанию по оказанию продовольственной помощи голодающему населению Биафры по воздуху, но это оказалось крайне трудным делом. Страдания народа ибо демагогически используются сепаратистами для оправдания своей политики, направленной на раскол страны.

По мере продвижения в районы, населенные в основном ибо, федеральные войска встречали все более упорное сопротивление, и к осени 1968 г. их продвижение замедлилось. Тем временем Биафра, прорвав политическую блокаду, получила признание ряда африканских государств: в апреле и мае 1968 г. ее признали Танзания, Замбия, Берег Слоновой Кости и Габон. Сочувственную позицию по отношению к Биафре занял генерал де-Голль; по данным Лагоса, французы через

Габон и Берег Слоновой Кости начали с воздуха снабжать сепаратистов оружием. Действительно, к концу 1968 г. вооружение войск Биафры явно улучшилось, на ряде участков фронта они стали перехватывать инициативу. Переговоры между обеими воюющими сторонами, состоявшиеся в Кампале (май 1968 г.) и в Аддис-Абебе (август — сентябрь 1968 г.) закончились провалом. Кровавая война продолжается, нанося все больший ущерб экономике Нигерии и делая все более затруднительным восстановление федерации.

Борьба за сохранение единства Нигерии является борьбой против империализма. Советский Союз, руководствуясь интересами сохранения единой Нигерии, интересами прогрессивного развития Африки, поддержал нигерийское правительство.

В Нигерии приход военных к власти был встречен с неописуемым энтузиазмом широкими кругами общественности. В адрес руководителей нового режима сотнями поступали резолюции с выражением самой горячей поддержки. Так, в резолюции блока партий, возглавлявшегося НСНГ и получившего название «Объединенный прогрессивный великий союз», говорилось: «16 января 1966 г. войдет в историю нашей великой республики как день, когда мы в первый раз завоевали подлинную независимость. Этот день должен стать нашим национальным праздником...» В резолюции Движения зикистов (сторонников Азикиве) можно прочесть: «Всеобщая анархия и разочарование масс делали этот переворот необходимым. В период, наступивший после достижения независимости, правительство грубо попирало основные права человека. Людей лишили права жить в условиях свободы и взаимного уважения. Им нельзя было иметь собственное мнение. Организованный политический гангстеризм и политика мошенничества превращали в фарс все выборы. Вместо того чтобы служить нации, политики копили деньги. Росли безработица и эксплуатация, а немногочисленная клика стоявших у власти феодальных фашистов не знала предела в своих издевательствах над населением» [135, 5. II. 1966, 11].

Для подавляющего большинства населения свержение ненавистного режима, установленного в свое время с благословения английских колонизаторов, казалось избавлением от кошмара, началом новой эры. Военных приветствовали как спасителей нации. Прошло немного времени — и энтузиазм исчез, уступив место разочарованию и апатии. У власти, как всем стало ясно, встали люди, не способные быстро найти решение насущных проблем, весьма ограниченные в своих взглядах, лишенные политического опыта офицеры-профессионалы английской школы, отличавшиеся от деятелей прежнего режима только личной честностью и патриотизмом. Но,

как и следовало ожидать, этих качеств оказалось недостаточно. Трудно судить о том, какими были бы результаты социально-экономических мероприятий режима Иронси — история отвела ему всего полгода. Рано еще высказывать сколько-нибудь определенное мнение о деятельности военного правительства Говона. Национальный вопрос доминирует над всем. Социальные и экономические проблемы отодвинуты на второй план, хотя в конечном счете национальный вопрос связан именно с ними.

Нигерия — наиболее яркий и страшный пример перерождения трибализма в воинствующий и непримиримый национализм. Традиционная рознь между племенами и этническими группами в Африке часто сопровождалась кровопролитием и зверствами. Но в прежние времена она не могла принять форм, которые характерны для нее сейчас, когда она возведена на уровень государственной политики, когда в руках враждующих сторон оказываются усовершенствованные средства экономического и военного давления.

Культурный и социальный уровень народностей и племен весьма низок, но у них современное административное и военное управление, они обладают оружием новых образцов, что намного усиливает опасность междоусобных конфликтов. Традиционная вражда становится удобной формой, наполняемой новым содержанием. Разочарование, охватывающее массы, когда они видят, что их независимое правительство не в состоянии добиться ни быстрого экономического прогресса, ни ликвидации зависимости от бывших метрополий; горечь и недовольство, усиливающиеся по мере роста социальных контрастов и возникновения привилегированной элиты; чудовищная дисгармония между жизнью, которая дразнит и манит с экрана кино или из передач транзисторного приемника, и нищей, убогой, бесперспективной действительностью; мучительная сложность современного мира, разрушающего старые моральные и общественные нормы и освященные веками представления, выбивающего почву из-под ног, — все это создает настроение растерянности и озлобления, порождает замешательство, близкое к отчаянию.

Поскольку же в социально отсталом обществе еще нет институтов, которые могли бы направить это недовольство в русло осознанной политической, классово-борьбы, поскольку сознание преобладающей массы населения отягощено религиозными предрассудками и отсталыми представлениями, свойственными патриархальному деревенскому обществу, — социальный протест легче всего принимает форму вражды ко всему чужому, форму национализма и шовинизма.

Далеко не так просто выглядит решение национального вопроса в новых суверенных государствах Азии и Африки,

особенно если к этническим и языковым различиям добавляются религиозные. Проблема языков в Индии приняла характер угрозы целостности государства. А в Африке нигерийские события служат грозным предостережением.

Они пролили дополнительный свет на вопрос о роли армии в жизни молодых африканских государств. Уже отмечалось, что в этих государствах, населенных обычно множеством народов и племен, армия играет роль фактора, спланивающего, воспитывающего патриотизм и способствующего созданию нации. Но нигерийская трагедия показала, что далеко не всегда армия в состоянии (во всяком случае, в короткий срок) сыграть эту роль достаточно эффективно. Трибализм, о котором говорилось выше, подспудно существует и в душе офицера, равно как и солдата. И стоит ему вспыхнуть, как армия моментально оказывается охваченной теми же страстями, той же слепой ненавистью, что и гражданское население. Годы «общенационального воспитания» летят насмарку, и люди, одетые в одинаковые мундиры, начинают убивать друг друга.

Таким образом, и армия в Тропической Африке, вопреки тому, что торжественно заявляют ее лидеры, не обладает иммунитетом против болезни трибализма. Приход к власти армии не может поэтому быть средством избавления страны от зол, корни которых лежат глубоко. Только социально-экономическое и культурное развитие на независимой и прогрессивной основе может способствовать оздоровлению общественного организма Африки.

Глава 5

АРМИЯ И ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ

Десятки военных переворотов, происшедших за последние 20 лет в странах Азии, Африки и Латинской Америки, позволяют сделать некоторые выводы и установить закономерности. Остановимся на присущих им общих чертах.

Внешне военный переворот выглядит как техническая операция, носящая политический характер (в не зависимости от того, в чьих интересах она проводится).

Наиболее распространен вариант «классического» военного переворота, т. е. выступление части офицерства во главе воинских соединений с целью свержения правительства (в отличие от выступления армии в целом по приказу главнокомандующего).

Положение заговорщиков всегда трудно. С одной стороны, чем меньше людей посвящено в заговор, тем безопаснее. Но с другой — чем больше военных заранее обещают свою поддержку, тем легче осуществить переворот и тем больше шансов на успех.

Пример ряда неудачных путчей в Сирии, Ираке, Гане и других странах подтверждает, что для успеха военного переворота недостаточно выступления воинской части, даже если она овладеет столицей и объявит по радио о захвате власти. Переворот бывает успешным тогда, когда на стороне восставших командующие родами войск или хотя бы часть их, во всяком случае командиры крупнейших гарнизонов и соединений, в руках которых сосредоточена основная масса вооруженных сил. Они либо знают о заговоре и одобряют его, либо заговорщики уверены в том, что те не откажутся поддержать переворот, когда он совершится.

Это позволяет утверждать, что идея свержения правительства овладевает большинством офицеров, находящихся на ключевых постах. Является ли она плодом широкого общенационального недовольства режимом?

Обратимся к историческим примерам. В Египте в 1952 г., Пакистане в 1958 г., Ираке в 1958 и 1963 гг., Турции в 1960 г., Йемене в 1962 г., Бирме в 1962 г., Судане в 1958 г., Нигерии в 1966 г., Сирии в 1961 и 1963 гг. существовало недовольство правящими режимами, диапазон которого был широк — от разочарования до активных массовых выступлений. К моменту переворотов все режимы в той или иной степени созрели для того, чтобы пасть. Во всяком случае, общественное мнение отказало им в поддержке, и можно было ожидать, что переворот встретит одобрение большинства населения.

Не было случая, чтобы армия могла совершить успешный переворот (даже пользуясь поддержкой большинства офицеров) в условиях, когда у власти стояло правительство, пользовавшееся безусловной поддержкой преобладающей части населения.

Это означает, что почва для переворота созревает не в армии, а в обществе. Другое дело, что почва может созреть, но правительство будет продолжать править страной. Таких примеров в истории было сколько угодно.

Армия довольно чутко реагирует на изменения в настроениях общественности. Вследствие того что для успеха военного переворота требуется солидарность или хотя бы молчаливое, потенциальное согласие командиров, занимающих ключевые посты, практически исключена возможность, что какой-то один честолюбивый генерал, не сообразуясь с ситуацией и не учитывая общественного мнения, на свой страх и риск захватит власть; его не поддержат другие военачальники, и путч провалится. Поэтому элемент случайности, авантюры при переворотах гораздо меньше, чем это может показаться на первый взгляд. Должно существовать некое тайное коллегиальное мнение офицеров, занимающих решающие посты, относительно перемены власти. Чем выше стоят лица, готовящие заговор, тем более вескими должны быть причины, побуждающие совершить переворот, тем больше должна быть уверенность, что он окажется успешным и ему будет обеспечена поддержка; ведь старшие военачальники — не только старше по возрасту и, следовательно, осторожнее молодых, они в случае неудачи и потеряют гораздо больше — обеспеченное положение. Но и молодые офицеры, как правило, не склонны подвергать риску свое положение и жизнь, если нет каких-то действительно серьезных причин выступить против правительства. Правда, надо сделать оговорку: если офицеры убеждены, что гражданские власти собираются совершить перетасовку в армии, т. е. если они видят, что их собственное положение находится под угрозой, они могут пойти на превентивный переворот, так как им уже нечего бояться потери должности и связанной с ней привилегией.

Но можно ли считать, что военные, оценивая ситуацию и взвешивая шансы за и против переворота, принимают во внимание только общенациональное общественное мнение? В первую очередь — да, но не только. Общее недовольство тем или иным режимом обычно бывает весьма смутным и расплывчатым, так как в нем объединяются различные оттенки классового и группового недовольства. Например, режимом Хафеза в Сирии в начале 1966 г. были недовольны и буржуазные и левые круги, но мотивы их были противоположны. Касасом к началу 1963 г. были недовольны почти все, но причины этого недовольства были самые разнообразные.

Если заговор организует революционная военная организация, то она, естественно, ориентируется на леворадикальную часть общественного мнения, как это и было в Египте, Сирии и других странах. Но когда инициатива переворота исходит не от политической организации внутри армии, с какой-то, хотя бы эмбриональной социальной программой, а от высших командиров вооруженных сил, которые, как правило, воспитаны в прозападном, консервативно-буржуазном духе, то они учитывают главным образом мнение «среднего класса», т. е. буржуазных и бюрократических кругов. Так было в Судане, Пакистане, так произошло и в Гане.

В большинстве случаев государственный переворот совершают люди, уже занимающие положение (и чаще всего весьма видное) при том самом правительстве, которое они собираются опрокинуть или заменить. Так, в Латинской Америке переворотами (особенно в последнее время), как правило, руководят высшие чины вооруженных сил, командующие родами войск, армией, военных округов. Акции, предпринимаемые отдельными командирами, носят скорее характер фронды или попытки изменить соотношение сил в самой армии, или повлиять на состав и политику правительства, чем характер «тотального», военного переворота. Между этими видами политических выступлений вооруженных сил следует проводить различие. Не всякое вмешательство армии в политику есть попытка захватить власть.

В Бирме в 1962 г., Пакистане в 1958 г., Индонезии в 1965 г., Судане в 1958 г., Нигерии в 1966 г., Турции в 1960 г. взятие власти армией было совершено по приказу высших командиров. В Ираке переворот 1958 г. осуществили командиры двух отборных бригад. В странах Тропической Африки, как правило, перевороты осуществляют командующие вооруженными силами. Однако в Египте в 1952 г. инициатива переворота исходила от среднего офицерства, но и в этом случае Насер и его сторонники были известными и уважаемыми в армии людьми: Насера как преподавателя тактики в

военной академии да к тому же героя Палестинской войны знали большинство египетских офицеров.

Что касается причин переворотов, то отметим следующие:

1. Наличие в стране широкого недовольства проимпериалистической политикой правящей верхушки, не желающей и не способной проводить назревшие социальные реформы, при отсутствии сильной и организованной гражданской оппозиции. Этот фактор был главным в Египте и Ираке.

2. Хронический внутривосточный кризис как результат неспособности правительства решить назревшие проблемы и вывести страну из тупика.

3. Недовольство просвещенной части общества косностью и архаичностью деспотического режима (Йемен).

4. Общая неэффективность гражданского правления, сочетающаяся с коррупцией администрации, апатией и разочарованием масс и страхом привилегированной верхушки перед перспективой укрепления левых сил (Пакистан, Турция, Судан). В этом случае речь идет о генеральском путче, направленном на сохранение наиболее существенных социальных черт прежней системы при установлении режима «твердой руки».

Факторами, способствующими военным переворотам, являются:

1. Проигранная война; например, Сирия и Египет после палестинской катастрофы переживали тяжелый моральный кризис, армия чувствовала себя преданной гражданскими лидерами, власть потеряла престиж.

2. Затянувшаяся гражданская война, с которой прежнее правительство не могло справиться (Бирма).

3. Усиление роли армии в результате проводившихся предшествующими правительствами военных репрессий против национальных и иных меньшинств (военные действия иракской армии против ассирийцев, курдов и восставших крестьян в годы, предшествовавшие серии военных переворотов, совершавшихся в 1936 г.).

По характеру организации переворотов их можно разделить на следующие категории:

1. Армия в целом берет власть по приказу командования, и переворот носит характер операции вооруженных сил, только не в военной, а в политической сфере. Как правило, военнослужащие подчиняются приказу, поскольку неповиновение означало бы безусловное нарушение воинской дисциплины.

2. Часть армии во главе с группой офицеров-заговорщиков выступает с целью свержения правительства и смещения военного командования, поскольку последнее сохраняет верность правительству. С точки зрения правительства и коман-

дования, это — мятеж. Поддерживая переворот такого рода (в отличие от первого случая), военнослужащие нарушают воинскую дисциплину, участвуют в мятеже и, следовательно, рискуют жизнью. Легко себе представить, что было бы с Насером, Касемом, Саялем, если бы их перевороты окончились неудачей. Расстрел заговорщиков-офицеров ганской армии после неудачной попытки переворота в 1967 г., казнь полковников Айдемира и Гюрджана в Турции после аналогичной попытки в 1964 г. и другие примеры красноречиво говорят, что офицерам, выступившим не только против правительства, но и против высшего командования, не приходится ждать пощады.

Эти две основные категории переворотов имеют много вариаций. Что же касается их политического содержания, то оно не имеет отношения к характеру организации переворота. Не Вин, Айюб Хан, Аббуд, Гюрсель, Мобуту, Онгания действовали почти одинаково по форме, ликвидируя гражданское правление от имени вооруженных сил в целом.

Однако если попытаться хотя бы приблизительно, в самом кратком виде создать образ военного лидера, то здесь мы уже не сможем абстрагироваться от социально-политического содержания переворотов.

Можно условно говорить о следующих типах военных лидеров, совершающих перевороты.

1. Кадровый офицер колониальной школы (Аббуд, Анкра, Иронси, Согло, Ламизана и др.). Будучи представителями консервативной по своей натуре военной бюрократии, не обладая социальными программами и не опираясь на политические движения, военные лидеры данного типа действовали прежде всего в интересах своей касты, но объективно отражали интересы капиталистического развития страны, так как своим приходом к власти нанесли удар (иногда в какой-то мере превентивный) по тем силам, которые по мере консолидации могли бы бросить вызов капиталистическому образцу развития.

В докладе на каирском семинаре в октябре 1966 г. Тиджани Бабикер заявил: «Офицеры старшего поколения, занимающие обычно более высокие посты, были обучены непосредственно колониальными инструкторами или прошли подготовку в военных колледжах на Западе. Они не только ориентируются на западные нормы и идеалы, но и составляют вследствие своего положения часть бюрократической буржуазии и поэтому заинтересованы в развитии по капиталистическому пути» [74, 1967, № 1, 59]. Речь идет именно о тех офицерах французской и английской школы, которые совершили большинство переворотов в Тропической Африке, иногда в сотрудничестве с силами империализма.

Такого рода перевороты не имеют ничего общего с социальной революцией — напротив, они имеют своей целью закрепить статус-кво, подавить силы, стремящиеся к подлинным переменам. Именно поэтому египетский публицист Ахмед Биха ад-Дин характеризует такие перевороты следующим образом: «Они осуществляют некоторые поверхностные преобразования, за которые высказывается народ, однако их подлинная цель — воспрепятствовать подлинной революции, перехватить, направить людей к проблемам неподлинным, несущественным» [132, 24. II. 1958, 10]. Эти слова, написанные еще в 1958 г., отражают суть событий, имевших место спустя несколько лет.

2. Офицер-путчист, выступающий прежде всего ради удовлетворения личного честолюбия или в интересах какой-либо офицерской фракции (хунты), преследующий цель не столько изменить существующую систему и основать новый режим, сколько добиться господствующего положения в рядах самих вооруженных сил, отомстить враждебной фракции и т. д. Подобных примеров много в истории Латинской Америки, а в афро-азиатском мире такой тип был наиболее широко распространен в Сирии.

Иногда данный тип офицера-авантюриста используется в интересах определенного политического течения, играющего на его честолюбии. Пример — сирийские офицеры: Кузбари (лидер сепаратистского переворота 1961 г.), Харири (лидер переворота 8 марта 1963 г., приведшего к власти правых баасистов), Хатум (один из организаторов переворота 22 февраля 1966 г., передавшего власть левым баасистам; вскоре Хатум, как известно, порвал с новыми сирийскими лидерами, пытался организовать новый путч, бежал в Иорданию, вернулся в дни израильской агрессии в июне 1967 г. и был расстрелян).

3. Офицер-путчист, претендующий на роль диктатора; это тип, относящийся в принципе к предшествующей категории, но более крупного калибра, «бонапарт» местного масштаба, не способный стать инициатором общественного движения или возглавить политическую партию. Наиболее ярким его представителем был Касем. Чаще всего он делает карьеру на волне революционного движения и обладает незаурядными демагогическими способностями.

4. Переходный, или смешанный, тип, сочетающий в себе черты всех перечисленных категорий плюс некоторые черты шестого типа. Это кадровый офицер старой школы, движимый не только корпоративными интересами и действующий не только «по уполномочию» военной иерархии, но также стремящийся к личной власти и — что особенно важно — выработывающий уже собственную социальную и политическую

программу, не выходящую за рамки консервативных буржуазных решений, но с сильной дозой национализма. Считаясь с буржуазными традициями, сохраняет в известной мере традиционные демократические формы. Пример такого типа военного лидера — Айюб Хан.

5. «Политический офицер» новой формации, вышедший в большинстве случаев из рядов новой армии, возникшей после ликвидации колониального господства. Обладает более современными взглядами, чем все предшествующие типы, сознает невозможность сохранения прежней социально-экономической структуры и сам заинтересован в ее упразднении, хотя еще не готов последовательно идти по пути сотрудничества с левыми силами. Понимает роль масс и стремится опереться на массовое движение, возглавить политическую партию и создать на месте внутренне пустого, «холостого» и потому неизбежно временного режима «новый порядок» — режим с определенной социальной ориентацией и идеологией (краеугольным камнем которой остается национализм). Отличительная черта данного типа — цезаризм, или популизм, т. е. попытка апеллировать непосредственно к массам в обход политических организаций.

6. Революционный демократ в погонах. Это — Насер, Не Вин, нынешние сирийские военные лидеры, Бумедьен. Об этой категории военных лидеров и их политике речь будет идти в последней главе.

Разумеется, все эти типы условны, грани между ними крайне подвижны.

Говоря о военных лидерах и совершаемых ими переворотах, хочется еще раз подчеркнуть их зависимость от господствовавшей в стране политической атмосферы.

Армия — не внеклассовая или надклассовая сила. Египетская, иракская или бирманская армии до революции служили интересам помещичье-буржуазной верхушки. Армия связана с обществом, и армии названных стран в обстановке нарастающего внутреннего кризиса, обострившего классовые противоречия, не остались в стороне от нужд и интересов народа. Подспудно шел процесс перемен в сознании офицеров, процесс его раздвоения. Революция прежде всего произошла в сознании военных; ими овладела идея освобождения от проимпериалистической феодальной монархии или коррумпированного буржуазного режима. Началась подготовка к перевороту. Внешне оставаясь орудием старой привилегированной верхушки общества, офицерство внутренне уже становилось оппозиционной силой, готовой во имя интересов нации нарушить присягу. И когда переворот совершился, то в Египте или Ираке, строго говоря, его осуществила как таковая не армия, руководимая своим генералитетом,

а революционная организация внутри армии, которая сменила прежнее армейское начальство. В Бирме дело обстояло иначе, и взятие власти носило характер акции, предпринятой армией по приказу главнокомандующего. Однако Не Вин, как уже отмечалось, начинал свою карьеру не как профессиональный военный, а как кадровый революционер, да и сама по себе бирманская армия была армией революционной, возникшей в ходе борьбы против колонизаторов.

Но в Египте и Ираке революционная организация внутри армии смогла одержать быструю и легкую победу, захватить власть только потому, что она являлась политически сознательным авангардом армии в целом. В самом деле, какая сила заставила тех офицеров, которые не участвовали в заговоре и не знали о нем, сразу же присоединиться к восставшим? Что побудило командующих военными округами и провинциальными гарнизонами поддерживать не монархию, которой они присягали, а революционеров? А ведь если бы не поддержка этих командиров, заговор был бы обречен на поражение, несмотря на захват столицы: известны многочисленные примеры попыток переворотов в Ираке, в Сирии, потерпевших неудачу даже после захвата власти в столице только из-за того, что командующие другими округами и гарнизонами отказались поддержать восставших. Ответ может быть только один: идея переворота созрела в умах военных, созрела в армии в целом, кроме горстки высокопоставленных генералов. Авангард, идущий на риск и увлекающий за собой остальных, в таких случаях находится всегда.

В заключение остановимся вкратце на механизме военных переворотов.

Они, как правило, совершаются по одному образцу. Главные элементы успешного переворота (в чисто техническом плане) — наличие в распоряжении организаторов переворота ударной военной силы, удачный выбор времени, тактическая внезапность, быстрота и решительность действий, привлечение в состав группы, планирующей путч, командиров ударных воинских частей или военных округов.

Ударные воинские части — это чаще всего элита вооруженных сил. Армии развивающихся стран в большинстве случаев невелики, и в их составе особое значение имеют немногочисленные отборные, обладающие высокой боеспособностью и хорошо обученные «элитные» соединения. Чаще всего это парашютные и бронетанковые части (в Индонезии — дивизия «Силиванги» и специальное соединение парашютистов, а также КОСТРАД — части стратегического резерва). Если эти силы удастся привлечь к участию в перевороте, успех его обеспечен на 90%. В Лаосе, например, 9 августа 1960 г. при помощи одного ударного батальона была захвачена власть.

С другой стороны, первый путч против Нго Динь Дьема в Сайгоне провалился, так как танковые войска оказались на стороне диктатора.

Время для переворота — предрассветные часы, что вполне понятно. Помимо желания захватить врасплох органы власти, играет роль еще и то соображение, что в эти часы улицы пустынные и передвижение войск облегчено; танки, застрявшие в уличной пробке по пути на штурм дворца, стали бы посмешищем и скомпрометировали бы весь переворот.

Обычно для переворотов выбирают субботу или воскресенье, это усиливает элемент внезапности и облегчает захват власти в момент, когда многие официальные лица отдыхают вне столицы.

Иногда пускаются в ход дополнительные маневры, отвлекающие внимание правительства, усыпляющие или дезориентирующие его. Так, в Алжире к моменту переворота, положившего конец власти Бен Беллы, военные были стянуты в столицу под предлогом просмотра специального военного фильма и подготовки к афро-азиатской конференции. В Южном Вьетнаме заговорщики, свергнувшие Дьема, обманули его, распустив слух, что готовятся большие народные демонстрации, и под этим предлогом получили разрешение стянуть в столицу войска. В Ираке, как уже отмечалось, Касем и Ареф воспользовались предстоящей переброской войск в Иорданию, чтобы получить боевые патроны и снаряды, которые обычно правительство, опасаясь армии, не выдавало ей, а затем, вместо отправки в Иорданию, повернули полки на Багдад.

Первоочередная задача организаторов переворота — сразу же захватить ключевые пункты в столице — резиденцию главы государства, здание военного министерства или генерального штаба, радиостанцию и аэродром.

Обычно сопротивление президентской охраны преодолевается силой (при большинстве переворотов только в этот момент и проливается кровь). После этого президент чувствует себя побежденным: связь перерезана (это непременный элемент переворота), помощи ждать неоткуда. Для полной гарантии успеха заговорщики (особенно в африканских странах, связанных союзными договорами с бывшими метрополиями) арестовывают министров. В Габоне при попытке свергнуть президента Мба был упущен один из министров, и этого оказалось достаточным для провала путча: министр, используя свое право, обратился к Франции за помощью, и французские парашютисты, освободив уже арестованного президента, быстро расправились с восставшими.

Сразу же вводится военное положение или даже комендантский час, иногда временно прерывается воздушная связь

с заграницей, а в некоторых случаях и телеграфная связь. Обязательный элемент переворота — выступление по радио лидера путча или же передача коммюнике захватившей власть группы; это выступление содержит обвинение в адрес свергнутого режима и призыв к народу сплотиться вокруг армии, взявшей на себя в интересах нации полноту ответственности.

Если в течение дня командиры военных округов и гарнизонов, командующие родами войск объявят о поддержке нового режима — значит, переворот удался. Позади самая рискованная, но далеко не самая трудная часть дела.

После захвата власти встает вопрос: что с ней делать? Обладают ли военные необходимой подготовкой для управления государством? Нечего и говорить, что такой подготовки не может быть у генералов старшего поколения, профессиональных военных английской или французской школы вроде Аббуда в Судане. Такие люди могли посадить в тюрьмы наиболее проворовавшихся чиновников, навести порядок на улицах, но возглавить великую битву за преодоление отсталости, за создание нового, развитого государства они не в состоянии, да и стремления нет — слишком уж они вросли в буржуазно-бюрократическую верхушку.

Но возникает вопрос: может ли молодое революционное офицерство, опираясь только на армейский аппарат, управлять страной?

Уже сам по себе психологический склад военных не способствует развитию у них качеств, необходимых для политической работы как среди интеллигенции, так и среди масс.

Кадровый офицер в лучшем случае может быть толковым администратором, и то, как правило, на низшем и среднем уровне. Патриотизм, преданность долгу, воля, решительность, дисциплина, организованность — всего этого недостаточно, когда речь идет не просто о наведении порядка, а о сложнейшей, тонкой, терпеливой работе, необходимой для коренной перестройки общественных отношений.

«Если первоочередная цель заключается в убеждении масс, а не в принуждении, — пишет М. Джановиц, — то необходимо судить об эффективности военной олигархии на внутреннем фронте, руководствуясь критерием способности военных создать массовую политическую базу или позволить ей возникнуть».

После взятия власти перед военным режимом встает задача обеспечения национального руководства. Если военные хотят достичь этого, они должны создать жизнеспособный массовый политический аппарат вне рамок их собственной организационной структуры, но который будет находиться под их решающим влиянием» [162, 84].

После того как порядок установлен, считает Е. Шиллс, чисто военный режим мало что может сделать. «Есть опасность, что военные могут повиснуть в пустоте, заполненной только такими достижениями, как чистое правительство и чистые улицы». Они, продолжает Шиллс, имея в виду военных, «не дельцы и не государственные служащие, имеющие свою концепцию экономического развития. Если они начнут поощрять какую-либо из этих двух групп или обе одновременно, они сами ослабят свою позицию, дав возможность образоваться независимым центрам власти. Если же они не станут поощрять или терпеть деятельность независимых групп, в стране будет застой» [181, 56].

Суть дилеммы, о которой пишет Шиллс, заключается в следующем: старый аппарат, созданный колонизаторами, не соответствует требованиям нового этапа революции — в лучшем случае он обеспечивает выполнение текущих дел, более или менее четкую работу административной машины. Новый аппарат, призванный осуществлять революционные задачи, должен быть аппаратом политическим, идеологическим. Но именно в силу этого такой аппарат будет в смысле влияния иметь определенные преимущества на общественное мнение перед военными, власть которых в чистом виде лишена идеи. Без политической организации, оставаясь в вакууме, военный режим не сможет долго просуществовать — ему нужна опора в массах. Военный режим — дитя переворота, он лишен законности, его заслуги несут не конструктивный характер, они сводятся к удару по старому непопулярному режиму, надолго этого багажа не хватит. Лишенный политического стержня, конструктивной программы, мобилизующей массы идеологии, военный режим останется бесплодным. Но, дав простор развитию политических сил, разрешив создание массовой организации с идеологической платформой, военный режим рискует вступить на путь медленного, но неизбежного самоуничтожения.

Советский автор В. Иорданский пишет: «Военные методы решения африканских экономических и социальных проблем оказались не более эффективными, чем старые методы свергнутых правительств. Сталкиваясь с реальными противоречиями действительности, с трудностями экономического и социального развития, военные диктатуры стремительно „изнашиваются“, утрачивают свою силу» [69, 1968, № 2, 23].

Голландский исследователь Г. Даадлер отмечает: «Масса бюрократических обязательств не позволяет военным полностью заменить гражданскую администрацию. Самое большее, что они могут делать, — это ввести военные кадры в гражданские учреждения и контролировать деятельность последних, что создает новое звено в механизме управления.

Это усложняет действия каналов связи и замедляет принятие решений на всех уровнях, кроме самого высшего. Результатом может быть путаница» [153, 22—23].

Уже упоминавшийся американский ученый Ле Вин пишет, что в сущности и военные в конце концов «обращаются к тем самым формам, использование которых гражданскими лидерами они предавали анафеме» [77, 1967, № 12, 23].

Чисто военные режимы не могут в наше время в развивающихся странах оказывать жизнеспособными на сколько-нибудь длительный период: слишком велики и срочны задачи, стоящие перед этими странами. Военные режимы должны либо видоизменяться, т. е. превратиться в режимы социальные, имеющие массовую базу, политическую организацию и идеологию, либо уйти со сцены. Не случайно революционное военное руководство в ОАР, Алжире, Сирии, Бирме стремится мобилизовать активность масс и создать тем самым широкую базу для своей власти, стремится создать авангардную политическую партию. Фактически такие режимы перестают быть военными.

Но трансформация военных режимов в режимы социальные — это отнюдь не просто организационная работа по «подведению под них» массовой опоры и созданию политической организации. Военный режим, чувствуя свою слабость, часто ищет опору, и это — очень важный момент для понимания политической ситуации, сложившейся в странах, переживших военные перевороты. Режим ищет базу, и тем самым ищет для себя социальную опору. Его толкает к этому ряд факторов как внутреннего, так и внешнего порядка, прежде всего — необходимость опереться на кого-то в борьбе против врагов извне и изнутри, сохранить свою власть, обеспечить экономическую независимость страны. Последний пример такого рода — эволюция режима Мобуту. Но военный режим, при всей его довольно широкой независимости действий, при наличии широкого поля для маневрирования, все же не полностью свободен в выборе ориентации. Характер базы, которую он нащупывает, определяется во многом его происхождением, социальными связями, отношением к различным общественным силам уже на первом этапе деятельности.

Аргентинский автор Торкуато ди Телла обращает внимание на такой фактор, как степень отчуждения военных от предшествовавшего режима, в недрах которого созревала их решимость вступить на поприще политики. Он правильно отмечает, что чем глубже это отчуждение — тем сильнее тенденция вовлечения военных в борьбу за коренное изменение существующей системы, чем она слабее — тем вероятнее, что дело ограничится обычным военным переворотом [185, 282]. Развивая эту мысль, можно сказать, что уже сам по себе

характер влияния, которому подвергаются военные до переворота, в период первоначального формирования их политических взглядов, во многом предопределяет их политический курс после переворота. Но ведь характер этого влияния зависит от общего политического климата в стране в период созревания революционной ситуации. Сила и глубина решимости военных осуществить не просто переворот, а радикальные перемены структурного характера обычно прямо пропорциональны степени накала политической борьбы в стране в целом, степени недовольства общества прежним режимом, уровню развития революционной мысли в среде гражданской интеллигенции, снабжающей военных идеями и политической платформой.

Так, в Египте накануне 1952 г. существовал глубокий разрыв между обанкротившейся, окончательно дискредитированной королевской верхушкой и общественным мнением, выразителем которого была политически высоко развитая интеллигенция, весьма левая по своей ориентации, но не имевшая организации. Важнейшие идеи из идеологического арсенала этой интеллигенции были сразу же взяты на вооружение «Свободными офицерами». Кардинальные проблемы — аграрная и эвакуация английских войск при прежнем режиме — не были решены. Военные лидеры сразу же встали перед необходимостью их решения, что в свою очередь в известной мере предопределило отношение к ним как внутренней, так и международной реакции и способствовало дальнейшему формированию их взглядов в радикальном направлении.

В Бирме общественная атмосфера начиная с 30-х годов была пропитана антиимпериалистическими и демократическими, а затем и социалистическими идеями, они использовались официальной идеологией, имелось сильное марксистское течение. Революционные офицеры в период подготовки к взятию власти выработали свою программу под воздействием этой общей атмосферы. В Сирии молодые офицеры, пришедшие к власти в 1966 г., разработали свою платформу, исходя из официальной идеологии партии Баас и не без влияния идей коммунистов. В обоих случаях военные революционеры «перехватили» идеологическое знамя из рук радикальной гражданской интеллигенции в условиях, когда последняя была бессильна добиться от буржуазно-реформистского правительства решения насущных задач. Исторически сложилось так, что авангард прогрессивно настроенной интеллигенции, выражавшей национальные интересы, оказался одетым в военные мундиры, но это был все же авангард определенного общественного движения, а не какая-то самодовлеющая сила, варившаяся в собственном соку. «Отчуждение» этого движения от зашедших в тупик режимов оказалось достаточ-

но глубоким, чтобы социальная ориентация авангарда приняла радикальный характер, побудила его к проведению глубоких преобразований.

Однако в ряде других стран, особенно в Тропической Африке и в Индонезии, незаметно «отчуждение» военных от буржуазно-бюрократического режима, который они свергли.

Становление и рост бюрократической буржуазии накладывает сейчас наиболее сильный отпечаток на развитие целого ряда молодых национальных государств, особенно в Тропической Африке, включая и те, где у власти стоят военные. Более того, в этих странах военные имеют тенденцию превращаться в прослойку такого же типа. От «гражданской» бюрократической буржуазии их отличает многое; они не могут себе позволить столь открыто и беззастенчиво обогащаться на виду у всех. Кроме того, приходя к власти, они обычно ликвидируют партии и парламент, лишая тем самым и себя и других возможности использования в своекорыстных целях этих важных каналов социального продвижения и личного обогащения. Однако пример хотя бы Таиланда и Индонезии говорит, что в определенных условиях, когда военные чувствуют безнаказанность и обладают прочными позициями в экономике и политике, они могут быть подвержены коррупции не в меньшей мере, чем гражданские лица.

Военная каста в развивающихся странах в условиях, когда существует частный сектор — питательная среда для обуржуазивания, не может быть свободной от тенденции превращения в буржуазную прослойку.

Пример Таиланда, безусловно, не характерен для стран «третьего мира» в целом; тайландская военно-бюрократическая буржуазия достигла, вероятно, того идеала, к которому могут только стремиться аналогичные социальные группы в других развивающихся странах. Но этот пример интересен тем, что он показывает, какого сорта режим может создать военщина при отсутствии сколько-нибудь серьезных ограничений своей власти. Речь идет о государстве, развивающемся, бесспорно, по пути капитализма. Военно-бюрократическая буржуазия не может править страной одна. Она опирается как на государственный сектор с его бюрократическим аппаратом (который, разумеется, не может быть укомплектован только военными), так и на частный сектор (в котором военные вообще могут занимать лишь ограниченное место). Роль частного сектора приобретает особое значение.

Та прослойка, которая в условиях бюрократически-буржуазного режима парламентского типа могла бы сделать источником своего существования государственную службу и партийно-парламентскую деятельность, при военном режиме находится в менее благоприятных условиях. Государственная

служба, правда, остается, но возможности партийной и парламентской карьеры сведены к нулю. Это дополнительный стимул к тому, чтобы заняться частным бизнесом, тем более что военное правительство явно не поощряет «социалистических тенденций» и опасаться национализации предприятий при военной диктатуре буржуазно-консервативного прозападного типа не приходится. Не сдерживаемая никакими ограничениями, которые проистекали бы из теорий национального социализма, частная инициатива, несомненно, обнаружит тенденцию к бурному росту, но только при двух условиях: политической стабильности внутри страны и помощи со стороны иностранного капитала.

Если эти два условия будут обеспечены, то, как это видно на примере Таиланда, капитализм будет расти довольно быстро. Но по мере его развития неизбежно будут усиливаться факторы, способствующие становлению промышленной буржуазии и превращению ее в класс, претендующий не только на экономические привилегии, но и на участие в политическом руководстве. Подобная перспектива предвещает возможную ликвидацию монополии на власть, осуществляемой бюрократической буржуазией, включая и ее военную разновидность.

Но для многих стран наиболее вероятной представляется другая перспектива. Им вряд ли удастся добиться стабильности в обозримом будущем, так как подобная стабильность в политическом плане может быть обеспечена лишь на основе более или менее успешного экономического развития. Но успешное экономическое развитие, преодоление того затяжного кризиса, в котором оказалось большинство развивающихся стран, наталкивается на препятствие прежде всего в виде продолжающейся империалистической эксплуатации, неблагоприятного для экономически отсталых стран соотношения цен на мировом капиталистическом рынке и других факторов, о которых уже говорилось. Проблема накопления повсюду далека от своего разрешения. Крайне острой остается и проблема кадров; более того, она обостряется по мере того, как развивается столь угрожающая для стран «третьего мира» тенденция «утечки мозгов», т. е. эмиграции в поисках лучших условий наиболее квалифицированной части интеллигенции в развитые капиталистические страны.

Характерная черта этапа развития, который переживают сейчас развивающиеся страны,— это кризис попыток форсированного преодоления отсталости. Но в то время как страны, избравшие некапиталистический путь развития, могут пользоваться широкой и эффективной поддержкой социалистических государств, страны, идущие по пути капитализма, опираются в основном на империалистические державы, которые

своей экономической политикой, с одной стороны, поощряют развитие местного капитализма, но с другой — тормозят его.

С одной стороны, империализм заинтересован в увековечении отсталости «третьего мира» для сохранения возможности его дальнейшей эксплуатации. В то же время огромная разница в органическом составе капитала экономики индустриально развитых стран и отсталых стран побуждает империалистический капитал «подтягивать» хозяйство последних к современному уровню, чтобы расширить возможности инвестиций, вынуждает его в какой-то мере способствовать индустриализации этих стран. В этом же направлении капитализм толкает и вынужденная конкуренция с социалистическими государствами. Поэтому империализм одновременно заинтересован и в сохранении и в ломке старой колониальной структуры в развивающихся странах.

Результатом этого является такое развитие капитализма в «третьем мире», которое в большинстве случаев носит полуколониальный, уродливый, рахитичный характер.

Опыт показывает, что капиталистический путь — является ли его двигателем так называемая национальная или же бюрократическая буржуазия — не может привести к быстрому и эффективному решению насущных национальных проблем освободившихся стран. А это значит, что сохранится почва для политической нестабильности, приобретающей в большинстве стран «третьего мира» хронический характер. Трудно поэтому рассчитывать на «спокойствие и безопасность», которые, как указывал Энгельс, необходимы для буржуазии. И перед теми военными режимами, которые не добьются политической стабильности (а их будет, по-видимому, большинство), открывается неутешительная перспектива: развитие частного сектора — недостаточное для быстрого экономического роста как по объему, так и по направлению инвестиций (буржуазия, избегая неоправданного риска и будучи не в состоянии конкурировать с иностранным капиталом, по-прежнему будет предпочитать непроизводительные сферы); развитие государственного сектора, превращающегося в кормушку для алчной бюрократической касты, — неэффективное и нерентабельное. Результат — стагнация, фиаско.

Таким образом, оба рассмотренные варианты эволюции военных режимов заставляют сделать вывод об их временности и недолговечности. Поскольку же, однако, армия, тем более в условиях политической нестабильности, приобретающей хронический характер, вряд ли откажется от своих претензий на руководящую роль, остается сделать вывод, что в ее рядах будут расти силы, пытающиеся найти выход из замкнутого круга на ином, некапиталистическом пути.

Глава 6

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Перевороты, осуществляемые молодыми националистически настроенными офицерами «новой формации», как правило, выдвигают руководителей, не обладающих на первом этапе продуманными социально-экономическими концепциями. Их кредо — национализм. На волне национализма они пришли к власти, он остается краеугольным камнем их идеологии. Они опираются на государственный и военный аппарат, ту силу, которая позволяет им, не опираясь непосредственно ни на один из классов общества, лавируя и маневрируя между отдельными социальными группами, держаться какое-то время. Их поведение, на первый взгляд парадоксальные зигзаги, не может быть объяснено лишь соотношением классовых сил — оно определяется чисто политическими мотивами, заботой о сохранении и укреплении власти. Для такого националистического режима важно быстро добиться успехов в подъеме экономики и во внешней политике, которые создали бы ему популярность в народе и укрепили бы его международное положение, продемонстрировать, что он выгодно отличается от предшествующих режимов независимой политикой и способностью покончить с наследием колониализма. Если все это может быть достигнуто на капиталистическом пути, власть может покровительствовать буржуазии.

Но при этом военный режим в силу своей природы не может отказаться от монополии на политическую власть. Не доверяя обанкротившимся буржуазным или буржуазно-помещичьим политикам и стремясь сохранить поддержку армии — своей главной опоры — путем предоставления офицерам руководящих постов в администрации и экономике, военный режим не намерен делиться властью с буржуазией. Возникает неизбежный конфликт.

Военный режим как в политической, так и в экономической области действует, когда находит это нужным, самостоятельно и молниеносно, не советуясь с «солидными людьми»,

и эти «солидные люди» не доверяют ему, не рискуют вкладывать свои капиталы в предприятия, инициатором которых является по существу чужая для них власть.

Буржуазия проявляет растущее недовольство, мечтая об избавлении от тягостного государственного вмешательства. Она стремится приступить к «освобождению» страны от него. Возникает потенциальная угроза антиправительственных заговоров, образуется питательная среда для оппозиции. И правительство начинает ощущать эту угрозу. Идея, заключающаяся в том, чтобы способствовать развитию национального капитала, лишая его при этом политического контроля, оказалась нереальной и в Египте, и в Бирме, и в Сирии, и в Алжире. И речь идет не только о городской буржуазии. Нельзя иметь в стране сильный класс частных собственников, изолируя его в то же время от власти, не допуская его к решению государственных проблем.

Отметим еще одно обстоятельство. Государство, берущее на себя функцию экономического развития, встает на позицию дирижизма, прибегает к ограничениям в сфере внешней торговли и обращения капиталов, к введению жесткой экономики. Но именно эта политика жесткой экономики и вызывает недовольство буржуазии, которая начинает саботировать политику правительства, что в свою очередь приводит к конфликту. Поскольку сила на стороне государственной власти, она и побеждает — как это было в Египте, Сирии, Бирме. Но в ходе этой борьбы власть неизбежно расширяет свою базу, притягивая левые силы, так как ее противник находится справа, и поэтому широкое распространение получает социалистическая ориентация. Государство начинает проводить мероприятия, объективно означающие отход от капиталистического развития.

Необходимость срочного решения насущных национальных проблем, разочарование в буржуазии как в опоре при проведении этой политики, разочарование в отношении капиталистических держав лежат в основе распространения антикапиталистических концепций среди военных лидеров в Азии и Африке. Там, где государственная власть более или менее самостоятельна, имеет свободу маневра и выбора, не связана тесно с капитализмом, не отягощена грузом интересов, связанных со старой системой, там, в условиях существования мировой системы социализма, этого нового полюса притяжения и нового источника материальной и моральной поддержки, революционно-демократические военные лидеры могут возглавить процесс перехода на некапиталистический путь развития.

Этому переходу способствует и распространение веры в необходимость строгого государственного контроля над

всеми сферами жизни, особенно экономикой. Гегемония армии в общественной жизни усиливает ее. Для военных, органически преданных идее порядка, дисциплины, строгой регламентации жизни, велик соблазн одним ударом покончить с «неорганизованной стихией». Поэтому мероприятия, направленные против частного сектора, часто сопровождаются перегибами. Кроме того, логика политической борьбы диктует необходимость разрушения базы потенциальной оппозиции во имя сохранения монополии власти — разрушения этой базы любой ценой, без заботы об экономических последствиях.

Ту же цель преследуют антипомещичьи мероприятия, направленные на то, чтобы сломить могущество влиятельного класса феодалов — силы, оппозиционной режиму, и завоевать правительству поддержку самого многочисленного класса общества — крестьянства. Однако при нехватке техники, опыта, кадров эти мероприятия часто приводят к падению товарной продукции; что, естественно, ухудшает экономическое положение страны и в конечном счете приводит к недовольству масс.

Национализация торговых предприятий резко ослабляет экономические позиции и политическое влияние буржуазии, но, как показывает пример Бирмы и частично Сирии, распространение ее на розничных торговцев приводит к росту безработных и недовольных и — что еще важнее — к серьезному расстройству всей системы снабжения населения товарами, к нехватке продуктов, к спекуляции и т. п.

Политическая задача революционно-демократического режима — превратить в свою надежную опору крестьянство и самый влиятельный в политическом отношении социальный слой — интеллигенцию. А экономическая — обеспечить такой рост индустриализации производства, который позволил бы решить продовольственную проблему и увеличить экспортную продукцию. Обе задачи требуют создания слоя крепких хозяев, так как при неразвитой промышленности коллективизация сельского хозяйства не может быть эффективной. Какой-то вариант нэпа неизбежен для экономически отсталых стран, вставших на некапиталистический путь.

Однако этот курс, предусматривающий сознательное допущение и использование частной инициативы, чреват огромной опасностью. Одно дело — нэп в Советской России при наличии пролетарской диктатуры и мощной, закаленной партии, с благоприятными условиями для быстрой индустриализации, а следовательно, для преимущественного роста государственного сектора и развития рабочего класса. Другое дело — предоставить простор частной стихии в стране, где нет ни диктатуры пролетариата, ни иногда даже самого пролетариата как сознательного, преданного делу социализма

класса; где нет опытной, закаленной, боевой партии с непоколебимой научной марксистской идеологией и пролетарским ядром; где нет условий для быстрой перестройки экономики и создания социалистической индустрии, которая обеспечила бы решающую победу над частником и позволила перейти к коллективизации сельского хозяйства, т. е. к ликвидации капитализма в его последней цитадели — деревне.

В условиях экономически отсталой африканской или азиатской страны свободное развертывание частной инициативы может привести к тому, что безудержно разрастающаяся частная стихия захлестнет и руководящие слои общества, деформирует весь путь развития страны. Чтобы предотвратить этот процесс, необходимо наличие крепкой идейной политической партии — социалистического авангарда.

Армия не может стать политическим авангардом общества. Создание передовой партии, преданной делу построения социализма, — обязательное условие успешного и последовательного развития страны по некапиталистическому пути — пути, который только в таком случае и при наличии благоприятных международных условий может привести к социализму.

Но в таком случае речь будет идти уже не о военном режиме, как таковом. Он неизбежно трансформируется. Уже сейчас нельзя говорить о военном режиме в полном смысле этого слова в ОАР, Бирме, Сирии, хотя процесс создания авангардной партии в них по существу лишь начинается.

Для создания подобной партии необходима идеологическая база. Поскольку речь идет о борьбе против носителей капиталистических отношений и буржуазной идеологии, ясно, что противопоставить им можно только идеологию социалистическую. Это еще не научный социализм, но уже антикапиталистическая идеология, вовлекающая массы в борьбу под социалистическими лозунгами и тем самым облегчающая в дальнейшем внедрение марксистского мировоззрения в широкие слои народа.

Совершая такую политическую и идеологическую эволюцию, военные националисты, выходцы из мелкобуржуазной среды становятся на позиции революционной демократии. Непролетарские социалистические теории, под знаменем которых они выступают, объективно отвечают интересам народных масс, так как имеют антиимпериалистическую и антикапиталистическую направленность и способны эволюционировать в сторону научного социализма.

Идеология революционных демократов отражает классовый характер ее носителей — представителей промежуточных социальных сил, мелкобуржуазных по своему происхождению, но в ходе революции способных пойти дальше того рубежа,

которым отмечены непосредственные интересы мелкой буржуазии.

Социалистические концепции революционных демократов — это попытка соединить воедино лозунги национализма, под которыми они подняли на борьбу с империализмом массы и пришли к власти, с идеями построения социалистического общества, частично подсказанными внутренним развитием (несостоятельность капитализма, тяга масс к социальной справедливости, к устранению эксплуатации), частично же воспринятыми извне, почерпнутыми из великой сокровищницы опыта социалистических стран. Отсюда — непоследовательность, противоречивость непролетарских, революционно-демократических доктрин социализма. Отдельные из них носят явно эклектический характер.

Но практика революционных демократов опережает их теорию. В ОАР революционная практика повела руководителей дальше границ, которые они себе поставили, и логика классовой борьбы вынудила их ударить по тем слоям общества, которые они первоначально не собирались трогать. Средняя промышленная буржуазия, которую они и имели прежде всего в виду, говоря о «неэксплуататорской собственности», не стала союзником и помощником режима, и сейчас ее лишают позиций уже не только в промышленности, но и в торговле и строительстве. Революционно-демократическое руководство выступало за мирное устранение буржуазии и помещиков с командных высот и отвергало марксистскую позицию, основанную на «насилии» и «экспроприации без компенсации». Однако реакция сама прибегает к оружию и вынуждает революционеров отвечать на силу силой. Борьба с помещиками не обошлась без кровопролития, и события в деревне Камшиш (см. главу об ОАР) говорят, что феодалы не складывают оружия без боя. Что же касается компенсации, то на практике правительство ОАР пока что не осуществило ее. Тот факт, что капиталистам и помещикам оставили дома и мелкое имущество, не может считаться принципиально несовместимым с социализмом. Только враги социализма утверждали, что революция обязательно связана с физическим истреблением или, во всяком случае, абсолютным разорением свергнутых классов.

Таким образом, жизнь привела революционных демократов к пониманию необходимости борьбы против классовых врагов, к восприятию социалистической ориентации, к проведению серьезных социальных преобразований.

В документе, принятом Московским совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г., отмечается, что «под воздействием революционных условий нашего времени возникли своеобразные формы прогрессивного общественного

развития освободившихся стран, возросла роль революционно-демократических сил» [22а, 29].

Жизнь подтверждает, что революционно-демократические тенденции пробивают себе дорогу. Новейшим подтверждением этого служит революционный переворот в Судане 25 мая 1969 г. Неэффективность, коррупция, общая дискредитация сил, олицетворявших капиталистическую ориентацию и стоявших у власти в Судане в последние годы, привели к общенациональному кризису. Молодые офицеры, выражая волю широких общественных кругов к решительным социальным переменам, мгновенным ударом сокрушили обанкротившийся режим.

Своеобразие этого второго выступления суданской армии в следующем: в период военного правления генерала Аббуда (1958—1964 гг.) была дискредитирована ее старая консервативная верхушка британской выучки. Свергнутая в 1964 г., она так и не сумела восстановить свои позиции в армии, ей пришлось уступить место молодым офицерам, которые, увидев, что установленный в 1964 г. гражданский режим не оправдал надежд народа, 25 мая 1969 г. сами взяли власть.

1 сентября 1969 г. произошел революционный переворот в Ливии. Изживший себя монархический режим был свергнут молодыми революционными офицерами, заявившими о своем намерении вести страну по пути демократического, прогрессивного развития.

Как отмечается в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «революционно-демократические силы некоторых освободившихся государств направили их развитие по некапиталистическому пути и осуществляют ныне серьезные практические шаги в этом направлении. Расширяются связи революционно-демократических партий с международным рабочим и коммунистическим движением, усиливается их интерес к идеологии научного социализма» [23, 56].

Без распространения идеологии научного социализма успешное некапиталистическое развитие невозможно. Вырвать массы из плена националистических, религиозных, патриархальных, феодальных и буржуазных представлений и понятий можно только путем воспитания в них социалистической идеологии. Но воспитателем, распространителем этой идеологии может быть только политическая организация. Таким образом, мы опять возвращаемся к вопросу об авангардной политической партии, стоящей на социалистической платформе. Ядро этой партии составит рабочий класс, ибо только этот класс, полностью заинтересованный в построении социализма, лишенный частнособственнических тенденций, может обеспечить устойчивую основу движения к социализму.

Глава 7

ИМПЕРИАЛИЗМ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Внутриполитическая борьба в развивающихся странах происходит на фоне борьбы двух систем на международной арене. Империализм, утратив прямое политическое господство над экономически отсталыми странами, отнюдь не собирается отказываться от контроля над их природными богатствами, от эксплуатации их человеческих и материальных ресурсов. Империализм остается главным врагом независимого развития освободившихся стран. Неоколониалистские круги не только внимательно следят за развитием событий в молодых национальных государствах, но и самым активным образом вмешиваются в них. Естественно, мимо их внимания не могло пройти усиление политической роли вооруженных сил «третьего мира», имевшее место за последние десятилетия. Империалистические политики давно поняли значение офицерства и прилагают усилия, чтобы завоевать его на свою сторону.

В Азии (за исключением Таиланда) империалистические круги не имеют непосредственных возможностей «обрабатывать» военных «на месте», так как армии азиатских стран давно стали национальными и избавлены от непосредственного воздействия как военщины бывших метрополий, так и американских милитаристов. В этих странах по мере возможности проводится косвенная работа с офицерским корпусом. Так, немало офицеров индонезийской армии прошли военное обучение в США, где им, разумеется, прививали и соответствующие политические «доктрины». Не случайно некоторые из этих офицеров (Сарво Эдди и др.) получили после 30 сентября 1965 г. известность своими кровавыми расправами над коммунистами.

Более широкими возможностями влияния на военных пользуется империализм в Африке.

Если в Латинской Америке влияние империализма, во всяком случае в военно-политическом аспекте,— это почти

всегда влияние одной державы — Соединенных Штатов, то в Африке дело обстоит сложнее. Здесь интересы различных империалистических государств сталкиваются не только в экономической, но и в политической областях. Позиции США в Африке несравненно слабее, чем в Латинской Америке или Юго-Восточной Азии. Американские капиталовложения здесь относительно невелики, частный американский капитал пока что проявляет мало интереса к Африке (за исключением ЮАР). Для Пентагона по своему стратегическому значению Африка стоит ниже Европы, Азии и Латинской Америки.

И тем не менее наиболее дальновидные представители деловых и политических кругов США, оценивая колоссальные перспективы развития Африки и значение, которое этот континент приобретет со временем в мировом хозяйстве, выступают за то, чтобы уже сейчас занять там прочные плацдармы для дальнейшей экспансии. В Конго (Киншаса) американский империализм весьма целеустремленно завоевывает такой плацдарм, прежде всего в экономике. Однако эту страну нельзя считать типичной для Африки, поскольку здесь начиная с 1960 г. события привели к постепенной утрате позиций бывшей метрополии, чего не произошло ни в одной другой стране Тропической Африки (за исключением Гвинеи, но характер режима в Гвинее исключает возможность установления американской гегемонии).

Все остальные страны Тропической Африки, сбросившие колониальный гнет, сохраняют тесные экономические, а в большинстве случаев и военные связи с бывшими метрополиями, и американскому империализму крайне трудно занять там доминирующие позиции.

Когда правящим кругам Англии и Франции стало ясно, что конец их колониального господства в Африке — вопрос времени, они поставили задачу — обеспечить себе «перед уходом» такие позиции, которые позволили бы и после превращения колоний в независимые государства сохранить там контроль или преобладающее влияние. Помимо экономических позиций встал вопрос о кадрах. Имелось в виду подготовить людей, которые, будучи воспитаны в прозападном духе, заняли бы руководящие посты в национальном государстве и служили бы проводниками политики бывшей метрополии. Речь шла о государственных служащих и офицерах вооруженных сил.

Ранее в настоящей работе уже говорилось о происхождении, формировании и характере офицерского корпуса в молодых африканских государствах. Остановимся теперь на вопросе о связях вооруженных сил этих государств с бывшими метрополиями.

Ниже приводятся данные, почерпнутые из работы, изданной в 1964 г. английским Институтом стратегических исследований [149, 4—16]. Кое-что в них устарело, но они дают представление о характере внешних связей африканских государств в военной области.

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Имеет региональное соглашение с Францией, Нигером, Дагомеей.

Израиль — в 1963 г. израильские офицеры организовали военную школу для гражданских нужд.

США в 1961—1963 гг. предоставили безвозмездную помощь на сумму 60 тыс. долл.

БУРУНДИ

Бельгия в 1962 г., в год получения Бурунди независимости, запланировала создать армию из 1200 человек к 1965 г. и предоставила 50 советников.

ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА

Франция — Верхняя Вольта отказалась подписать двустороннее военное соглашение и предоставить Франции базы на своей территории. Однако в соответствии с региональным договором согласилась принять помощь Франции в создании армии.

США предоставили безвозмездную помощь для нужд гражданской обороны в размере 62 тыс. долл.

ГАБОН

С 1961 г. имеет региональное соглашение об обороне с Францией, ЦАР, Чадом и Конго.

Франция дает снаряжение для армии и воздушных частей.

Общий объем военной помощи в 1964 г. составлял 4 млн. фр. (0,88 млн. долл.).

ГАНА

Канада — по соглашению, подписанному в 1961 г., предоставила 30 офицеров для обучения кадетов и административного состава войск.

Израиль в 1958—1960 гг. помог в организации школы военных летчиков.

Пакистан — некоторое число ганских кадетов обучалось в Пакистане.

Великобритания обеспечивала Гану основными видами вооружения еще до получения независимости. С 1961 г. 200 британских офицеров и унтер-офицеров оказывали помощь ганским вооруженным силам.

США в 1962—1963 гг. подарили учебное оборудование на сумму 27 тыс. долл.

ГВИНЕЯ

ФРГ в 1963 г. согласилась обучить и вооружить три инженерные роты, а также осуществить строительство дорог и коммуникационной сети на сумму 10 млн. марок (2,37 млн. долл.).

ДАГОМЕЯ

Имеет региональное соглашение об обороне с Францией, Берегом Слоновой Кости и Нигером.

Франция — базу в Параку передала Дагомее. Поставляет основные виды вооружения.

США оказали помощь на сумму 62 тыс. долл., в том числе в 1962—1963 гг. предоставили восемь «джипов» и восемь тягачей.

ЗАМБИЯ

В наследство от Центрально-Африканской федерации Замбия получила два батальона сухопутных войск и небольшое количество учебных и гражданских самолетов.

Великобритания вооружила армию Замбии. Замбийские кадеты проходили обучение в Великобритании.

КАМЕРУН

Франция имеет соглашение о технической помощи, но нет соглашения об обороне. База в Дуала была передана камерунским вооруженным силам. Французская военная помощь в 1964 г. стоила 8,4 млн. фр. (1,84 млн. долл.), исключая вооружение, предоставленное в виде дара.

США в 1962—1963 гг. по программе военной помощи предоставили безвозвратных субсидий на сумму 247 тыс. долл., а также излишки военного оборудования стоимостью 4 тыс. долл. Оборудование включало транспортные средства и самолеты типа С-47.

КЕНИЯ

Великобритания — британская база в Кении эвакуирована 12 декабря 1964 г. По соглашению, достигнутому в марте 1964 г., британская армия продолжит обучение кенийской армии. Общая сумма британской военной помощи в 1964—1965 гг. составила 2,75 млн. ф. ст. Кенийская армия получала основные виды британского вооружения еще до получения независимости. Великобритания согласилась дать на сумму 3,5 млн. ф. ст. оружия, оборудования, сухопутный и воздушный транспорт, выделить 1,3 млн. ф. ст. для создания флота.

КОНГО (БРАЗЗАВИЛЬ)

Существует региональное соглашение об обороне с Францией, ЦАР, Чадом и Габоном.

Франция поставляла вооружение для наземных войск и авиации и экспертов.

КОНГО (КИНШАСА)

Израиль согласился на просьбу генерала Мобуту обучить парашютистов и инструкторов.

250 человек были обучены в Израиле в 1963 г., а в 1964 г. — еще 100 человек.

Италия обязалась помочь в создании авиации. Стоимость программы — 300 млн. лир (480 тыс. долл.).

Великобритания предоставила сухопутный и речной транспорт, запчасти стоимостью в 300 тыс. ф. ст.

США в соответствии с двусторонним соглашением от июня 1963 г. предоставили 4,8 млн. долл. безвозмездной помощи на сумму 7 тыс. долл. Всего к июню 1964 г. было предоставлено безвозмездной помощи на сумму 6 млн. долл. и запасов излишков на сумму 95 тыс. долл. В том числе 10 самолетов типа С-47, 10 вертолетов, 6 самолетов типа Т-28, свыше 300 единиц транспорта.

ЛИБЕРИЯ

США в 1959 г. было подписано соглашение с Либерией о консультации в случае угрозы нападения.

В марте 1964 г. Либерия получила 2,1 млн. долл. безвозмездной помощи и запасов излишков на сумму 74 тыс. долл. В счет кредита, предоставленного по программе военной помощи, куплено вооружения на сумму 1179 тыс. долл.

ЛИВИЯ

Великобритания по соглашению от 1953 г. получила право на воздушные базы и содержание войск в Ливии в счет ежегодных платежей на сумму 3¼ млн. ф. ст. В 1958 г. Великобритания согласилась обеспечить мелкокалиберным оружием и легким оборудованием ливийскую армию из 5 тыс. человек. Передача на сумму четверть миллиона ф. ст. была завершена в 1961 г. Великобритания передала два корабля для создания ядра военно-морского флота. С 1962 г. к британской военной миссии присоединилась военно-морская миссия.

США имеют в Ливии испытательную и транспортную базу с личным составом в 5 тыс. человек, гарантированную соглашением с сентября 1954 до 1970 г. За это США выплачивают 10 млн. долл. в год. Из них 5,3 млн. долл. в виде безвозмездной помощи и товарных излишков на сумму 810 тыс. долл. США поставляют определенные виды вооружения, но основная функция представителей США состоит в обучении личного состава.

31 ливийский летчик прошел курс обучения в США, на что израсходовано 3 млн. долл. Военное обучение ливийцы проходят также в армиях Италии, Греции, Турции.

МАВРИТАНИЯ

Франция имеет с Мавританией двустороннее военное соглашение. Военная помощь в 1964 г. составляла 6 млн. фр. (1,3 млн. долл.), исключая вооружение, предоставленное в виде дара. Мавританская армия и небольшие воздушные части были созданы с помощью Франции.

МАЛАВИ

Великобритания — 1-й полк Королевских африканских стрелков вошел в состав вооруженных сил Центральноафриканской федерации и был оснащен оружием британских образцов.

МАЛАГАСИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Имеет двустороннее военное соглашение с Францией.

ФРГ в 1963 г. предложила 1640 тыс. долл. военной помощи, включая 30 «джипов», 5 патрульных судов; 55 мадагаскарских моряков учатся в ФРГ.

МАРОККО

Франция — 18 тыс. французских солдат, главным образом летчиков, были отозваны, и французская база эвакуирована по требованию Марокко в 1961 г. Французская военная помощь в 1964 г. равнялась 40,9 млн. фр. (10,1 млн. долл.). 358 марокканцев прошли обучение во Франции. Марокканская армия создана главным образом с помощью Франции. Она основана в 1956 г. 550 французских унтер-офицеров было направлено в марокканскую армию, и большое число марокканцев было отправлено на служ-

бу во Францию. В виде дара от Франции были предоставлены 1500 машин и другое оборудование. Когда была эвакуирована воздушная база, 236 французских инструкторов, унтер-офицеров и техников были посланы в марокканские авиачасти.

Великобритания предоставила 25 автомашин в 1964 г.

США с конца 1963 г. создали в Марокко пять баз с 18 тыс. служащих. Программа американской военной помощи оценивается в 20 млн. долл.

НИГЕР

Имеет региональное военное соглашение с Францией, Дагомеей, Берегом Слоновой Кости.

Франция предоставляет снаряжение и советников.

США выделили в 1961 и 1962 гг. безвозмездную помощь на сумму 57 тыс. долл.

НИГЕРИЯ

Канада — 14 нигерийских военных моряков и восемь армейских офицеров проходили курс обучения в Канаде.

ФРГ проводила обучение в армии с 1963 г. Военная миссия состояла из 70 человек, 90 нигерийцев обучалось в ФРГ.

Великобритания до получения Нигерией независимости обеспечивала основным военным оборудованием и предоставила два судна как ядро для создания флота. Англо-нигерийский договор об обороне от 1960 г., который давал английской авиации право неограниченных полетов, был аннулирован в январе 1962 г. по политическим соображениям. С середины 1962 г. половину офицерского состава составляли англичане.

США — программа военной помощи существует с 1962 г. Из запланированной суммы помощи в 394 тыс. долл. фактически предоставлено 229 тыс. долл.

Нигерийские кадеты обучаются в США, а также в Австралии, Эфиопии и Пакистане.

РУАНДА

Бельгия — несмотря на первоначальный план оставить после получения независимости бельгийские войска в стране, правительство Руанды потребовало их вывода почти тотчас же. 26 бельгийцев (а в 1965 г. — 39) остались обучать войско, состоящее из 900 человек.

СЕНЕГАЛ

Имеет двустороннее военное соглашение с Францией.

Франция — военная помощь в 1964 г. составила 6,5 млн. фр. (1,4 млн. долл.). Франция предоставляет для морских и воздушных сил оружие и боеприпасы.

США с 1961 г. имеют программу помощи Сенегалу на 2,5 млн. долл. Около 2 млн. долл. уже израсходовано. Кроме того, Сенегал получил в виде дара товарных излишков на сумму почти 12 тыс. долл.

СОМАЛИ

Италия предоставила с 1962 г. совместно с Великобританией военную помощь на сумму 300 тыс. ф. ст.

ОАР предоставила в 1961 г. стрелковое оружие и инструкторов.

Великобритания кроме совместной помощи с Италией посылала свое вооружение, в том числе пять танков среднего калибра в 1962 г.

США — американские инструкторы обучали полицию.

СУДАН

ФРГ — с помощью ФРГ созданы и оснащены шесть батальонов пограничных войск, что обошлось в 120 млн. марок (26 млн. долл.). 120 пилотов обучались в ФРГ.

Великобритания поставляет основное армейское снаряжение на сумму 750 тыс. ф. ст., с 1961 г. — бесплатно. Затраты на обучение персонала армии и авиации в 1964—1965 гг. составляли 67 тыс. ф. ст. (75 тыс. ф. ст. в 1963—1964 гг.).

США осуществляли в небольшом масштабе военное обучение.

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Нигерия проводит обучение офицеров для Сьерра-Леоне.

Великобритания обеспечивала страну основными видами вооружения до получения независимости, 23 британских офицера и унтер-офицера остались на сверхсрочную службу.

21 кадет обучался в Великобритании.

ТАНЗАНИЯ

ФРГ проводила обучение летного состава и поставила авиационное снаряжение на сумму 40 млн. марок (9,5 млн. долл.).

Израиль — 15 офицеров армии и 5 пилотов в 1963 г. прошли обучение в Израиле.

Великобритания до получения Танзанией независимости поставляла основное снаряжение. В марте 1964 г. Танганьика отклонила британское предложение о военной помощи, и все английские офицеры покинули страну. 17 кадетов проходили обучение в Великобритании.

ТОГО

Франция в 1960—1963 гг. предоставила военную помощь и своих экспертов. В соответствии с договором об обороне и военной помощи, подписанном в июле 1963 г., Того получила дополнительную помощь. Были присланы 46 французских военных и полицейских офицеров.

ТУНИС

Франция — все французские войска были выведены из Туниса в сентябре 1958 г., за исключением базы в Бизерте, которая была эвакуирована в октябре 1963 г. Франция предоставила два вертолета, семь судов и в небольших масштабах организовала обучение военных моряков.

УГАНДА

Индия — шесть кадетов проходили обучение в Индии.

Израиль — в 1963 г. в Израиле обучались 15 армейских офицеров и 5 летчиков.

Великобритания предоставляла вооружение до получения независимости. После провозглашения независимости все британские офицеры были заменены местными и покинули страну. 31 человек проходил обучение в Англии.

ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Имеет региональное соглашение об обороне с Францией, Конго, Чадом и Габоном.

Франция предоставила военную помощь в 1964 г. на сумму 6,4 млн. фр. (1,4 млн. долл.), исключая снаряжение, предоставленное в виде дара.

США в 1962 г. снабдили вооружением на сумму 200 тыс. долл.

ЧАД

Имеет договор об обороне с Францией, ЦАР, Конго и Габоном.

Франция — военная помощь в 1964 г. составляла 6 млн. фр. (1,35 млн. долл.), исключая снаряжение, предоставленное в виде дара.

Поставлялось вооружение для наземных войск и авиации.

ЭФИОПИЯ

Индия — после мятежа в декабре 1960 г. были выписаны индийские инструкторы для императорской гвардии и военной академии в Хараре.

Кения — в декабре 1963 г. ратифицировала соглашение с Эфиопией об обороне и взаимной помощи в случае нападения третьей стороны.

Норвегия — в Эфиопии находится военно-морская миссия из 20 офицеров и младших офицеров. Эфиопы служат на норвежских кораблях после того, как пройдут обучение в Эфиопии.

Швеция оказывает военную помощь с 1934 г. Школа кадетов организована шведскими офицерами в 1946 г. В 1956 г. по просьбе Эфиопии группа офицеров из 15 человек была послана для организации генерального штаба Императорских вооруженных сил. Эта задача была выполнена в 1962 г.

Швеция предоставляла инструкторов и техников. 15 офицеров и 50 техников в 1959 г. завершили свою работу.

Великобритания финансировала содержание 2 армейских и 30 морских офицеров, проходивших службу в Великобритании.

США — Эфиопия получила американской помощи больше, чем все африканские страны, вместе взятые. Между 1953 г. и июнем 1964 г. Эфиопией было получено 74 млн. долл. безвозмездной помощи. Кроме того, получено на 13,5 млн. долл. товарных излишков. Армия снабжается американским оружием. Воздушные и морские силы обладают значительными запасами американского вооружения. США также предоставляют техников и инструкторов для воздушных сил и инструкторов для армии.

Таковы внешние источники помощи африканским странам при строительстве их вооруженных сил. Естественно, что они имеют решающее значение, ибо другого пути создания национальных вооруженных сил нет: африканские страны (кроме ОАР и ЮАР) не имеют собственной военной промышленности, и к моменту достижения независимости ни одна из них не располагала в достаточном количестве кадрами преподавателей и инструкторов. Ядром вооруженных сил новых государств почти целиком (кроме ОАР и Алжира) стали контингенты, составлявшие часть вооруженных сил бывших метрополий, и эти же державы взяли на себя миссию вооружения и обучения национальных войск.

Таким образом, Англия и Франция добились одной из главных целей, которые они поставили себе перед вынужденным уходом из колоний: сохранение их зависимости в военной

области даже после преобразования в суверенные государства.

Однако особенности развития молодых суверенных государств уже через несколько лет после достижения независимости привели к тому, что в некоторых из них вооруженные силы стали играть политическую роль или даже превратились в ведущую политическую силу. Тем самым проблема военных связей этих государств с бывшими метрополиями перенесена в политическую плоскость: тот факт, что во главе вооруженных сил стоят, как правило, выходцы из рядов английской и французской армий, в значительной мере усвоившие соответствующую политическую ориентацию и к тому же зависящие от западных держав в вооружении своих войск, в тот момент, когда они берут в свои руки власть, приобретает определенное политическое значение. Привитые им взгляды находят свое выражение в проводимом ими внешне- и внутриполитическом курсе. Приход к власти военных «старой школы» в ряде африканских стран — своего рода неожиданный подарок бывшим метрополиям, которые могли на это надеяться, но, разумеется, не могли твердо рассчитывать. Власть военных в еще большей мере отвечает интересам бывших метрополий, чем власть буржуазно-бюрократических элит, которые они заранее подготовили. Эти элиты в ряде случаев показали свою слабость и неспособность справиться с проблемами, возникшими после получения независимости, утратили популярность среди населения (почему, собственно, они и были смещены военными); они оказались не в силах противостоять развитию демократических тенденций, росту профсоюзного движения, приобретающего политический характер, распространению идей социализма, тяге к ликвидации зависимости от империалистических держав. Военные режимы в этом смысле имеют явное преимущество, ибо могут (по крайней мере временно) подавить развитие этих, опасных для бывших колониальных держав, тенденций. А политические взгляды и ориентация обеих групп в общем идентичны. Поэтому военные перевороты в Африке в целом устраивают западные державы. Генералы и полковники британской и французской школы, приходя к власти, как правило, в области внешней и внешнеэкономической политики придерживаются прозападного курса и стараются избежать сближения с социалистическими государствами.

Создается парадоксальное положение. С одной стороны, интересы независимого и прогрессивного развития новых суверенных государств Африки требуют ликвидации зависимости от империализма, отказа от односторонней ориентации на западные державы, развития дружественных связей с социалистическими странами, способными и готовыми помочь

им вырваться из отсталости. С другой стороны, в такой важной сфере национального строительства, как военная, зависимость от западных держав в смысле поставок оружия и подготовки кадров остается и закрепляется. Приход же к власти военных колониальной выучки углубляет ее и распространяет на другие сферы.

Это — одно из серьезнейших противоречий развития молодых суверенных государств Африки.

Американец Кер Сэйл, редактор американского еженедельника «Нью-Йорк таймс мэгэзин», сделал заявление, редкое для американского пропагандиста и поэтому тем более любопытное. Говоря о том, что у африканских военных есть тенденция после прихода к власти «изолироваться от Востока», Сэйл подчеркнул, что это «глупо, поскольку означало бы отрезать самих себя от очень реального источника помощи; поскольку это приводит к тому, что данные страны превращаются в клиентов Запада; и, самое важное, это приводит не к увеличению, а напротив, к уменьшению объема западной, особенно американской, помощи, так как наша явная и декларируемая политика состоит в том, чтобы посылать деньги туда, где имеется „коммунистическая угроза“ и проявлять безразличие к тем странам, где таковой угрозы нет» [106, 31.III.1966, 311].

Следует признать, что это разумные соображения. Соединенные Штаты всячески «обхаживают» именно тех, в ком они не вполне уверены, кто может их шантажировать «сближением с Востоком», и не очень охотно раскошеляются с теми, кто «уже у них в кармане». Возможности африканских генералов играть «на слабой струне» Вашингтона — антикоммунизме — не очень велики прежде всего потому, что они в экономическом и военном отношении сильно зависят от Англии и Франции, имеют крайне ограниченные связи со странами социализма, обладают очень небольшой свободой маневра. Поэтому политика США в странах Африки состоит не в борьбе с «коммунистической угрозой», а в соперничестве со «старыми хозяевами». По всей видимости, американские политики рассчитывают, что для африканских военных не составит особой трудности переориентироваться с Англии или Франции на США. Вопрос не только в этом: для подобной переориентации офицерам «старой школы» пришлось бы рвать прежние связи и привязанности, что, помимо всего прочего, сопряжено с прямым риском для личной безопасности, — нет сомнения, что агентура бывших метрополий бдительно следит за изменениями в настроениях военных африканских стран и не задумается убрать любого, кто проявит «нелояльность» (при помощи других, более «надежных» офицеров). То, что мог сделать на волне антибельгийских

настроений в Конго Мобуту — новый человек, ставший военным лидером уже после провозглашения независимости, — не так легко сделать людям, вся жизнь которых была связана со службой в английской или французской армии.

Поэтому следует ожидать попыток со стороны соответствующих кругов США заручиться поддержкой нового поколения африканского офицерства, не связанного непосредственно со старыми колониальными порядками.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала, имея в виду политику США в Латинской Америке: «Политика Вашингтона ясна. Продавая оружие, он преследует основную цель — завоевать друзей и приобрести влияние среди офицерства в латиноамериканских странах, ибо военные почти всегда в состоянии поставить какое-то правительство у власти или свергнуть его...» [55, 6.II.1966]. Это в равной мере можно отнести и к Тропической Африке.

Но Англия и Франция, отлично сознавая эту угрозу, несомненно будут прилагать все усилия, чтобы укрепить свое влияние среди африканского офицерства. Поэтому можно предвидеть, что в обозримый период военные в Африке останутся предметом усиленного внимания со стороны всех империалистических держав. По мере того как армия в Африке все более решительно вмешивается в политику, в империалистических кругах растет тенденция делать ставку именно на эту силу.

Известный американский публицист Сайрус Сульцбергер писал: «В слаборазвитых странах достижение политических целей часто с большей эффективностью обеспечивается оружием, чем голосованием. Тот, в чьем распоряжении находятся танки и самолеты, может осуществлять контроль над государством. Та же иностранная держава, которая предоставляет оружие и снабжает запчастями, оказывает в данном случае решающее влияние» [184, 220].

Вполне естественно, что и офицерство развивающихся стран, понимая, какое значение придают ему западные державы, намерено использовать это в своих интересах. Характерно следующее обстоятельство. В Латинской Америке Вашингтон делает ставку на «обеспечение внутренней безопасности» (т. е. на всемерную поддержку военных режимов, подавляющих при помощи обученных Пентагоном вооруженных сил революционные движения). Поэтому было официально объявлено, что поставки военного снаряжения будут по мере возможности ограничены посылкой легкого оружия, необходимого для антипартизанской войны, в отличие от тяжелого современного оружия, которое для такой войны бесполезно. Но латиноамериканская военщина и не подумала отказаться от своих требований поставлять ей самолеты,

танки и военные корабли. Сколько бы официальные вашингтонские пропагандисты ни разглагольствовали, что дорогостоящие современные виды оружия не нужны и даже вредны Латинской Америке (аргументируя тем, что стоимость реактивного истребителя равна стоимости строительства 500 школ в сельской местности), Пентагон продолжает, в ответ на требования латиноамериканских милитаристов, поставлять им и реактивные самолеты, и танки, и боевые корабли. Всем ясно, что это вооружение не может пригодиться странам Латинской Америки, но в этом вопросе помимо всего прочего ярко проявляется логика развития самодовлеющей системы, заинтересованной в самоутверждении, толкающая военщину к обладанию самыми лучшими, наиболее современными видами боевой техники. В этом проявляется также пагубное для национальной экономики соперничество между вооруженными силами отдельных стран Латинской Америки; «престижная гонка», приводящая к бессмысленной «эскалации вооружений». Объективно поощряя эту гонку, правящие круги США способствуют расточительной милитаризации Латинской Америки, наносят дополнительный ущерб ее слабой экономике.

Но то, что происходит сегодня в Латинской Америке, завтра может произойти в Тропической Африке, где среди военщины будут развиваться те же тенденции и аппетиты. Можно с полным основанием предположить, что поощряемый империалистическими кругами милитаризм в Африке станет тяжелым бременем для неокрепшей экономики африканских стран, что при сохранении нынешних политических условий неизбежно обречет страны на еще большую зависимость от империалистических держав. Таким образом, делая ставку на военных, империалисты сразу пытаются достичь нескольких целей.

Но первая и главная цель при этом — предотвратить руками военных такое развитие событий, которое может привести к приходу к власти революционных сил, намеревающихся покончить с зависимостью своей родины, с империалистической эксплуатацией. Эту цель империалистические круги — не столько для краткости, сколько из демагогии — окрестили словом «антикоммунизм», хотя в большинстве случаев речь идет о борьбе не против коммунистов, а против вообще всех левых, прогрессивных сил. Западные, особенно американские, пропагандисты стремятся представить дело так, что правительство, поддерживая военные режимы в развивающихся странах, тем самым способствует предотвращению «захвата власти коммунистами». В уже цитированной книге Сульцбергера приводится следующее суждение американского профессора Гая Покера (на которого мы уже ссылались в

главе, посвященной Индонезии): «Перед офицерским корпусом различных стран стоит выбор -- либо захватить власть в своих странах, либо позволить коммунистам заполнить вакуум... Для того чтобы преуспеть в соревновании с коммунизмом, офицерскому корпусу потребуется значительная экономическая и техническая помощь... На протяжении последнего десятилетия мы совершили ошибку, концентрируя свои усилия на оказании военной помощи слабым гражданским правительствам. Будем ли мы более осмотрительны с нашим вторым и, возможно, последним шансом, оказав конструктивную поддержку военным?» [184, 220—221].

Если иметь в виду, что под «коммунистами» здесь, как обычно, подразумеваются все подлинно патриотические и демократические силы, то тезис Г. Покера весьма важен для понимания позиции империалистических кругов и расчетов, которые они связывают с военными в развивающихся странах.

Неоколониализм во всех его проявлениях проникнут духом антикоммунизма. Стоит заглянуть в любой официальный документ, определяющий политику западных держав в «третьем мире», чтобы убедиться в той подчеркнута антикоммунистической окраске, которую империалисты придают своим политическим, военным и экономическим мероприятиям.

Уже само по себе настойчивое подчеркивание «коммунистической угрозы» наводит на подозрение. Действительно ли Вашингтон в такой мере опасается распространения советского влияния в развивающихся странах?

Просто имеет место сознательная попытка подменить одно другим: вместо подлинных целей — установления или укрепления империалистического контроля над огромными территориями Азии, Африки, Латинской Америки — подставляется тезис «о защите от коммунизма». Это не что иное, как гигантский блеф, рассчитанный на использование в интересах империализма антикоммунистических настроений правящих кругов ряда развивающихся стран и консервативно настроенной части общественного мнения в «третьем мире». Цель военной помощи, как и военных блоков, — замаскировать подчинение огромных районов «третьего мира» империалистическим державам, дать возможность монополиям эксплуатировать их природные и людские ресурсы.

Времена меняются. Раньше стратегия империализма в колониальном вопросе заключалась в укреплении и сохранении политического господства, обеспечивающего наилучшие условия для колониального грабежа. В настоящее время стратегия империализма по отношению к освободившимся от колониального господства странам состоит в том, чтобы удерживать их в рамках капиталистической системы мирового хозяйства, в расчете на то, что автоматически действующие за-

коны этой системы обеспечат сохранение экономически слабо-развитых стран в качестве ее отсталого, неравноправного, эксплуатируемого сектора.

Но удержать развивающиеся страны в системе мирового капиталистического хозяйства можно лишь развивая капитализм внутри них. Отказ от капиталистического развития неминуемо приведет (при условии последовательного проведения антикапиталистических социально-экономических преобразований и при условии опоры на силы мирового социализма) к переходу на путь строительства социалистического общества, т. е. к окончательной ликвидации империалистической эксплуатации. Поскольку же сохранение на сколько-нибудь продолжительный срок докапиталистических структур нереально, ставка на развитие капитализма в «третьем мире» является главным элементом империалистической стратегии.

Но здесь империализм упирается в такое препятствие, как слабость, нерешительность, непопулярность в массах, общая несостоятельность именно того класса, который в принципе должен быть носителем капитализма, — класса буржуазии. Причины этого явления были уже рассмотрены в настоящей работе. И перед империалистическими кругами возникает задача — способствовать развитию капитализма в экономически отсталых странах в субъективно неблагоприятных для этого условиях, при отсутствии достаточно «надежной» местной буржуазии. Логически выходом из положения является попытка найти — по крайней мере на первых порах — некий «заменитель», суррогат буржуазии как силы, способной стать двигателем капиталистического развития. Факты говорят о том, что такой силой, по расчетам руководящих кругов империализма, должна стать армия.

Армия должна создать «прикрытие» для развития буржуазии, помочь ей закончить процесс становления как гегемона общества. Ставка на военные режимы — это попытка создать искусственно благоприятные условия для развития буржуазии, для утверждения капитализма в «третьем мире». Именно в этом и состоит тот «последний шанс» империализма, о котором писал Покер.

При этом делается расчет на то, что корпоративные интересы армии, ее заинтересованность в сохранении своего привилегированного положения неизбежно сделают ее противником всяких радикальных попыток решения внутренних проблем развивающихся стран, а тесные связи с «подкармливающими» ее и способствующими сохранению этих привилегий западными державами воспрепятствуют сближению армии с силами мирового социализма. Оба фактора, по мнению западных политических стратегов, должны привести к тому, что по мере обострения внутривнутриполитической обстановки

армия будет занимать все более консервативную позицию, будет склоняться в сторону Запада.

В связи с этим еще раз стоит подчеркнуть политическое значение того факта, что в 1967 г. в период израильской агрессии и непосредственно после боевых действий определенная часть египетского офицерства заняла позиции, враждебные прогрессивной социальной линии революционного руководства. Выводы из этого факта сделаны — и делаются — не только в ОАР.

Каким образом в армии ОАР после долгих лет господства прогрессивного революционного режима могли укорениться подобные черты? ОАР — это не Гана, где армия фактически осталась незатронутой социальными переменами. Офицерские кадры египетской армии сменились со времен колониального господства. Упрощением было бы считать, что все дело только в тех офицерах, которые являются выходцами из привилегированных семей, ущемленных революцией. Не эти офицеры определяют лицо армии ОАР. Вопрос надо ставить глубже. Очевидно, сама природа экономически отсталых стран способствует превращению профессиональной армии в бюрократическую корпорацию с консервативными взглядами при условии ее бесконтрольности.

Как уже отмечалось в главе, посвященной иракской армии, национализм и антиимпериализм могут уживаться с крайней ограниченностью и убожеством социальной мысли, с антидемократическим духом, с мелкобуржуазным антиинтеллектуализмом. Ограниченность и узость кругозора, недоверие ко всему чуждому и непривычному, косность, религиозные предрассудки, глубоко укоренившийся конформизм — все это порождает подозрительность по отношению к коммунистам.

Новый, огромный, сложный и многогранный мир, ворота в который внезапно распахнулись перед отсталым обществом, пугает, кажется непонятным и чуждым. Появляется инстинктивная тяга к стабильности, сохранению традиционного, привычного, доступного пониманию порядка вещей, к сохранению привычных, несложных, даже примитивных моральных ценностей и освященных веками представлений. Военное воспитание, делающее упор на порядок, дисциплину, подчинение приказу, единообразие и регламентирование взглядов и поступков вырабатывают недоверие к теоретизированию, к диалектике, к интеллигентской изощренности мысли, к широкому взгляду на вещи. Развивается недоверие и даже враждебность к демократии (которая к тому же ассоциируется с единственным знакомым видом демократии — буржуазной, т. е. привнесенной колонизаторами, «западными людьми»). Растет убеждение в необходимости контроля над политиче-

ской мыслью, а следовательно, контроля над политическими партиями и деятелями. Растет страх, что массы под влиянием пагубной агитации могут впасть в «заблуждение», в «уклонение»; отсюда — патерналистский подход к народу, который «нуждается в том, чтобы его вели», тенденция к автократии, оберегающей от соблазнов и чуждых влияний.

Подобные чувства и представления, на фоне общей атмосферы, проникнутой национализмом и религиозными предубеждениями, способствуют выработке психологического недоверия к коммунистам, как к «белым воронам», как к силе неконформистской, ненациональной и антирелигиозной.

По мнению многих офицеров-националистов, коммунизм может иметь почву в развитых странах, где население прониклось духом индивидуализма и материализма и далеко отошло от «извечных моральных и религиозных ценностей». В Азии и Африке народ сохраняет эти ценности, его отличают идеализм и глубокая религиозность, общество еще едино, противоречия между отдельными его слоями по существу незначительны (есть лишь противоречия с иностранными угнетателями и с осевшими в стране пришельцами-эксплуататорами, например с европейцами, левантийцами и евреями — в Египте, китайцами — в Индонезии и т. д.), поэтому нет основания для деления общества по партийному признаку, для борьбы классов. Напротив, нужны единство и согласие, совместные усилия всех подлинно национальных элементов. Борьба партий, парламентаризм — все это чуждое и наносное, не соответствующее духу народа, ослабляющее и раскалывающее нацию; особенно по их мнению вредны коммунисты, так как они, во-первых, призывают непрерывно к усилению классовой борьбы и тем самым обостряют отношения между классами, во-вторых, своим атеизмом подрывают дух народа и традиции, в-третьих, стремятся установить диктатуру пролетариата, т. е. захватить власть и устранить всех своих соперников, и, в-четвертых, служат «иностранным интересам» и не могут поэтому считаться национальной силой. Ввиду всего этого надо проводить строгое различие между марксистской теорией и социалистическими государствами, с одной стороны, и местными коммунистами, якобы «насаждающими чуждые идеи и переносящими на национальную почву методы, не подходящие для решения проблем Азии и Африки (даже если они оправдали себя в других странах)» — с другой.

Это, разумеется, упрощенная и схематическая трактовка взглядов националистического офицерства, но не нужно забывать, что в странах Азии и Африки, с их невысоким уровнем экономического и политического развития, массы легче всего усваивают именно упрощенные схемы. Политическое

мышление крайне слабо развито, примитивные черно-белые формулировки пользуются наибольшим успехом.

Конечно, не надо забывать, что офицерство не является единой массой. Повсюду в вооруженных силах есть люди политически развитые и сознательные, сумевшие подняться над средним уровнем, преодолеть груз традиций, предрассудков, предубеждений, привычных стереотипов, понять дух и смысл марксистского учения. Таких офицеров было немало в индонезийских вооруженных силах, особенно в авиации (характерно, что левые тенденции находят благоприятную почву в технических родах войск, в которых офицеры имеют более высокий общий уровень; пехотные офицеры, как правило, более ограничены и консервативны). Однако преобладающая масса офицерства находится на среднем уровне.

Правда, под влиянием событий взгляды могут меняться. Мы уже видели, что революционная часть офицерства в ОАР и Сирии признала классовую борьбу и изменила отношение к коммунистам. И пораженческие настроения части египетского офицерства в дни израильской агрессии объясняются в первую очередь тем, что Насер отказался от прежней враждебности к коммунистам, зашел «слишком далеко» влево, стал делать упор на создание авангардной политической партии, что предвещало ограничение привилегий офицерства и ликвидацию его особого, монопольного положения.

Таким образом, можно сделать вывод, что если в «третьем мире» армия способна играть прогрессивную, революционную роль на этапе борьбы за национальную независимость и ликвидацию феодального господства, то на этапе глубокой социальной революции среди части офицерства проявляются консервативные и антидемократические тенденции, обусловленные, говоря словами Энгельса, ее «особыми», т. е. корпоративными, интересами. Более того, по мере сращивания офицерства с бюрократической буржуазией, оно уже выступает не только как защитник своих корпоративных интересов, но и интересов этой буржуазии. Именно на это и делает ставку империализм. Считать армию движущей силой антикапиталистической революции и руководителем общества в странах социалистической ориентации было бы серьезной ошибкой.

Единственное условие, гарантирующее подлинно демократическое, прогрессивное развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки,— это образование передовой партии, стоящей на позициях научного социализма. Такая партия должна осуществлять руководство армией, способствовать превращению ее в подлинно народные вооруженные силы, свободные от духа «элитарности» и кастовости. Непревзойденным образцом в этом отношении служит история Советской Армии,

ставшей под руководством коммунистической партии надежным орудием защиты социалистических завоеваний.

В заключение остановимся на актуальном вопросе о степени возможной «независимости» армии от общества, ее автономной роли.

Анализ работ Маркса и Энгельса не оставляет сомнений, что в определенных исторических ситуациях они считали армию самостоятельной и политической силой [7; 3,6; 4; 9—10; 12]. В ряде трудов классиков марксизма трактуется вопрос о возможности возникновения относительно независимой от общества государственной власти, о роли и претензиях бюрократии, об «искусственной касте» и т. д. Эту государственно-бюрократическую касту никоим образом нельзя рассматривать в отрыве от ее военной разновидности.

В обществе, основанном на господстве частной собственности, армия (точнее говоря, ее верхушка) представляет собой часть бюрократии, военную бюрократию, со всеми закономерностями и характерными чертами, присущими бюрократии вообще, и, конечно, со своей спецификой.

Поэтому тенденция к отчуждению от общества, к господству над обществом, присущая бюрократии и подмеченная Марксом и Энгельсом, в полной мере присуща и армии.

Приведем очень важный отрывок из статьи К. Маркса «Правление преторианцев».

«Однако если во все предшествовавшие периоды правящий класс, возвышение которого соответствовало своеобразию развития французского общества, опирался в борьбе против своих противников в качестве *ultima ratio* на армию, то все же господствующими являлись интересы определенного класса общества. При Второй империи должны господствовать интересы самой армии. Армии не приходится больше поддерживать господство одной части народа над другой частью народа. Армии приходится поддерживать свое собственное господство, в лице своей собственной династии, над французским народом вообще» [5, 413].

Эта характеристика относится ко Второй империи. Напомним, что именно применительно ко Второй империи Маркс писал в набросках «Гражданской войны во Франции» о «государственной власти, нашедшей свое последнее и высшее выражение» и «попирающей даже интересы господствующих классов». Следовательно, Маркс имел в виду именно господство армии, руководствующей собственными интересами и во имя их способной выступить против господствующего класса.

Способность армии играть самостоятельную и решающую роль отмечал и Энгельс — не только косвенно, как там, где он писал о временной независимости государственной власти

и бюрократии, но и прямо, например (применительно уже не к Франции, а к Германии): «Армия снова стала решающей силой в государстве» [13, 61].

Это не единственный случай, когда Энгельс говорит об армии как о решающей силе. В работе «Роль насилия в истории» он писал: «В политике существуют только две решающие силы: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, стихийная сила народных масс» [14, 446—447]. Опыт победоносной пролетарской революции в России показал, что успех может быть достигнут, когда первая из этих сил — армия — уже не может или не желает защищать государство — орудие угнетения, а вторая — стихийная сила — превращается под руководством партии в организованную.

Резюмируя все сказанное выше, можно прийти к выводу, что тезис о возможности — в определенных, исключительных исторических условиях — выступления армии в качестве относительно самостоятельной и автономной социально-политической силы, преследующей свои особые корпоративные интересы, является научным марксистским положением, разработанным Марксом и Энгельсом в рамках их учения о государстве.

В истории немало примеров тому, как в условиях политической нестабильности и смуты, в период социальных сдвигов армия играла роль самостоятельной силы. Приведем пример из древней истории. Советский историк Л. Утченко показал, что «в условиях римской политической действительности, т. е. при отсутствии политических партий в современном значении этого слова, при деморализации городского плебса и политической индифферентности сельского населения — только армия и могла быть единственно надежной опорой, играя до известной степени роль наиболее консолидированной в тех условиях политической организации» [145, 197]. Это понял Цезарь. «Разочаровавшись в римской „демократии“, не считая ее надежной опорой, Цезарь совершенно сознательно подставил на место этой обветшалой и уже не действенной политической силы новую социально-политическую организацию — римскую армию» [145, 197].

Армия в развивающихся странах — это не просто «сколок с общества», не просто арифметическая сумма такого-то количества выходцев из крестьян, мелкой буржуазии и т. д. На военной службе все эти «выходцы» приобретают новые качества, сплавиваются в новый организм. Армия выступает как новая и в значительной мере самостоятельная социально-политическая сила, приобретает черты корпорации со своими собственными интересами (хотя, разумеется, далеко не всегда одинаковыми).

Любая замкнутая, обособленная организация подвержена

угрозе развития кастовости, отрыва от общества, превращения в самодовлеющий механизм. Армия не составляет исключения. Профессиональная солидарность может перерасти в корпоративизм, а корпоративизм в кастовость. Гордое сознание принадлежности к «избранной» профессии может превратиться в комплекс превосходства по отношению к «гражданским».

«Гражданским людям никогда не понять величия наших идеалов», — эта напыщенно-демагогическая фраза Перона, обращенная к аргентинским офицерам, типична для того духа, который культивируется в среде латиноамериканской военщины. Пока что только в Западном полушарии мог появиться девиз: «Политика принадлежит политикам, а отечество принадлежит армии», но уже сегодня, а тем более завтра он может прозвучать в Азии и Африке. Слова «армия — это единственная большая партия в стране», были сказаны в Бразилии [54, 6.X.1966], но с тем же основанием их можно отнести ко многим странам «третьего мира».

Французский ученый Бернар Вернье пишет в работе «Армия и политика на Ближнем Востоке»: «В прежнем традиционном обществе военный не выделялся из общей массы. Он не принадлежал к особому корпусу, к отдельной „группе“. Безусловно, многие воины завоевывали троны, но это их личное достижение ничего не меняло в структуре того мира, в котором они жили. Нормальным средством продвижения была не военная карьера, а карьера „человека закона“, религии. Сегодня уже все иначе» [189, 220]. Армия, — писала ливанская газета «Ориан», — стала «средством продвижения по социальной лестнице» [56, 5.IV.1962].

В развивающихся странах ни одна политическая организация по сплоченности, дисциплинированности и централизации руководства не может сравниться с армией. Самое же главное в том, что армия располагает оружием, т. е. средством физического воздействия, которое по мере роста технической оснащенности как армии, так и полиции становится все более грозным и неотразимым. Автоматическое оружие в огромной степени усилило способность военных справиться с народными выступлениями.

Правящие круги стран «третьего мира» отдают себе в этом отчет. Бывший президент Венесуэлы Бетанкур писал: «Техническое усовершенствование современного оружия придало армиям большую репрессивную силу. Взвод ударных войск с бронемашинами, ручными гранатами и пулеметами по своей мощи сегодня немногим уступает батальону в прежние времена» [79, 1966].

Роль армии в поддержании «внутренней безопасности» выросла за последнее время в огромной степени. Поскольку

«внутренняя безопасность» — категория не военная, а политическая, можно сказать, что тем самым выросло значение армии как политического, точнее внутривнутриполитического, фактора. Это обстоятельство, которое офицеры и генералы прекрасно сознают, воздействует на них в смысле понимания своей роли в обществе, своих политических преимуществ и возможностей. Институт общества, сознающий свое превосходство над другими институтами в такой мере, в какой армия в развивающихся странах сознает свое превосходство над всеми политическими организациями и государственными органами, не может не испытывать соблазна «взять дело в свои руки».

По этому поводу журнал «Ринашита» писал: «В экономически отсталом обществе... армия как привилегированная группа, выделившаяся из общественного организма страны, представляет собой единственную силу, обладающую эффективной вертикальной структурой, социальной и культурной однородностью. Силу, с которой не может сравниться ни одна из существующих политических групп, включая господствующие группы... автономную политико-социальную силу, не зависящую от государственного аппарата и правительства. Эта сила является более современной и эффективной, чем другие, действующие в стране, и именно потому, что она свободна от всякой политической зависимости, она неизбежно склоняется к тому, чтобы выступать от собственного лица и с собственной инициативой, подчиняющей ее непосредственным корпоративным интересам весь общественный организм; она равнодушна даже к стратегическим интересам господствующих экономических групп» [123, 5.IV.1967].

Формулировки итальянского марксистского автора нуждаются, как нам кажется, в критике и уточнении. «Однородность» армии — понятие относительное. Армии в странах Азии и Африки ни в социальном, ни в культурном смысле не могут быть однородными ввиду различия образующих их классов и прослоек. Главное же возражение вызывает точка зрения автора по вопросу о полной свободе армии от «политической зависимости».

Даже если в силу определенных причин исторического развития данной страны армия получает известную автономию действий, «отрывается» от общества и преследует свои особые корпоративные интересы (сводящиеся главным образом к защите своего привилегированного положения, к его укреплению и гарантии от всяких нежелательных для нее перемен), означает ли это, что она тем самым объективно не отражает интересов никакого класса?

Ответ на это может быть лишь один: в любом случае армия объективно способствует какому-либо пути социально-экономического развития, что отвечает интересам определенного

класса или определенных классов. Вспомним, например, что независимый и внешне попиравший даже интересы буржуазии режим Луи-Бонапарта, как показал К. Маркс, объективно выражал интересы определенных классов, в том числе парцельного крестьянства. В данном случае не имело никакого значения, что военно-бюрократическая верхушка, а тем более сам император субъективно не имели с этим крестьянством ничего общего и меньше всего о нем думали. Важно другое: та социально-экономическая политика, которую проводил бонапартистский режим, в общем и целом соответствовала интересам парцельного крестьянства, сохраняла условия, предотвращавшие его разложение.

Придя к власти, армия занимается практической государственной деятельностью; вольно или невольно, сознательно или бессознательно она тем самым осуществляет какой-то курс экономического развития, отвечающий интересам одних и противоречащий интересам других классов.

В развивающихся странах армия может стать силой, способствующей как капиталистическому, так и некапиталистическому развитию, и это зависит не столько от субъективных намерений ее руководителей, сколько от условий, сложившихся в обществе.

Армия живет и действует не в вакууме, она окружена обществом, в котором кипит идейная борьба. Армия не может остаться островом, цитаделью капитализма в обществе, все передовые силы которого отвергают капитализм, устремляются к поискам иных решений.

Следовательно, в конечном счете все зависит не от самой армии, а от общества, от уровня его развития, от степени зрелости трудящихся масс и их способности встать в авангарде борьбы за независимость и прогресс.

**ДАННЫЕ О НАСЕЛЕНИИ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ
НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ НА 1968 ГОД ***

Государство	Численность населения (в млн. человек)	Валовый национальный доход (в млрд. долл.) 1967 г.	Военный бюджет (в млрд. долл.)	Характер воинской службы	Численность армии (в тыс. человек)
Индия	520	41	1,45	добровольная служба	1 033
Индонезия	112	4,5	0,11	выборочный призыв	340
Иордания	1,25	0,5	0,08	2 года — выборочно	55
Ирак	8,5	2,2	0,25	2 года	82
Иран	26	7	0,5	2 года	221
Лаос	2,7	0,2	0,04	по набору	80
Малайзия	10,1	3,1	0,23	добровольная служба	33
Марокко	14	2,8	0,15	ограниченный набор	54
Объединенная Арабская Республика	31,5	5,1	0,69	3 года	211
Пакистан	110	13,1	0,51	добровольная служба	324
Саудовская Аравия	4	2,4	0,32	добровольная служба	36
Сингапур	2,05	3,5	0,32	2 года	4 700
Сирия	5,6	1,05	0,13	2 года	60 500
Таиланд	33	4,8	0,12	2 года	141 500
Турция	33	10,1	0,47	2 года в сухопутных и воздушных силах	
Филиппины	34,5	6	0,11	3 года — на флоте выборочный призыв	514 30

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К., 18 брюмера Луи-Бонапарта,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 8.
2. Маркс К., Классовая борьба во Франции,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7.
3. Маркс К., наброски «Гражданской войны во Франции»,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 17.
4. Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3.
5. Маркс К., Правление преторианцев,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12.
6. Маркс К., Революция в Испании,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12.
7. Энгельс Ф., Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22.
8. Энгельс Ф., Избранные военные произведения, М., 1957.
9. Энгельс Ф., Конституционный вопрос в Германии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4.
10. Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7.
11. Энгельс Ф., Письмо Зало Ферберу 22 октября 1885 г.,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 36.
12. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
13. Энгельс Ф., Революция и контрреволюция в Германии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 8.
14. Энгельс Ф., Роль насилия в истории,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
15. Ленин В. И., Войско и революция,— Полное собрание сочинений, т. 12.
16. Ленин В. И., II Конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам,— Полное собрание сочинений, т. 41.
17. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде Коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.,— Полное собрание сочинений, т. 39.
18. Ленин В. И., Задачи революционной молодежи,— Полное собрание сочинений, т. 7.
19. Ленин В. И., О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»,— Полное собрание сочинений, т. 30.
20. Ленин В. И., Социальное значение сербско-болгарских побед,— Полное собрание сочинений, т. 22.

21. Ленин В. И., Социалистическая революция и право наций на самоопределение,— Полное собрание сочинений, т. 27.
22. Ленин В. И., Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала,— Полное собрание сочинений, т. 41.

ДОКУМЕНТЫ

На русском языке

- 22а. Документы международного совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г., М., 1969.
23. «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», Тезисы ЦК КПСС, М., 1967.

На западноевропейских языках

24. Arab Political Documents, American University of Beirut, Beirut, 1964.
25. The Arab Baath Socialist Party. National Leadership. The Party Program, Damascus, 1965.
26. Development of Middle Class in Tropical and Subtropical Countries (International Institute of Differing Civilizations). Record of the XXXIX Session, Bruxelles, 1956.
27. The Development of Manufacturing Industry in Egypt, Israel and Turkey, New York, 1958.
28. Documents Relating to Socialist Conversion in the Syrian Arab Republic, Damascus, 1966.
- 28а. «The Military Balance 1968—1969», London, 1968.
29. Le Plan quinquennal pour le développement économique et social. 1960—1965, Le Caire.
30. Programme of the Convention People's Party for Work and Happiness, Accra, 1962—63.
31. Proposed Mutual Defense and Assistance Programs by 1964, Washington, 1963.
32. Report of the Revolutionary Council to the People on the Budget Estimates of the Revolutionary Government of the Union of Burma for 1965—66, Rangoon, 1965, for 1968—1969, Rangoon, 1968.

МЕМУАРЫ, РЕЧИ И СТАТЬИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

На русском языке

33. Аун Сан, Бирма бросает вызов. Статьи и речи, М., 1965.
34. Кейта Модибо, Речи и выступления, М., 1965.
35. Невин, Бирма на новом пути, М., 1965.

На западноевропейских языках

36. Khan Ayub, Speeches and Statements, Karachi, 1959.
37. Khan A., The Story of the Pakistan Army, Karachi, 1963.
38. Naguib M., Egypt's Destiny, New York, 1955.
39. Nasution A. H., To Safeguard the Banner of the Revolution, Djakarta, 1964.
40. Nasution A. H., Towards a People's Army, Djakarta, 1964.
41. Nkrumah K., Africa must unite, London, 1963.
42. Nkrumah K., Consciencism, Accra, 1963.
43. El Sadat A., Revolte sur le Nil, Paris, 1957.
44. Senghor L. S., On African Socialism, London, 1964.

На арабском языке

45. Насер Г. А., Фальсафат ас-саура (Философия революции), Каир, 1954.

ГАЗЕТЫ

На русском языке

46. «Известия», 1966, 1968.
47. «Правда», 1965, 1967, 1968.

На западноевропейских языках

48. «The Egyptian Gazette», 1962, 1968.
49. «Figaro», 1966.
50. «The Financial Times», 1968.
51. «The Ghanaian Times», 1968.
52. «Guardian (Rangoon)», 1964, 1966.
53. «Jomiuri», 1966.
54. «Le Monde», 1961, 1963, 1966, 1967, 1968.
55. «New York Times», 1957, 1961, 1963, 1966.
56. «Orient» (Beyrouth), 1959, 1962.
57. «Sunday Times», 1966.
58. «The Times», 1957, 1959, 1966.
59. «Times of India», 1963.
60. «Unita», 1967.
61. «Working People's Daily», 1964, 1966, 1967.

На арабском языке

62. «Аль-Ахрам», Каир, 1957, 1960, 1961, 1962, 1964, 1968.
63. «Аль-Баас», Дамаск, 1956, 1957.
64. «Аль-Гумхурия», Каир, 1958, 1960.
65. «Ахер Саа», 1957.

На славянских языках

66. «Политика», Белград, 1966.
67. «Rude Pravo», 1968.
68. «Zycie Warszawy», 1967.

ЖУРНАЛЫ

На русском языке

69. «За рубежом», 1966, 1967, 1968.
70. «Коммунист», 1967, 1968.
71. «Мировая экономика и международные отношения», 1965, 1966, 1968.
72. «Народы Азии и Африки», 1964, 1968.
73. «Новое время», 1968.
74. «Проблемы мира и социализма», 1964—1967.
75. «Революционный Восток», 1937.

На западноевропейских языках

76. «African Forum», 1966.
77. «Africa Report», 1965, 1966, 1967.
78. «Africa Today», 1965.

79. «America Latina y Desarrollo Social», Santiago de Chile, 1966.
80. «American Political Science Review», 1953, 1963.
81. «The American Socialist», 1959.
82. «Annual Register», 1952, 1965.
83. «Antara General News», 1966.
84. «Asia», 1938.
85. «Asian Survey», 1965.
86. «L'Asie française», 1935.
87. «Blitz», Bombay, 1959.
- 87a. «China quarterly», 1966.
88. «Critica marxista», 1966.
89. «Current History», 1967.
90. «Démocratie Nouvelle», 1968.
91. «Développement et civilisations», 1965.
92. «Eastern World», 1963.
93. «The Economist», 1967.
94. «Egyptian Economic and Political Review», 1959.
95. «Far Eastern Economic Review», 1958.
96. «Far Eastern Survey», 1957.
97. «Great Britain and the East», 1936.
98. «International Affairs», 1962.
99. «International Socialist Journal», 1964, 1967.
100. «Jeune Afrique», 1964, 1967.
101. «Link», 1960.
102. «Middle Eastern Affairs», 1952, 1962.
103. «Middle East Forum» (Beirut), 1965, 1966.
104. «Middle East Journal», 1958.
105. «Monthly Review», 1966.
106. «Nation», 1964, 1966.
107. «National Bank of Egypt Economic Bulletin», 1960, 1961, 1964.
108. «New Leader», 1967.
109. «New Left Review», 1966.
110. «The New Statesman», 1963.
111. «Newsweek», 1966.
112. «New York Times Magazine», 1966.
113. «Observer», 1964, 1966.
114. «Oriente Moderno», 1941, 1957.
115. «Pacific Affairs», 1963, 1964.
116. «Partisans», 1966.
117. «Politique étrangère», 1966.
118. «Preuves», 1965.
119. «Quarterly Economic Review Annual Supplement Ghana», 1967.
120. «Quarterly Economic Review, Annual Supplement, Indonesia», 1966, 1967.
121. «Quarterly Economic Review», «U.A.R.», 1967.
122. «Remarques Africaines», 1966.
123. «Rinascita», 1963, 1965, 1967.
124. «The Round Table», 1967.
125. «Socialist Register», London, 1964.
126. «Time», 1962.
127. «Tribune», 1966, 1967.
128. «Venture», 1964.
129. «West Africa», 1966, 1968.
130. «World Politics», 1968.

На арабском языке

131. «Ат-Талиа», Каир, 1965.
132. «Роз аль-Юсеф», Каир, 1958, 1963, 1966.

На славянских языках

133. «Economista», Warszawa, 1965, 1967.
134. «Medzunarodny radnicki Pokret» (Beograd), 1967.
135. Polityka, Warszawa, 1964—1968.

ИССЛЕДОВАНИЯ

На русском языке

136. Аш-Шафи Ш., Развитие национально-освободительного движения в Египте, М., 1961.
137. Васильев В. Ф., Бирма на новых рубежах, М., 1965.
138. Гаврилов Ю. Н., Некоторые проблемы развития национально-освободительной революции в Юго-Восточной Азии, М., 1965 (канд. дисс.)
139. Классы и классовая борьба в освободившихся странах, отв. ред. Тягуненко В. Л., М., 1967.
140. Мирский Г. И., Ирак в смутное время, М., 1961.
141. Рабочий класс Африки, отв. ред. Ястребова И. П., М., 1966.
142. Севортьян Г. Э., Политическая роль армии в Индонезии, 1945—1957, М., 1966 (канд. дисс.).
143. Симония Н. А., Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964.
144. Фридман П. А., Капиталистическое развитие Египта (1882—1939), М., 1963.
145. Утченко Л. С., Кризис и падение Римской республики, М., 1965.

На западноевропейских языках

146. Adeniyega W., The Federation of Nigeria, London, 1964.
147. Amin S., Trois expériences africaines de développement le Mali, la Guinée et la Ghana, Paris, 1965.
148. Beer J., Der Nahe Osten — Schicksalsland zwischen Ost und West, Munchen, 1959.
149. Bell M. J., Military Assistance to Independent African States Adelphi paper, The Institute for Strategic Studies, London, 1964.
150. Berger M., Bureaucracy and Society in Modern Egypt, Princeton, 1957.
151. Betancourt R., Venezuela: Politica y Petroleo, Santiago de Chile, 1966.
152. Coleman J. S., Nigeria: background to Nationalism, London, 1958.
153. Daadler H., The Role of the Military in the Emerging Countries, The Hague, 1962.
154. Dumont R. L., L'Afrique noire est mal partie, Paris, 1962.
155. Feith H., The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia, New York, 1962.
156. Garzoni E., Old Ills and New Remedies, Cairo, 1959.
157. Gutteridge W., Armed Forces in the New States, London, 1962.
- 157a. Haggood, Afrika from Independence to Tomorrow, New York, 1965.
158. Harris Ch. P., Nationalism and Revolution in Egypt, Stanford, 1964.
159. Hourani A. H., Minorities in the Arab World, London, 1947.
160. Inisor D., Thailand. A Political, Social and Economic Analysis, London, 1962.
161. Issawi Ch., Egypt in Revolution, London, 1963.
162. Janowitz M., The Military in the Political Development of New Nations, Chicago, 1964, 1965.

163. John R. St., The Boss. The Story of Gamal Abdel Nasser, London, 1960.
164. Karanjia R. K., Arab dawn, Bombay, 1958.
165. Kwame Nkrumah and African Revolution. The Spark publication, Accra, 1963.
166. Lacouture J. et S., L'Egypte en Mouvement, Paris, 1956.
167. Laqueur W., Middle East in Transition, London, 1958.
168. Lengyel E., The Changing Middle East, New York, 1960.
169. Little T., Egypt, London, 1958.
170. Longrigg S., Iraq 1900 to 1950, London, 1953.
171. Malek Abdel, Egypte Société Militaire, Paris, 1962.
172. Marlowe J., Arab Nationalism and British Imperialism, London, 1960.
- 172a. Mc Cord, Springtime of Freedom, New York, 1965.
173. Meyer-Ranke P., Der rote Pharao, Hamburg, 1964.
174. The Military in Middle East, ed. by Fisher, Wiley, Columbus, 1963.
175. Mills L. A., Southeast Asia. Illusion and Reality in Politics and Economics, Minneapolis, 1964.
176. Minganti P., L'Egitto Moderno, Firenze, 1959.
177. O'Brien P., Revolution in Egypt's Economic System, London, 1966.
178. Political Change in underdeveloped countries, New York, 1962.
179. Riad H., L'Egypte Nasserienne, Paris, 1964.
180. Le role extra — militaire de l'armée dans le tiers-monde, Paris, 1966.
181. The Role of the Military in Underdeveloped countries, Ed. by Johnson J., Princeton, 1962.
182. Safran N., Egypt in Search of Political Community, New York, 1961.
183. Social Forces in the Middle East, ed. by Fisher S. N., New York, 1955.
184. Sulzberger C. L., Unfinished Revolution. America and the Third World, New York, 1965.
185. Tella T. S., Germani G., Graciorena J., Argentina, Sociedad de masas, Buenos Aires, 1965.
186. Torrey G. H., Syrian Politics and the Military, Ohio, 1964.
187. Vatikiotis P. J., The Egyptian Army in Politics, Pattern for new Nations, Bloomington, 1961.
188. Vaucher G., Gamal Abdel Nasser et son équipe, Paris, 1959.
189. Vernier Bernard, Armée et politique au Moyen Orient, Paris, 1966.
190. Wheelock K., Nasser's New Egypt, London, 1960.
191. Ziegler Jean, Sociologie de le nouvelle Afrique, Paris, 1964.

На арабском языке

192. Аль Хасани, Тарих аль-Ирак ас-сийсяи уа аль-харби (Политическая и военная история Ирака), Сайда, 1948.
193. Афляк М., Мааракят аль-масыр аль-вахид (Битва единой судьбы), Бейрут, 1958.
194. Уда М., Саурат аль-Ирак (Революция в Ираке), Каир, 1958.
195. Хабиб Муса, Саура 14 таммуз (Революция 14 июля), Багдад, 1958.

На славянских языках

196. Pasierbinski T., Africa i generalowie, Warszawa, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Раздел I

Политическая роль армии в странах, вставших на некапиталистический путь развития

<i>Глава 1.</i> Роль армии в египетской революции	20
Предпосылки революции в Египте	20
Становление египетской армии как революционной силы	25
Военный режим в 1952—1956 гг.	33
Военный режим в 1956—1961 гг.	54
Переход Египта на некапиталистический путь развития	64
Трансформация военного режима	78
Египетская армия и агрессия Израиля 1967 г.	87
<i>Глава 2.</i> Сирия	96
<i>Глава 3.</i> Бирма	121

Раздел II

Политическая роль армии в странах с военными режимами

<i>Глава 1.</i> Ирак	140
<i>Глава 2.</i> Таиланд	162
<i>Глава 3.</i> Индонезия	170
Становление индонезийской армии и превращение ее в политическую силу	170
Генерал Насутион и его взгляды на роль армии	185
Предпосылки кризиса	193
«Движение 30 сентября» и приход армии к власти	207
<i>Глава 4.</i> Тропическая Африка	221
Гана	249
Нигерия	278
<i>Глава 5.</i> Армия и проблема власти	298
<i>Глава 6.</i> Армия и революционная демократия	314
<i>Глава 7.</i> Империализм и вооруженные силы развивающихся стран	320
Приложение	342
Библиография	343

Георгий Ильич Мирский

**АРМИЯ И ПОЛИТИКА
В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ**

*Утверждено к печати
Дирекцией института мировой
экономики и международных
отношений
Академии наук СССР*

*

Редактор **М. М. Новакова**
Технический редактор **Л. Ш. Береславская**
Корректоры **В. В. Воловик** и **А. В. Шандер**

*

Сдано в набор 21/V 1969 г.
Подписано к печати 3/XII 1969 г.
А-02473. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 2
Печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22,73.
Тираж 4000 экз. Изд. № 2333
Зак. № 950. Цена 1 р. 51 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“**

ВЫШЛИ В 1969 ГОДУ:

Право в независимых странах Африки (становление и развитие). 383 стр. 1 р. 81 к.

Сванидзе И. А. Проблемы развития сельского хозяйства Африки. 193 стр. 80 коп.

Шейнис В. Л. Португальский империализм в Африке после второй мировой войны. 439 стр. 1 р. 80 к.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“**

В 1969 ГОДУ ВЫЙДУТ:

Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки. 25 л.

**Развивающиеся страны в мировой политике. 20 л.
Современные идеологические проблемы развивающихся стран Азии и Африки. 25 л.**

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Цена 1 р. 51 к.